

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

27231.16

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT

CLASS OF 1828

**СКАЗАНІЯ
РУССКАГО НАРОДА**

О
СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ СВОИХЪ ПРѢДКОВЪ,

собранныя И. Сахаровымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1838.

СКАЗАНИЯ
РУССКАГО НАРОДА.

С К А З А Н І Я
Р У С С К А Г О Н А Р О Д А

0

СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ СВОИХЪ ПРЕДКОВЪ,

собранныя И. Сахаровымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ
ВЪ Г У Т Т Е Н В Е Р Г О В О Й Т И П О Г Р А Ф И И,

1 8 3 6.

27231.16

HARVARD COLLEGE LIBRARY
MINOT FUND

OCT 17 1924

Печатать позволяется съ тѣмъ чтобы по отпеча-
таниіи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три*
экземпляра.

Москва. Марта 14 дня 1835 года.

Ценсоръ, БОЛДЫРЕВЪ.

С Л О В О

КЪ РУССКИМЪ ЛЮДЯМЪ.

Въ Исторіи Русскаго Народа досель изображали одну только *Русь Исторически общественную*, забывая *Русь семейную* — можетъ быть единственную въ жизни Сѣверныхъ народовъ. Ни одинъ чужеземецъ не пойметъ восторговъ нашей семейной жизни: они не разогрѣютъ его воображенія, они не пробудятъ такихъ воспоминаній, какими наполняется Русская грудь, когда ея бытъ совершается во очію. Въ родныхъ напѣвахъ которые такъ сладко говорятъ Русской душѣ о родинѣ и предкахъ; въ нашихъ сельскихъ думахъ, которыя такъ умильно вспоминаютъ о горѣ дѣдовскомъ; въ нашихъ сказкахъ, которыя такъ утѣшно раду-

ють Русскихъ дѣтей; въ нашихъ играхъ — этаго рѣзваго отдыха для молодежи послѣ тяжкихъ трудовъ; въ нашихъ свадьбахъ, въ которыхъ такъ живо веселится пылкая душа мужающихихъ поколѣній; въ суевѣрныхъ повѣрiяхъ нашего народа, въ которыхъ отражается общая міровая жизнь — вмѣщается вся семейная Русская жизнь.

Напрасно думали, что только однѣ записи Лѣтописцевъ могутъ служить основанiемъ для Исторiи Русскаго народа. Развѣ наши пѣсни, наши сказки, наши думы, наши повѣрiя были выраженiемъ другихъ народовъ? Нѣтъ! Это все было въ нашей родной сторонѣ, это все высказывалось нашими предками, и обо всемъ этомъ забываютъ говорить въ Исторiяхъ Русскаго народа. Если бы чужеземецъ спросилъ: что вамъ осталось отъ вашей старой семейной жизни? Мы бы съ гордостью пригласили его на Русскiя святки въ старинной боярскiй домъ, и тамъ, указывая

III

на разгуль народныхъ фантазій, ска-
зали бы ему: Вотъ ея памятники! Вотъ
наша старая Русская жизнь! Было
время, когда всемъ этимъ дорожили
когда все это любили, когда все это
берегли, какъ сокровище. Образован-
ные Европейцы восхищались нашими
пѣснями; но можно ли ихъ восторгъ
сравнить съ нашимъ восторгомъ? Они
въ нашей народной поэзи слышали
только отголоски, вылетавшіе изъ
восторженной души; но они не могли
постигать нашихъ думъ, создаваемыхъ
вдохновеніемъ и восторгомъ въ полномъ
наслажденіи семейной жизни.

Много погибло на нашей родинѣ оте-
чественныхъ преданій, драгоцѣнныхъ
для Исторіи, незабвенныхъ для потом-
ства. Краса Русскихъ Князей, врагъ не-
правды и злодѣевъ, витязь отважный, чу-
до вѣковое— Мстиславъ Удалый велича-
во красуется въ нашей Исторіи и сла-
вится памятью въ думахъ народныхъ.
Историки объ этихъ думахъ не знаютъ.
Мы переводимъ вздорныя повѣсти, а

не хотимъ вспомнить о думѣ: *Иванъ-Озеро*, думѣ неподражаемой. Какая-то непостижимая сила сберегла для насъ пѣснь: о Полку Игоревомъ и Сказаніе о Куликовской битвѣ — эти памятники угаснувшей словесности. Если бы всѣ народныя думы были изданы, то вѣрно всѣ слова непонятныя въ пѣсни о Полку Игоревомъ сроднились бы съ нашими понятіями, и тогда, можетъ быть, постыдились говорить, что нашихъ Бояновъ не бывало, что эта пѣснь есть современное наше произведе-ніе. Русскіе любили мѣста, гдѣ они родились, гдѣ жили предки, гдѣ стояли грудью за родину. Тамъ, въ звучныхъ словахъ славилась родина, славилась хижина, славилась рѣка, близъ которой ликовалъ свою побѣду дѣдъ и пра-дѣдъ. Рѣки: Волховъ, Москва, Волга, Ока, Донъ, Дунай, Днѣпръ — не забыты Русскими. Игривое воображе-ніе, олицетворивъ богатырскою отва-гою побѣдные берега рѣкъ, произве-ло прелестныя народныя созданія. Такъ пѣсня о Донѣ имѣетъ свою не-

подражаемую оригинальность, свок вѣковую самобытность, свою первобытную поэзію, свою исторію. Волховъ, безмолвный свидѣтель великихъ событій, воскрешаетъ забытые народы. Ока грустно припоминаетъ о набѣгахъ Татаръ, стѣсняетъ грудь пѣснопѣвца и тяжелымъ звукомъ навѣваетъ бывшее страданіе отчизны. Волга, утолявшая жажду безчисленныхъ племенъ памятна пѣснями и разбоями. Въ пѣсняхъ Днѣпровскихъ славится дворъ Великаго Владиміра, его могучіе богатыри; его отважные походы. Дунай говоритъ намъ о другихъ забытыхъ Русскихъ походахъ. Это все оглашается и доселѣ въ разныхъ селеніяхъ; но объ этомъ немного напечатано. Не забудемъ однакоже здѣсь *Русскихъ пословицъ* и *Русскихъ народныхъ Праздниковъ*, собранныхъ неутомимымъ попеченіемъ И. М. Снегирева. Труды сего дѣятельнаго Археолога заслужили лестное одобреніе отъ соотечественниковъ. Въ изданіи — *Русскихъ сказокъ*, *Русскихъ пѣсней*, *Славяно-Русской Мифологіи* мы

имѣемъ надежду на почтенныхъ изыскателей, М. Н. Макарова, П. В. Киреевскаго, Н. А. Полеваго, А. О. Вельмана.

Въ сказаніяхъ Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ я помѣстилъ все то, что было собрано мною во время путешествія по губерніямъ Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской. Въ эти счастливые дни моей жизни, изучая Русскую семейную жизнь, я внимательно вслушивался во всѣ рассказы поселянъ, съ тщательностію записывалъ всѣ народныя преданія и повѣрїя, большею частію со словъ самихъ рассказчиковъ. Изъ этихъ-то записокъ представляю на судъ Любезнымъ Соотечественникамъ *Сказанія Русскаго Народа*. Сознаюсь, что онѣ далеки отъ полноты, которая должна бы находиться въ этихъ сказаніяхъ. Для сего надобно объѣхать всю Русскую землю и—неутомимые труды многихъ людей. Считаю за тяжкой грѣхъ скрывать отъ просвѣщенныхъ

Соотчицей всѣ собранныя мною преданія, представляю ихъ столько, сколько могъ собрать. Людямъ, знакомымъ съ этимъ родомъ занятій, извѣстны труды, необходимые для подобныхъ собраній, а потому я не рѣшаюсь говорить о своихъ усиліяхъ, и ежеминутныхъ препятствіяхъ, встрѣчавшихся мнѣ во время разъѣздовъ для собранія памятниковъ. Впрочемъ, о трудностяхъ, предстоявшихъ мнѣ въ собраніи полныхъ сказаній, я говорю не въ извиненіе своихъ недостатковъ (*).

Въ сказаніяхъ Русскаго народа предлагаются:

1. Сказанія Русскаго народа о Чернокнижии.
2. Сказанія о Русскихъ народныхъ Играхъ.
3. Сказанія о Свадьбахъ Русскаго народа.

(*). Мыслящіе читатели не удивятся, что я описывал предметы, которыхъ неважность сама собою бросается въ глаза всякаго образованнаго человека, часто особенно обращаю вниманіе на эту неважность. Есть классъ читателей, которымъ можетъ повестись въ руки моя книга и для которыхъ, очевидно, такіа оговорки будутъ необходимы.

VIИ

4. Сказанія о Семейныхъ повѣрїяхъ Русскаго народа.
5. Сказанія о Демонологіи Русскаго народа.
6. Сказанія о Русской народной Символикѣ.
7. Думы Русскаго народа.
8. Сказанія о Врачебныхъ знанїяхъ Русскаго народа.

Священною обязанностию почитаю принести мою благодарность просвѣщеннымъ соотечественникамъ: Е. Е. Штадену, бывшему Тульскому Военному Губернатору, почтеннѣйшему И. Ѳ. Афремову любителю древностей, Н. Л. Камаеву, опытному знатоку отечественныхъ древностей Н. П. Воейкову, снабжавшему меня совѣтами и рѣдкими книгами, Е. Н. Воронцову-Вельяминову, князю В. Ѳ. Одоевскому, принявшему ревностное участіе въ изданіи моихъ собраній.

Изданіемъ Сказаній Русскаго народа, исполняя обѣтъ данный любезной от-

чизнѣ, я осмѣливаюсь просить просвѣщенныхъ Соотечественниковъ о справедливомъ замѣчаніи моихъ недостатковъ и объ указаніяхъ на другія неизвѣстныя мнѣ наши повѣрья. Все, сказанное благонамѣренною критикою, я готовъ принять съ сердечною признательностію.

Иванъ Сахаровъ.

Москва.

1855 года, Января 17.

СКАЗАНІЯ
РУССКАГО НАРОДА
О ЧЕРНОКНИЖІИ.

ЧЕРНОКНИЖІЕ.

- 1) СКАЗАНИЕ О КУДЕСНИЧЕСТВѢ.**
- 2) СКАЗАНИЕ О ЧАРОДѢЙСТВѢ.**
- 3) СКАЗАНИЕ О ЗНАХАРСТВѢ.**
- 4) СКАЗАНИЕ О ВОРОЖЕБѢ.**

ВЗГЛЯДЪ

НА СКАЗАНИЯ РУССКАГО НАРОДА

О ЧЕРНОКНИЖИИ.

Представляя любезнымъ Соотечественникамъ Сказанія Русскаго народа о своей семейной жизни рѣшаюсь прежде всего начать съ тайныхъ сказаній нашего народа о Черно книжии въ томъ самомъ видѣ, какъ они теперь оглашаются въ Русскихъ селеніяхъ, по прадѣдовскимъ преданіямъ.

Тайныя сказанія Русскаго народа всегда существовали въ одной семейной жизни, и никогда не были мнѣніемъ общественнымъ, мнѣніемъ всѣхъ сословій народа. Вѣка и событія, измѣнявшія Русскую землю, обновляли людей вмѣстѣ съ ихъ понятіями. Но, въ этихъ обновленіяхъ не могли участвовать всѣ сословія народныя. Люди близкіе къ Престолу, люди участвовавшіе въ служеніи Церкви, люди исполнявшіе общественныя должности—по городамъ болѣе всѣхъ обновля-

Взглядъ на сказанія Русскаго

лись; люди промышленные участвовали въ обновленіи исполненіемъ только нуждъ, примыкали къ людямъ съ обновленными понятіями, но ни когда не выходили изъ границъ семейной жизни; люди сельскіе всегда и постоянно находились въ семейной жизни. Взгляните на ихъ занятія въ XIX вѣкѣ? Онѣ однѣ и тѣ же, какія были въ X, XII и XVIII вѣкахъ. Тамъ и здѣсь земледѣліе, тамъ и здѣсь сельская промышленность, тамъ и здѣсь однѣ повѣрія. Люди, обновлявшіе свою жизнь, оставляли понятія и повѣрія, противныя образу ихъ дѣйствованія; люди, остававшіеся въ неизмѣнной семейной жизни, никогда не измѣняли ни своихъ понятій ни своихъ повѣрій. Вотъ отъ чего въ разсказахъ семейной жизни мы доселѣ слышимъ были о старой Русской жизни.

Преданія Русскаго народа вмѣщаютъ въ себѣ всѣ подробности тайныхъ сказаній, передаваемые изъ рода въ родъ. Наши письменные памятники намѣкаютъ о нихъ тогда, когда нужда заставляла указать народу на вредныя слѣдствія. Представимъ здѣсь словесныя преданія простаго народа о тайныхъ сказаніяхъ Чернокужія и старыя записи людей грамотныхъ.

Словесныя преданія Русскаго народа говорятъ, что люди, посвятившіе себя тайнымъ сказаніямъ Чернокужія отрѣкались отъ Бога, родныхъ и добра. Такъ понимали этихъ лю-

дей наши предки, такъ теперь думаютъ современники нашей сельской жизни. Встарину олицетворителей тайныхъ сказаній величали разными названіями. Однихъ величали: Кудесниками, Чародѣями, Вѣдунами, Колдунами, другихъ называли: Волхвами, Ворожеями, Знахарями, Докками. Но всѣ эти люди извѣстны были подъ общимъ именемъ: Черно книжниковъ. Мы не можемъ теперь обозначить сего отличія, какъ не можемъ сказать: въ чемъ заключалось Черно книжіе нашихъ предковъ. Вѣроятно, время и обобщеніе всѣмъ сословіямъ умственного образованія изгладили изъ народной памяти различіе этихъ олицетвореній. Но народъ доселѣ еще хранитъ въ памяти преданіе о Черно книжии, доселѣ еще думаетъ о возможности его бытія.

Говоря о Черно книжникахъ, наши поселяне увѣряютъ, что они научаются лихому дѣлу отъ чертей и всю свою жизнь состоятъ въ ихъ зависимости. Заключая съ духомъ условіе на жизнь и душу, они получаютъ отъ нихъ Черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяніями. Всякой Черно книжникъ умирая, обязанъ эту книгу передать или родственникамъ, или друзьямъ. Во многихъ селеніяхъ есть повѣрїя, неоспориваемыя ни вѣками, ни людьми, повѣрїя, что умершіе Черно книжники приходятъ въ полночь, одѣтые въ бѣлые саваны, въ дома своихъ родственниковъ. Это бываетъ только съ

тѣми, которые забываютъ передавать при смерти Черную книгу. Старики рассказываютъ еще, что эти полночные посѣтители шарятъ по всѣмъ мѣстамъ, садятся за столъ и съѣдаютъ все, имъ предлагаемое. Другіе же напротивъ увѣряютъ, что они приходятъ къ дому, стучать въ двери и окна, истребляютъ всякой домашній скоть, и при пѣніи послѣднихъ пѣтуховъ исчезаютъ. Родственники, выведенные изъ терпѣнія, выкапываютъ Чернокнижниковъ, кладутъ ихъ во гробъ ничкомъ, подрѣзываютъ пятки, засыпаютъ землею, гдѣ въ это время Дока шепчетъ заговоры, а родственники вбиваютъ осиновой коль между плечами. Старики рассказываютъ, что когда-то одинъ удалый молодецъ вздумалъ почитать оставшуюся книгу послѣ Чародвѣ. Во время чтенія явились къ нему черти съ требованіемъ работы. Сначала онъ имъ предлагалъ работы легкія, потомъ трудныя; но черти все являлись къ нему съ требованіемъ. Истомленный выдумками для отысканія работъ, онъ не находилъ болѣе чѣмъ бы ихъ занять. Неотвѣзчивые черти задушили удалаго молодца. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, ни кто не смѣетъ приближаться къ Черной книгѣ. По увѣренію народа одни только Колдуны знаютъ, чѣмъ занимать чертей. Они посылаютъ ихъ: вить веревки изъ воды и песку, перегонятъ тучи изъ одной земли въ другую, срывать горы, засыпать моря и

дразнить трехъ слоновъ, поддерживающихъ землю.

Народъ никогда не любилъ Черно книжниковъ, какъ враговъ семейной жизни. Чародей бываетъ ли на свадьбѣ — онъ портитъ или жениха, или невѣсту, или гостей. Видитъ ли Кудесникъ дружную жизнь въ семействѣ — онъ портитъ мужа съ женою, отца съ сыномъ, мать съ дочерью. Поссорится ли Знахарь съ поселянкою — онъ присаживаетъ ей на носъ *кхлу*. Обойдутъ ли Колдуна приглашеніемъ на свадьбу — онъ бросаетъ порчу на дорогу, гдѣ проѣзжаетъ поѣздъ и тогда свадьба сбивается съ толку. Испортитъ ли Вѣдунъ женщину — она лаетъ собакою, мяучитъ кошкою, и когда положить на нее запертой замокъ, она выкликаваетъ своихъ недоброжелателей.

Старушки говорятъ, что порчи, произведенныя Черно книжниками, бываютъ: временныя и вѣчныя. Временныя порчи отговариваются въ деревняхъ Доками, вѣчныя же остаются до конца жизни. Молва народная гласитъ, что Чародѣи могутъ испортить человека за тысячу и болѣе верстъ, выпуская изъ за-пазухи змѣю или ужа, которые залезаютъ въ чрево, и тогда кликуша чувствуетъ, что порча подкатывается подъ сердце и лежитъ, какъ пирогъ. Черно книжникъ, не смотря на свою злость къ людямъ, никогда и ни кого самъ собою не портитъ. Все это дѣлаетъ

по просьбѣ людей враждующихъ, по неотвязчивости молодежи, желающихъ навести сухоту на красу дѣвичью и на молодечество. Любовь, выражаемая въ селахъ сухотой, слыветъ напущенною. Въ этомъ случаѣ престолюдинъ, замѣтивши красоту дѣвичью съ сухотою, говорить: это не спроста — здѣсь замѣшалась чертовщина. Отъ этого вошло въ пословицу въ сельскомъ быту говорить — при взглядѣ на непросыпнаго пьяницу, записнаго игрока — это напущено. Кромѣ сего Черно книжникамъ приписываютъ еще обморочанье, узорочанье, обаяніе.

Обморочить — слово столь часто повторяемое въ Русскихъ нѣбахъ — выражаетъ собою полное могущество Черно книжника. Ясно простодушіе поселянна; обморочанье есть обманъ. Чародѣй, плѣвившись какою нибудь вещію, увѣряетъ хозяина, что въ ней водится нечистая сила.

Какъ не повѣрить Чародѣю, знающему всю поддонную, видящему въ землю на семь пядей. Простодушный со страхомъ вручаетъ вещь, а Чародѣй навсегда остается полнымъ ея владѣтелемъ. И это значитъ обморочить. Такъ точно Цыгане успѣваютъ увѣрить поселянокъ, что въ ихъ коробахъ, наполненныхъ деньгами и вещами, завелись мертвыя мыши. Въ такомъ случаѣ, избавляя отъ мышей, они избавляютъ ихъ отъ денегъ и вещей. И это то же

значитъ обморочить. Въ народномъ разсказѣ сохранилось еще выраженіе, составленное изъ этого слова. Когда простолюдинъ увѣряетъ о предметъ противъ его понятія, онъ говоритъ: Что ты мевл морочишь?

Узорочанье есть снадобье, приготовляемое для порчи Чародѣями, слова, выговариваемыя Кудесниками. Наши поселяне такъ вѣрятъ въ узорочанье, что ни какими доказательствами невозможно ихъ переувѣрить. Дадутъ ли старухи снадобья отъ лихорадки—она думаетъ, что узорочанье изтребитъ ея болѣзнь. Привѣсятъ ли ей записку къ ладанкѣ—она думаетъ, что узорочанье спасетъ ее отъ всякаго колдовства.

Обаяніе есть чудесная сила, истекающая изъ Кудесника, приводящая въ недвижность, въ страхъ и трепеть всякаго человѣка. Воры обаяніемъ усыпляютъ хозяевъ, зажимаютъ рты собакамъ, смиряютъ свиней, утоляютъ ярость змѣй, усмиряютъ лошадей. Въ этомъ какъ то нечаянно сошлись наши поселяне съ магнетизмомъ Месмера. Желательно знать: обаяніе ли прежде существовало, или магнетизмъ Месмера?

Разказы бывалыхъ людей о существованіи Черной книги исполнены странныхъ нелѣпностей. Въ ихъ заповѣданныхъ разказахъ мы слышимъ, что Черная книга хранилась на днѣ морскомъ, подъ горючимъ камнемъ Алатыремъ. Какой-то злой Чернокнижникъ, бывши заклю-

ченнымъ въ мѣдномъ городѣ, получилъ завѣтъ отъ старой Вѣдьмы отыскать эту книгу. Когда былъ разрушенъ мѣдный городъ, этотъ Черно книжникъ, освободясь изъ плѣна, опустился въ море и досталъ Черную книгу. Съ тѣхъ поръ эта книга гуляетъ по бѣлому свѣту. Было когда-то время, въ которое Черную книгу заклали въ стѣны Сухаревой башни. Доселѣ еще не было ни одного Черно книжника, который бы могъ достать Черную книгу изъ стѣнъ Сухаревой башни. Говорятъ, что она связана страшнымъ проклятиемъ на десять тысячъ лѣтъ.

Говоря о Черной книгѣ наши поселяне увѣряютъ, что въ ней содержатся чертовскія навожденія, писанныя волшебными знаками. Но наши предки XVI столѣтїя знали подробнѣе насъ, современниковъ. Они къ Черной книгѣ причисляли: *Рафли*, *Шестокрыль*, *Воронограй*, *Остролий*, *Зодый*, *Альманахъ*, *Звѣздочеты*, *Аристотелевы врата*. Мы ничего не можемъ сказать объ этихъ книгахъ, потому что ничего о нихъ не знаемъ.

Вотъ образчики нелѣпостей изъ словесныхъ преданій Русскаго народа о тайныхъ сказанїяхъ Русскаго Черно книжїя. Разсматривая ихъ, каждый можетъ убѣдиться, что онъ всегда существовали подъ покровительствомъ невѣжества. Скрываемыя въ семейной жизни, какъ заповѣданныя тайны, онъ переживали вѣка и лю-

дей, и, освняемый чудеснымъ вымысломъ, успѣли обольстить сердца простодушныя.

Старыя записи граматныхъ людей, дошедшія до нашихъ временъ, увѣряють насъ въ давности тайныхъ сказаній Русскаго народа о Черно книжи. Онѣ, какъ вѣковыя памлтники, указываютъ намъ на времена и обстоятельства, среди которыхъ являлись люди съ предразсудками и заблужденіями. Прочитаемъ эти записи.

«Лѣта 6632 (1124) восташа Волсви лживіе въ Суздаль, избиваху старую чадь, бабы, по діаволу поученію и бѣсованію, яко сіи держать гобино и жито, и голодь пуцають, и бѣ мятежь великъ, и гладь по всей странѣ той, якоже мужу своя жена даяти, да ю кормить себя челдидномъ.

«Прінде Волхвъ прельщенъ бѣсомъ, и пришедъ къ Кіеву (въ 1071 г.) глаголаше сице: повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру тещи на вспять, а землямъ пріити на иная мѣста, яко стати Греческой земли на Руской, а Руской на Греческой, и прочимъ землямъ измѣнитися, его же невелигаси послушаху, вѣрніи же насмѣяхуся, глаголюще: бѣсь тобою играеть на пагубу тебѣ; се же и быють ему во едину убо ночь бысть безвѣсти: бѣси бо, подтокше, на зло водять, по семь же смѣются, ввергнуши въ пропасть смертнюю, и научив-

ше глаголари , яко се скажемъ бѣсовское наученіе и дѣйство *.

«Бывши бо единою скудости съ Ростовстей области, востаа два Волхва отъ Ярославля, глаголюще: Яко мы свемы, кто обиліе держитъ и идоста по Волзъ и пріидоста въ псгость, ту лучшая жены наричуще, глаголюще: яко сія жито держитъ, а сія медь, а сія рыбу, а сія скору, и привожаху къ нимъ сестры своя и матеръ и жена своя; они же въ мѣчѣ прорѣзоваше имъ заплечомъ и вынимаа любожито, любо рыбу, любо бѣлку; и убиша многи жены, имѣнія ихъ отнимаху за ся; пріидоста на Бѣло озеро и бѣ у нихъ иныхъ людей триста **.

«Случися пріити отъ Святослава дань емлюще Яну сыну Вышатину, и повѣдаша ему Бѣлозерцы, яко два Волхва пришли и ужа многихъ по Волзъ и по Шекснѣ погубили, и пришли еще сѣмо. Янъ же испыта, чьи есть смерди; и увидѣвъ же Янъ яко Князя его, и посла къ нимъ, иже около его суть, и рече: выдате Волхвовъ тѣхъ семо, яко смердіевъ Князя моего и мой; они же сего не послушаша. Янъ же самъ пойде безъ оружія, и рѣша ему отроцы его: не ходи безъ оружія: изсоромятъ тя. Онъ же повѣлъ взять оружіе отро-

* Лвт. Кенг. рукописи листъ 103.

** Лвт. Кенг. рукописи листъ 109.

комъ, бѣста бо съ нимъ 12 отрокъ, и поиде къ нимъ по лѣсу; они же сташа, испочинившеся противу. Яневи же идущу съ топоркомъ, выступиша отъ нихъ три мужа и придоша къ Яневи, рекуще ему: видя идеши, на смерть не ходи. Яневи же повелѣвшу бити я, къ прочимъ же поиде; они же сунушася на Яна, единъ же грѣшися топоромъ. Янъ же оборотя топоръ и ударя тыльемъ, и повелѣ отрокомъ своимъ сѣчи ихъ; они же побѣгоша въ лѣсъ; убиша же ту попина Янева. Янъ же шедъ во градъ къ Бѣлозерцомъ, и рече имъ: аще не имете Волхвовъ тѣхъ, не иду отъ васъ за лѣто. Бѣлозерцы же шедше, яша ихъ и приведоша ихъ къ Яневи. И рече имъ Янъ: что ради толико погубиста человекъ? Онемъ же рекшимъ: яко ти держать обиліе, да аще истребимъ сихъ, да будетъ гобина, аще хоцещи предъ тобою выемъ жито, или рыбу, или иное что. Янъ же рече: по-истиннѣ лжато есть; сотворилъ есть Богъ человекъ отъ земли, составленъ костями и жилами отъ крове, и нѣсть въ немъ ничто же, но токмо Богъ единъ вѣсть. Они же глаголаста: вѣмы, како есть сотворенъ человекъ? Янъ же рече: како? Они же реста: Богъ мывся въ мовницѣ, и вспотѣвъ отреса вѣтхомъ, и сверже съ небеси на землю, и распреса Сатана съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человекъ. И сотвори диаволь

человѣка, а Богъ душу въ оны вложилъ; тѣмъ же еще умреть человекъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу идетъ. И рече имъ Янъ: по истинѣ предьствль есть васъ бѣсъ. Кому Богу вѣруете? И реща: Антихристу. Онъ же рече имъ: то гдѣ есть? Они же рѣкоша: сидитъ въ безднѣ. И рече имъ Янъ: то кій то Богъ сидитъ въ безднѣ? той есть бѣсъ, а Богъ есть на небесехъ, сѣдитъ на престолѣ славимый отъ Ангель, иже предстоитъ ему со страхомъ, не могуще навъ зрѣти, а сихъ ангель сверженъ бысть за гордость съ небеси, его же вы глаголете Антихриста, и есть въ безднѣ, яко же вы того глаголете, ждуще, егда сндетъ Богъ съ небеси сего Антихриста емъ, свяжетъ узами, и посадитъ въ огнѣ вѣчномъ съ слугами его, иже къ нему вѣрують; вамъ же и здѣ пріяти мука у меня и по смерти тамо. Онемъ же глаголющимъ: наши бози повѣдаютъ: не можеша намъ сдѣлать ни чесоже. Онъ же рече имъ: лжутъ вамъ бози ваши. Они же реща: намъ стати предъ Святославомъ въ Кіевѣ, а ты намъ не можеша сотворить ни чесоже. Янъ же повелѣ бити ихъ и торгати брады ихъ. Снмъ же бѣеннымъ и поторганнымъ, рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши скажутъ? Онемъ же глаголющимъ: стати намъ предъ Святославомъ. И повелѣ Янъ кляпъ вломити во уста ихъ, и привязати ихъ ко упругу, и пустити

предъ собою въ лодьи, а самъ за ними поиде и стапа на усть Шексны. И рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши повѣдаютъ? Они же реща: тако молятъ бози наши — не быти намъ живымъ отъ тебя. И рече имъ Янъ: то вамъ право повѣдали. Они же рекоша: аще наю нустиши, много ти добра будетъ; аще ли насъ погубиши, то многу печаль примещи и зло. Янъ же рече: аще васъ пуцу, то зло ми будетъ отъ Бога. И рече Янъ къ повозникамъ: аще кто у васъ убиенъ бысть отъ сихъ? Они же реща: у меня мати, а другіе рече: у меня сестра, у меня жена. Янъ же рече имъ: мстите своихъ. Они же понмаше ихъ, биша и возвѣсиша ихъ на дубъ, отмѣстие примеще отъ Бога и о правдѣ. Яневи же идушу во свояси, въ другую жь ночь медвѣдь възвѣзъ угрызе ихъ, и тако погубоша напущеніемъ бѣсовскимъ. И немъ вѣдуще и глаголюще: а своя погубели не свѣдуще; аще быста вѣдали, не бы пришли на мѣсто се, идеже ятыма быти има, аще и ята быста, почто глагоста: не умрети нама, оному мыслящу убити я. Но се есть бѣсовское наущеніе, бѣси бо не вѣдаютъ мысли человѣческія и тайны не свѣдуще, Богъ же единъ вѣсть помышленія человѣческія; бѣси бо не вѣдаютъ ничто же; яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о немощи и обмороченіи ихъ*.

* Это единственный рассказъ, открывающій слѣды Русской

«Ключися нѣкому Новгородцу принти въ Чудь, и приде къ кудеснику, хотя волхвованій отъ него. Онъ же, по обычаю своему, хотя начати, и начать призывати бѣсы въ хramину свою. Новгородецъ же той сѣдъ на порогъ той хramины. Кудечникъ же лежаше, оцепенѣвъ и шибе имъ бѣсъ. Кудесникъ же вставъ, рече Новгородцу: бози не смѣють принти, нѣчто имаша на себѣ, его же болятся. Онъ же вспомяну на себѣ крестъ; и отшедъ, поставя крестъ, кромѣ хramины той. Онъ же начать призывати опять бѣсы; бѣсы же, метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть? По семъ же начать вопрошаи его, его же носить на себѣ креста. Онъ же рече: то есть знаменіе небеснаго Бога, его же наши бози болятся. Онъ же рече: то кацы суть бози ваши? да гдѣ живутъ? Онъ же рече: бози наши живутъ въ безднахъ, суть же образомъ черны и крылаты, и хвосты имуще, восходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ Боговъ, ваши жъ Боги на небесѣхъ суть, да аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то возносимъ есть не небо; аще ли кто отъ нашихъ людей умретъ, то носимъ есть къ нашимъ богамъ въ бездну, яко же бо есть и грѣшницы во адѣ жауще муки вѣчныя, а праведницы въ небесныхъ жилищахъ водворяются со ангелы.

Мнеологич. Взрваніе Скандинавовъ живо отражается въ Кудесникахъ Ростовскихъ.

Сице бо есть бѣсовская сила и лѣпота и немощь, тѣмъ же прельщаютъ человѣки, веляще имъ глаголати видѣнія, являющеса имъ, несверщеннымъ вѣрою, во снѣ, инемъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наученіемъ бѣсовскимъ. Паче женами бѣсовская волшвенія бывають; изкони бо бѣсъ же прельсти, а жена мужа, такожде въ родехъ мвоекъ всѣ жены волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою и иными бѣсовскими бездами, но и мужи прельщены бывають невѣрніи отъ бѣсовъ, яко же се въ первые роды *.

«Предивно бысть въ Полотскѣ, въ мечтѣ бываше въ ноци, стояше тутно по улицѣ, аки человѣцы рищуце бѣси. Аще кто вылазаше изъ хоромины, хотя видѣти, и уязвленъ бываше не видимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смѣяху излазити изъ хоромъ. И по семъ во днехъ начаши являтися на конехъ и не бѣ ихъ видѣти самихъ, но коней ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди Полотскіи и ихъ область, тѣмъ бо и человѣцы глаголаху: яко на явѣ бѣють Полочаны **.»

Въ пославіяхъ Русскихъ Архипастырей приводятся ясныя доказательства о распространене-

* Лвт. Кеннг. рук. листь 105. Воровба Чудскаго Кудесника указываетъ прямо на Финское происхожденіе. См. Вѣст. Евр. 1828 г. № 13, стр. 1.

** Лвт. Кеннг. рук. листь 106.

ни въ простомъ народѣ тайныхъ сказаній. Приводимъ ихъ указанія :

Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ къ Новгородскому Архіепископу Іоанну, въ 1410 году, писалъ: «учите, что бы басни не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примолвленія, ни зелія, ни вороженія, и гдѣ таковыи лихія бабы находятся, учите ихъ, что бы престаали *.»

Новгородскій Архіепископъ Геннадій въ посланіи своемъ къ Нифонту, Епископу Суждальскому, говорилъ: «Уже нынѣ наругаются Христіанству: вяжутъ кресты на вѣроны и на ворѣны... вѣронъ летаетъ, а крестъ на немъ вязанъ, древанъ... а на ворѣнѣ крестъ мѣдянъ; садятся на стѣрвѣ и на калу... Да приведи ко мнѣ попа, да діакона, а они крестьянину дали крестъ тѣльникъ: *древо плакунъ*, да на крестъ вырѣзанъ соронъ... а христіанинъ дей съ тѣхъ мѣсть учаль сохнути, да не много болѣлъ, да умеръ» **.

Въ грамотѣ Мисаила, Митрополита Бѣлогородскаго и Оболенскаго, писанной въ 1673 году, къ Никодиму, Архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря, сказано: «Да въ городѣхъ же и уѣздѣхъ мужскаго и женскаго полу быва-

* Ист. Госуд. Рос. Кар. т. V, прим. 252.

** Ист. Гос. Рос. Кар. т. VI, прим. 334.

ютъ чародѣи и волхвованіемъ своимъ и чародѣйствомъ многихъ людей прельщаютъ. Многіе люди тѣхъ Волхвовъ и Чародѣевъ въ домъ къ себѣ, къ малымъ дѣтямъ и къ больнымъ младенцамъ призываютъ; а онѣ всякое волхвованіе чинятъ, и отъ правовѣрія православныхъ Христіанъ отлучаютъ *»

Въ Стоглавѣ, составленномъ Московскимъ Соборомъ 1551 года, написано: «Нѣцыи не прѣмо тяжутся, и поклепавъ крестъ цѣлуютъ, на поли бьются, и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры Волхвы и Чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій нособіе имѣ творятъ, кудесы бьютъ, и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по ланитамъ глядають и смотрятъ дней и часовъ... и на тѣ чарованія надѣясь, поклебца и ябедникъ не мирится, и крестъ цѣлуетъ, и на поли бьются, и поклепавъ убиваетъ... Злыя ереси, кто знаетъ ихъ и держится. Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Остромій, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздохетьи, Аристотель, Аристотелевы Врата и ныня коби бѣсовскія... тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли... Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ роци ходять и въ наливкахъ бѣсовскія потѣхи дѣвять... Въ Великій Четвергъ по рану салому палать и кличуть

* Русск. Внѣлюе. Н. А. Полевскаго т. 1, стр. 29.

мертвыхъ; нѣкоторыя же невеглась попы въ В. Ч. соль предъ престолъ кладутъ и до седьмага четверга по велицѣ дни тамъ держать, и ту отдають на врачеваніе людямъ и скотомъ... По селомъ и волостемъ ходять лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются С. Пятница и С. Анастасія, и заповѣдаютъ въ Среду и Пятокъ ручнаго дѣла не дѣлать, и женамъ не прядти, и платья не мыти, и каменія не разжигати *.»

Въ 1552 году, въ наказѣ, данномъ Берьсеневу и Тютину за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго Собора 1551 года, сказано: «къ Волхвомъ бы и къ Чародѣемъ, и къ Звѣздохетцомъ волхвовати не ходили, и у поль бы (при судебныхъ поединкахъ) Чародѣи не были **.»

Въ Псковской лѣтописи, подъ годомъ 1570 о Докторѣ Елисеѣ Бомелин, записано: «прислаша Нѣмцы ко Іоанну Нѣмчина, лютого Волхва, нарицаемаго Елисея, и бысть ему любимъ въ приближеніи, и положи на Царя страхованіе... и

---

* Въ Царскихъ предложеніяхъ, для рашенія которыхъ составленъ былъ Стоглавый Соборъ, были вопросы: 22 о колдованіи и гадаваніи, 24 объ Ивановѣ днѣ, 25 о клиткѣ на Радунцѣ, 26 о Четверговой соли, 27 о ворожбѣ въ понедѣльникъ послѣ Петрова поста.

** Издатели Законовъ В. К. Іон. В. и Судебника помѣстили тотъ наказъ, подъ именемъ *лѣтописи* 1552 г., на стр. 113.

конечнѣ былъ отвелъ Царя отъ вѣры; на Русскихъ людей возложилъ царю свирѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи: повеже безбожніи узнали своими гаданьи, что было имъ до конца разореннымъ быти; того ради такового злаго еретика и прислаша къ нему: понеже Русскіе люди прелестьни и падки на волхование *.»

Въ книгѣ: *ученіе и хитрость размаго строенія плхотныхъ людей*, изданной въ Москвѣ 1647 года, сказано: «а на заказанныя идольскія мѣры и на вѣдовство не надѣяться, и отъ оружіи, отъ поколотія, и отъ стрѣльбы не заговариваться, которое все отъ діавола есть **.»

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, лишась первой своей супруги Анастасіи, вѣрилъ, что она померла отъ чародѣйства. Такъ онъ объ этомъ говорилъ Литовскому посланику Воропаю въ 1572 году ***; такъ объ этомъ писалъ къ Курбскому: «А и съ женою меня вы почто разлучили» ****. Курбскій въ своей исторіи Князя Великаго Московскаго пишеть: «тогда цареви жена умре: они (кльветники) же рѣшаки бы очаровалие е мужи. Царь же, буйства исполнивша, абіе имъ вѣру ялъ *****. Кльветники Селивестра и Адашева

* Ист. Гос. Рос. Кар. Т. IX, пр. 268.

** Моск. Телегр. 1835 г. ч. 52, стр. 311.

*** Ист. Гос. Рос. Кар. Т. IX, стр. 216.

**** Сказ. Курб. ч. II, стр. 112.

***** Сказ. Курб. т. I, стр. 101.

говорили Царю : «аще припустиши къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ... Худые люди и ничего негодные Чаровницы тебя Государя... держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ... а то творили оңи своимъ чаровствомъ, аки очи твои закрывающе *». Въ 1572 году Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, испрашивая на Соборѣ разрѣшеніе на четвертый бракъ, говорилъ, что его первую супругу Анастасію извели злые люди чародѣйствомъ, вторую отравили, третью испортили злою отравою **.

Князь Курбскій, говоря о Князѣ Василіи Іоанновичѣ, записалъ : «Василій съ законопреступною женою, юною сущюю, самъ старъ будущи, искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему къ плодотворенію... О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы, (еже есть Филя : сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студянаго моря), и оттуда провожаю ихъ къ нему... Яже дерзаютъ непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ, чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, а иными различными Чары чарующихъ, общующе со діаволомъ и призывающе его на помощь» ***. Разсказывалъ о Казацѣ

* Сказ. Курб. т. 1, стр. 102.

** Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX. стр. 494.

*** Сказ. Курб. т. 1, стр. 155.

скої осады 1552 года, онъ вписалъ: «Вкратцѣ еще вспомнати достоитъ, яко Татары на войско Христіанское Чары творили и великую плювию наводили: яко скоро по облежанію града, егда солнце начнетъ восходити, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ воцѣпяти сатанинскія словеса, машуще одѣждами своими на войско наше и вертящися не благочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такій дождь, и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точно было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть; но точію по естеству аера случашеся *.» Говоря о Московскомъ пожарѣ, Царь вспоминалъ Курбскому: «наши измѣнники Бояре напустиша скудожайшихъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми сердца человѣческая вынимали и таковымъ Чародѣйствомъ Москву попалили **.»

Царедворцы донесли на Боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева Царю Феодору Алексѣевичу доносъ, что онъ съ Докторомъ Стефаномъ читаетъ Черную книгу, и что Николай Спосфарій обучаетъ его и сына Черно книжю. Доносчики были Карла Захарко и лекаръ Берло. Объ

* Сказ. Курб. т. 1 стр. 33.

** Сказ. Кн. Курб. т. II стр. 55.

этомъ Матвѣевъ писалъ въ своей челобитной 1677 года къ Царю: «Какъ будто я у себя въ домишкѣ, въ палатѣ, съ Степаномъ Докторомъ чли Черную книгу, и въ то де время, будто пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнѣ, холопу твоему, и Доктору Стефану, тѣ нечистые духи вслухъ, что есть у васъ въ избѣ третій челоувѣкъ... А та де Черная книга въ полдестъ, а толщиною въ пальца три; а училъ де будто по той книгѣ меня, халопа твоего, и сынишка моего Андрюшку Николай Спифари» *. Въ послѣдствіе открылось, что Бояринъ Матвѣевъ читалъ лѣчебникъ, принятый доносчиками за Черную книгу. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, говоритъ Бояринъ Матвѣевъ, на Боярина Илью Даниловича Милославскаго было подкинуто письмо, въ которомъ сказано, что онъ у себя имѣетъ перстень волшебный Думнаго Дьяка Ивана Грамотина **. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрешневъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ и сосланъ на заточеніе въ Вологду ***.

Мы терпѣливо выслушали словесныя преданія, мы внимательно прочитали старья запи-

---

* Ист. о Зат. Болр. Матв. стр. 11.

** Тамъ же стр. 161.

*** Тамъ же стр. 162.

си граматныхъ людей * и во всемъ этомъ мы извѣдали, что думаютъ теперь наши современники, что говорили наши предки о тайныхъ сказаніяхъ Русскаго Чернокунижія. Теперь, убѣдившись во всемъ этомъ, какъ въ бываломъ, мы невольно спрашиваемъ самихъ себя: не ужели это есть порожденіе думъ Русскаго народа? Не ужели все это создавалось въ Русской землѣ? Будемъ откровенны къ самимъ себѣ, будемъ сознательны предъ современнымъ просвѣщеніемъ для разрѣшенія столь важнаго вопроса: Русскій народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ сознаний; онъ только перенесъ ихъ изъ всеобщаго міроваго Чернокунижія въ свою семейную жизнь. Никогда на Русской землѣ не создавались тайныя сказанія; она, какъ часть Вселенной, вмѣщала въ себѣ только людей, усвоившихъ себѣ міровыя мышленія. Въ этой идеи убѣждаетъ насъ внимательное изслѣдованіе всеобщаго міроваго Чернокунижія. Для достовѣрности этаго предположенія мы присовокупляемъ историческіе факты о возможности перехода тайныхъ міровыхъ сказаній въ Русское Чернокунижіе.

Всеобщее міровое Чернокунижіе принадлежитъ первымъ вѣкамъ мірозданія, людямъ древней

---

* Очень многого о Чернокунижій мы не помѣстили здѣсь; одніи свидѣнія оставлены нами потому, что еще будемъ объ нихъ говорить, а о другихъ не говорить за измѣнствомъ. —

жизни. Основныя идеи для творенія сихъ сказаній выговорилъ впервые древнй мйръ; а его идеи усвоились всему человѣчеству. Древнй Мйръ сосредоточивался весь на Востокъ. Тамъ народы, создавая идеи для миѣ, думы для тайныхъ сказаній, рассказы о бываломъ для повѣрйевъ, олицетворяли ихъ видѣнйями. Въ этихъ видѣнйяхъ существовалъ бытъ Религюзный, Политическй, Гражданскй. Семейная жизнь сихъ народовъ осуществлялась сими бытами. Мйръ древнй прешель, народовъ, составлявшихъ его бытйе, мы не видимъ; но предъ нами остались ихъ миѣы, ихъ повѣрья, ихъ сказанія. Мйръ новйй своего ничего не создалъ; онъ, какъ усыновленнй наследникъ, какъ властелинъ отеческаго имущества, вступилъ въ распоряженйе наследственнаго достоянйя, пересоздалъ предметы, существовавшйе не въ духъ его жизни, отвергъ понятйя, противныя его мышленйю; но принялъ основныя мысли, восхищавшйя его воображенйе, льстившйя его слабости.

Миѣы, перешедшйе въ новйй мйръ образовали Демонологию, столько разнообразную, столько разнovidную, сколько разнообразны были народы, сколько разнovidны были ихъ олицетворенйя. Ни днями, ни годами, но вѣками усвоивались миѣы древней жизни грядущимъ поколенйямъ. Каждый народъ принималъ изъ нихъ только то, что могло жить въ его вѣрованйяхъ;

каждый народъ въ свою очередь прибавлялъ къ нимъ, чего не доставало для его вѣрованія. Изъ этихъ то усвоеній и дополненій составились: Мифологія и Символика. Мифологія древнихъ людей осынялась предметами Божественными, предметами олицетворенными по волю каждого человека. Символика отпечатлевалась знаменіями, которыхъ народъ не постигалъ, которыхъ народъ страшился. Предметы, выражаемые въ Символикѣ непостижимостію и боязнію, заключали въ себѣ понятія о природѣ. Изъ думъ древняго Міра составилось Черно книжіе въ отдѣльныхъ видахъ Кудесничества, Чародѣйства, Знахарства, Ворожбы. Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ мы читаемъ опыты людей, изучавшихъ природу для добрыхъ и худыхъ дѣлъ.

Разказы о бываломъ образовали повѣрія, неистощимыя до послѣдней возможности, удивительныя до непонятнаго ослѣпленія. Въ народныхъ повѣріяхъ мы узнаемъ семейную жизнь со всѣми обрядами.

Тайныя сказанія древняго міра осуществлялись людьми, ознаменованными безчисленными названіями. Эти люди, какъ образователи, свои устанавливаемые таинства облакали чудеснымъ вымысломъ, находили покровителей и распространяли послѣдователей. Письмена Санкритскія увѣряютъ насъ, что Индія есть отчизна тай-

ныхъ сказаній, первородный идеаль всѣхъ послѣдующихъ измѣненій. Избранные люди Египта и Персїи, посѣщая Индію изучили тамъ тайныя сказанія, и возвращаясь на свою родину высказывали ихъ своимъ сородичамъ. Греція подслушала всѣ эти сказанія и передала Риму и за нимъ грядущимъ поколѣніямъ.

Осматривая тайныя сказанія сихъ странъ, мы встрѣчаемъ въ каждой изъ нихъ своихъ образователей, свои прорицалища, свои чернокнижія, свои гаданія.

Образователи тайныхъ сказаній въ древнемъ мірѣ существовали отдѣльными кастами, имѣвшими разныя названія. Таковы были: Астрологи, Аугуры, Прогностики, Мистагоги, Сартилоги, Гаруспеки, Пиеониссы.

Астрологи, облачаемые названіями Халдеевъ, Математиковъ, Волхвовъ почитаются старѣйшими въ образованіи Чернокнижія. Наблюдая теченіе планетъ и созвѣздій, они предсказывали разныя событія въ государствахъ и домашнемъ быту. Ефемериды—твореніе Астрологовъ — вмѣщало въ себѣ описанія извѣстныхъ перемѣнъ въ небесныхъ свѣтилахъ. Незадолго было повѣріе, что Зороастръ Персидскій первый начерталъ Чернокнижіе; но теперь оно, съ открытіемъ Санкритскихъ письменъ, уничтожается.

Въ Русскую землю перешли Астрологи при началѣ ея общественнаго быта и расплодили свои понятія въ семейной жизни такъ глубоко, что и теперь въ селеніяхъ существуютъ темные намеки о вліяніи планетъ на судьбу чловѣка. Въ 1584 году Лѣтописцы записали для насъ, какъ народъ видѣлъ въ Москвѣ комету съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ, между церквами Іоанна Великаго и Благовѣщенія. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, смотря на эту комету, сказалъ: «вотъ знаменіе моей смерти!» Послѣ сихъ словъ онъ велѣлъ собирать Астрологовъ по Россіи и Лапландіи. Они, собранные тогда въ Москву числомъ до 60, предрекли изъ явленія сей кометы Царскую смерть*.

Эта запись и сказанія Курбскаго о совѣщаніи Царя Іоанна Васильевича съ Волхвами открываютъ намъ, что Астрологи приходили къ нашимъ предкамъ изъ Лапландіи, и что они своими предсказаніями внушали народу боязнь при появленіи кометъ, доселѣ еще продолжающуюся. Замѣтимъ здѣсь, что и Русская Народная Символика есть порожденіе Астрологовъ.

Авгуры, птицеволшебствующіе, предсказывали будущее изъ явленій молніи и грома, изъ

---

* Ист. Гос. Рос. К. т. IX, стр. 328.

крика и полета птицъ, изъ клеванія курами зеренъ. Крики ворона, вороны, совы, пѣтуха были предвѣстниками бѣдствій; полеть орла, коршуна рѣшалъ походы; клеваніе зеренъ курами управляло военными успѣхами. Авгурологія перешла въ Русскую землю со многими видоизмѣненіями. Еще и теперь поселяне боятся ворона и вороны, страшатся пѣнія курицы; еще и доселѣ въ святочныхъ гаданіяхъ сохраняется клеваніе зеренъ курицами.

Прогностики разсѣяны были во всей Греціи, особливо въ Элидѣ. Епименидъ Критскій, Аварисъ Скиоскій, Эмпедоклъ Агригентскій тамъ были лучшими Прогностиками. Эти люди извлекали гаданія изъ обыкновенныхъ явленій природы. Счастіе или несчастіе семейной жизни объяснялось снами, возрѣніемъ животныхъ, звономъ въ ухахъ, судорожнымъ движеніемъ рѣсницъ. Молитвы и очищенія Прогностиковъ содержались въ книгахъ Орфея и Музея.

Ученіе Прогностиковъ видѣрилось въ Русскую семейную жизнь издревль, и продолжаетъ доселѣ. Простолюдинъ, объясняя примѣты по ученію Прогностиковъ, и не помышляетъ что онъ вѣрный ихъ послѣдователь.

Мистагоги, начальники Элевзинскихъ таинствъ, изъясняли Аоніянамъ таинственные

ученія въ святилищѣ Цереры, при явленіи странныхъ призраковъ.

Видѣнія и призраки Русскаго селянина носятъ на себѣ отпечатокъ ученія Мистагоговъ. Люди бывалые, рассказывая о призракахъ, всегда упоминаютъ вмѣстѣ о какомъ нибудь таинственномъ сказаніи.

Сортилеги — люди, гадавшіе о событіяхъ по жребіямъ, составляли особенную касту жрецовъ въ Римѣ. Гаданія Сортилеговъ совершались въ урнахъ. Такъ они наполняя урну водою, клали въ нее дощечки, исписанныя знаками, и потомъ вынимая ихъ, изъясняли значеніе. Иногда заставляли вынимать доскутки бумагъ, исписанные отборными стихами.

Гаданіе Сортилеговъ доселѣ производится въ Русской землѣ. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя семейныя дѣла; въ деревняхъ, на мірской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; такъ въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ. Старожилы еще помнить, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николая Галстунскаго.

Гаруспеки, гадавшіе по жертвамъ, основывали свои предсказанія на внутренностяхъ животныхъ, особенно печени, отгадывали по пламени и дыму.

Ученіе Гаруспековъ мало извѣстно Русскимъ Чародѣямъ; впрочемъ, уваженіе Кудесниковъ къ

печени, вниманіе Знахарей къ дыму заставляетъ подозрѣвать, что и оно когда-то было въ Русской землѣ.

Пиѳониссы — Ѳессалійскія волшебницы, образуя изъ себя особенную касту въ Ѳессаліи, заворачивали угрызеніе скорпіоновъ, производили бурю, привлекали луну на землю, останавливали солнце, оживляли умершихъ и низводили живыхъ во гробъ. Всему этому вѣрили во всей Греціи.

Русское кудесничество и чародѣйство составилось изъ преданій Ѳессалійскихъ волшебницъ. Наши сельскія колдуньи представляютъ изъ себя живой сколокъ съ этихъ волшебницъ.

Прорицалища древняго міра изрѣкали людямъ будущее, предсказывали въ дѣлахъ успѣхи и неудачи. Таковы были: прорицалища Аммона и Амфіарая, оракулы Дельфійскій и Додонскій, Трофоніева пещера.

Прорицалище Юпитера Аммона находилось въ Ливійскихъ степяхъ. Тамъ его капище, окруженное со всѣхъ сторонъ пещаными степями, орошалось прозрачными водами источника солнца. Кумиръ, вылитый изъ мѣди, украшенный драгоценными камнями, выносился въ рошу, гдѣ отвѣчалъ вопрошающимъ не словами, а знаками. Владычество Аммона продолжалось надъ страстями людей многіе вѣки, но во время

Страбона оно ослабѣвало, а при Плутархѣ ему уже никто не вѣрилъ.

Мы не въ состояніи рѣшить труднаго вопроса: прорицалище Аммона имѣло ли вліяніе на Русскую семейную жизнь? Кажется, съ несомнѣнною вѣроятностію можно предполагать, что оно, лишаясь довѣрія, къ вѣрованіямъ древней жизни исчезло тогда, когда еще не начиналась Русская общественная жизнь.

Прорицалище Амфіарая находилось на границахъ Віотіи и Аттики. Тамъ Амфіарай являлся во снѣ и отвѣчалъ на вопросы.

Кто не замѣтитъ, что вліяніе Амфіарая достигло и Русской земли? Явленіе во снѣ сужаго-ряженаго, указывающаго простодушной дѣвушкѣ на свою судьбу, носить на себѣ отпечатокъ вѣрованія Віотіанъ.

Оракуль Дельфійскій, учрежденный въ честь Аполлона Пивійскаго, находился въ Віотійскомъ городѣ Дельфахъ, въ средоточіи земли, какъ говаривали Греческіе историки. Въ Дельфахъ былъ храмъ съ истуканомъ, сдѣланный изъ лавровыхъ вѣтвей, Кастальскій источникъ, золотой треножникъ, поддерживаемый желѣзнымъ дракономъ. Пивія, возводимая жрецами на треножникъ, окуриваемая одуряющими растѣніями, въ бѣшенствѣ произносила слова вѣщательныя. Оракуль Дельфійскій существовалъ два-

цать вѣковъ и упаль тогда, когда Христіанская Религія открыла народамъ небесныя истинны.

Мы ни чего не можемъ сказать рѣшительнаго о вліяніи Дельфійскаго оракула на семейную жизнь Русскаго народа.

Додонскій оракулъ находился въ Эпирскомъ городѣ Додонѣ, при подошвѣ горы Томари. Тамъ, среди священной рощи, возвышался храмъ; тамъ былъ пророческій дубъ; тамъ находился источникъ минеральныхъ водъ. Три жрицы возвѣщали рѣшеніе Додонскаго оракула. Сидя близь пророческаго дуба, онѣ вслушивались въ шумъ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, выводили изъ сего отвѣты для гадающихъ; также приходя къ источнику, внимали звукамъ, производимымъ журчаніемъ воды, и по нихъ разгадывали.

Повятіе Русскаго народа о шумѣ древесныхъ листьевъ, о журчаніи воды доселѣ сохраняется въ семейныхъ преданіяхъ съ особеннымъ уваженіемъ; но есть ли это вліяніе Додонскаго оракула, рѣшить трудно.

Трофоніева пещера находилась близь Ливадіи. Въ храмѣ, построенномъ среди рощи, стоялъ истуканъ, въ видѣ Ескулапія. Въ мрачной пещерѣ, наполненной звѣрями и гадами, оглашаемой воплемъ и стономъ мужей и женъ, сидѣли жрецы для отвѣтовъ приходящимъ.

Намъ не извѣстно, было ли какое вліяніе на

Русскую землю изъ повѣрій Трофоніевыхъ цещерь.

Чернокнижія древняго міра сохранились въ письменныхъ памятникахъ. Народъ, благоговѣя къ нимъ, не смѣлъ читать ни одного тайнаго сказанія. Это право предоставлено было жрецамъ и людямъ избраннымъ, соображавшимся съ ними для рѣшенія судьбы и дѣль. Таковы были: Черная Магія, Сивиллины книги, книга Орфея и Музел, Кабалистика.

Сказанія о Черной Магіи столь древни, что нѣтъ ни какой возможности открыть ихъ первоначальное происхожденіе. Мы встрѣчаемъ Магиковъ въ началѣ всѣхъ исторій, и вліяніе ихъ продолжалось до распространенія умственнаго образованія. Говорятъ, что она существовала отъ начала міра и сохранена при потопѣ Хамомъ въ камнѣ. Сынъ Хамовъ, извѣстный подъ названіями: у однихъ Мизраима, у другихъ Зо-роастра, у третьихъ Гермеса, по преданію своего отца, нашелъ послѣ потопа скрытую книгу его отцомъ. Книги этой теперь болѣе не существуетъ: она когда-то была истреблена небеснымъ огнемъ. Вѣрованіе въ бытіе Черной Магіи существовало на Востокъ въ тайныхъ сказаніяхъ. Сосредоточіе Магиковъ находилось въ Египтѣ. Фараоны, окруженные магами, производили разныя ложныя чудеса. Изъ Египта перенесъ въ Грецію Орфей, измѣнившій тайныя

*

сказанія въ Оргію и Саббатство. Въ семейной жизни Русскаго народа Черная Магія извѣстна подъ именемъ Чернокижія. Напрасно мы будемъ вопрошать вѣка и людей о переселеніи тайныхъ сказаній въ наше отечество. Темные намеки нашихъ поселянъ о бытіи Чернокижія состоятъ въ томъ, что она писана непонятными письмами, что она когда-то закладена была въ Сухареву башню. Въ современной нашей жизни, мы едва встрѣчаемъ людей, бесѣдующихъ о предметахъ, заключающихся въ Чернокижій; но предки наши говорили объ этомъ яснѣе; они даже знали многія названія этимъ сказаніямъ. Такъ онѣ исчислены въ Стоглавѣ.

Книги Сивилль хранились въ рукахъ женщинъ—Сивилль, имѣющихъ даръ прорицать и открывать волю боговъ. Въ древнемъ мірѣ всѣхъ Сивилль считалось 12. Исчисляемъ ихъ:

1. Сивилла Персидская, называвшаяся Самбетю, невѣсткою Ноевою, пророчествовала двусмысленными стихами изъ своей книги.

2. Сивилла Ливійская, путешествовавшая въ Самось и Дельфахъ, и, какъ говорятъ, упрекавшая людей въ идолослуженіи.

3. Сивилла Дельфійская, находившаяся въ Храмѣ Дельфійскомъ, и по сказанію Діодора первая получила имя Сивиллы. Ученые говорятъ, что Гомеръ извлекъ изъ ея прорицаній нѣкоторыя мысли.

4. Сивилла Эритрейская, предсказывая паде-

ніе Трои, и, по увѣренію Евсевія и Св. Августина, ей были извѣстны книги Моисея.

5. Сивилла Киммерійская.

VI. Сивилла Самосская.

VII. Сивилла Кумская по имени Деифоба, знаменитѣйшая изъ всѣхъ, имѣла свое прѣбываніе въ Кумѣ. Говорятъ, что ея отцемъ былъ Апполоній, а мать Главка. Эта Сивилла продала часть своихъ книгъ Тарквинію Гордому. Въ Римѣ сохранялись онѣ въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго, подъ землею, въ каменной урнѣ Квиндецемвиры, жрецы, справлялись съ ними въ сомнительныхъ случаяхъ Государства. Во время сожженія Капитолия сгорѣли и Сивиллины книги. Послѣ этого отправляемы были послы по разнымъ мѣстамъ для собранія Сивиллиныхъ изреченій, которыя Августъ положилъ у подножія Апполона Палатинскаго.

VIII. Сивилла Геллеспонтская, предсказывавшая во времена Солона и Креза.

IX. Сивилла Фригійская, путешествовавшая съ своими предсказаніями въ Анкифъ и Галатію.

X. Сивилла Тибюринская или Альбюнейская была обожаема въ Тибурѣ.

XI. Сивилла Эпирская.

XII. Сивилла Египетская.

Въ Русскомъ Чернокнижии ни какого не находимъ понятія о книгахъ Сивиллъ. Развѣ толь-

ко то принять во вниманіе, что нашими колдуньями должны быть непременно старухи безобразныя и страшныя *.

Книги Орфея и Музея содержали въ себѣ заговоры, очищенія, приговоры для усыпленія змѣи. Орфей, изобрѣтатель Саббатства, учредитель Оргій и другихъ празднествъ Бахуса, по сказанію Цирцея, заимствовалъ таинственныя познанія въ Египтѣ. Лукіанъ и Аполлодоръ увѣряютъ, что книги Орфея состоятъ изъ гимновъ.

Русское кудесничество, содержащее въ себѣ заговоры на всѣ возможные случаи, показываетъ какое-то сходство съ гимнами Орфея. Замѣтимъ, что заговоры нашихъ Кудесниковъ воспѣваютъ объ одной только семейной жизни.

Кабалистика. Знаніе созданное Евреями для открытія таинственнаго смысла. Это знаніе состояло въ искусствѣ разлагать слова и въ способъ производить сими словами чудеса, произнося ихъ чудеснымъ образомъ.

Есть намеки въ Чернокнижїи о присвоеніи кабалистическаго знанія Знахарями. Такъ мы видимъ въ рукахъ Знахаря непонятныя слова отъ лихорадокъ, отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ.

---

* Максимъ Грекъ написалъ особенное сочиненіе: *О Сивиллахъ, koliko ихъ было*, хранящееся доселѣ въ библиотекѣ Троицкой Лавры въ числѣ другихъ его рукописныхъ 154 сочиненій. См. Ист. Г. Р. Т. VIII, прим. 241. Мы имѣемъ до семи списковъ Сивиллинныхъ книгъ. См. 2 ч. Сказаній Р. Н. Дополн. № 1.

Гаданія древняго міра, разсѣянныя по вѣсьмъ мѣстамъ, образовали изъ себя 12 отдѣльныхъ таинствъ. Вліяніе каждаго изъ нихъ на семейную жизнь доселѣ еще отражается. Приступимъ къ описанію гаданій:

Антропомантія содержала въ себѣ таинственное прорицаніе будущаго по внутреннимъ частямъ тѣла человѣческаго.—Римскіе Императоры, Эліогабалъ и Іуліанъ, занимались симъ гаданіемъ.

Русскій народъ никогда не касается до внутреннихъ частей тѣла человѣческаго, но онъ судитъ только умершаго по наружному цвѣту и положенію тѣла. Человѣкъ, умершій въ судорогахъ и спазмахъ, клалъ неизгладимый порокъ на будущую участь своего семейства.

Аеромантія объясняла будущія событія изъ состоянія воздуха и разныхъ его явленій.

Въ Русской Символикѣ Аеромантія отражается ясно. Въ народѣ еще существуетъ понятіе о паденіи звѣздъ, доселѣ еще говорятъ, что каждая падающая звѣзда есть вѣрный признакъ смерти какого нибудь человѣка. Въ нашихъ селеніяхъ вечернею порой старики разсказываютъ о бываломъ паденіи облаковъ на землю — въ видѣ киселя, о паденіи камней воздушныхъ. Не на этомъ ли мнѣніи основано уваженіе поселянъ къ камню: Башъ и Башиха, находящемуся въ Тульской губерніи, въ Одоевскомъ уѣздѣ?

Гидромантия основывалась на предсказаніи будущаго по движенію и цвѣту воды.

Въ Русскомъ Чернокужии это гаданіе существуетъ во всей своей силѣ. Наговорить на воду, для открытія похитителя вещей, вмѣняется въ необходимость всякому Знахарю.

Гонтія совершалась призываніемъ духовъ и вызываніемъ тѣни умершихъ изъ гробовъ.

Русское чародѣйство содержитъ въ себѣ обряды вызыванія духовъ, и народъ вѣритъ, что каждый народный Чародѣй можетъ вызвать тѣнь умершаго.

Дактиломантия. Гаданіе, производившееся посредствомъ кольца для узнаванія враговъ. Кольцо, повѣшенное на ниткѣ, раскачивалось надъ круглымъ столомъ, коего края исписаны были буквами. Буква, на которой останавливалось кольцо, служила отвѣтомъ.

Дактиломантия перешла и въ Русское Чернокужіе, только съ измѣненіемъ. Наши Чародѣи берутъ какое-то змѣнное кольцо, вѣшаютъ его на женскомъ волосѣ и дожидаются, куда его будетъ качать вѣтеръ, куда кольцо будетъ болѣе дѣлать наклоненій, тамъ живетъ колдунъ, очаровавшій страдальца, о которомъ загадываютъ.

Капноантия. Гаданіе, извлекаемое изъ жертвеннаго дыма, объяснялось жрецами народу при начатіи дѣла.

Въ Руской Символикѣ это гаданіе осталось со многими измѣненіями. Наши поселяне по дыму узнають погоду и дымомъ истребляютъ многія болѣзни рогатаго скота.

Катоптромантія. Гаданіе, производимое зеркаломъ разрѣшало окончаніе болѣзни.

Въ Русскомъ Черно книжии гаданіе зеркаломъ употребляется для многихъ случаевъ. Наши поселяне и горожане гадаютъ въ зеркаль объ суженомъ, о жизни и смерти отсутствующаго.

Керомантія. Гаданіе воскомъ составляло доброе и худое предзнаменованіе.

Въ Русскихъ святочныхъ гаданіяхъ дѣвушки льютъ воскъ въ воду для узнанія своей судьбы.

Клеромантія. Гаданіе, основанное на металіи шариковъ, рѣшало дѣла и называлось по жребію.

Гаданіе по жребію такъ усвоилось Руской семейной жизни, что народъ всегда прибѣгаетъ къ нему въ спорномъ дѣлѣ.

Леканомантія. Гаданіе, производившееся надъ водою, рѣшало участь людей. Гадатель клалъ въ сосудъ, наполненный водою, драгоценныя камни, тоненькія золотыя и серебряныя дощечки съ изображеніемъ знаковъ, и читалъ заговоры. Изъ воды выходитъ тихій звукъ подобный шипѣнію змѣй. Этотъ звукъ рѣшалъ вопросъ.

Въ Черно книжии Русскомъ сохранились многіе обряды гаданія надъ водою. Такъ наши Зна-

хари; кидалъ въ воду уголь: замѣчаютъ — кипитъ ли вода?

Ливаномантия. Гаданіе, извлекаемое изъ куренія благовонныхъ смоль, заключало въ себѣ рѣшеніе на благопріятныя и худыя ожиданія.

Въ Русскихъ суевѣрныхъ повѣрьяхъ смолы замѣнились ладаномъ и народъ прибѣгаетъ къ этому гаданію въ болѣзняхъ.

Метеоромантия. Гаданіе производилось объясненіемъ воздушныхъ явленій, особливо грома и молніи.

Слѣды Метеоромантии сохранились въ Русской Символикѣ съ присовокупленіемъ разныхъ сказаній. Такъ, дѣвица или женщина, услышавши весною въ первый разъ громъ, бѣжитъ къ водѣ для умыванія, предполагая, что умываніе въ это время водою можетъ придать лучший цвѣтъ ся лицу. Такъ, поселянинъ изъ многократнаго появленія въ лѣтнее время грома предполагаетъ, что его домашній скотъ можетъ безопасно бродить по лѣсамъ, не будучи изъязвленъ змѣями.

Миомантия. Гаданіе, предсказывающее будущее, основывалось на крикѣ и прожорствѣ мышей и крысъ. Было время, когда Римъ трепеталъ отъ крика сихъ животныхъ.

Въ Русскихъ селеніяхъ появленіе мышей всегда угрожаетъ бѣдствіями. Платье поселянина, изгрызенное мышами, предвѣщаетъ ему бѣду

неминуемую. При началъ весны мыши, бѣгающія по полямъ, наводятъ тоску на крестьянина о неурожаѣ.

Некромантія производилась очарованіемъ труповъ для вызыванія духовъ.

Въ Русскомъ Чернокижии существуетъ только одно повѣріе объ этомъ гаданіи. Наши Чародѣи, не смотря на свою дерзость, не смѣютъ прикасаться къ трупамъ умершихъ людей.

Онихомантія составляла гаданіе по ногтямъ. Гадатели натирали ногти мальчикамъ деревяннымъ масломъ и сажею, и заставляли держать ихъ предъ солнцемъ. Полвившіяся изображенія разрѣшали гаданіе.

Наши поселяне до сихъ поръ замѣчаютъ обновы — бѣлыя пятнушки, являющіяся въ серединѣ и на краяхъ ногтей, судятъ по цвѣту ногтей о жизни, здоровьѣ и болѣзни чловѣка.

Ооскопія совершалась по изображеніямъ на яйцѣ, по желанію беременныхъ женщинъ для узнанія, что онѣ родятъ?

Въ Русской семейной жизни это гаданіе доселѣ существуетъ. Беременная женщина вынимаетъ изъ-подъ насѣдки яйцо, разбиваетъ, смотритъ какого пола зародышъ, того же должень быть и будущій дитя.

Психомантія. Гаданіе, основанное на призываніи тѣней умершихъ людей, составляло одно таинство съ Некромантіею.

Тератоскопія составляла особенный родъ гадній изъ объясненія необыкновенныхъ явленій въ природѣ.

Это гаданіе вошло съ измѣненіями въ Русскую Символику. Такъ животныя, родившіяся о трехъ ногахъ, животныя двуглавыя, наводили ужасъ на душу простолюдина и были истребляемы, какъ порожденіе нечистой силы.

Теофрамомантія. Гаданіе золою разрѣшало вопросы жертвоприносителей.

Зола въ Русскомъ Чернокнижіи имѣетъ почетное преимущество предъ прочими веществами. Чародѣй всегда имѣетъ при себѣ золою изъ семи печей и посыпаетъ ею слѣды человѣческой, когда совершаетъ Чары. Такъ, разгнѣванный поселянинъ бросаетъ на дворъ своего сосѣда горстями золою, съ намѣреніемъ истребить все растущее на его землѣ.

Энонтромантія совершалась гаданіемъ въ зеркалѣ. Фессалійскіе Чародѣи заставляли входящихъ читать отвѣты, писанные на зеркалѣ кровію, отражавшіеся на другомъ тѣлѣ.

Въ Русскихъ святочныхъ гаданіяхъ Энонтромантія осталась въ измѣненномъ видѣ.

Вотъ очевидныя доказательства о переселеніи тайныхъ сказаній древняго міра въ Русскую землю и составленіи Русскаго Чернокнижія. Мы смѣло можемъ сказать, что на нашей родной землѣ ни одинъ Русской человекъ не былъ

послѣдствіемъ тайныхъ сказаній. Люди быва-
ли изъ нашихъ предковъ въ чужихъ странахъ,
и чужеземщина, приходившая на нашу родину,
разсказывали въ семейныхъ бесѣдахъ о суще-
ствованіи Чернокунижія въ чужихъ земляхъ. Эти
разказы, западая въ сердца простодушныхъ, пе-
реходили изъ рода въ родъ и клеймились суе-
вѣріемъ нашихъ предковъ. Такое мнѣніе, при-
нимаемое нами за положительное основаніе, най-
детъ свое подтвержденіе въ самомъ описаніи Чер-
нокунижія.

Не смотря на то въ Русской жизни понятіе
о тайныхъ сказаніяхъ представляется совершен-
но въ другомъ видѣ, нежели какъ мы встрѣчаемъ у
другихъ народовъ. Это такъ и должно быть. Обще-
ственное образованіе Русскаго народа, совпада-
ясь независимо отъ власти другихъ народовъ, по
своимъ собственнымъ законамъ, выразалось въ
умственной жизни двумя отдѣльными знамени-
ваніями: *понятіями общественными и семей-
ными.*

Русскія общественныя понятія всегда суще-
ствовали на краеугольномъ основаніи Христіан-
скаго Православія. Іерархи, какъ пастыри цер-
кви и учителя народа, Князья и Цари, какъ
священные Властелины и блюстители народ-
наго благоденствія, были представителями об-
щественныхъ понятій. Находясь въ рукахъ столь
важныхъ лицъ, они всегда были цѣлы и ве-

вредимы, какъ была цѣла и невредима Русская жизнь. Отъ этаго самаго въ нашемъ отечествѣ никогда не было переворотовъ въ общественныхъ понятіяхъ, внесенныхъ сосѣдними народами. Все совершалось постепенно, въ теченіи многихъ вѣковъ, людьми, являвшимися изъ среды своихъ соотечественниковъ. Славянинъ, оближаясь на сѣверѣ съ Скандинавомъ, былъ только покоренъ его мечу, но не слову; платилъ ему дань своими избытками, но не хвалебными пѣснями; далъ ему пріютъ на своей землѣ, но не принялъ отъ него письменъ. Славянинъ, уклоняясь на востокъ, сблизился съ Грекомъ; принялъ отъ него Вѣру, пріютилъ Греческихъ пришельцевъ, учился у него, чего не доставало для его умственной жизни; но никогда не говорилъ его языкомъ, никогда не мѣнялъ своихъ понятій общественныхъ на его понятія; онъ остался въ полномъ смыслѣ Славяниномъ. Никогда не ходилъ на западъ Славянинъ. Люди Фряжскіе сами приходили въ его жилище, сами призывали его въ соучастники. Равнодушный къ западу, онъ чуждался и словъ и дѣлъ Фряжскихъ. Объ югѣ онъ забылъ почти съ того самаго времени, какъ судьба бросила его изъ Индіи на землю Сѣверной Европы, гдѣ онъ называлъ себя Славяниномъ. Во всѣхъ переворотахъ сосѣднихъ странъ, онъ не былъ участникомъ. Въ этомъ - то самомъ за-

ключалась ненарушимость Русскаго общественнаго понятія.

Русскія семейныя понятія существовали на своихъ отдѣльныхъ основаніяхъ, и пораждавшіяся въ семействахъ никогда не сливались съ общественными понятіями. Въ нихъ не было единства; онѣ были столько различны, сколько тогда были различны границы Русской земли. На этихъ заповѣданныхъ чертахъ все измѣнялось отъ стеченія чужеземныхъ мнѣній. Облекаясь Русскимъ словомъ въ гостепріимныхъ семействахъ, эти мнѣнія переносились отъ одного селенія къ другому. Пришельцы и люди бывалые были передателями чужеземныхъ мнѣній.

Пришельцами въ Русской старой жизни назывались всѣ чужеземцы, люди не-Русской крови, люди не-Русской Вѣры. Никогда добрая воля не загоняла пришельца на Русскую землю: нужда и корысть влекли его къ нашимъ предкамъ. Хлѣбосолюство Русское давало пріютъ всякому пришельцу. Старѣйшины семействъ, угощая завѣжаго челоуѣка, любили слушать его рассказы объ отдаленныхъ странахъ. Эти-то рассказы передаваясь отъ отца къ сыну, усваивались Русской жизни, когда они снисходили слабостямъ. Мы, люди XIX вѣка, не можемъ теперь изслѣдовать, что нравилось нашему предку, жившему въ X и XII столѣтіяхъ, изъ разска-

зовъ чужеземныхъ. Но, принимая въ соображеніе тогдашнее умственное образованіе, дошедшіе до насъ письменные памятники и рассказы о бываюмъ въ древней жизни, мы смѣло можемъ сказать, что наши предки любили болѣе чудесное, поражавшее его воображеніе, любили болѣе великое, поражавшее его умъ, любили болѣе ужасное, оцѣпнявшее его чувства. При всемъ томъ пришелецъ былъ всегда чужимъ для Русскаго въ общественной жизни, и только одни простодушные принимали участіе въ его словахъ и дѣлахъ.

Людьми бывающими на Руси почитались сородичи нашихъ предковъ, люди, бывавшіе въ чужихъ земляхъ, люди, пересмотрѣвшіе всѣ заморскія дивы, люди, услаждавшіе своими бесѣдами и старика и юношу. Рассказы бывалаго челоувѣка записывались въ кельяхъ отшельниковъ и читались въ семейныхъ бесѣдахъ. Таковы были наши Паломники. Они — наставники въ дѣлахъ, врачи въ болѣзняхъ, совѣтники въ семейныхъ назначеніяхъ, болѣе всего имѣли вліяніе на введеніе чужеземнаго въ семейныя понятія, нежели участія пришельца. За то люди бывалые ни когда не выходили изъ круга семейнаго, ни когда не были участниками въ обовленіяхъ общественной жизни.

Принимая въ соображеніе эти два источника чужеземныхъ внесеній, мы повинаемъ, какъ

трудно было чужеземному мышлению взойти въ составъ общественнаго понятія, какъ трудно было ему усвоиться съ Русскою общественною жизнью. Но, не смотря на столько вѣковъ, современное просвѣщеніе рѣзкою чертою отличаетъ всѣ чужеземныя понятія, заимствованныя нашими предками. Глядя съ этой точки на тайныя сказанія другихъ народовъ, мы убѣдились, что онѣ перешли въ Русскую землю со многими измѣненіями, съ измѣненіями, возможными для Русской семейной жизни. На этихъ то измѣненіяхъ мы будемъ слѣдить остатки Русскаго Чернокунижія, и данными подробностями повѣрять идеи, допущенныя нами при всеобщемъ взглядѣ на міровое Чернокунижіе.

Русское Чернокунижіе, сообразно народнымъ семейнымъ понятіямъ, мы раздѣляемъ на четыре сказанія, совершенно разнообразныя по излагаемымъ въ нихъ предметамъ. Въ первомъ сказаніи помѣщается *Кудесничество*, во второмъ описывается *Чародейство*, въ третьемъ предлагается *Знахарство*, въ четвертомъ представляется *Ворожба*.

Русское Кудесничество мы представляемъ такъ, какъ оно обращается въ устахъ народныхъ, безъ перемѣны понятій и словъ. Соблюдая это, мы сохранимъ, такъ сказать, словесность простолудиновъ, неизмѣнный глаголъ многихъ вѣковъ, гласъ людей отдаленныхъ и понятіями и повѣрjami

отъ нашей жизни. Если съ одной стороны всѣ Кудесническіе заговоры есть совершенный вздоръ, созданный для оболъщенія народа, то съ другой мы замѣчаемъ въ нихъ духъ поэзіи, жившей въ пѣсняхъ и стихахъ, услаждавшихъ нѣкогда нашихъ предковъ въ дни скорбные. Всѣ представляемые здѣсь заговоры подслушаны мною въ семейныхъ разговорахъ поселянъ Тульской губерніи, выписаны изъ тетрадки, исписанной Польскими буквами и принадлежавшей нѣкогда Веневскому дѣду, а нѣкоторые получены отъ Саратовскаго помѣщика, сбиравшаго ихъ, по моей просьбѣ, изъ рассказовъ Волжскихъ рыбаковъ.

Вслушиваясь въ заговоры, невольно спрашиваемъ себя: кто былъ творцемъ этой поэзіи? Не ужели мы будемъ сомнѣваться, что этими напѣвами оглашалась наша родина, когда въ ихъ звукахъ слышенъ Русской духъ, когда въ нихъ говоритъ Русское сердце о странѣ родной, о радости домашней, о бѣдѣ семейной, о любви дѣвичей красы, о зазнобѣ молодеческой? Здѣсь всѣ предметы взяты изъ жизни семейной, чуждой общественныхъ отношеній, удаленной въ хижину и поля, сокровенной отъ взора испытующихъ людей. Слѣдовательно: здѣсь человекъ только пѣлъ самъ съ собою. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни одного чужеземнаго слова, ни его образа выраженій: все

говорить Русскимъ языкомъ и объ Русской жизни. Мы также не смѣемъ допустить здѣсь сомнѣнія, что эта поэзія не была до послѣдней степени подражательною; но со всѣмъ тѣмъ въ ней есть и самобытное; она воспѣвала по вдохновенію Русскаго сердца заповѣданныя тайны. Это мы готовы подтвердить наблюденіями.

Народная Поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ воспѣвала семейную жизнь. Русской народъ, дѣвляясь предметами, очаровывавшими его удивленную жизнь, воспѣлъ въ своихъ думахъ и тайныя сказанія. Въ такомъ направленіи онъ незамѣтно сходилъ съ другими народами. Для доказательства представляемъ образчики чужеземныхъ заговоровъ.

«Le magicien Lexilis menait fort durement les puissances des tenebres, et faisait dresser les cheveux aux assistans, quandil hurlait ses execrables evocations.

«Divinités formidables, s'ecriait-il, hâtez vous d'accourir, et craignez d'offenser ses cheveux gris et cette verge, qui vous ferait bientôt repentir de vos délais . . . je vous en avertis d'avance, obéissez promptement; autrement je fais pénétrer le jour dans vos sombres demeures, je vous en tire toutes l'une après l'autre, je vous destitue de tout pouvoir, je vous poursuis par les bûchers, je vous chasse des sépulcres; et je ne permettrai pas même aux déserts de la Thébaïde de vous receler dans leur solitude. Et toi, arbitre des enfers, si tu me crains commende à tes Esprits, commende à tes Furies, commande à quelques ombres d'accourir; pousse les-hors des tes manoirs à coups des scorpions, et ne permette

pas que j'interrompe le silence des tiens par des menaces plus horribles *.»

Oraison du loup: Viens, bête à laine; c'est l'agneau de l'humilité; je te garde. C'est l'agneau du Redempteur, qui a jeuné quarante jours, sans rébellions, sans avoir pris aucun repas de l'ennemi, et fut tenté en vérité. Va droit, bête grise, à gris aggripense, va chercher la proie, loups et louves et louveteaux; tu n'as point à venir à cette viande, qui est ici. Au nom du pere et du fils et du Saint-Esprit. Aussi: *v a d e r e t r o o S a t a n a!* **

Prière des bergers pour préserver les troupeaux de la gale, de la rogne et de la clavelée, trouvés dans un manuscrit rare et précieux. —

Ce fut par un lundi au matin que le soleil parut, un pastoureau cherchant ses troupeaux, il-dit: mon troupeau sera sain et joli, qui est sujet à moi ***.

Русское *Чародейство* описываетъ только нѣкоторую часть чаръ, совершаемыхъ въ селеніяхъ. Прилагая по возможности объясненія этимъ затѣйливымъ вымысламъ, мы увѣрены, что сердца простодушныя поймутъ свое ослѣпленіе, хотя для нихъ обольстительное. Съ этою цѣлю избраны здѣсь только тѣ, которыя болѣе всѣхъ извѣстны были въ семейной жизни, болѣе всѣхъ памятливы. Люди, хотя нѣсколько вникавшіе въ народное суевѣрное понятіе,

---

* Le magicien Lexilis, qui florissait à Tunis, était fort mauvais prisonnier. V: Chroniques et contes de Mouchenberg.

** Ancienne Chronique de Flandre. Jaques Meyer.

*** Cardan dans ses contes.

люди, знающіе довѣренность поселятъ къ чудесному, оправдаютъ цѣль, избранную нами.

Русское *Знахарство* излагаетъ отъявленные обманы знахарей, но по какому-то непонятному стеченію обстоятельствъ, принимаемыхъ въ простомъ народѣ за спасительныя дѣйствія. Мы часто слышимъ по рассказамъ бывалыхъ людей, какъ въ старину знахари ввергали цѣлыя селенія въ бѣдствія. Съ истиннымъ желаніемъ добра къ людямъ простодушнымъ, излагаемъ здѣсь обманы знахарей, бродящихъ изъ одного селенія въ другое, и живущихъ на счетъ ближняго.

Русская *Ворожба* представляетъ народныя гаданія, распространяемыя записными гадательницами по городамъ и селеніямъ. Многія изъ нихъ приносятъ оскорбленіе семейной жизни по своимъ послѣдствіямъ; другія же напротивъ — какъ святочныя *гаданія* — составляютъ увеселительныя занятія. Здѣсь приводятся тѣ и другія — съ цѣлю разоблачить таинственныя ожиданія простаго народа. Можетъ быть время и обстоятельства изгладятъ эти остатки суевѣрія, перешедшія къ нашимъ предкамъ изъ чужихъ странъ. Но, пока настанетъ это благодѣтельное время, пока явятся эти счастливыя обстоятельства — пускай простодушные напередъ ознакомятся съ ничтожествомъ этихъ гаданій.

Во всѣхъ сяхъ оказаніяхъ мы часто сохраняли многія слова, подслушанныя въ сельскихъ разговорахъ, имѣющихъ совершенно другое значеніе въ современной нашей жизни. Мы даже сохранили названіе разныхъ гаданій, хотя нѣкоторыя изъ нихъ съ перваго взгляда, кажется, состоятъ изъ повтореній одного и того же. Не думаемъ, что бы въ этомъ насъ обвиняли: сами предметы говорить о такой необходимости. Кромѣ сего считаемъ обязанностію предъувѣдомить почтенныхъ Соотечественниковъ, что въ нашихъ сказаніяхъ не все то помѣщено, что извѣстно въ селеніяхъ. Одного мы не могли вмѣстить здѣсь по внутреннему нашему убѣжденію, какъ оскорбительнаго для современнаго просвѣщенія; другое представлялось противнымъ нашей жизни и нашимъ отношеніямъ. Русская сельская жизнь неистощима въ своихъ разсказахъ: надобно много людей и много времени, чтобы вполне представить ея домашній бытъ.

СКАЗАНІЯ

О

КУДЕСНИЧЕСТВЪ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвды въ болѣзни полюбовнаго молодца	59
— — красной дѣвицы о сбереженіи въ дорогѣ полюбовнаго молодца	61
— — Отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткою.	62
— — охотника на поставныхъ клѣткахъ для зайцевъ	64
— — на путь дороженьку	65
— — на укрощеніе гнѣва родимой матушки	66
— — на укрощеніе злобныхъ сердець	67
— — на посаженіе пчелъ въ улей	68
— — на утиханіе крови	69
— — отъ укушенія змѣи	—
— — отъ ужаленія козюлки	70
— — на отгнаніе черныхъ муріевъ	—
— — отъ червей	72
— — отъ зубной скорби	—
— — о томъ же	—
— — о томъ же	73
— — о томъ же	—
— — отъ пицалей и стрѣлъ	74
— — отъ ратныхъ орудій	75
— — отъ пуль свинцовыхъ, мѣдныхъ, камен- ныхъ	—
— — на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь	76
— — на карты	77
— — отъ осы	78
— — отъ запоя	—

	стр.
Заговоръ на остановленіе руды	79
— — о томъ же	—
— — о томъ же	—
— — отъ лихорадки	80
— — ратнаго челоуѣка идущаго на войну	81
— — о томъ же	82
— — о томъ же	83
— — о томъ же	84
— — о томъ же	86
— — о томъ же	87
— — о томъ же	88
— — молодца на любовь красной дѣвицы	89
— — отъ порыва	90
— — отъ недуговъ	—
— — на покраденную вещь	91
— — оборотня	92
— — для любви	—

КУДЕСНИЧЕСТВО.

I. Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвицы въ болѣзни полубовнаго молодца.

Ложилась спать я, раба Божія — такая-та — въ темную вечернюю зорю, темнымъ темно; вставала я — такая-та — въ красную утреннюю зорю, свѣтлымъ свѣтло; умывалась свѣжею водою; утиралась бѣлымъ платомъ. Пошла я изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, и шла путемъ дорогою, сухимъ сухопутьемъ, ко Окіану морю, на святъ островъ; отъ Окіанъ моря узрѣла и усмотрѣла, гляючи на востокъ краснаго солнышка, во чисто поле, а въ чистомъ полѣ узрѣла и усмотрѣла: стоитъ семябашенной домъ, а въ томъ семябашенномъ домѣ сидитъ красная дѣвица, Марьюшка, а сидитъ она на золотомъ стулѣ. Сидитъ, уговариваетъ недуги, на коленяхъ держитъ серебряное блюдечко, а на блюдечкѣ лежатъ булатные ножички. Взошла я, раба Божія — та-

кая-та—въ семибашенной домъ, смиреннымъ смиренхонько, головой поклонилась, сердцемъ покорилась, и заговорила :

Къ тебѣ я пришла, красная дѣвица, Марьюшка, съ покорищемъ объ рабѣ Божиѣмъ—такимъ-то — возьми ты, красная дѣвица, съ серебрянаго блюдечка булатные ножички въ правую руку, обрежь ты у раба Божія — такогото — бѣлую макоть, оципи кругомъ его и обери: скорби, недуги, уроки, призорки, затяни кровавыя раны чистою и вѣчною своею пеленою. Защити его отъ всякаго челоуѣка: отъ бабы вѣдуны, отъ дѣвки простоволосыя, отъ мужика одноженца, отъ двоеженца и отъ троюженца, отъ черноволосаго, рыжеволосаго. Возьми ты, красная дѣвица, въ правую руку двѣнадцать ключевъ и замкни двѣнадцать замковъ, и опусти эти замка въ Окіанъ море, подъ Алатырь камень. А въ водѣ бѣлая рыбица ходитъ, и она бѣ тѣ ключи подхватила и проглотила; а рыбаку бѣлыя рыбицы не поимывать, а ключевъ изъ рыбицы не вынимывать, а замковъ не отпирывать. Не дужился бы недугъ у раба Божія — такогото — по сей день, по сей часъ. Какъ вечерняя и утренняя зоря станетъ потухать, такъ бы у моего друга милаго всѣмъ бы недугамъ потухать, и что бы недугъ недужился по сей часъ, по мое крѣпкое слово, по его вѣкъ.

Заговариваю я, раба Божія — такая-та — своего полюбовнаго молодца — такого-то — : отъ мужика колдуна, отъ ворона коркуна, отъ бабы колдуны, отъ старца и старицы, отъ посхимника и посхимницы. Отсылаю я отъ своего друга милаго всѣхъ по лѣсу ходить, игольникъ брать, по его вѣкъ, и пока онъ живъ, никто бы его не обзорочилъ и не обпризорилъ.

---

2. Заговоръ красной дѣвицы о сбереженьи въ дорогѣ полюбовнаго молодца.

Ложилась спать я, раба Божія—такая-та—въ темную вечернюю зорю, позднымъ поздно; вставала я въ красную утреннюю зорю, ранымъ рано; умывалась ключевою водою изъ загорнаго студенца; утиралась бѣлымъ платомъ, родительскимъ. Пошла я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, и вышла въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ охорошилась, на всѣ четыре стороны поклонилась, на горячъ камень Алатырь становилась, крѣпкимъ словомъ заговорила, чистыми звѣздами обтыкалась, темнымъ облакомъ покрылась.

Заговариваю я, раба Божія—такая-то—своего полюбовнато молодца — такого-то—о сбере

женѣ въ дорогѣ; крѣпко на крѣпко, на зѣкъ, на всю жизнь.

Кто изъ лугу всю траву выщипать и вывѣсть, изъ моря всю воду выпьеть и не влаклетъ, и тотъ бы мое слово не превозмогъ, мой заговоръ не расторгъ. Кто изъ змыхъ людей его обзорочить, и обпризорочить, и околдуетъ, и испортитъ, у нихъ бы тогда изъ лба глаза выворочило въ затылокъ; а моему любовному молодцу — такому-то — путь и дороженька, доброе здоровье на разлукѣ моей.

3. Заговоръ отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткою.

Разрыдалась я родная, раба Божія — такая-та — въ высокомъ теремѣ родительскомъ, съ красной утренней зори, во чисто поле гляючи, на закатъ ненагляднаго дитятки своего яснаго солнышка — такого-то. — Досидѣла я до поздней вечерней зори, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взмилось мнѣ крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца. Стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною, и возговорила зычнымъ голосомъ:

Заговариваю я своего ненагляднаго дитятку — такога-то — надъ чашею брачною, надъ свѣжею водою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчею обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарныя, очи ясныя, челодумное, ланиты красныя, освѣчаю свѣчею обручальною его становой кафтанъ, его шапку соболиную, его подпоясъ узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лице молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, свѣтлѣ солнышка яснаго, милѣ вешняго дня, свѣтлѣ ключевой воды, бѣлѣ яраго воска, крѣпче камня горючаго Алатыря. Отвожу я отъ тебя: черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужаго домоваго, отъ злаго водянаго, отъ вѣдьмы Кіевской, злой сестры ея Муромской, отъ моргуньи Русалки, отъ треклятыя Бабы-Яги, отъ летучаго змѣя огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны каркуньи, заслоняю отъ Кащея Ядуна, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи вѣдуньи. А будь ты, мое дитятко, моимъ словомъ крѣпкимъ — въ нощи и въ полунощи, въ часу и получасьи, въ пути и дороженьки, во снѣ и на яву — укрыть отъ силы вражя,

отъ нечистыхъ духовъ, сбережень отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохранень на водѣ отъ потопленія, укрыть въ огнѣ отъ сгоренія. А придетъ часъ твой смертный, и ты вспомни, мое дитяtko, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челомъ седмерижды семь, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ, и засни сномъ сладкимъ, непробуднымъ.

А будь мое слово: сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота, крѣпчае горючаго к амниАлатура, могучае богатыря. А кто вздумаетъ моего дитяtko обморочить и узорочить, и тому скрыться за горы Араратскія, въ бездны преисподнія, въ смолу кипучую, въ жаръ палочій. А будутъ его чары—ему не въ чары, морочанье его не въ морочанье, узорочанье его не въ узорочанье.

4. Заговоръ охотника на постановныхъ клѣткахъ для зайцевъ.

Встаю я рабъ, Божій—такой-то—за свѣтло, умываюсь ни бѣло, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, къ лѣсу дремучему, а изъ лѣсу дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу двадцать сатаняловъ, двад-

цать дьяволовъ, дватцать лѣшихъ, двадцать полкановъ—всѣ пѣшіе, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ робкіе: стали предо мною тѣ сатанялы, тѣ дьявоилы, тѣ лѣшіе, тѣ полканы, стали на мою службу и подмогу. Подите вы—сатанялы, дьявоилы, лѣшіе и полканы—въ такой-то—островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ на мои клѣвы поставные: сумеречные, вечерніе, ночные, утренніе и полуденные. Пригоните, остановите, и въ моихъ клѣвахъ примкните.

5. Заговоръ на путь дороженьку.

Бду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дольнія мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ; умываюсь мѣдяною рососою, утираюсь солнцемъ, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звѣздами. Бду я во чистомъ полѣ, а во полѣ растетъ Одолень трава. Одолень трава! Не я тебя породилъ, не я тебя поливалъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки. Одолень трава! Одолей ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили. Отгони ты чародѣя, лѣбдника. Одолень трава! Одолей мнѣ горы высокія, доли низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и

Часть I.

5

колоды. Иду я съ тобою, Одомень трава, къ морю Окіану, къ рѣкѣ Іордану, а въ морѣ Окіанѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ лежитъ бѣль горючъ камень Алатырь. Какъ онъ крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не подымались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣль горючъ камень Алатырь. Спрячу я тебя, Одомень трава, у ретиваго сердца, во всемъ пути и во всей дороженьки.

6. Заговоръ на укрощеніе гнѣва родимой матушки.

На великъ день я родился, тыномъ желѣзнымъ оградила и пошелъ я къ своей родимой матушкѣ. Загнѣвилась моя родимая родушка, ломала мои кости, счипала мое тѣло, топтала меня въ ногахъ, пила мою кровь. Солнце ясное, звѣзды свѣтлыя, небо чистое, море тихое, поля желтыя — все вы стойте тихо и смирно; такъ была бы тиха и смирна моя родимая матушка по вся дни, по вся часы, въ ночи и полунощи. Какъ пчела поноску носить, такъ бы родимая матушка плодила добрыя словеса за меня, своего роднаго сына. Какъ воскъ таетъ и горитъ отъ лица огня, такъ бы горѣло и таяло сердце моей родимой матушки. Какъ лебедка по лебедѣ тоскуеть, такъ бы моя родимая матушка тосковала по мнѣ, своемъ

родномъ сынѣ. Какъ студенецъ леть по вся дни воду, такъ бы текло сердце родимой матушки ко мнѣ, своему родному сыну. Какъ дверь къ косяку притворяется, такъ бы мои словеса къ родимой матушки притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и нощи, въ полдень и полночь.

---

7. Заговоръ на укрощеніе злобныхъ сердець.

Сажусь въ сани, крытыя бобрами и соболями, ѣду на черномъ медведѣ, погоняю лисицами и куницами. Какъ лисицы и куницы, бобры и соболи, честны и величавы между панами и попами, между міромъ и селомъ; такъ мой нарощенный сынъ былъ бы честенъ и величавъ между панами и попами, между міромъ и селомъ. Ёду на гадинѣ, ужъ погоняетъ, а самъ дюжъ, у пановъ и судьевъ полонъ дворъ свиней, и я тѣхъ свиней переѣмъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Съю макъ. Разыдутся всѣ судьи, а тыя сидятъ, что меня ѣдятъ. Меня не съѣдятъ; у меня медвежій ротъ, волчія губы, свиные зубы. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Кто мой макъ будетъ подбирать, тотъ на меня будетъ судъ давать. Спрячу я свой макъ въ желѣзную кадъ, а брошу кадъ во Окіанъ море. Окіанъ море не высыхаетъ, кади моея никто не вынимаетъ,

я маку моего никто не подбираетъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Замыкаю зубы и губы злымъ сердцамъ, а ключи бросаю въ Окіанъ море, въ свою желѣзную кадъ. Когда море высохнетъ, когда макъ изъ кади поѣдятъ, тогда мнѣ не бывать. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ!

---

8. Заговоръ на посаженіе пчель въ улей.

Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смирятся. Стану я на востокъ, противъ дольней стороны, и слышу шумъ и гулъ пчель. Беру я пчелу роя, окорая, сажаю въ улей. Не я тебя сажаю, сажаютъ тебя бѣлыя звѣзды, рогагогій мѣсяць, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ. Ты пчела ройся у—такого-то—, на округъ садись. Замыкаю я тебѣ матка всѣ пути, дороги ключемъ, замкомъ; а бросаю свои ключи въ Окіанъ море, подъ зеленый кустъ, а въ зеленомъ кустѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, сидитъ и держитъ седьдесятъ семь жалъ, а жалитъ непокорныхъ пчель. А будетъ вы пчелы моимъ словамъ не покоритесь, сощлю я васъ въ Окіанъ море, подъ зеленой кустъ, гдѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, и будетъ за ваше непокоріще жалитъ васъ матка въ седьдесятъ семь жалъ. Слово мое крѣпко!

---

9. Заговоръ на утиханіе крови.

Два брата камень секутъ, двѣ сестры въ окошко глядятъ, двѣ свекрови въ воротахъ стоятъ. Ты свекровь воротись, а ты кровь утолись; ты сестра отворотись, а ты кровь уймись; ты братъ смирись, а ты кровь запрись. Братъ бѣжить, сестра кричить, свекровь ворчить. А будь мое слово крѣпко на утиханіе крови у раба—такого-то—по сей часъ, по сію минуту!

---

10. Заговоръ отъ укушенія змѣи.

Змія Мекодоница! за чѣмъ ты, всѣмъ зміямъ старшая и большая, дѣлаешь такіе изъяны, кусаешь добрыхъ людей. Собери ты своихъ тетокъ и дядей, сестеръ и братьевъ, всѣхъ родныхъ и чужихъ, вынь свое жало изъ грѣховнаго тѣла, у раба—такого-то—; а если ты не вынишь своего жала, то нашлю на тебя грозную тучу, камнемъ побѣетъ, молоньей позжеть. Отъ грозной тучи ни гдѣ ты не укроешься: ни подъ землею, ни подъ межею, ни въ полѣ, ни подъ колодою, ни въ травѣ, ни въ сырыхъ борахъ; ни въ темныхъ лѣсахъ, ни въ оврагахъ, ни въ ямахъ, ни въ дубахъ, ни въ норахъ. Сниму я съ тебя двѣнадцать шкуръ съ разными шкурками, сожгу самою тебя, развѣю по чистому полю. Слово мое не преѣдетъ ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ!

---

11. Заговоръ отъ ужаленія козюльки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ дубъ, ни нагъ, ни одѣтъ, подѣ тѣмъ дубомъ стоитъ липовый кустъ, подѣ тѣмъ липовымъ кустомъ лежитъ златой камень, на томъ камнѣ лежитъ руно черное, на руно лежитъ иноракая змѣя Гарафена. Ты змѣя Гарафена возьми свое жало изъ раба — такогото — отбери отъ него недуги. А коли ты не возьмешь свое жало, не отберешь недуговъ, ино я выну два ножа булатные, отрѣжу я у змѣи Гарафены жало, положу въ три сундука желѣзные, запру въ три замка Нѣмецкіе. Ключъ небесный, земный замокъ. Съ этаго часу, съ полудня, съ получасу, да будетъ бездыханна всякая козюлька, и ужаленія ея въ неужаленія. А вы, змѣи и змінцы, ужи и ужицы, мѣдяницы и сарачицы — бѣгите прочь отъ раба — такогото — по сей вѣкъ, по сей часъ. Слово мое крѣпко!

—

× 12. Заговоръ на отгнаніе черныхъ муріевъ.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, по среди Окіана моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянѣ стоитъ дубъ, подѣ тѣмъ дубомъ живутъ седьмерицею семь старцовъ, ни скованныхъ, ни связанныхъ. Прихо-

диль къ нимъ старецъ, приводилъ къ нимъ тьму темъ черныхъ муріевъ. Возьмите вы старцы по три желѣзныхъ рожна, колите, рубите черныхъ муріевъ на семьдесятъ семь частей.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, по среди Окіана моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянъ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ тѣхъ кадахъ лежатъ тенета шелковыя. Вы старцы, ни скованные, ни связанные, соберите черныхъ муріевъ въ кади желѣзныя, въ тенета шелковыя, отъ раба—такого-то.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, по среди Окіана моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянъ сидитъ птица Гагана, съ желѣзнымъ носомъ, съ мѣдными когтями. Ты птица Гагана слѣдь у дома, гдѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ кадахъ лежатъ черныя муріи, въ шелковыхъ тенетахъ; сиди дружно и крѣпко, ни кого не подпускай, всѣхъ отгоняй, всѣхъ кусай. Заговариваю я симъ заговоромъ раба—такого-то—отъ черныхъ муріевъ, по сей день, по сей часъ, по его вѣкъ. А будь мой заговоръ дологъ и крѣпокъ. Кто его нарушитъ, того черныя муріи съѣдятъ. Слово мое крѣпко!

---

13. Заговоръ отъ червей.

Татаринъ, Татаринъ, злодѣйской породы, уродъ изъ всѣхъ уродовъ! За чѣмъ ты, Татаринъ, съешь червей у моей лошади—изъ тако-го-то—мѣста? Если не выведешь, то вырву те-бя съ корнемъ, заброшу за синюю даль, ты засохнешь, какъ порошокъ. Вспомнишь ты свою ошибку, да будетъ поздно.

---

13. Заговоръ отъ зубной скорби.

Зоря зарница, красная дѣвица, полуношница, въ полѣ заяць, въ морѣ камень, на днѣ Лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны, своею фатою отъ проклятаго Лимаря; за твоимъ покровомъ уцѣлвють мои зубы. Врагъ Лимарь откачнись отъ меня; а если ты будешь грысть мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ бездны преисподнія. Слово мое крѣпко!

---

15. Заговоръ отъ зубной скорби.

Мѣсяць, ты мѣсяць, серебряные рожки, златя твои ножки. Сойди ты мѣсяць, сними мою зубную скорбь, унеси подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенести, а твоей силѣ пере-весть. Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ три: всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣсяць ты мѣсяць, сокрой отъ меня зубную скорбь!

---

16. Заговоръ отъ зубной скорби.

Иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустымъ переулкамъ, по оврагамъ, по каналамъ. На встрѣчу мнѣ заяць. Заяць, ты заяць: гдѣ твои зубы? Отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я ни путемъ, ни дорогою, темнымъ лѣсомъ, сырымъ боромъ. На встрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ ты, сѣрой волкъ: гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я ни землею, ни водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. На встрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты баба: гдѣ твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай мнѣ свои выпалые. Заговариваю я зубы крѣпко накрѣпко у раба—такого-то—по сей день, по сей часъ, на вѣкъ вѣкомъ!

---

17. Заговоръ отъ зубной скорби.

Марѳа, Марія и Палагея, три сестры Лазаревы, подите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата, Лазаря: не болятъ ли у тебя зубы? Не ломаютъ ли у тебя кости? Нѣтъ сестрицы! Не болятъ у меня зубы, не ломаютъ у меня кости. Заговариваю я раба—такого—то—что бы у него не болѣли кости, не ломили зубы, по сей часъ, по сей день, по сю жизнь. Чуда Водяной! Возьми зубъ ломовой у раба—такого-то. Не болятъ у раба—такого-то—зубы;

болятъ зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы — по всѣ дни, по всѣ часы, по всю ихъ жизнь, злымъ мученьемъ и сокрушеньемъ.

18. Заговоръ отъ пицалей и стрѣль.

За дольными горами есть Окіанъ море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдной, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугуный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣщаетъ и заповѣдуетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату, красному и синему, стали, мѣди, проволоки, свинцу, олову, серебру, золоту, камнямъ, пицаламъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большой завѣтъ:

Подите вы: желѣзо, камень и свинецъ въ свою землю отъ раба — такого-то —, а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море — сокройтесь отъ раба—такого-то. А велить онъ: ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пицаламъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ, — быть тихимъ и смирнымъ. А велить онъ не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пицали, а велить схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ

мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпчая папцыря и калчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣль-горючъ камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса мѣтки.

---

19 Заговоръ отъ ратныхъ орудій.

Летѣль орель изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крытымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу во сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы полымя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливанъ сильной дождь, что имъ покорилась и поклонилась селитра - порохъ, смирнымъ смиренхонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня—такого - то—и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлова камня. И какъ отъ воды камни отпрядываютъ и пузыри вскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій прядали мимо меня стрѣлы и порохъ-селитра. Слово мое крѣпко!

---

20. Заговоръ отъ пуль свинцовыхъ, мѣдныхъ, каменныхъ.

Въ высококомъ терему, понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ, покрашается, добрымъ людямъ похваляется,

ратнымъ дѣломъ красуется. Во правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, во лѣвой мѣдныя, а во ногахъ каменные. Ты, красная дѣвица, отбери ружья: Турецкія, Татарскія, Нѣмецкія, Черкасскія, Русскія, Мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ; заколоти ты своею, невидимою силою ружья вражія. Будутъ ли стрѣлять ихъ ружья, и ихъ пули были бы не въ пули; а пошли бы эти пули во сыру землю, во чисто поле. А былъ бы я на войнѣ цѣль и невредимъ, и мой конь былъ бы цѣль и невредимъ; а была бы моя одежда крѣпче панцыря. Замыкаю свои приговорныя словеса замкомъ, и ключи кидаю въ Окіанъ море, подъ горючъ камень Алатырь. И какъ морю не высыхать, камня не видать, ключей не доставать, меня пулямъ не убивать, до моего живота, по конецъ вѣка.

—

21. Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.

Мать сыра земля, ты мать всякому желѣзу, а ты желѣзо поди во свою мать землю, а ты древо поди во свою мать древо, а вы перья подите во свою мать птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви въ морѣ, а мнѣ бы рабу—такому-то—было просторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь на меня не ходите, воро-

титесь ушми и боками. Какъ мятлица не можетъ прямо летѣть, и ко всякому древу близко приставать, такъ бы всѣмъ вамъ ни мочно, ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню. Какъ у мельницы жерновы вертятся, такъ бы желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись-бы кругомъ меня, а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ крѣпокъ и дологъ!

---

22. Заговоръ на карты.

Тридцать шесть картъ, сестры и братья, кумы и кумовья, сваты и сватьи, дяди и тетки, отцы и матери, дочерицы и падчерицы, сыновья и пасынки, свекрови и заловки, тести и тещи, зятя и свояки, заловки и невѣстки — всѣ вы черные, всѣ вы бѣлые, всѣ вы красные — скажите мнѣ всю сущую правду: что я думаю? Что буду думать? Скажите, не утайте, по всей справедливости, какъ вы говорили дочерямъ Иродовымъ, на брачномъ пиру, во почетномъ столу. А будетъ не скажите вы сущей правды, не възщитѣ моей бѣды, ино вамъ не жить болѣе на бѣломъ свѣтѣ; а размычу я васъ по чистому полю, по зеленымъ дубравамъ, по крытымъ берегамъ, по

синимъ морямъ. А будетъ вы скажете сущую правду, ино вамъ будетъ житье правильное, раздольное. Заговариваю я раба—такая-та—на карты на вывѣдываніе своей думы, на спознаніе дѣлъ чужихъ. Слово мое крѣпко!

---

23. Заговоръ отъ осы.

Оса всѣмъ Осамъ, ты мнѣ не мать. Осятки дѣтки, всѣмъ дѣтямъ дѣтки, вы мнѣ не дѣти. Беру я Закрученъ траву, сушу въ сырѣмъ бору, жгу въ зеленомъ лугу. Осятки летите на дымъ; оса бѣги въ сырой боръ. Слово замокъ, ключъ языкъ.

---

24. Заговоръ отъ запоя.

Ты небо слышишь, ты небо видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба—такого-то. Тѣло Маерена, печень тезе. Звѣзды вы ясныя — сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ загорнаго студенца. Мѣсяць ты красивый—сойди въ мою клѣть; а въ моей клѣти ни дна, ни покрывки. Солнышко ты привольное—взойди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды—уймите раба—такого-то—отъ вина; мѣсяць—отврати раба—такого-то отъ вина; солнышко—усмири раба—такого-то—отъ вина. Слово мое крѣпко!

---

25. Заговоръ на остановленіе руды.

Бхаль человекъ старъ, конь подь нимъ карь, по ристанямъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты мать руда жильная, жильная, тѣлесная—остановись, назадъ воротись. Старъ человекъ тебя запираетъ, на покой согрѣваетъ. Какъ коню его воды не стало, такъ бы тебя руда мать не бывало. Слово мое крѣпко!

26. Заговоръ на остановленіе руды.

На моръ на Окіанъ, на островъ на Буянъ — стоитъ дубъ, ни нагъ, ни одѣтъ. Подъ дубомъ сидятъ тридевять три дѣвицы, колятъ камку иглами булатными. Вы дѣвицы красныя: гнется ли вашъ булатъ? Нѣтъ! Нашъ булатъ не гнется. Ты руда уймись, остановись, прекратись. Слово мое крѣпко!

26. Заговоръ на остановленіе руды.

Летитъ воронъ, безъ крыль, безъ ногъ. Садится воронъ къ рабу—таковому-то—на главу и на плечо. Воронъ сидитъ посиживаетъ, рану потачиваетъ. Ты воронъ рану не кліюй, ты руда изъ раны не бѣги. Идетъ старецъ, всѣмъ ставецъ, несетъ печать. Ты старецъ остановись, ты воронъ не каркай, ты руда не капни. Крови не хаживать, тѣлу не баливать. Пухъ земля, одна семья. Будь по моему!

28. Заговоръ отъ лихорадки.

На горахъ Аеонскихъ, стоитъ дубъ мокрецею, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тринадцать старца — съ старцемъ Пафнугіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадцать дѣвиць, простоволосыхъ, простопопаяхъ. И рече старецъ Пафнугій, съ тринадцать старцами: кто сѣи къ намъ идоша? И рече ему двѣнадцать дѣвиць: есмь мы Царя Ирода дщери, идемъ на весь мѣръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнугій своимъ старцамъ: зломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Возмолишась двѣнадцать дѣвъ къ тринадцать старцамъ съ старцемъ Пафнугіемъ. И не почто же бысть ихъ мольба. И начаша ихъ старцы бити, глаголя: Ой вы еси двѣнадцать дѣвиць! Будьте вы тресуницы, водяницы, разслабленные, и живите на водѣ студениць, въ мѣръ не ходите, кости не знобите, тѣла немучите. Побѣгоша двѣнадцать дѣвиць къ водѣ студениць, тресуницами, водяницами, разслабленными.

Заговариваю я раба - такого-то—отъ изсушенія Лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадцать дѣвиць въ тарь-тары! отъидите отъ раба—такого-то—въ лѣса темные, на древа сухія *.

---

* Повѣтія Русскаго народа о Лихорадкахъ заимствованы отъ Павлианъ. Православною Церковію были преданы проклятію: *Вопросъ къ Богородицѣ о нѣдугъ Естественныхъ, еже и мнѣется тлѣсавица*. См. Іоаннъ, Экз. Булгарскаго изд. *Каландовичъ*. — стр. 210.

29 Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Бду на гору высокую, далекую, по облакамъ, по водамъ, а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярской, а во теремъ боярскомъ сидитъ зазноба - красна дѣвица. Ты дѣвица, зазноба молодеческая, иду за тебя во рать на супостатовъ моихъ, враговъ-зловѣвъ. Вынь ты, дѣвица, отеческой мечъ-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; отомкни ты, дѣвица, шлемъ богатырской; отопри ты, дѣвица, коня вороноа. Мнѣ мечъ-кладенецъ будь другомъ, мнѣ панцырь дѣдовской будь роднымъ братомъ, мнѣ шлемъ богатырской будь вѣнцомъ обручальнымъ, мнѣ конь вороной будь удалымъ молодцомъ. Выди ты, дѣвица, во чисто поле, а во чистомъ полѣ стоятъ рать могучая, а въ рати оружій нѣтъ смѣты. Закрой ты, дѣвица, меня своей фатой: отъ силы вражей, отъ пищали, отъ стрѣль, отъ борца, отъ кулашнаго бойца, отъ ратоборца, отъ дерева Русскаго и заморскаго: отъ дубу, отъ вязу, отъ клену, отъ ясени, отъ ели, отъ рябины, отъ полѣвна длиннаго, недлиннаго, четвертиннаго, отъ липы, жимолости, отъ ивы, отъ сосны, отъ яблони, отъ куросаѣпу, отъ орѣшины, отъ можжевельнику, отъ сѣна, отъ соломы, отъ костей, отъ желѣза, отъ уклада, стали, мѣди—красной,

Часть I.

6

зелевой, проволоки, отъ сѣребра, отъ золота, отъ птичьяго пера, отъ невѣрныхъ людей—Нагайскихъ, Нѣмецкихъ, Мордвы, Татарь, Башкирцевъ, Калмыковъ, Гулянцовъ, Бужарцовъ, Кобытей, Вовуловъ, Бумирцовъ, Турчениновъ, Якутовъ, Лунасовъ, Черемисовъ, Вотяковъ, Либановъ, Китайскихъ людей.

Вы деревѣ отъ меня раба — такого-то—воротитесь, вы желѣзо, и мѣдь, и сталь, и золото отлстайте, вы люди невѣрные отбѣгайте. А буде я ворочусь по живу, и по здорову, ино буду красна дѣвица тобою похвалятся, своего молодецкою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, какъ камень горючь Алатырь; моя молодецкая поступь сильна, какъ вода мѣльничная. Духъ духомъ, всѣхъ пинкомъ, нѣтъ никого, я одинъ, по живу, по здорову.

30. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выкатило красное солнышко изъ - за моря Хвалынскаго, восходилъ мѣсяць изъ подъ сина неба, собирались облака изъ далека, собирались сизы птицы во градъ каменный, а въ томъ градѣ каennomъ породила меня мать рѣдная, раба — такого-то —, а рожая приговаривала: будь ты, мое дятятко, цѣль невредимъ: отъ пушекъ, пицалей, стрѣль, борцовъ, ку-

ланныхъ бойцовъ; бойцамъ тебя не требовать, ратнымъ оружіямъ не побивать, рогатиною и копіемъ не колоть, топоромъ и бердышемъ не свѣчь, обухомъ тебя бить не убить, ножемъ не уязвить, старожилымъ людямъ въ обманъ не вводить, молодымъ парнямъ ни чѣмъ не вредить; а быть тебѣ передъ ними соколомъ, а имъ дроздами; а будь твое тѣло крѣпче камня, рубаха тверже желѣза, грудь крѣпче камня Алатыря; а будь ты: въ домѣ добрымъ отцомъ, во полѣ молодцомъ, во рати удалцомъ, въ міру на любованьѣ, во дѣвичемъ терему на покрашеньѣ, во брачномъ пиру безъ малова ухищренья, съ отцемъ съ матерью во миру, съ женою во ладу, съ дѣтьми во согласіи.

Заговариваю я свой заговоръ матернимъ заповѣданіемъ; а быть ему во всемъ, какъ тамъ указано, во вѣки ненарушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговоръ всему превозмогъ.

---

31. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый лугъ, во зеленомъ лугу есть зелія могучія, а въ нихъ силы видима невидимая. Срываю три былинки бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окіанъ морь, на островъ на Буянъ, подъ мечъ-кладенець; чер-

*

ную былинку покачу подь чернаго ворона, того ворона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а во гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная, съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясъ узорчатомъ завить, зашить колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской, Татарской. Красная былинка притащитъ мнѣ мечь-кладенець, черная былинка достанетъ уздѣчку браную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ кольной стрѣлой. Съ тѣмъ мечемъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкою обратю коня яраго, съ тѣмъ колчаномъ со каленой стрѣлой разобью врага супостата.

Заговариваю я ратнаго человѣка—такого-то—на войну симъ заговоромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ камень Алатырь.

32. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Подь моремъ подь Хвалынскимъ стоитъ мѣдной домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а надъ змѣемъ огненнымъ лежитъ семипудовой ключъ отъ Княжева терема, Володимерова, а во Княжомъ теремѣ, Володимеровомъ, сокрыта сбруя богатырская, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ.

По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ, плыветь лебедь Княжая, со двора Княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты лебедь полети къ морю Хвалынскому, закрой змѣя огненнаго, достань ключь семипудовой, что ключь отъ Княжева терема, Володимерова. Не моимъ крыльямъ долетать до моря Хвалынскаго, не моею мочи расклевать змѣя огненнаго, не моимъ ногамъ дотащить ключь семипудовой. Есть на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, воронъ, всѣмъ воронамъ старшій братъ; онъ долетитъ до моря Хвалынскаго, заключетъ змѣя огненнаго, притащитъ ключь семипудовой; а воронъ посаженъ злою Вѣдьмою Кіевскою.

Во лѣсу стоячемъ, во сырѣмъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живеть злая Вѣдьма Кіевская. Пойду - ль я во лѣсъ стоячей, во боръ дремучей, взойду - ль я въ избушку къ злой Вѣдьмѣ, Кіевской. Ты, злая Вѣдьма Кіевская: вели своему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ мѣдной домъ, заклевать змѣя огненнаго, достать семипудовой ключь. Заупрямилась, закорачилась злая Вѣдьма Кіевская, о своемъ воронѣ. Не моею старости бродить до моря Окіана, до острова до Булна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ повѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключь. Разбилъ воронъ мѣдной домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключь.

Отпираю я тѣмъ ключемъ Княжой теремъ, Володимеровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей Новгородскихъ, соратниковъ молодецкихъ. Во той сбруи не убьетъ меня ни пицаль, ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы, ни Татарская, ни Казанская рать.

Заговариваю я раба—такого-го—ратнаго челоуѣка, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

33. Заговоръ ратнаго челоуѣка, идущаго на войну.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, сидитъ доброй молодець, во неволѣ заточенъ. Къ тебѣ я прихожу доброй молодець съ покорищемъ. Выдаютъ меня родные братье во Княжую рать, одинокаго, неженатаго, а во Княжей рати мнѣ по добру не жити. Заговори меня своимъ молодецкимъ словомъ. Радъ бы стоять во поле за тебѣ, горькаго сиротину, да крѣпка мол неволя, да горька моя истома. Заговариваю я тебѣ раба—такого-го—идти на войну, во всемъ по тому, какъ заповѣдывалъ мнѣ родной отецъ. А будешь ты ратнымъ челоуѣкомъ, ино будь сбереженъ: отъ топора, отъ бердыша, отъ пицали, отъ Татарскія пики, отъ краснаго булата, отъ бойца,

единоборца, отъ бойца врага-супостата, отъ всей поганой Татарской силы, отъ Казанской рати, отъ Литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божіихъ людей, отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ. И будетъ тебѣ: топоръ не въ топоръ, бердышъ не въ бердышъ, пицаль не въ пицаль, Татарская ника не въ пикку, поганая Татарская сила не въ силу, Казанская рать не въ рать, черные Божіе люди не въ люди, бабьи зазоры не въ зазоры, хитрая немочь не въ немочь, Литовскіе богатыри не въ богатыри, недуги не въ недуги. Кружусь, верчусь, отъ топоровъ, бердышей, пицалей, пикъ, бойцовъ, борцовъ, Татарской силы, Казанской рати, черныхъ Божіихъ людей. Отмахнусь по сей вѣкъ, по сей часъ, по сей день.

---

54. Заговоръ ратнаго чловѣка, идущаго на войну.

Встану я рано, утренней зорей, умоюсь холодной росой, утрюсь сырой землей, завалюсь за каменной стѣной, Кремлевской. Ты, стѣна Кремлевская, бей враговъ супостатовъ, дюжихъ Татаръ, злыхъ Татарченковъ; а я былъ бы изъ-за тебя цѣль, невредимъ. Лягу я поздно, вечерней зорей, на сырой росъ, во стану ратномъ; а въ стану ратномъ есть могучи богатыри, Княжей породы, изъ дальнихъ странъ, со ратной Рус-

ской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте Татаръ, полоните всю Татарскую землю; а я былъ бы изъ-за васъ цѣль, невредимъ. Иду я во кровавую рать Татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣль, невредимъ. Вы раны тяжелыя не болите, вы удары бойцовъ меня не губите, вы пищали меня не десятирите; а былъ бы я цѣль, невредимъ.

Заговариваю я раба—такого-то—ратнаго челоуѣка, идущаго на войну симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ, на всю его жизнь, по сей день, по сей часъ, по сю битву.

35. Заговоръ ратнаго челоуѣка, идущаго на войну.

Завяжу я, рабъ—такой-то — по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищаляхъ, лукахъ, и всякомъ ратномъ оружіи. Вы узлы заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія. И стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча змѣиная сокрыта, отъ змѣи двенадесять главаго, того змѣя страшнаго, что пролетѣлъ со Окіана моря, со острова Булна, со мѣднаго дома, того змѣя, что убить двуна-

десять богатырьми, подь дванадесять Муромскими дубами. Во моихъ узлахъ зашиты злою мачихою змѣйные головы.

Заговариваю я раба—такого-то—ратнаго челоуѣка, идущаго на войну моимъ крѣпкимъ заговоромъ, крѣпко на крѣпко.

---

36. Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ тоска. Бьется тоска, убивается тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ поломя, изъ поломя выбѣгалъ Сатанина, кричите: Павушка Романея, бѣги по скорѣе, дуй рабѣ—такой-то—въ губы и въ зубы, въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, что бы раба—такая-та—тосковала всякой часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ, ѣла бы не заѣла, пила бы не запила, спала бы не заспала, а все бы тосковала, чтобъ я ей былъ лучше чужова молодца, лучше роднова отца, лучше родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цѣпями, бросаю ключи въ Окіанѣ море, подь бѣль горючъ камень Алатырь. Кто мудренѣе меня взы-

щется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ, тотъ отгонитъ тоску.

---

37. Заговоръ отъ порѣза.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ бѣль горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ Алатырь сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, рудожелтую, зашиваетъ раны кровавыя. Заговариваю я раба—такого-то—отъ порѣзу. Булатъ прочь отстань, а ты кровь течь перестань.

---

38. Заговоръ отъ недуговъ.

Заговариваю я у раба—такого-то—двѣнадцать скорбныхъ недуговъ: отъ трясавицы, отъ колючки, отъ свербежи, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ ломоты, отъ колотья, отъ дерганія, отъ морганія, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты злая трясавица уймись, а не то проклянущу тебя въ тарь-тарары; ты неугомонная колючка остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли; ты свербежь прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты стрѣльба остановись, а не то засмолю тебя въ смоль кипучей; ты огневица окладись, а не то заморожу тебя Крещенски-

ми морозами; ты ломоть сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты колоть притупись, а не то роспилю тебя на мѣлкія частички; ты дерганье воротись, а не то запружу тобою плотину на мѣльницѣ; ты морганье окрутись, а не то въ печи банной засушу; ты слѣпота скорчись, а не то утоплю тебя въ дехтю; ты глухота исчези, а не то засмолю въ бочку и по морю пуцу; ты черная немочь отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Всѣ вы недуги откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь отъ раба—такого-то—по сей часъ, по сей день, по его жизнь, моимъ крѣпкимъ словомъ.

---

39. Заговоръ на покраденную вещь.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ желѣзный сундукъ, а въ желѣзномъ сундукѣ лежатъ ножи булатные. Подите вы ножи булатные къ такому и сякому вору, рубите его тѣло, колите его сердце, что бы онъ воръ воротилъ покражу—такого-то—чтобы онъ не утаилъ ни сѣня пороха, а выдалъ бы все сполна. Будь ты воръ проклятъ моимъ сильнымъ заговоромъ, въ землю преисподнюю, за горы Араратскія, въ смолу кипячую, въ золу горячую, въ тину болотную, въ плотину мѣльничную, въ домъ бездонный, въ кушинъ банный, прибить къ приголкѣ осиновымъ коломъ, из-

сушенъ суше травы, замороженъ пуще льда, окривѣй, охромѣй, ошалѣй, одервянѣй, одурей, обезручей, оголодай, отошай, валяйся въ грязи, съ людьми не свыкайся, и не своею смертію умри.

40. Заговоръ оборотня.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, свѣтитъ мѣсяць на осиновѣ пень, въ зеленѣ лѣсъ, въ широкой доль. Около пня ходитъ волкъ мохнатый, на зубахъ у него весь скоть рогатой; а въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а въ доль волкъ не забродитъ. Мѣсяць, мѣсяць—золотые рожки! Расплавъ пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страхъ на звѣря, человекѣ и гады; что бы они съраго волка не брали, и теплой бы съ него шкуры не драли. Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской.

41. Заговоръ для любви (*).

Исполнена есть земля дивности. Какъ на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, есть бѣль горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огнепальная баня, въ той банѣ лежитъ розжигаемая доска, на той доскѣ тридцать три

---

* Этотъ заговоръ выписанъ изъ комедіи: Чародѣйство или дядя обманувшійся колдунъ. стр. 51. Москва, 1831 года.

тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, и бросаются тоски, изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголь, отъ пола до потолка, оттуда чрезъ всѣ пути и дороги и перепутья, воздухомъ и аеромъ. Мечитесь тоски, киньтесь тоски и бросьтесь тоски въ буйную ея голову, въ тыль, въ ликъ, въ ясные очи, въ сахóрныя уста, въ ретивое сердце, въ ее умъ и разумъ, въ волю и хотѣніе, во все ее тѣло бѣлое и во всю кровь горячую, и во всѣ ея кости, и во всѣ составы: въ 70 составовъ, полусоставовъ и подсоставовъ. И во всѣ ея жилы: въ 70 жилъ, полужилъ и поджилковъ, что бы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время, ни гдѣ бъ пребыть не могла, какъ рыба безъ воды. Кидалась бы, бросалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на всѣ пути, и дороги, и перепутья съ трепетомъ, туженіемъ, съ плачемъ и рыданіемъ, зѣло спѣшно шла бы и бѣжала, и пребыть бы безъ него ни едины минуты не могла. Думала бъ объ немъ не задумала, спала бъ не заспала, ѣла бы не заѣла, пила бъ не запила и не боялась бы ничего, чтобъ онъ ей казался милѣ свѣту бѣлаго, милѣ солнца пресвѣтлаго, милѣ луны прекрасныя, милѣ всѣхъ и даже милѣ сну своего, по всякое время: на молоду, подъ полнѣ, на перекроѣ и на исходѣ мѣсяца. Сіе

слово есть утверждение и укрѣпленіе, имъ же утверждается, и укрѣпляется и замыкается. Аще ли кто отъ человѣкъ, кромѣ меня покусит-ся отмыкать страхъ сей, то буди яко червь въ свищѣ орѣховомъ. И ни чѣмъ, ни аеромъ, ни воздухомъ, ни бурею, ни водою дѣло сіе не отмыкается.

СКАЗАНІЯ

О

ЧАРОДѢЙСТВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Чары на вѣтеръ	99
— на слѣдъ	102
— для колѣкъ	105
— на лошадь	108
— на подтекъ	110
— надъ змѣею	111
— надъ лягушкою	113
— надъ голубинымъ сердцемъ	115
— надъ змѣями и лягушками	117
Чародѣйскій травникъ	118
Колюка	119
Адамова голова	—
Прикрышъ	—
Сонъ-трава	120
Кочедыжникъ	121
Тирличъ	122
Разрывъ	—
Плакунъ	123
Нечуй вѣтеръ	125
Заклинательная пѣсня надъ духами	126
Чародѣйская пѣсня Вѣдьмъ	128
Пѣсня Вѣдьмъ на Лысой горѣ	129
Шабашная пѣсня Вѣдьмъ	130
Пѣсня Вѣдьмъ на Роковомъ шабашѣ	131
Чародѣйская пѣсня Русалокъ	132
Чародѣйская пѣсня Солнцевыхъ дѣвъ	133

Ч А Р О Д Ъ Й С Т В О .

---

1. Чары на вѣтеръ.

Чары на вѣтеръ извѣстны были въ Русскомъ Чернокнижии еще въ XVI столѣтїи. Курбскій, участникъ славы Царя Іоанна IV Васильевича, описывая Казанскую битву, говорить, что Казанскіе Татары, желая очаровать Русскую рать, навѣвали вѣтры съ своей стѣны. Люди, незнакомые съ семейною Русскою жизнію, до сихъ поръ обвиняють Курбскаго за это извѣстіе. Что бы увѣриться дѣйствительно ли чары на вѣтеръ существуютъ, стоитъ только заговорить съ первымъ Русскимъ селяниномъ, и сотни примѣровъ будутъ предъ глазами. Въ селахъ говорятъ, что какой-то пчельникъ научилъ Чародѣевъ этому ремеслу, когда ихъ отроившіяся пчелы улетали къ сосѣдямъ; но, рассматривая примѣненія чаровъ на вѣтеръ къ разнымъ случаямъ, видно, что они были занесены къ намъ съ чужой стороны. Кажется, безъ всякаго сомнѣнія, можно

*

сказать, что чары на вѣтеръ изобрѣтены Казанскими Чародѣями.

Чары на вѣтеръ составляютъ жестокою мечь въ оскорбленіи. Желая отомстить своему врагу, поселяне отправляются къ Чародѣю, рассказываютъ свою обиду, просятъ его почаровать на вѣтеръ. Чародѣй, получивши подарки: вино, деньги, холстину, спрашиваетъ: «Въ какой сторонѣ живеть твой супостатъ?»—Вотъ, въ этой-то сторонкѣ, говоритъ обиженный, живеть мой супостатъ!—Они выходятъ вмѣстѣ съ Чародѣемъ на дорогу, и оба смотрятъ: есть ли туда попутный вѣтеръ? Если есть вѣтеръ, тогда приступаютъ къ совершенію обряда. Обиженный поселянинъ беретъ съ дороги снѣгъ или пыль, смотря по времени года, и отдаетъ, съ поклономъ, Чародѣю. Этотъ принявши пыль, бросаетъ на вѣтеръ, приговаривая проклятіе :

«Кулла, Кулла! Ослѣпи—такого-то—черныя, воронья, голубья, карія, бѣлыя, красныя очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы. Умори его скорѣе змѣи мѣдьяницы!»

Проговоривши проклятіе, Чародѣй глубоко задумывается, потомъ рассказываетъ : видъ, примѣты, мѣсто — куда долетѣли его чары, увѣряетъ, какъ корчило этаго человѣка, какъ онъ лишился зрѣнія, какъ раздувался своею утровою,

какъ начать чихнуть, какъ онъ томится недугомъ смертнымъ.

Поселяне убѣждены, что если ихъ врагъ попадетъ подъ проклятіе Чародѣя, то онъ непременно будетъ жертвою чарованія. Но, какъ этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ, то всегда утѣшаютъ себя тѣмъ, что на эти чары попался посторонній человѣкъ, сходный лицомъ и всѣми примѣтами съ его врагомъ. Вѣроятно, что извиненія высказываются напередъ самими Чародѣями, въ оправданіе своего обмана. Довѣренность и настроенное воображеніе къ чудесамъ составляютъ основу этого чарованія. Знаяши простоту поселянъ, ихъ довѣренность ко всему чудесному, мы не должны удивляться, что они позволяютъ себя обманывать Чародѣямъ. Многія извѣстны многія усилія для истребленія этого обмана, къ сожалѣнію, увеличившія еще болѣе увѣренность простодушныхъ въ дѣйствительности сихъ чаръ. Кажется, что все это происходитъ отъ того, что благодѣтельные помѣщики не знаютъ: какъ вооружиться противъ этого зла? Справедливое удовлетвореніе обиды, вниманіе къ бѣдствію — можетъ навсегда истребить вѣрованіе въ чары на вѣтеръ. Русской поселянинъ тихъ и спокоенъ, добръ отъ природы, понятливъ до послѣдней возможности. Случись съ нимъ бѣдствіе, онъ лишается сихъ наслѣдственныхъ до-

блестей, и тогда-то предается съ полною довѣренностію въ распоряженіе обманщиковъ.

2. Чары на слѣдъ.

Чары на слѣдъ употребляются едва ли не во всѣхъ селеніяхъ. Вѣрованіе поселянъ такъ къ нимъ безгранично, что никто не можетъ ихъ разувѣрить. Человѣкъ, подвергшійся этому чарованію, почитается отъ всѣхъ пропадшимъ, недоступнымъ ко всякому исцѣленію. Трудно рѣшить: когда забрело на Русскую землю это чарованіе? Что оно не Русское созданіе — въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Люди, занимающіеся симъ ремесломъ, суть: Цыгане, Литовцы, Татары, Молдаваны, сельскіе Русскіе коновалы, бродячіе по Русскимъ селеніямъ, съ предложеніемъ услугъ, всегда остающихся въ накладъ простодушнымъ поселянамъ. *Спрашивай бывалаго*—Русское повѣрье — составляетъ причину всѣхъ сельскихъ бѣдствій. Разспрашивая бывалаго о чужеземныхъ дяковинкахъ, поселяне всегда стараются выпытывать, всѣми возможными средствами, объ отвращеніи бѣдствій. И здѣсь-то бывалый — какъ опытный обманщикъ — учааетъ глупостямъ всякаго рода.

Чары на слѣдъ есть не что другое — какъ обыкновенная болѣзнь, извѣстная въ Медицинѣ подъ именемъ: *Старческаго увяданія* — *Magismus*. Человѣкъ сохнетъ, теряетъ съ каждою

минутою жизненнаго отправления, лишается умственныхъ способностей, и въ истощеніи постепенномъ, медленномъ, умираетъ. Поселяне, непонимающіе свойства болѣзней, приписываютъ это болѣзненное состояніе чарамъ на слѣдъ.

Въ селеніяхъ чары на слѣдъ употребляютъ: въ любовныхъ интригахъ, въ размолвкѣ сосѣдей, въ явной, непримиримой враждѣ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ они нагоняютъ только вѣчную тоску, отвращеніе отъ занятій, и неизбѣжную смерть; въ послѣднемъ же случаѣ, кромѣ тоски, изсушаютъ человѣка до послѣдней возможности, и доводятъ нерѣдко до самоубійства. Вотъ основное вѣрованіе поселянъ въ это чарованіе.

Поселяне, предпринимающіе совершать чары на слѣдъ, стараются подмѣтить слѣдъ проходящаго человѣка, своего непримиримаго врага. Замѣтивши слѣдъ, они закрываютъ его, что бы посторонніе не истребили. Чародѣи считаютъ тѣ только лучшими слѣды, которые были напечатлѣны: на песокъ, пыли, грязи, ростъ, снѣгѣ, и въ особенности тѣ, на которыхъ есть волосы животныхъ и людей. Это условіе, кажется, выдуманно, по необходимости, для оправданія обмана. Призванный Чародѣй такъ искусно отдѣляетъ слѣдъ, что онъ представляетъ какъ бы слѣпокъ съ ступени. Для него они употребляютъ широкій ножикъ, какъ говорятъ они, окровав-

ленный вихремъ. Надъ этимъ слѣпкомъ читаютъ тайно заговоры. Когда требуетъ обиженный, что бы они навели тоску, тогда Чародѣи прячутъ слѣдъ или подъ матицу, или подъ князекъ; когда же обиженный требуетъ смертельнаго отмщенія, тогда онъ, въ глухую полночь, сжигаетъ слѣдъ въ банѣ.

Зло, совершенное Чародѣями, надъ подвергшимся сему чарованію, можетъ быть и уничтожено. Замѣтивши тоску, поселяне призываютъ или *Доку*, или *Влѣдуна*, или *Знахаря*, и просятъ его, съ подарками, избавить больнаго отъ недуга. Дока, рѣшившійся помогать, прежде всего осматриваетъ матицу, потомъ князекъ, пересчитываетъ волосы. Поселяне вѣрують слѣпо, что Докамъ извѣстно: сколько у каждаго чловѣка есть волосъ, и что вылезавшіе волосы всегда падаютъ подъ слѣдъ. Если они найдя слѣдъ, замѣчаютъ въ немъ волосы, тогда обѣщаютъ избавленіе. Когда же обѣщаніе не сбывается, тогда увѣряютъ, что замѣченные ими въ слѣдъ волосы, вѣролтно, принадлежали другому. Это условіе есть приготовленное оправданіе для неудачи. Дока выноситъ найденный слѣдъ на улицу и бросаетъ на дорогу, по направленію вѣтра. Этимъ самымъ сгоняется тоска. Когда Дока не отыщетъ слѣда, тогда предлагаетъ больному сечь бѣлье подъ Благовѣщеніе, увѣряя, что только это средство избавитъ его отъ недуга.

Всякой благомыслящій человекъ, конечно, будетъ сожалѣть о заблужденіи поселянъ, и, безъ сомнѣнія, будетъ желать истребленія этого повѣрья. Что чары на слѣдъ есть обманъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Кто, кромѣ помѣщиковъ и приходскихъ священниковъ — можетъ истребить это зло? На нихъ основывается надежда въ исполненіи этого желанія!

3. Чары для колѣкъ.

Чары для колѣкъ должны обращать особенное вниманіе помѣщиковъ по своему злоупотребленію въ семейной жизни. Простолудинъ рѣшительно вѣритъ, что колѣпки — люди, обезображенные разными болѣзнями, — суть несчастливцы, очарованные Доками, Вѣдунами. Можно ли придумать нелѣпѣ этого заблужденія? Русской поселянинъ, при взглядѣ на колѣкъ — сожалѣетъ объ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшится ихъ, предполагая въ ихъ тѣлѣ присутствіе *нечистой силы*. Не лѣзя обвинять поселянина за это послѣднее предположеніе: достовѣрныя извѣстія объ изуродованіи людей могутъ приводить всякаго въ содраганіе. Давно ли исчезли въ современной нашей городской жизни толпы слѣпыхъ, подводы съ изуродованными людьми? До сихъ поръ еще скитаются они по селеніямъ, до сихъ поръ еще показы ихъ

существуютъ. Не говоря о явномъ изуродованіи людей, совершаемомъ слѣпыми и колѣнками, для благовиднаго собиранія милостыни, чары для колѣкъ дѣйствительно находятся въ Русскомъ Чернокунижии. Что бы увѣрить себя, что они занесены въ нашу родину съ чужой стороны, рассмотримъ совершеніе этого обряда. Это только одно можетъ доказать, что Русскою поселенинъ не былъ ихъ изобрѣтателемъ.

Чародѣи, для совершенія сего обряда, берутъ землю съ свѣжей могилы, вынимаютъ золу изъ семи печей, собираютъ соль изъ семи избъ. Все это смѣшиваютъ вмѣстѣ, или зашиваютъ въ онучи и въ чулки, или кладутъ въ лапти вмѣсто подстилки. Безъ всякаго сомнѣнія, что участникомъ такого обряда долженъ быть кто вибудь изъ семейныхъ, или близкихъ людей. Тотъ, кому обречено это снадобье, лишается употребленія ноги. Въ этомъ заключается совершеніе чаровъ для колѣкъ.

Объяснить это чародѣйство можно очень просто. Земля, взятая съ свѣжей могилы, всегда заключаетъ въ себѣ или частицы селитренныя, или известковыя, но въ смѣшеніи съ золою и солью образуетъ такой химическій составъ, который легко можетъ поглощать въ себя испаренія и сообщать ихъ другимъ тѣламъ. Такой составъ, сообщенный съ ногою, весьма скоро поглощаетъ ножную испарину, и буду-

чи растворимъ ею, увлаживаетъ, такъ сказать, своею сыростію соприкосновенныя части. Если при этомъ обратимъ вниманіе на способность человѣческой организаціи всасывать въ себя всякую водянистую влажностъ — то легко увѣримся, что составъ Чародѣевъ для колѣкъ основанъ на всасываніи испареній, и, что въ слѣдствіе этого неизбежно долженъ образоваться: *искусственный ревматизмъ*. Простолюдинъ, не понимая законовъ природы, не вѣруя въ ревматизмы, всегда будетъ увѣрять, что это дѣлаютъ злостные мертвецы, ненавидящіе живущихъ людей, за то, что они, будто бы на перекоръ судьбы, остаются въ замѣнъ ихъ наслаждаться мірскими удовольствіями.

Военные врачи должны, въ мирное время, особенное обращать вниманіе на ревматизмы. Солдаты, желая избавиться отъ службы, добровольно подвергаются чарамъ для колѣкъ.

Не возможно допустить, что бы Русскій поселянинъ, чуждый химическихъ свѣдѣній, могъ быть изобрѣтателемъ искусственнаго ревматизма — или чаровъ для колѣкъ. Если есть изъ Русскихъ, занимающихся симъ промысломъ, то, вѣроятно, что они исполняютъ это по преданію, безъ всякаго понятія о законахъ химическаго соединенія, безъ знаній о дѣйствіи веществъ на человѣческое тѣло. Послѣ этого мы смѣло можемъ сказать: чары для колѣкъ есть

изобрѣтеніе чужеземное, занесенное въ Русскую землю. Дослѣ еще остаются темныя понятія о кликушахъ, которыхъ всегда выдаютъ за бѣснующихся. Но и это есть болѣзнь: *искусственная Истерика*. Кровогонительныя средства, нарушая отправленіе женскихъ органовъ, возвышая раздраженіе нервной системы, образуютъ такое искусственное состояніе Нервнаго Электричества, что врачи ни какъ не могутъ подвести болѣзни этого рода подъ обыкновенныя законы происхожденія болѣзней. Замѣтимъ еще важное обстоятельство: многіе изъ поселенъ обладаютъ особеннымъ знаніемъ дѣйствія веществъ на человѣческій организмъ, знаніемъ недоступнымъ для врачей. Это-то знаніе, облеченное разными таинствами, обрядами, обманами всегда употребляется ими во зло. Отъ этого произошло образованіе многихъ искусственныхъ болѣзней.

4. Чары на лошадь.

Чары на лошадь, сопровождаемая глупымъ вѣрованіемъ во мщеніе мертвецовъ, нашли для себя пріютъ въ сельской жизни. За достовѣрное можно принять, что основатели этого чародѣйства суть Цыганы, люди, посвятившіе всю свою жизнь на обманы, особенно при продажѣ лошадей. Кучера, покровители этого

обмана, дѣлаются вмѣстѣ и исполнителями чаровъ на лошадь.

Что бы совершить надъ лошадьми чары, поселяне, по совѣту Чародѣевъ, вытаскиваютъ изъ гробовъ гвозди, бросаютъ ихъ въ конюшни, и тамъ, гдѣ это будетъ сдѣлано, лошади лишаются ногъ.

Въ этомъ чародѣйствѣ еще болѣе видно ослѣпленіе черни. Гвоздь, хотя бы онъ былъ взятъ прямо изъ кузницы, легко можетъ вонзиться въ ногу животнаго, и тѣмъ лишить его употребленія ноги. Обманщики прикрыли это зло таинственнымъ повѣрьемъ, основаннымъ на мщеніи мертвецовъ.

Пастухи изъ ненависти къ владѣльцамъ домашнихъ животныхъ, вбиваютъ въ ноги лошадей, коровъ, овецъ деревянные гвозди, сдѣланные изъ осколковъ гробовыхъ досокъ. Отъ этой жестокой операціи невинное животное хромѣетъ, получаетъ раны и умираетъ. Обманщикъ, увѣрившій простолюдина повѣрьемъ, что покойникъ, приходя ночью вытаскивать гвоздь, ломаетъ ноги животнымъ, доставляетъ всѣ способы для зла. Отклоняя отъ себя постыдное дѣйствіе, простолюдинъ воображаетъ, что причиною сдѣланнаго зла бываютъ посторонніе люди.

Конечно, ни кто не будетъ считать этотъ поступокъ за чародѣйство; но онъ существуетъ

въ сельской жизни, и столько же причиняеть вреда, какъ и самая опустошительная болѣзнь. Поселянинъ, самъ собою, не рѣшается на эти чары безъ содѣйствія Чародѣя.

---

5. Чары на подтекъ.

Чары на подтекъ принадлежать болѣе къ домашнимъ бѣдствіямъ, нежели въ чудесахъ, неизъяснимымъ ни законами природы, ни понимаемымъ разсудкомъ. Въ селахъ есть повѣрье, что этимъ чарованіемъ обладаютъ мѣльники.

Мѣльникъ Русской для своего заведенія бываетъ вмѣстѣ и механикомъ и гидравликомъ. Плотина для мѣльничнаго пруда есть верхъ его искусства, предметъ зависти сосѣдей, и вмѣстѣ укоризна для соперниковъ по ремеслу. Люди ненавистные придумали разрушать плотины, устраиваемыя въ теченіе многихъ лѣтъ. Чародѣи явились съ своими услугами и образовали чары на подтекъ, содержимыя въ большой тайнѣ. Призванные злобнымъ мѣльникомъ, они бросаютъ въ прудъ змѣиное молоко. Поселянинъ вѣрить, что это такъ, какъ увѣряеть его Знахарь своего дѣла. Но змѣиное молоко Чародѣя есть — живая ртуть. Кромѣ змѣйнаго молока, Чародѣи совѣтуютъ бросать въ осминномъ мѣшкѣ золу, по зорямъ вечернимъ и угреннимъ, увѣряя, что зола выгоняеть изъ пруда Водянаго

Дѣдушку. Чернь слѣпо вѣрять и въ зори и въ Водянаго.

Могутъ ли Чародѣи разрушить этими средствами плотину—рѣшить не возможно; но, что это зло—въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя. Облекая его мнѣями и чудеснымъ рассказомъ о выходѣ Водянаго изъ воды—обманщики оболестили простодушныхъ сердца поселянъ, недоступныхъ часто къ состраданiю.

---

6. Чары надъ змѣею.

Чары надъ змѣею изобрѣтены любовными необходимостями. Простодушнымъ кажется всегда возможнымъ преклонить челоуѣческое сердце къ любви *неволею*. Недовольствуясь одними заговорами, они прибѣгли къ чарованiю, и Знахари явились предъ ними съ чарами. Востокъ древней жизни, изобрѣтатель чарованiй, распространилъ любовныя чары по всему свѣту. Невѣжество людей приняло съ восторгомъ оболъщенiе старой жизни, украшенное восторженными рассказами, роскошною жизнью. Русская земля получила всѣ любовныя чарованiя отъ Грековъ, съ первыхъ дней сношенiя съ этимъ народомъ.

Главное основанiе чаровъ надъ змѣею заключается въ суевѣрномъ вѣрованiи въ нечистую силу. Обманщики успѣли внушить народу, что

сопротивленіе противъ нечистой силы есть явная вражда, всегда сопровождаемая несчастіями человѣческими. Не понимая, что источники всѣхъ семейныхъ несчастій заключаются въ собственной порочной жизни, люди приписали ихъ духамъ. Простодушная дѣвушка, увѣренная коварною старухою, что она оборожена, что чары совершены надъ нею для любви—такого-то—вѣрить безпрекословно и предается въ руки обманщиковъ. Неудивительно, что отъ этого вѣрованія, ничтожныя затѣи Знахарей, содѣлались доступными для семейной жизни.

Чародѣи, призванные для совершенія чаровъ надъ змѣею, вручаютъ деревянную рагульку, могущую, по ихъ увѣренію, укрощать змѣй, и отсылаютъ въ лѣсъ искать змѣю. Когда нападуть на это животное, должно рагулкою придавить его къ землѣ. Въ это время надобно стараться продѣть сквозь змѣиные глаза иглоку съ ниткою, и говорить:

«Змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ что бы раба—такая-та — любила меня и жалѣла.»

Потомъ, когда бываетъ съ любимымъ предметомъ вмѣстѣ, должно продѣть этою иглоку съ ниткою платье такъ, что бы этаго ни кто не замѣтилъ. Въ противномъ же случаѣ чары остаются ничтожными. Когда это будетъ приведено въ исполненіе, тогда начинается

любовь, и продолжается до-толѣ, пока будетъ находиться нитка въ платѣѣ.

Кромѣ сего, влюбленный долженъ взять съ собою змѣю, вытопить изъ нея сало и сдѣлать свѣчу, которую носить съ собою. Если онъ будетъ замѣчать охлажденіе въ любви, тогда зажигать змѣиную свѣчу и любовь снова возгарится. Когда же вся сгоритъ свѣча — тогда любовь на вѣки простываетъ.

Чары надъ змѣею совершаются во многихъ Русскихъ селеніяхъ, хранятся съ большею тайною и покупаются дорогою цѣною.

7. Чары надъ лягушкою.

Чары надъ лягушкою принадлежать къ любовнымъ чарованіямъ и занесены въ Русскую землю съ Востока. Приворотить сердце дѣвушки казалось нашимъ предкамъ дѣломъ сверхъестественнымъ, выходящимъ изъ круга семейной жизни, недоступнымъ для ихъ разумѣнія. При такихъ ограниченныхъ понятіяхъ легко было обманщикамъ усвоить себѣ власть надъ простодушными сердцами.

Влюбленный, желая обладать *красой дѣвицкѣй*, всегда прибѣгаетъ къ Знахарю за совѣтами — *пособить своей тоскѣ*. Знахарь приказываетъ ему выходить утренними зарями къ озерамъ и ловить лягушекъ парныхъ. Если онъ успѣетъ

схватить парныхъ лягушекъ, то долженъ положить ихъ въ продыравленный кувшинъ, и бѣжать, не оглядываясь, до первой муравьиной кочки, и тамъ его зарыть. Послѣ сего онъ долженъ бѣжать, также не оглядываясь, до своего дома. Если онъ обернется или будетъ прислушиваться къ шуму, визгу, крику—то его нечистая сила можетъ сокрушить. Народъ думаетъ, что нечистая сила по неволѣ должна сообщать чарованіе костямъ парныхъ лягушекъ, и если неопытный будетъ оглядываться, то они будутъ мстить за невольное отторженіе силы чародѣйства. Поселяне говорятъ, что очень рѣдко случается чтобы кто либо устоялъ противъ искушеній, и сберегъ такую заповѣдь. Притомъ часто случается, что посторонніе, научаемые нечистою силою, крадутъ кости парныхъ лягушекъ. Влюбленный идетъ на третій день къ муравьиной кочкѣ, раскапываетъ и находитъ: вилку и крючекъ. Эти орудія дѣлаютъ чудеса въ любви. Если хочешь кого заставить по неволѣ любить себя, то стоитъ только зацѣпить дѣвушку этимъ крючкомъ—и желаніе увѣнчано. Если же дѣвушка становится въ тягость—то стоитъ только оттолкнуть вилкою—и она на всю жизнь остается равнодушною къ самой горячей любви.

Для благомыслящаго человѣка чары надъ лягушкою есть совершенной вздоръ; но поселянинъ

не только безусловно вѣрить этому, но и съ большею готовностію обращается къ нимъ. Очевидно, что это само по себѣ безвредно, но оно гибельно для дѣятельности сельской. Часто простолюдинъ по цѣлымъ годамъ бываетъ занятъ этою одною мыслию, забывая свои обязанности.

8. Чары надъ голубинымъ сердцемъ.

Чары надъ голубинымъ сердцемъ равно утѣшаютъ и молодыхъ и старыхъ. Молодые люди вѣрятъ, что голубиное сердце есть вѣрная дорога къ любви, старые же полагаютъ, что съ этимъ сердцемъ можно привлечь къ себѣ расположеніе отъ всѣхъ людей и на всю жизнь. Разсматривая благоговѣйное уваженіе нашихъ поселянъ къ голубямъ, не возможно было бы и думать, что изъ нихъ составляется чарованіе. Греки и Римляне прибѣгали въ своихъ надобностяхъ къ голубямъ. Но есть ли это чужеземный подарокъ нашимъ поселянамъ? Албертъ, въ своемъ сочиненіи о таинствахъ — сказалъ: *Si tecum habueris cor columbis, omnes te ament*: Следовательно, это повѣрье занесено на Русскую землю съ Запада.

Русскіе поселяне, для совершенія чаровъ надъ голубинымъ сердцемъ, выбираютъ голубей бѣлыхъ, преимущественно голубя и голубку. Разрѣзывая внутренности, они вынимаютъ сердца

*

обмываютъ въ водѣ, потомъ засушиваютъ въ печи. Эти сердца, высушенные и завязанные въ холстину, поселане и поселанки носятъ близъ своего сердца. Въ этомъ заключается весь обрядъ чарованія. Въ деревняхъ онъ почитается непроницаемою тайною, и переходитъ отъ отца къ сыну. Тѣ, которые не рѣшаются сами совершить обрядъ, изъ уваженія къ голубямъ, подкупаютъ людей бывалыхъ — цыганъ, коноваловъ и старушекъ-лѣчекъ.

Голубиное сердце, принимаемое за чародѣйство, входитъ въ составъ леченія. Старушки — лѣчейки толкутъ это сухое сердце, даютъ пить по утреннимъ и вечернимъ зорямъ дѣтямъ, страдающимъ злыми недугами — корчами. Поселане вѣрятъ, что отъ этаго уничтожаются злые недуги.

Злобные старики и отвратительныя старухи, изъ ненависти къ супружеской любви молодыхъ людей, похищаютъ очарованныя голубиныя сердца, сжигаютъ въ банѣ, съ намѣреніемъ расторгнуть мужа и жену. Но дальновидныя поселанки придумали и противъ этаго зла средство: они, въ свою очередь, крадутъ рубашки этихъ людей, жгутъ ихъ, а пепель кладутъ подъ пороги, на попираніе всѣмъ проходящимъ людямъ.

---

9. Чары надъ змѣями и лягушками.

Въ Русскихъ селеніяхъ почитаютъ за досто-
вѣрное—возможность переселенія змѣй и лягу-
шекъ не только въ дворы, дома, житницы —
но и въ живыхъ людей. Казалось, что это мнѣ-
ніе—какъ вздорное—не заслуживаетъ и упоми-
нанія; но, какъ оно дѣйствительно существуетъ
и притомъ въ превратномъ видѣ, и какъ есть са-
мое величайшее зло въ сельской жизни, то
здѣсь упоминается изъ одной необходимости,
въ предосторожность простодушнымъ поселя-
намъ.

Чары надъ змѣями и лягушками составля-
ютъ самое отчаянное чарованіе въ Русскомъ
Чернокнижій. Разгнѣванный поселянинъ, оже-
сточенный до послѣдней возможности, лишен-
ный всѣхъ средствъ къ отмщенію, прибѣгаетъ
съ просьбою къ Чародѣю совершить чары надъ
змѣями и лягушками. Это значить, что Чаро-
дѣй долженъ напустить змѣй и лягушекъ въ
дворъ его врага. Уговорившись за дорогую цѣну,
Чародѣй исполняетъ просьбу ссылана.

Чародѣи совершаютъ этотъ обрядъ слѣдую-
щимъ образомъ: берутъ змѣй и лягушекъ, за-
сушиваютъ въ печи, потомъ толкутъ въ мел-
кій порошокъ и хранятъ въ сухомъ мѣстѣ.
Когда бываетъ кому нужно напустить этихъ
животныхъ, они завязываютъ порошокъ въ хол-

стину и кладутъ въ навозъ. По прошествіи известнаго имъ времени, вынимають холстину, въ которой, по ихъ увѣренію, изъ каждой пылинки образуется новое животное. Этихъ-то, едва образовавшихся животныхъ, Чародѣи разбрасываютъ по дворамъ, гдѣ они размножаются до послѣдней возможности.

Къ несчастію человѣчества, есть такіе жестокіе люди, которые рѣшаются поить этимъ порошкомъ своихъ враговъ. Противъ сего зла поселяне употребляютъ свѣжую малину и землянику. Несчастные страдальцы кладутъ вокругъ себя ягоды этихъ растѣній, и животные, гнѣздящіяся въ нихъ, будто бы выползають.

Обнародывая это зло съ истиннымъ желаніемъ его уничтоженія, мы увѣрены, что сострадательныя сердца обратятъ все свое стараніе къ его искорененію. Этого требуетъ отъ всѣхъ человѣчество.

10. Чародѣйскій травникъ.

Вѣрованіе поселянъ въ травы бываетъ чрезвычайно разнообразное. Кромѣ благотворнаго ихъ вліянія, уничтожающаго болѣзненныя состоянія человѣческаго тѣла, они допускають, что въ травахъ скрывается нечистая сила, вѣдомая только Чародѣямъ. Пересчитываемъ

лишь замѣчательныя травы изъ Чародѣйскаго травника.

1. ТРАВА КОЛЮКА.

Трава колюка собирается Чародѣями въ Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится въ коровьихъ пузыряхъ и раздается по особенному расположенію птичьимъ охотникамъ. Поселяне думаютъ, что ружье, окуренное этою травою, мѣтко стрѣляетъ и ни одна птица не ускользнетъ отъ его выстрѣла, и что такое ружье нельзя уже заговорить Кудеснику ни какимъ заговоромъ.

2. АДАМОВА ГОЛОВА.

Трава Адамова голова находится въ болшемъ уваженіи у поселянъ. Чародѣи собираютъ ее на Ивановъ день и хранятъ скрытно до Великаго Четверга. По народному понятію чародѣйская сила Адамовой головы простирается только на дикихъ утокъ. Охотники, получившіе эту траву изъ рукъ записнаго Чародѣя окуриваютъ всѣ снаряды, употребляемые ими при ловлѣ утокъ — въ Великой Четвертокъ.

3. ТРАВА ПРИКРЫШЪ.

Трава Прикрышъ собирается Чародѣями въ Великодненской мясоѣдъ, отъ 15 Августа до 1 Октября. Люди свѣдущіе въ чарованіяхъ упо-

требляютъ эту траву противъ свадебныхъ наговоровъ. Когда невѣсту привезутъ изъ церкви въ жениховъ домъ, тогда Знахарь забѣгаетъ впередъ, кладетъ траву Прикрышь подъ порогъ. Невѣста, предупрежденная напередъ родными о дѣйствии Знахаря, при входѣ въ домъ должна перепрыгнуть чрезъ порогъ. Если же она наступитъ на эту траву, тогда всѣ наговоры обрушиваются надъ невѣстиною головою; въ противномъ же случаѣ жестокое ихъ дѣйствіе обнаруживается надъ людьми, желавшими несчастія новобрачной четѣ.

4. Сонъ-трава.

Сонъ-трава собирается Чародѣями въ Маѣ мѣсяцѣ, при желто-голубомъ цвѣтеніи, съ разными наговорами и обрядами. Поселяне полагаютъ, что она обладаетъ пророческою силою—предсказывать соннымъ добро и зло. Собранныя Чародѣемъ съ утреннею рососою, опущенная въ холодную воду, она вынимается при полнолуніи, и начинаетъ шевелиться. Въ это время поселники кладутъ Сонъ-траву подъ подушки и засыпаютъ со страхомъ и надеждами. Если быть счастію, тогда въ сонныхъ видѣніяхъ представляется молодая дѣвушка или молодой муштина; если же быть бѣдѣ, тогда является смерть.

5. Кочедыжникъ.

Кочедыжникъ или Папоротникъ срывается подъ Ивановъ день, съ особенными обрядами и заговорами. Сила чародѣйская, по народному понятію, заключается въ цвѣтъ Кочедыжника, цвѣтетъ только въ ночь подъ Ивановъ день, и охраняется нечистою силою. Поселѣне подробно описываютъ цвѣтеніе Кочедыжника. По вторимъ ихъ рассказъ:

Въ глухую полночь изъ куста широколиственнаго Папоротника показывается цвѣточная почка. Она то движется впередъ и назадъ, то заковыляется какъ рѣчная волна, то запрыгаетъ какъ живая птичка. Все это происходитъ отъ того, что нечистая сила старается скрыть отъ людскаго взора этотъ цвѣтъ. Потомъ ежеминутно увеличиваясь и выростая вверхъ, цвѣтетъ, какъ горячій уголь. Наконецъ ровно въ 12 часовъ, съ трескомъ развертывается цвѣтъ — какъ зарница, и своимъ пламенемъ освѣщаетъ около себя и вдали. Въ этотъ самый мигъ является нечистая сила и срываетъ цвѣтъ.

Рѣшившійся сорвать цвѣтъ Кочедыжника, долженъ ранѣе придти въ лѣсъ, отыскать кустъ, очертить кругомъ черту и дожидаться расцвѣта. Онъ долженъ быть твердъ и непоколебимъ противъ нечистой силы, претерпѣть всѣ искушенія, быть равнодушнымъ противъ

всѣхъ превращеній нечистой силы. Если онъ оглянется на зовъ, то нечистая сила свертываетъ голову, или задушиваетъ, или одурачиваетъ на всю жизнь. Досель еще въ деревняхъ нѣтъ примѣра, что бы ктонибудь могъ сорвать цвѣтъ Кочедыжника, кромѣ Чародѣевъ.

Цвѣтъ Кочедыжника имѣетъ силу: владѣть нечистыми духами, повелѣвать землею и водою, отыскивать клады, дѣлать невидимку. Вся эта сила будетъ принадлежать тому, кто содѣлается обладателемъ сего цвѣта. При отысканіи земляныхъ богатствъ, кладокопатели бросаютъ цвѣтъ Кочедыжника вверхъ. Если гдѣ есть кладъ, этотъ цвѣтъ будетъ носиться надъ нимъ—какъ звѣзда, и прямо упадетъ на землю.

6. ТРАВА ТИРЛИЧЬ.

Трава Тирличъ собирается подъ Ивановъ день на Лысой горѣ, близъ Днѣпра, подъ Кіевомъ. Поселяне думаютъ, что эта трава обладаетъ силою превращенія и достается только въ удѣлъ однимъ Вѣльмамъ. Изъ Тирлича выжимается сокъ, которымъ натираютъ Оборотни свои подмышки, при совершеніи чаръ. Вѣдьмы, духи-оборотни провицательные, зная свойство сей травы, стараются истреблять ее. Кудесники и Чародѣи дорожатъ Тирличемъ, какъ сокровищемъ.

7. РАЗРЫВЪ-ТРАВА.

Разрывъ-трава имѣетъ два названія: *Прыгунъ*,

Скакунъ. Это растѣніе, столь рѣдко, что люди, только посвящаемые въ таинство Чернокунижія могутъ находить его. Поселяне думаютъ, что тотъ, кто имѣетъ цвѣтъ Кочедыжника, у кого есть корень Плакума, того всегда можно поздравить съ обладаніемъ этой драгоцѣнной травы.

Чародѣи приписываютъ этой травѣ разные свойства. Она разрываетъ желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь—на мелкіе кусочки.

Въ народныхъ преданіяхъ доселѣ есть повѣрье о кладахъ, скрываемыхъ по разнымъ мѣстамъ. Въ старину, говорятъ старики, разбойники зарывали награбленное имущество въ землю на извѣстное число лѣтъ, запирали желѣзными дверьми съ огромными замками, а ключи бросали въ воду. Сила человѣческая недостаточна бываетъ для разрушенія этихъ дверей и замковъ; потому что нечистая сила, которой поручено стеречь кладъ, защищаетъ его своею спиною. Кто же можетъ бороться съ нечистою силою? Всякой Русской поселянинъ бѣжитъ отъ такой борьбы. Кладокопатели издерживаютъ большія суммы на полученіе Разрывъ-травы

8. ТРАВА ПЛАКУНЪ.

Трава Плакунъ пользуется во всѣхъ деревняхъ и селахъ уваженіемъ и страхомъ. Чародѣи создали объ ней особенный мифъ, противъ-

ный религіи и обставили обрядами, достойными сожалѣнія.

Чародѣи собирая Плакунъ траву въ Ивановъ день, утреннею зарею, безъ всякихъ желѣзныхъ орудій выкапываютъ ея корень. Простолюдины полагають, что это растѣніе обладаетъ удивительною силою: приводитъ въ страхъ нечистыхъ духовъ, смирать ихъ и приводитъ въ покорность. Этою силою обладаютъ только корень и цвѣты. Знахари употребляютъ этотъ корень для изгнанія Домовыхъ, Вѣдьмъ, и нечистой силы, стерегущихъ клады.

Съ горестію упоминаемъ о суевѣріяхъ нашихъ поселянъ надъ сею травою. Можетъ быть наши слова дойдутъ до сердецъ благодѣтельныхъ помѣщиковъ, и, можетъ быть, принесутъ пользу истребленіемъ народнаго зла въ вѣрованіе къ сей травѣ. Наши суевѣры до того простерли свою дерзость, что раскрытіе ихъ проказъ невольно приводитъ въ негодованіе. Выкопавши траву Плакунъ съ корнемъ, являются въ церковь, стараются съ сею травою стоять въ алтарь, держа въ рукѣ корень, обращенный на Востокъ. Въ это время они произносятъ заговоръ:

«Плакунъ, Плакунъ! Плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшень злымъ бѣсамъ, полюбѣсамъ, старымъ Вѣдьмамъ Кіевскимъ. А

не дадутъ тебѣ покорища — утопи ихъ въ слезахъ. А убѣгутъ отъ твоего позорища—замкни въ ямы преисподнія. Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо. Вѣкъ вѣкомъ!»

Для нихъ бываетъ не довольно этихъ вздорныхъ словъ; они вздумали еще однимъ обрядомъ придать особенную силу сей травѣ, о которомъ невозможно и упоминать.

Чародѣйскій травникъ, занесенный въ Русскую землю изъ Бѣлоруссiи и Польши, говорить о многихъ обрядахъ надъ травою Плакунномъ, обрядахъ противныхъ Христiанской Религiи. У записныхъ Знахарей эти травники сохраняются письменные, Польскими буквами. Не умѣя ихъ читать, они точь - въ точь произносятъ ихъ, не упуская даже ни одной буквы. Этотъ новый источникъ сельскаго заблужденiя, вѣроятно зашелъ въ наше отечество во время Самозванцевъ. Кто бы не пожелалъ, что бы эти травники были уничтожены, или по крайней мѣрѣ, что бы простолюдины увѣрились въ ихъ ничтожности?

9. ТРАВА Нечуй-вѣтеръ.

Трава Нечуй-вѣтеръ, по сказанiю Чародѣевъ, растетъ зимою по берегамъ и озерамъ. Простолюдины думаютъ, что тотъ, кто обладаетъ этою травою, всегда можетъ: остановить вѣтеръ на водѣ, избавить себя и судно отъ по-

топленія, наконецъ ловить рыбу безъ неводовъ. День собиранія травы Нечуй-вѣтеръ назначается у поселянъ 1 Января, подъ Васильевъ вечеръ, въ глухую полночь. Они думаютъ, что въ это время нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ и рѣкамъ, бросаетъ траву — Нечуй-вѣтеръ — для уничтоженія бури. При всемъ томъ люди зрячіе не могутъ находить это растеніе; одни только слѣпые отъ рожденія чувствуютъ присутствіе его. Когда они наступаютъ на эту траву, тогда ихъ въ слѣпые глаза колятъ иглы. Если они успѣютъ поднять и схватить не руками, а ртомъ, тогда они обладаютъ ея силою.

Разсматривая возможность полученія сей травы одними только слѣпыми, мы смѣло можемъ сказать, что изобрѣтатели этого чарованія суть слѣпцы, бродящіе по деревнямъ, кочующіе всю жизнь на счетъ ближняго. Довѣренность къ словамъ людей этого рода, ихъ жалкое состояніе — привлекли на ихъ сторону сердца простодушныхъ поселянъ, и, воспользовавшись ихъ слабостію, создали вѣрованіе въ траву Нечуй-вѣтеръ, принимаемое всѣми поселянами за непреложную истину.

11. Заклинательная пѣсня надъ духами.

Говорятъ, что заклинительныя пѣсни зашли въ Русскую землю изъ Бѣлоруссіи, Польши,

Остзейскихъ губерній и Швеціи. Основательныхъ доказательствъ на это нѣтъ, а рассказамъ не вѣрять. Безъ сомнѣнія можно положить, что это есть остатокъ древней Восточной жизни, переходившей всѣ народы и здѣсь дожившей до нашихъ временъ. Пересказываемъ одну пѣсню.

С . . . . . А . . . . . Т . . . . . О . . . . . Р .
 А . . . . . Р . . . . . Е . . . . . П . . . . . О .
 Т . . . . . Е . . . . . Н . . . . . Е . . . . . Т .
 О . . . . . П . . . . . Е . . . . . Р . . . . . А .
 Р . . . . . О . . . . . Т . . . . . А . . . . . С .

Что значить эта пѣсня—до сихъ поръ еще ни кѣмъ не было объяснено. Наши поселяне знаютъ только ея слова, но не понимаютъ ея значенія. Говорятъ, что бы узнать истинный смыслъ ея, должно переставить всѣ слова по способу извѣстному однимъ заклинателямъ духовъ. Замѣчательно, что эта пѣсня имѣеть такой складъ въ словахъ, что можно читать: сверху, снизу, съ правой и лѣвой сторонъ, и все будетъ одно и тоже *.

Заклинательная пѣсня надъ духами вошла въ Русскую Демонологию, и наши Вѣдьмы испытываютъ ея силу въ обрядѣ посвяtitельномъ. Къ удивленію нашего времени, есть еще люди, вѣрующіе въ эти бредни, и страшящіеся ихъ дѣйствія.

---

* Въ Русской Демологіи она имѣеть другую форму. См. 5 ч. Сказаній Р. Н. Въ Румяцовскомъ Музеемъ есть сборникъ, гдѣ эта пѣсня назвала: Соломоновою печатію.

12. Чародѣйская пѣсня Вѣдьмъ.

Чародѣйская пѣсня Вѣдьмъ поется, говорятъ опытные въ Демононологию, при полетѣ Вѣдьмъ на шабашъ къ Лысой горѣ. Русскія Вѣдьмы вѣрятъ безусловно въ этотъ вздоръ и стараются въ немъ увѣрять поселянъ. Въ Русской Демонологии она имѣетъ слѣдующую форму *:

А.
 А. Б.
 А. Б. Р.
 А. Б. Р. А.
 А. Б. Р. А. К.
 А. Б. Р. А. К. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д.
 А. Б. Р. А. К. А.
 А. Б. Р. А, К:
 А. Б. Р. А.
 А. Б. Р.
 А. Б.
 А.

* См. 5 ч. Сказаній Рус. Народа, гдѣ она будетъ объяснена по известнымъ поварьямъ, которыя допускаются народомъ.

Чародѣи увѣряютъ, что будто бы при каждомъ звукѣ вылетаетъ по одному духу изъ Ада. Наши поселяне вѣрятъ и этому вздорному сказанію.

13. Пѣсня Вѣдьмъ на Лысой горѣ.

Въ заповѣданныхъ сказаніяхъ поселянь есть повѣріе о томъ, что какой-то казакъ забравшись на Лысую гору, подслушалъ пѣсню Вѣдьмъ; но шабашное сборище, узнавши объ открытіи утопило казака въ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ она гуляетъ по бѣлому свѣту и передается Чародѣями однимъ только Вѣдьмамъ. Нѣтъ почти ни какой возможности постигнуть смыслъ этихъ словъ. Это какаѣ-то смѣсь разнородныхъ звуковъ языка, никому неизвѣстнаго, и, можетъ быть, никогда небывалаго.

Кумара.

Нихъ, нихъ, запаламъ, бада.

Эшохомо, лаваса, шиббода.

Кумара.

А. а. а.—о. о. о.—і. і. і.—э. э. э.—у. у. у.—е. е. е.

Ла, ла, собъ, лі, лі, собъ, лу, лу, собъ!

Жуижанъ.

Вихада, ксара, гуятунь, гуятунь.

Лиеа, пррадда, гуятунь, гуятунь.

Наппалимъ, вашяба, бухтара.

Мазитанъ, руаханъ, гуятунь.

Часть I.

Жунжанъ.

Яндра, кулайнеми, яндра,

Яндра.

14. Шабашная пѣсня Вѣдьмъ.

Шабашная пѣсня Вѣдьмъ, говорятъ поселяне, открыта одною молодою дѣвушкою, обращенною изъ Вѣдьмъ въ прежнее состояніе.

Гутць!

Алегреть!

Астареть, Бегеть!

Аксафеть, Сабатань!

Тенеть!

Гутць!

Маяла, на, да кагала!

Сагана!

Веда, шуга, ла, на да шуга!

Сагана!

Гулла, гулла, на да лафа!

Сагана!

Шиха, эхань, рова!

Чухъ, чухъ!

Крыда, эхань, сцоха!

Чухъ, чухъ, чухъ!

Гутць!

15. ПѢСНЯ ВѢДЬМЪ НА РОКОВОМЪ ШАБАШѢ.

Вотъ еще странное смѣшеніе звуковъ, сходное съ выговоромъ Цыганъ! Пользуясь этою пѣснью, наши старухи-колдуньи думаютъ, что обладаютъ несмѣтнымъ богатствомъ, что эта пѣсня въ состояніи сей часъ обогатить того, кто только можетъ пропѣть ее. Замѣчательно, что эти старухи всегда бываютъ совершенно нищими, хотя находятся въ состояніи пѣть по сту разъ на день.

Шикалу, Ликалу!

Шагадамъ, магадамъ, викадамъ.

Небазгнѣ, доюлазгнѣ, фиказгнѣ.

Бейхаманшъ, гейлулашаннъ, зламаниъ.

Ликалу!

Шію, шію, данъ—ба, ба, банъ, ю.

Шію, шію, нетоли — ба, ба, згнѣ, ю.

Шію, шію, бала, ли, ба, ба, дамъ ю.

О вила, вила, дамъ, юхала!

Гираба, наюра, юхала!

Карабша, гултай, юхала!

Захива, винилши, схабатай, янаха.

Захива, гиряй, гиряй, добила, янаха.

Захива, вилхомай, вилхомай, янаха.

Мля! згнѣ, згнѣ!

Гаашъ! згнѣ, згнѣ!

У—у—у! згнѣ, згнѣ!

*

Бя—баа—! згинь, згинь!
 Кво—кво! згинь, згинь!
 Бду, бду! згинь, згинь!
 Карра! згинь, згинь!
 Тили, тили! згинь, згинь!
 Хивъ, чивъ! згинь, згинь!
 Жу, жу! згинь, згинь!
 Згинь, згинь, згинь!

16. Чародѣйская пѣсня Русалокъ.

Поселяне приписывая Русалкамъ обаятельную силу надъ молодыми людьми, скрываютъ за тайну Чародѣйскую пѣсню Русалокъ, приводящую въ усыпленіе. Звукъ словъ этой пѣсни совершенно непонятенъ, не говоря уже о значеніи. До сихъ поръ еще люди, знающіе *всю подноготную* не умѣютъ пользоваться этого пѣснію.

Шивда, визза, каланда, миногома!

Ийда, нйда, якутанма, бятама!

Нуѣаша, зинзама, охуто, ми!

Копоцо, копоцамъ, копоцама!

Ябудалма, виггаза, мейда!

Ю, іа, о—ію, іа цокъ! ію, іа, паццо! ію, іа, пипаццо!

Зоокатама, зоосцома, никамъ, никамъ, шолда!

Пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ!

Пивцо, пивцо, пивцо, дынза!

Шоно, пивцо, пивцо, дынза!

Шоно, чиходамъ, виггаза, мейда!

Боцопо, хондыремо, боцопо, галемо!

Руахадо, рындо, рындо, галемо!

Ю, іа о! іо, іа цокъ! іо іа цокъ! іо іа цокъ!

Ниппуда, боалтамо, гилтовека, шолда!

Коввудамо, ширафо, сцохалемо, шолда!

Шоно, шоно, шоно!

Пивцо, пивцо, пивцо!

14. Чародѣйская пѣсня Солнцевыхъ дѣвъ.

Чародѣйская пѣсня Солнцевыхъ дѣвъ, по сказанію Чародѣевъ, поется при брачной жизни огненнаго змѣя съ дѣвушкою. Смѣшеніе Русскихъ словъ со звуками, совершенно неизвѣстными, заставляетъ думать, что она передѣлана, Русскими на свой ладъ.

»Во всемъ домѣ—гилло, магаль—сидѣла Солнцева дѣва. Не теремъ златой—шивгафа—искала дѣва; не богатырь могучъ изъ Ноугорода подлеталь; подлеталь огненный змѣй — Лиѣъ, лиѣъ зауцапа калапуда.—А броня не мѣдяна, не злата; а ширинки на немъ не жемчужены; а шлемъ на немъ не изъ краснаго уклада; а калена стрѣла не изъ дѣдовскаго ларца.—Пивцо, фукадалимо, коронталима, канафо — Пол-

кань, Полкань! Разбей ты огненнаго змѣя; ты соблюди дѣвичью красу Солнцевой дѣвы—Ви-
хадима, гилло, моголь, дирафъ.—Изъ-за Хвалын-
скаго моря летѣль огненный змѣй по синему
небу, во дальнюю деревушку, во теремъ къ
дѣвѣ. Могучь богатырь—Шиялла, шибудда, ко-
чилла, барайчихо, дойцофо, кирайха, дина.—Во
малиновомъ саду камка волжская, а на камкѣ
дѣва мертвая, со живой водой, со лютой све-
кровью, со злымъ свекоромъ. Убить огненной
змѣй, разсыпаны перья по Хвалынскому морю,
по сырому бору Муромскому, по мѣдяной ро-
сѣ, по утренней зорѣ.—Яниха, шойдега, бира-
ха, виддо.—А набѣхаль злой Татаринь, и узяль
во полонь Солнцеву дѣву, въ золотую орду, ко
лютому Мамаю, ко нехристу басурманскому,
ко проклятому бархадѣю.—Уахама, широко.»

СКАЗАНІЯ

О

ЗНАХАРСТВѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Пчельное дѣло	139
Сбрызгиваніе	142
Переполохъ	144
Соняшница	146
Открытіе колдуна	147
Стень	149
Съ глазу	151
Хлѣбная завязка	152
Зубы лечить	153
Куриная слѣпота	154
Морозъ	155
Неразмѣнный рубль	157
Кость невидимка	159
Свадебная поруха	161
Вывѣдываніе жены	163
Размѣнной колпакъ	165
Вѣдьмино селеніе	168

ЗНАХАРСТВО.

1. Пчельное дѣло.

Пчельное дѣло въ селеніяхъ почитается самымъ таинственнымъ, важнымъ, и сверхъ того, не для всѣхъ доступнымъ занятіемъ. Люди зажиточные, хозяйственные; имѣющіе до ста и болѣе ульевъ, всегда, по народной молвѣ, состоятъ въ дружественной связи съ нечистою силою. Мнѣнія поселянъ о пчельномъ дѣлѣ столь разнообразны, что одни избираютъ для него покровителями Св. Угодниковъ, другіе же обрѣкаютъ ихъ Водяному Дѣдушкѣ. Пчельники, приверженцы сего послѣдняго мнѣнія, называются въ селеніяхъ: *Вѣдунами, Дѣдами, Знахарями*. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои собственныя понятія, пріобрѣтаемыя по преданію отъ другихъ, и каждый, въ свою очередь, совершаетъ надъ пчелами свои проказы.

Вѣдуны думаютъ, что пчелы первоначально образовались въ болотахъ, подъ рукою Водяного Дѣдушки. Матка, какъ первородъ этихъ пчелъ, была выкуплена злымъ Чародѣемъ за тридцать головъ Знахарскихъ и передана въ улей одного Вѣдуна, по велѣнію нечистой силы. Этотъ Вѣдунъ, изъ ненависти къ людямъ, научилъ

матку жалить людей, а матка обучила этому ремеслу всѣхъ пчелъ. Когда пчельникъ Вѣдунъ устроиваетъ гдѣ нибудь пѣсику, тогда, для хозяйственнаго благоденствія и медоваго обилія, обрекаетъ Водяному Дѣдушкѣ самый лучший улей. Между Вѣдунами до сихъ поръ еще не рѣшено: оставлять ли этотъ обреченный улей на пѣсикѣ, или бросать его въ трясиное мѣсто, въ болото? Если, которые оставляютъ на пѣсикѣ обреченный улей, то Дѣдъ охраняетъ только заведеніе; если же потопятъ въ болотѣ этотъ улей, то онъ не только доставляетъ всѣ возможные средства къ размноженію пчелъ, но еще заставляетъ пчелъ летать на чужую пѣсику для похищенія меда.

Знахари полагаютъ, что всѣ пчелы первоначально отроились отъ лошади, заѣзженной Водянымъ Дѣдушкою, и брошенной въ болото. Когда рыболовы опустили невода въ это болото, то, вмѣсто рыбы, вытащили улей съ пчелами. Отъ этого улья развелись пчелы по всему свѣту. Жаленье пчелъ началось съ того времени, они полагаютъ, какъ одинъ изъ этихъ рыболововъ хотѣлъ украсть матку. Когда уже преступникъ открылся въ своемъ похищеніи, то Знахари, для исцѣленія опухоли и боли, рѣшили между собою, что похититель долженъ съѣсть матку. За это открытіе—отъ ужаленія пчелъ—Водяной Дѣдушкѣ передалъ навсегда пчелъ въ руки Зна-

харей. Получивъ въ свое покровительство пчелъ они изобрѣли разные способы для сохраненія ихъ. Пересчитываемъ:

Для размноженія пчелъ Знахари совѣтуютъ поселянамъ: Когда ударять къ утрени на Великъ День, быть на колокольнѣ, и, послѣ перваго удара, отломить кусокъ мѣди отъ колокола. Этотъ кусокъ мѣди приносятъ на пѣсику и кладутъ въ сердовой улей.

Варять растенія Дурманъ съ Тысячелиственникомъ, брызгаютъ плетень, деревья, строенія — съ цѣлю истребить сосѣднихъ пчелъ и отучить своихъ отъ полету на чужой дворъ.

Во время роенія пчелъ заблаговременно готовятъ улья, окуренные еловою курушкою, вытертые жгучей крапивою, украшенные разными *приносками*, получаемыми отъ проходящихъ бывалыхъ людей, ставятъ въ ряды, на югъ, востокъ, западъ — такъ, чтобы пчелы прямо вылетали на востокъ. Расположеніе ульевъ пчельники считаютъ за важное дѣло, и потому, когда желаютъ кому показать свое заведеніе, измѣняютъ его. Это дѣлается большею частію изъ подозрѣнія и недовѣрчивости. Подозрѣніе основывается на томъ, что могутъ устроить такое же заведеніе подобнымъ образомъ; а отъ этаго опасаются упадка на цѣны. Опасность зиждется на странномъ мнѣніи: будто бы пчельникъ-Знахарь можетъ

дать приказаніе своимъ пчеламъ выгаскать медъ.

Для усыпленія чужихъ пчелъ Знахари собираютъ маковыя головки и варятъ ихъ въ козьемъ молокѣ. Это молоко, всосанное пчелою налетною, можетъ пріучать чужихъ пчелъ къ переселенію, Дѣды - пчельники въ селеніяхъ почитаются несвѣдущими въ сношеніяхъ съ нечистою силою: это просто караульщики. Но простолюдинъ уважаетъ и боится оскорбить Дѣда - пчельника; онъ знаетъ, что оскорбленіе всегда ведетъ къ разрушенію хозяйства. Замѣчательная черта Дѣда-пчельника заключается въ предпочтеніи водить пчелъ по лѣсамъ.

2. Сбрызгиваніе.

Сбрызгиваніе принадлежитъ къ важному роду леченія Знахарей. Наши простолюдины такъ въ него вѣрятъ, что, по ихъ понятію, сбрызгиваніемъ можно исцѣлить самый опасный недугъ. Что бы получить этотъ даръ, поселяне прибѣгаютъ къ Знахарямъ съ просьбою: передать имъ наговоры надъ водою. Откровенность Знахарей пріобрѣтается хлѣбомъ, овсомъ, домашними животными. Передача наговоровъ сопровождается смѣшными обрядами. Приведемъ ихъ здѣсь.

Поселянинъ, желающій получить право отъ Знахаря на Сбрызгиваніе, долженъ три вечера

париться въ банѣ, три дня говѣть, три дня ходить по улицѣ съ открытою головою, а послѣдніе три дня посвящать Знахаря. Въ пустой избѣ Знахарь ставитъ мису съ водою, по угламъ кладетъ соль. Поселянинъ пришедъ къ нему за передачею, долженъ лизать языкомъ раскладенныя по угламъ соль, золу, уголь, и, при каждомъ глоткѣ, прихлсбывать изъ мисы воду. Въ это время Знахарь читаетъ про себя наговоры. На третій день вручается поселянину громовая стрѣла и передаются словесно наговоры. Вотъ одинъ изъ наговоровъ:

«Соль сольна, зола горька, уголь черенъ. Нашепчите, наговорите мою воду въ мисѣ для такого-то дѣла. Ты соль улади, ты зола огорчи, ты уголь очерни. Моя соль крѣпка, моя зола горька, мой уголь черенъ. Кто выпьетъ мою воду — отпадутъ всѣ недуги; кто съестъ мою соль — отъ того откѣчнутся всѣ болѣсти; кто полижетъ мою золу — отъ того отбѣгутъ лихія болѣсти; кто сотретъ зубами уголь — отъ того отлетятъ узороки со всѣми призораками.»

Поселянинъ наученный Сбрьзгиванію, принимается лечить всѣ болѣзни. Когда старушка придетъ къ нему съ просьбою — пособить отъ недуга ея внучки — онъ прежде всего торгуется, потомъ беретъ кнутъ, какъ принадлежность Знахаря, и идетъ въ домъ больной. При

входъ его всѣ встають съ почтениемъ, сажаютъ его въ передній уголъ, и начитается угощение. Молчаливость на вопросы, закаченные глаза подъ лобъ, маханіе кнутомъ, голова подпертая локтемъ — суть вѣрныя ручательства въ его знаніи. Въ полномъ разгулѣ онъ проситъ показать больную, и, какаѣ бы то ни была съ нею болѣзни — рѣшаетъ однимъ названіемъ—*недугъ*. Это слово понятно поселянамъ. Требуешь въ ковшъ воды, читаетъ про себя наговоры, потомъ сбрызгиваетъ больную, и тѣмъ оканчивается все дѣло. Уходя, онъ даетъ приказаніе—на порогъ, прислонясь къ притоклѣ, пить остальную воду по зарямъ.

Болѣзни, лечимыя Знахарями, суть слѣдующія. *Лихоманки*—лихорадки, *Лихія больсти*—судороги, *Родимецъ*, *Колотье Потрясиха* — ревматизмъ тѣльный, *Зазноба молодецкая*, *Тоска наносная*, *Ушибиха* — падучая болѣзнь, *Черная немочь*, *Узороки*, *Призороки*. Всѣ эти болѣзни именуются у Знахарей, какъ выше сказано, однимъ именемъ: *недугъ*.

3. Переполохъ.

Переполохъ, по значенію Знахарей, есть *отгадъ всякаго испуга*, совершеннаго добромъ и зломъ. Наши поселяне думаютъ, что испугъ всегда случается отъ людской ненависти; но,

не зная, кто бываетъ причиною испуга, прибѣгаютъ къ Знахарямъ. Знахарь непременно долженъ одолѣть ненавистника, хотя бы онъ былъ за тридцать земель въ тридесятомъ царствѣ. Въ этомъ трудномъ положеніи онъ долго не остается. Всѣ Знахари говорятъ условно, высказываютъ иносказательно однѣ примѣты, и всегда стараются показывать *на убылаго*. При томъ, прежде нежели произнесутъ *отгадъ*, выспрашиваютъ напередъ у приходящаго о всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ. Изъ этихъ разсказовъ они извлекаютъ для себя все нужное.

Знахарь, призванный въ домъ для совершенія Переполоха, требуетъ въ мису воды, олова и Богоявленскую свѣчу—когда испуганные бываютъ еще женатыми—и обручальную свѣчу, если эта особа будетъ не овдовѣвшая. Надъ обручальною свѣчею расплавливаетъ олово, потомъ выливаетъ воду. Какъ скоро начнутъ отдѣляться изъ воды пары—онъ говоритъ окружающимъ: «Смотрите: вотъ бѣжитъ нечистая сила!» Простодушные поселяне, незнающіе законовъ физическихъ, слѣпо вѣруютъ въ разсказъ Знахаря. Послѣ сего начинается отгадъ. Показывая на фигуру остывшаго олова, при тусклой свѣчѣ, говоритъ: вотъ кто испугалъ вашего больнаго! Потомъ подводитъ больнаго смотрѣть на примѣты. Призванный на смотръ долженъ вѣрнѣе согласиться съ разсказомъ

Знахаря, хотя бы онъ ровно ничего не видалъ и не примѣчалъ. Послѣ сего подходятъ по одному всѣ домашніе съ подтвержденіемъ словъ о разсказѣ Знахаря. Поселяне стараются отыскивать по симъ примѣтамъ ненавистника. Если они его отыщутъ, то испугъ съ большого спадаетъ—какъ вода съ гуся; въ противномъ же случаѣ больной долженъ страдать во всю свою жизнь симъ недугомъ.

Переполохъ—кромѣ льваго обмана Знахарей часто оставляетъ ужасныя послѣдствія. Семейства, отыскивая ненавистнаго, заводятъ раздоры непримиримые, вражду вѣчную и мстительную. Это одно уже семейственное несчастье заставляетъ желать истребленія Переполоха по селамъ.

4. Соняшница.

Соняшница — какъ врачеваніе — составляетъ въ рукахъ Знахарей важное лѣкарство въ брюшныхъ болѣзняхъ. Въ дѣйствительности Соняшницы поселяне твердо увѣрены, не смотря на мученія, претерпѣваемые отъ ней больными.

Призванный Знахарь къ совершенію Соняшницы, требуетъ: миску — въ которую бы вошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску съ водою ставитъ больной на животъ, пеньку зажигаетъ. Какъ скоро загорится пенька,

онъ обматываетъ ея больную. Часто случается, что больная послѣ этаго остается обожженную въ разныхъ мѣстахъ. Раны, полученныя отъ обжога — Знахари приписываютъ выходженію болѣзни изъ тѣла. Пеньку послѣ сего кладетъ въ кружку, а кружку ставитъ въ миску. Въ это время начинаются наговоры, между тѣмъ, какъ больная вопить отъ болѣзни. Окружающіе считаютъ вошь страдальцы удаленіемъ нечистой силы изъ больной. Прочитавши наговоры, Знахарь даетъ пить воду больной и удаляется.

Выздоровѣтъ ли больная или нѣтъ — Знахарю все равно; онъ получитъ плату, наградитъ увѣреніемъ и скроется. Вся бѣда лежитъ на больной. Если она не выздоравливаетъ — Знахарь говоритъ, что на нее напущенъ послѣ Соняшницы новый недугъ, снова приступаетъ къ обряду и снова получаетъ деньги.

5. Открытіе колдуна.

Суевѣрные поселяне полагаютъ, что Колдунъ есть существо отрекшееся отъ людей, Бога и сроднившееся съ нечистою силою на пагубу людей. Но, какъ колдуны скрываютъ свое искусство и только вредятъ тайно, то простолюдины рѣшились открыть такихъ губителей. Знахари открыли средство для сего узнанія.

Доселянинъ, подозрѣвая своего сосѣда въ колдовствѣ, приходитъ къ Знахарю съ совѣтами.

*

Большая часть людей, впадающихъ въ это подозрѣніе, бываютъ семейные, имѣющіе большихъ дочерей и сыновей. Знахарь, договорившись за большую цѣну—совѣтуетъ ему дожидаться 25 Марта. Въ этотъ день онъ долженъ, послѣ утрени, сѣсть на лошадь—*какую не жаль*—лицемъ къ хвосту, ѣздить по селенію, не оборачиваясь на задъ. Когда выѣдетъ за околицу, то долженъ смотрѣть на трубы. Въ это время нечистая сила провѣтриваетъ колдуновъ, висящихъ на воздухѣ внизъ головой. Если поселянинъ обратится назадъ, то нечистая сила разрываетъ лошадь на части, а онъ самъ остается или навѣчно сумасшедшимъ, или умираетъ отъ страха. Но, какъ послѣднее условіе слишкомъ тяготитъ воображеніе суевѣрнаго, то онъ не рѣшается на такую поѣздку, и проситъ за себя Знахаря выполнить это. Знахарь долго отговаривается, потомъ торгуется за поѣздку, и получивши подарокъ, обѣщается открыть того, кого онъ замѣтитъ. Жребій открытія всегда падаетъ на того, кого подозреваетъ поселянинъ, хотя Знахарь никогда и не думалъ ѣздить по селу за открытіемъ Колдуна.

Открытіе Колдуна почитается верьхомъ искусства Знахарей, и поселяне, рассказывая о ихъ могуществѣ, говорятъ: «онъ такъ силенъ, что узнаетъ всѣ мысли, и выскажетъ всѣ дѣла твои, отцовы, дѣдовы.» Къ счастью человечества, что

наши Знахари бываютъ люди безграмотные, закоренѣлые въ предразсудкахъ, люди помѣшанные на своемъ могуществѣ, столько ничтожномъ и обманчивомъ для нихъ и всѣхъ другихъ.

6. Стень.

Простолюдинъ, не понимая законовъ происхожденія болѣзней, законовъ, основанныхъ на точномъ познаніи природы и человѣка, почитаетъ всѣ болѣзни, сопровождаемыя ужасными страданіями и продолжительностію, жертвою злыхъ людей, завистливыхъ къ его благосостоянію. *Измурительная сухотка дѣтей* *Tabes — дѣтская чахлость*—*Atrophia infantum*—получаютъ названіе въ селахъ—*Стень*. Не прибѣгая съ довѣренностію къ врачевнымъ средствамъ, болѣе надежнымъ, они находятъ утѣшеніе въ тайнахъ, имъ непонятныхъ, въ чудесномъ вѣрованіи, во все для нихъ непостижимомъ, и отъ нихъ ожидаютъ избавленія отъ бѣдъ семейныхъ, отъ горестей сердечныхъ, близкихъ его простой и кроткой душѣ. Бродячіе обманщики, успѣвшіе овладѣть воображеніемъ нашихъ поселянъ, жестоко играютъ сельскимъ простолюдіемъ, и не мучаютъ людей, къ нимъ довѣренныхъ, но варварски терзаютъ. Надобно видѣть каждому это жалкое состояніе, что бы оцѣ-

нить вполнѣ бѣдствія семейныя, проистекающія отъ разныхъ толковъ Знахарей, Кудесниковъ, Вѣдуновъ, Ворожей, Чародѣевъ. Напрасно въ городахъ думаютъ, что поселяне не лечатся, что они однимъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ услаждаютъ семейныя болѣзни. Бродячій Знахарь укажетъ имъ средство, увѣритъ въ его возможности — и оно переходитъ изъ рода въ родъ — какъ зло потомственное. Въ средствѣ, предложенномъ ему за тайну отъ Знахаря, онъ не разбираетъ: вѣрно ли оно? возможно ли оно? Для его ограниченнаго познанія довольно, что есть возможность.

Въ селахъ дитя, страдающее стенью — считается уже не жильцомъ земнымъ, когда благоразумный отецъ прибѣгаетъ только съ теплою мольбою къ Царю Царей о помилованіи. Растерзанное сердце матерей страдальческимъ томленіемъ, воображеніе, налитанное ложными чудесами, заставляють цѣлыя семейства искать отрады въ суевѣріи, умолятъ объ исцѣленіи Знахарей. Призванный Знахарь, какъ Дока, какъ знающій всю подноготную, беретъ за врачеваніе. Больное дитя, по его совѣту, несутъ въ лѣсъ, ищутъ раздвоеннаго дерева, кладутъ его въ этотъ промежутокъ на трое или менѣе сутокъ, сорочку вѣшаютъ на дерево, потомъ вынимають его и ходятъ трижды девять кругомъ дерева. Послѣ сего приносятъ домой, купаютъ въ водѣ,

собранный изъ девяти рѣкъ или колодцевъ, обсыпаютъ золою, собранною изъ семи печей, кладутъ на печь. Если дитя послѣ сего засыпаетъ, то это вѣрный признакъ исцѣленія, а если оно кричитъ, то должно умереть. Часто случается, что дитя умираетъ въ лѣсу, оставленное обнаженнымъ на открытомъ воздухѣ, или испускаетъ дыханіе подѣ обливаніемъ холодной воды. Совѣтъ Знахаря, это явное убійство, почитается въ деревняхъ благодареніемъ.

7. Съ глазу.

Востокъ древней жизни, отживая свое бытіе, передалъ народамъ вмѣстѣ съ мифами и разными заблужденіями. Повѣрье народное—будто взглядъ челоуѣка лихаго, злобнаго, хитраго, сообщаетъ болѣзни, будто въ глазѣ этихъ людей заключается ядъ—перешли въ Русскую землю съ Востока, по преданію отъ другихъ народовъ. На Руси это повѣрье названо: *Съ глазу*, хотя наши простолюдины и не имѣютъ понятія о глазномъ Месмеризмѣ.

Въ деревняхъ всякое первоначальное образованіе болѣзни почитается *порожденіемъ съ глаза*. Нѣтъ недуга, которой бы не происходилъ отъ сего зла. Знахари выдумали противъ сего

средство, употребляемое въ сельской и городской жизни. Это средство, по большей части приводится въ дѣйствіе пожилыми людьми, старухами, слѣдующимъ образомъ:

Беруть: воды не питой, не отвѣданной ни кѣмъ, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ четверговой соли. Все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, потомъ плюютъ три раза въ сторону. Послѣ сего нечаянно сбрызгиваютъ больного три раза, даютъ три раза хлѣбнуть, вытираютъ грудь противъ сердца, заставляютъ рубашкою обтирать лицо, а остальную воду выливаютъ подъ приголоку. Нѣкоторые къ этому составу прибавляютъ клочекъ моху, вынутый изъ угла, другіе читаютъ надъ водою молитвы. Этимъ оканчивается леченіе съ глазу.

8. Хлѣбная завязка.

Хлѣбная завязка почитается грозящимъ бѣдствіемъ хозлину той поляны, гдѣ она будетъ замѣчена. Народъ думаетъ, что это сдѣлано злыми людьми на сокрушеніе всего семейства и родни.

Для отвращенія бѣдствій отъ хлѣбной завязки Знахари велютъ хозяевамъ полей брать изъ клѣва то мѣсто, гдѣ почиваетъ свинья, положить на тѣлегу, запретъ невъзженую лошадь и скакать къ полю во весь галопъ. Если поклажа упадетъ съ тѣлеги—то это недобрый признакъ.

Пріѣхавши въ поле, надобно накрыть хлѣбную завязку этою поклажею, не касаясь рукою. Прикосновеніе рукою предвѣщаетъ худой сбытъ этого хлѣба. Потомъ должно ѣхать домой, не оглядываясь назадъ, а иначе нечистая сила свернетъ на сторону голову. Послѣ сего должно запречь ѣзжалую лошадь, накласть навозу лошадиного и ѣхать къ полю. Этою поклажею должно обсыпать кругомъ всей завязки.

Знахари, заставляя совершать этотъ обрядъ, увѣряютъ поселянъ, что отъ сего всѣ бѣды, замышлемыя злыми людьми обращаются на ихъ голову. Часто случается, что поселяне изъ ненависти къ своему сосѣду подкупаютъ Знахарей сдѣлать завязку. Въ такомъ случаѣ онъ пользуется отъ обѣихъ сторонъ.

9. Зубы лечить.

Вѣрованіе въ *симпатіи* такъ усилилось въ сельской и городской жизни, что все особенное подчиняютъ этому значенію. Симпатія, по народному понятію, есть таинственная сила, могущая невидимо совершать дѣла, по волѣ людей. Къ числу симпатическихъ средствъ народъ принялъ отъ Знахарей леченіе зубъ — прикосновеніемъ пальца. Обманщики, прикрывая себя симпатіями, обмазываютъ палецъ наркотическими мазями, извѣстными имъ однимъ, а про-

стодушные вѣрятъ ихъ разсказамъ, хотя и не видятъ пользы.

Леченіе зубъ прикосновеніемъ пальца зависитъ отъ таинственнаго обряда. Знахари ловятъ для сего звѣрка *крота* — и умерщвляютъ его указательнымъ пальцемъ правой руки, безъ всякаго орудія, приговаривая шопотомъ слѣдующій наговоръ:

«Кротикъ, ты кротикъ! Я пальцемъ твоимъ изъ тебя всю кровь испускаю, имъ больные зубы излѣчаю.»

Когда призываютъ Знахарей лечить зубы — они этотъ указательный палецъ кладутъ на больные зубы и читаютъ шопотомъ приведенный наговоръ. Послѣ сего заставляютъ полоскать ротъ по утрамъ и въ вечеру кислымъ уксусомъ. Вѣроятно, наркотическія вещества въ соединеніи съ уксусомъ дѣйствуютъ притупленіемъ возвысившейся раздражительности, а не палецъ, умертвившій крота.

10. Куриная слѣпота.

Болезнь, поражающая поселянъ, работающихъ предъ огнемъ или на солнцѣ, или предъ водою, названа Знахарями: *куриною слѣпотою*. Для оболещенія поселянъ, они создали повѣрье: будто куриная слѣпота есть напущеніе злыхъ людей, что она соскабливается ножемъ, которымъ за-

рѣзываютъ старыхъ куриць, и что эту слѣпоту злодѣи пускаютъ по вѣтру — на того, кому хотѣть отомстить. Это заблужденіе легко объяснить: органическо-динамическія вліянія природы, непонятныя простолюдинамъ, производятъ *ночную послѣпу* — *Нemscaloriam*—болѣзнь, перемежающую Знахарями въ куриною.

Люди, страдающіе куриною слѣпотою, по совѣту Знахарей, выходятъ въ лавку, нагибаются надъ дехтарною кадушкою, и говорятъ шопотомъ наговоръ:

«Деготь, деготь! Возьми отъ меня куриною слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазушки.»

Народъ думаетъ, что деготь доводится съ родни куриной слѣпотѣ, и только изъ жалости беретъ онъ въ свое призрѣніе бродягу—слѣпоту. Послѣ сего больной долженъ идти на перекрестокъ, сѣсть на дорогу и искать что нибудь. Если его кто изъ проходящихъ будетъ спрашивать, то онъ долженъ сказать: «что найду, тебѣ огдамъ.» Потомъ утереть рукою глаза и махнуть въ проходящаго. Отъ исполненія этого обряда исчезаетъ куриная слѣпота.

---

11. Морозъ.

Въ деревняхъ думаютъ, что неурожай льна, овса и конопли происходятъ отъ мороза. Морозъ же олицетворяютъ слѣдующимъ повѣрьемъ:

Въ Русской народной Символикѣ принято за основаніе происхожденіе Мороза — выходженіе злыхъ духовъ. Зимомъ, когда установятся большіе морозы, злымъ духамъ становится тѣсное житье. Въ это время они вылетаютъ на бѣлый свѣтъ, бѣгаютъ по полямъ и дуять себѣ въ кулакъ. Отъ такой ихъ прогулки Морозъ сдавливаетъ снѣгомъ жито, отъ пятокъ его отдается трескъ, и отъ подутія въ кулакъ бываетъ или вѣтеръ съ мятелюю, или иней садится на деревья. Для отвращенія сего зла Знахари выдумали проклятіе на Морозъ, съ совершеніемъ обряда.

Подъ Великъ день, поселане, наученные Знахарями, приступаютъ къ заклятію Мороза. Старикъ семейства беретъ ложку овсянаго киселя, взлезаетъ съ нимъ на печь, просовываетъ голову въ волковое окно, и тамъ говоритъ:

Морозъ, морозъ!

Приходи кисель ѣсть.

Морозъ, морозъ!

Не бей нашъ овесъ.

Ленъ да канапи

Въ землю вколоти.

Окончивъ эти слова, онъ оборачивается въ избу, и старшая изъ женщинъ въ домѣ, окачиваетъ его водою, въ то самое время, когда онъ слезаетъ съ печи. Старушки увѣряютъ, что

проклятiе, высказанное старикомъ на ленъ и конопля, замираетъ на его устахъ отъ воды. Морозъ же, удовольствованный киселемъ, не убиваетъ ни льна, ни конопля, ни овса.

---

12. Неразмѣнный рубль.

Обманщики, живущiе на счетъ ближняго, въ деревняхъ понимаются съ другой стороны. Народъ думаетъ, что они получаютъ все съ избыткомъ, не трудясь, отъ нечистой силы, которая вручаетъ имъ на траты неразмѣнный рубль. Прельщаясь такою разгульною жизнью, простодушные прибѣгаютъ къ Знахарямъ для прiобрѣтенiя такого рубля. Кажется, что и наши поселяне, въ свою очередь, ищутъ философскаго камня.

Искатель неразмѣннаго рубля идетъ на базаръ, не говоря ни съ кѣмъ и не оглядываясь назадъ. Покупаетъ тамъ гусака, съ перваго запросу, безъ всякаго торгу. Принесши его домой, онъ такъ сдавливаетъ ему шею, что гусакъ задыхается, кладетъ неочищеннаго въ печь, и жаритъ до полуночи. Въ 12 часовъ ночи вынимаетъ изъ печи и идетъ съ нимъ на развалину дорожную. Тамъ онъ долженъ говорить: «Купите у меня гусака, дайте за него рубль серебряной.» Въ это время нечистая сила является въ видѣ покупателей, съ предложенiемъ раз-

ной цѣны. Искатель долженъ быть твердъ, а иначе его задавить нечистая сила. Когда же является покупатель за серебряной рубль, то онъ долженъ ему продавать. Получившій желаемый рубль—долженъ идти прямо домой, не оглядываясь, и ни съ кѣмъ не говорить. Въ это время нечистая сила, желая возвратить рубль, кричитъ за нимъ въ слѣдъ: «ты обманулъ насъ! Твой гусакъ мертвый! За чѣмъ же оторвалъ ему голову, увѣряя, что онъ живой!» Искатель не долженъ слушать этихъ разсказовъ; онъ обязанъ скорѣе бѣжать отъ нечистой силы. Если онъ обернется, или будетъ говорить съ нею, то рубль исчезнетъ изъ его рукъ, а онъ самъ очутится въ болотѣ по горло. Когда же возвратится цѣлымъ въ домъ, тогда этотъ рубль будетъ его продовать всю жизнь. Знахари совѣтуютъ такимъ обладателямъ никогда не брать сдачи при покупкѣ вещей; а иначе рубль погибнетъ. Когда они покупаютъ, то будто нечистая сила взлезаетъ въ купца и даетъ сдачи, хотя бы не слѣдовало ничего. Только этотъ рубль никогда не заживается долго: рано или поздно нечистая сила обольщаетъ, и тогда вмѣсто рубля открывается черепокъ глиняной. Въ другой же разъ неразмѣнный рубль не дается въ руки.

- Здѣсь лживый обманъ надъ поселенцами совершаютъ Знахари. Часто этотъ неразмѣнный

рубль уводитъ со двора лошадь или корову къ дворамъ обманщиковъ: Знахари безъ сего подарка не открываютъ способа пріобрѣтенія.

13. Кость невидимка.

Кость невидимка содѣлываетъ своего хозяина всюду невидимымъ; хотя бы за нимъ смотрѣли во сто глазъ. Кому не нравится быть невидимымъ? Чего бы ревнивый мужъ въ городѣ пожалѣлъ для отысканія такой кости? Чего бы не далъ влюбленный и охотникъ до всякихъ свиданій съ любезнымъ предметомъ—за кость невидимку? Это или что нибудь другое заставило нашихъ поселянъ отыскивать невидимку. Безъ чудесъ и здѣсь не обошлось! Знахари составили обряды, наговоры, видѣнія.

Кость невидимка, по разсказу Знахарей, заключается въ черной кошкѣ. Искатели сего тайнаго открытія крадутъ кошекъ въ сосѣднихъ деревняхъ и избираютъ изъ нихъ такую, въ которой бы не было ни одного бѣлаго волоска: вся шерсть должна быть черная. Въ этомъ поселяне наши очень затрудняются. Другому во всю жизнь не придется отыскать одношерстной кошки, а если и придется, то Знахарь уже найдетъ худыя примѣты. Въ этомъ случаѣ онъ беретъ къ себѣ кошку, общааетъ выщипать бѣлую шерсть, и держать до тѣхъ

поръ пока выростеть новая. Само собою разумѣется, что это все дѣлается изъ подарковъ, что та же кошка возвращается обратно, и что хоть сто разъ вари—въ кошкѣ кости невидимки не отъищется. Искатель всегда остается виноватымъ, а Знахарь правымъ. Кошка, признанная Знахаремъ за одношерстную, варится въ чугунномъ котлѣ, по полуночамъ, до тѣхъ поръ, пока истаютъ всѣ кости, кромѣ одной. Оставшаяся кость есть невидимка. Но, какъ вареніе продолжается многія ночи, то искатели теряютъ терпѣніе, а особливо если Знахарь вздумаетъ представить изъ себя нечистую силу. Между тѣмъ есть и такіе, которые съ большимъ терпѣніемъ просиживаютъ ночей по двадцати, но кости невидимки не остается. Въ такомъ случаѣ все таки остается виновнымъ искатель; онъ или бранилъ въ это время нечистую силу, или опоздалъ придти одною минутою, или не досидѣлъ сколько нибудь, или вздремнулъ, или вспомнилъ о семьѣ своей, или не такъ прочиталъ наговоры, или вздумалъ утѣять что нибудь отъ Знахаря, или торгуясь съ Знахаремъ пожалѣлъ барана, овцу, гуся. За все это нечистая сила крадетъ у искателя—какъ недостойнаго—кость невидимку. Въ другой разъ не возможно выварить изъ одношерстной кошки такой кости. Кому на роду написано достать—тотъ, и съ перваго разу достанетъ;

а кому нѣтъ, тотъ хоть сто кошекъ вывари все будетъ ничего—говорять Знахари.

Искатели всегда остаются въ разореніи отъ кости невидимки и съ надеждою, укрѣпляемою Знахаремъ, приступаютъ къ другимъ исканіямъ. Съ этою увѣренностію они проводятъ цѣлую жизнь, оставляя всѣ прежнія хозяйственныя занятія.

14. Свадебная поруха.

Нигдѣ торжество Знахарей такъ не прославляется, какъ въ сельскихъ свадьбахъ. Благополучная семейная жизнь, вѣчные раздоры, болѣзни первыхъ годовъ, домашнія бѣды — все зависитъ отъ Знахарей. Поселянинъ, затѣвая свадьбу, особливо зажиточный, идетъ къ Знахарю съ большими подарками, съ поклонами, съ просьбами—защитить его молодыхъ отъ свадебной порухи. Здѣсь-то Знахарь высказываетъ все свое могущество; здѣсь-то робкій поселянинъ, устрешенный до послѣдней возможности, дѣлаетъ *несметныя посулы* за спасеніе своего семейства. Знахарь въ сельской свадьбѣ есть первый гость; его зовутъ на пирушку прежде всѣхъ; ему принадлежитъ первая чарка зеленого вина; ему пекутъ первый пирогъ; ему отсылаютъ первые подарки; его всѣ боятся; при немъ всѣ покойны. Удивительно ли, что послѣ этого всѣ свадебныя проказы Знахарей оболь-

щаютъ воображеніе поселянъ, когда ему присвоены такія преимущества въ сельской жизни.

Свадебная поруха состоитъ въ соблюденіи многихъ обрядовъ для будущаго благополучія князя и княгини—величаемыхъ въ деревни сими именами новобрачныхъ. Знахарь осматриваетъ всѣ углы, притолоки, пороги, читаетъ наговоры, поить наговорною водою, дуетъ на скатерти, вертитъ кругомъ столъ, обметаешь потолокъ, оскабливаетъ верен, кладетъ ключъ подъ порогъ, выгоняетъ черныхъ собакъ со двора, осматриваетъ метлы, сжигаетъ голики, окуриваетъ баню, пересчитываетъ плиты въ печи, сбрызгиваетъ кушанья, вяжетъ снопы спальные, ѣздитъ въ лѣсъ за бунзою, и вручаетъ свату вѣтку девятизерноваго стручка. Эта вѣтка есть верьхъ искусства. Если ее будутъ держать за пазухой попеременно то свать, то сваха—то всѣ умыслы враговъ обратятся ни во что. Если поѣдетъ повздъ, забьютъ лошади отъ злобнаго наговора—то стоитъ только махнуть этою вѣткою и все будетъ спокойно. Случись бѣда на пирушкѣ, развяжись кушакъ у молодого, отвались что вибудъ отъ кики молодой, оторвись супонь у лошади—все исправить эта одна вѣтка. На третій день Знахарь беретъ свата съ собою въ баню, и здѣсь происходитъ расчетъ въ посулахъ. Если получить все уговорное, то—

гда эту вѣтку сжигаютъ. Этимъ оканчивается обрядъ свадебной порухи.

15. Вывѣдываніе жены.

Знахари присвоили себѣ право вывѣдывать семейныя тайны. Къ числу важныхъ открытій принадлежить: вывѣдываніе жены. Кажется, можно утвердительно сказать, что отъ этого происходитъ особенная приверженность сельскихъ женщинъ къ Знахарямъ. Привожу здѣсь два способа вывѣдыванія, замѣчательные только по особенной хитрости Знахарей.

Старухи-свекрови всегда бываютъ нерасположены къ невѣсткамъ, а особливо если находятся въ семьѣ старыя незамужнія дѣвицы. Внушая всегда сыновьямъ о строгомъ содержаніи женъ — прибѣгаютъ съ откровенными совѣтами Знахарей: попытать жену въ вѣрности. Для сего употребляютъ траву *Кануперъ*, имѣющую свойство усыплять женщинъ подь вечеръ, по сказанію Знахарей. Свекровь тотчасъ открываетъ какой нибудь недугъ въ своей невѣсткѣ. Не послушаться свекрови — отвергать присутствіе недуга — есть смертельная обида въ сельской жизни. Вечерами варятъ Кануперъ, недужную кладутъ на печь и поятъ отваромъ. Недужная по волѣ или неволѣ должна заснуть. Свекровь и мужъ взлезаютъ на печь. Свекровь съ заж-

*

женною лучиною пробуетъ свою невѣстку по пяткѣ — спать ли она? Мужъ обязанъ молчать. Если спать, то свекровь начинаетъ шептать на ухо, выпрашивая на разные способы бывшее и небывшее. Мужъ этихъ разспросовъ не обязанъ слушать. Послѣ сего идутъ ночью къ Знахарю, и свекровь, во услышаніе мужа, рассказываетъ, что отвѣчала ей сонная жена. Знахарь, задобренный напередъ отъ свекрови, рассказываетъ по водѣ примѣты обольстителя. Съ этого времени начинается *селейная разладица*.

Въ старину Русскіе Бояре содержали обширную дворню, среди которыхъ всегда затѣвались раздоры, занимавшіе собою большую часть жизни этихъ людей. Частыя отлучки мужей, по барскому приказу, наводили подозрѣнія на женъ. Таскаясь по дорогамъ, они вывѣдывали отъ бывалыхъ людей разные способы къ открытію вѣрности своихъ женъ. Эти бывалые люди всегда совѣтуютъ: мыться въ банѣ, потомъ вспотѣть на полку, и послѣ обтереть все тѣло полотенцомъ. Когда же прійдетъ домой — то потное полотенце положить тайно отъ жены подъ подушку. Когда жена заснетъ, то мужъ слышитъ, какъ она, сонная, рассказываетъ про свою жизнь. Воображеніе, напередъ настроенное, порождаетъ такія подозрѣнія, о которыхъ женщина никогда и не воображаетъ. Утромъ мужъ идетъ къ Знахарю для разспросовъ о при-

мѣтахъ обольстителя. Къ счастію своему догадливыя жены напередъ провѣдываютъ Знахарей съ поклонами и подарками. Знахарь рѣшаетъ по большинству подарковъ.

---

16. Размѣнный колпакъ.

Въ деревняхъ есть тайное повѣрье, что злые духи научаютъ людей Чернокунижю. Эту страшную тайну поселяне узнаютъ изъ вечернихъ рассказовъ Знахарей, вѣрятъ ей и передаютъ ее потомству. Въ этихъ рассказахъ всегда приводятся примѣры, случившіеся съ разными людьми при наученіи Чернокунижю. Здѣсь приводимъ для любопытства одинъ сельской рассказъ, записанный слово въ слово.

»Въ нашей деревнѣ жилъ одинъ удалой малой. Собой не великъ, а прыти въ немъ было возовъ на десять. Ужъ коли вздумаетъ бывало потѣшиться—то вся деревня стономъ стонетъ. Живаль не трудясь, а хлѣбецъ бѣлой ѣдалъ, за то одежда на немъ была больно не мудра. Онъ былъ всѣмъ съ руки. Пропадетъ ли корова, лошадка — всѣ идутъ къ нему. Просватуютъ ли кого — онъ первой гость. Загрустуетъ ли кто — посылаютъ къ нему на утѣху. Одна бѣда съ нимъ была: попался въ некрутчину. Да и тутъ откашлялся. Нашъ міръ больно на него зубы грызъ. Двѣтъ въ огласку никто не

посмѣль: отъ того-то онъ и жилъ припѣваючи. На святкахъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Тутъ-то заговорили старики. Одинъ изъ нихъ зналъ, какъ онъ спознался съ нечистою силою. Дѣло вишь какъ было.

«Въ деревнѣ зимовали солдаты. Онъ былъ и имъ подъ руку. Солдаты, видишь, научили его, какъ спознаться съ нечистою силою. Повели его на островъ, а лѣсникъ шелъ за ними издали, не въ домѣкъ имъ. Ходили, ходили по лѣсу и напали на козюлку. Долго шептали на ней окаянныя, потомъ сорвали ей голову. Лѣсникъ-то былъ не промахъ: за лѣсъ, да и давай посматривать на нихъ. Вотъ, какъ сорвали голову, да набили въ нее гороху — давай зарывать въ землю, давай класть примѣты. Лѣсникъ себѣ давай заprimѣчать. Прошла зима. Выросъ горохъ. Нашъ малой похаживаетъ себѣ въ лѣсъ, да любитъ себѣ горохомъ. А лѣсникъ все за нимъ примѣчаетъ. Вотъ зацвѣлъ горохъ. Удамой нашъ пришелъ полюбоваться. Какъ замѣтилъ цвѣтъ, и ну кривляться кругомъ. Кривлялся, кривлялся, да и давай вырывать горохъ съ корнемъ. Какъ выдернулъ все, ну свивать кольцо изъ травы. Вотъ онъ, видишь, себѣ и пошелъ въ стадо. Лѣсникъ выскочилъ изъ дупла, да и себѣ свилъ кольцо. Вотъ какъ удамой пришелъ въ стадо, прищурилъ лѣвой глазъ, а правымъ ну смо-

трѣть въ кольцо. Лѣсникъ себѣ тоже дѣлаетъ. Вишь, какъ саранча подлетѣла къ удалому нечистая сила. Всѣ были въ шапкахъ, а одинъ въ красномъ колпакѣ. Все подобранъ молодець къ молодцу. Лѣсникъ было и струсилъ, да спасибо у него въ головѣ закачено было. Подбѣжалъ въ красномъ колпакѣ, и долго спорилъ съ удалымъ. Чуть было дѣло не дошло до драки. Въ красномъ колпакѣ заплясалъ себѣ трепака. Удалой тутъ-то вскочилъ на цыпочки, подкрался, тяпъ да ляпъ, и сорвалъ красной колпакъ. Какъ взмолился онъ, какъ началъ просить свой колпакъ. Удалой ни гугу. Стоитъ да и только. Вотъ и давай твердить о посулахъ. Удалой запросилъ черную книжку, что заперта на Сухаревой башнѣ. Долго отпѣкивался отъ этой мѣны; однако поскакалъ за лѣсъ. Удалой похаживаетъ себѣ, да любитъ колпакомъ. Видно жаль стало, а промѣнять его больно нужно. Вотъ идетъ весь избитой, видишь, нечистая-та сила долго не выпускала его на башню, а онъ пробрался сквозь щелочку, хотъ изодралъ себѣ морду, да за то досталъ. Видно, безъ колпака-то тошное житье. Давай колпакъ — тотъ давай себѣ требовать книжку. Майли майли другъ друга, да и размѣнялись. Нечистая сила скрылась съ колпакомъ размѣннымъ; а нашъ удалой зажилъ съ черною книжкою. Съ тѣхъ-то поръ онъ овладѣлъ нечистою силою,

хитрилъ по своему надъ православными, да и пропалъ безъ вѣсти. Лѣсникъ - то было себя задумалъ; анъ не тутъ-то было. Ничего не выждалъ: только у него во дворѣ вся скотина перевелась.»

17. Вѣдьмино селеніе.

Въ деревняхъ вѣрять како му-то особенному предчувствію, по которому поселяне будто бы узнаютъ о пребываніи среди ихъ Вѣдьмы. Люди, свѣдущіе въ примѣтахъ, люди, умѣющіе все разтолковать—придумали признаки, указывающіе прямо не на людей, а на землю. По этимъ признакамъ владѣтель земли или самъ имѣетъ сообщеніе съ духами, или его жена есть Вѣдьма. Эти признаки, по увѣренію Знахарей, суть слѣдующіе:

Въ лѣтнее время, поселяне выходя на работу часто замѣчаютъ на лугахъ или зеленые или желтые круги. Увидѣвши это, они прежде всего узнаютъ: чье это поле? Много ли изломалось на немъ косъ? Потомъ распускаютъ молву, что эти круги появились недавно, а прежде ихъ не бывало; что самъ хозяинъ, если онъ старикъ, поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ; что старшая въ семействѣ его женщина покумилась съ Вѣдьмами; что Вѣдьмы собираются къ ней каждую ночь плясать. Но, какъ мужчины всегда скоро избавляются отъ нареканій, то вся вина падаетъ на женщинъ. Слѣдствіемъ такого подо-

зрѣнія бываютъ вообще: отчужденіе, недовѣрчивость, ищенье, худыя толки, пересуды. Такая новость для Знахарей есть золотой кладъ. Людей, прибѣгающихъ къ нимъ за совѣтами, они предостерегаютъ отъ бѣдъ ихъ ожидающихъ, увѣряя, что они сами видѣли, какъ ихъ новая Вѣдьма хочетъ извѣсть всю деревню. Распуская такіе слухи, Знахари каждый вечеръ принимаютъ посѣтителей съ поклонами, съ подарками и просьбою—защитить ихъ отъ Вѣдьмы. Знахарь, собравши отъ всей деревни приносы, идетъ въ поле, скапываетъ круги съ землею, и тѣмъ дѣло оканчивается.

Сожалѣя о семъ заблужденіи поселянъ, мы смѣло ихъ увѣряемъ, что эти круги суть обыкновенныя явленія въ природѣ, и происходятъ по опредѣленнымъ физическимъ законамъ. Земля, на которой въ лѣтнее время появляются зеленые круги, имѣетъ подземные источники. Отъ отдѣленія влажности земля всегда покрывается зеленою травою, совершенно отличною отъ близкихъ мѣстъ. Утромъ, еще до восхода солнечнаго, пары, отдѣляясь отъ влажной земли, сгущаются, оставляютъ послѣ себя на травѣ круги; но при восходѣ солнечномъ, когда лучи изрѣжаютъ атмосферу—они исчезаютъ. Это-то дѣйствіе природы Знахари выставляютъ за пляску Вѣдьмы. Желтые круги, также появляющіеся лѣтомъ въ утреннее время—происходятъ отъ такъ называемой мѣдяной росы. Эта роса, признаваемая за

лдовитую, скопляется на древесныхъ листьяхъ въ видѣ клейкой и смолистой матеріи, и по своей тяжести, стекая—образуетъ около себя кругъ, сообразный высотѣ. Всѣ поселяне знаютъ, что въ природѣ существуетъ мѣдная роса, но никогда не обращаютъ вниманіе — какъ она стекаетъ съ деревъ на землю; иначе они, вѣроятно, не рѣшились бы оскорблять своего ближняго.

СКАЗАНІЯ

О

ВОРОЖБЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Отгадь на картахъ	175
— — — кофевъ	178
— — — псалтырь	180
— — — рѣшетъ	181
— — — лицахъ	183
— — — иглахъ	184
— — — воскъ	185
— — — свинць	186
— — въ зеркалѣ	187
— — курицею	189
— — на водѣ	191
— — — бобахъ	192
Святочныя гаданія	194

В О Р О Ж Б А.

---

1. Отгадъ на картахъ.

Ворожить на картахъ — такъ усилилось въ городской жизни, что содѣлалось особенною принадлежностію людей, посвятившихъ сему занятію всю свою жизнь. Въ селахъ ворожба этого рода извѣстна болѣе въ разгонорахъ, нежели на самомъ дѣлѣ. Тамъ занимаются болѣе дворовые люди, завѣжіе изъ городовъ, по привычкѣ; но поселяне не вѣрятъ этой ворожбѣ. Здѣсь нѣтъ чудеснаго, увлекательнаго для нихъ воображенія; здѣсь нѣтъ олицетворенія, могущаго потрясти ихъ духъ; здѣсь рассказы не проникаютъ ихъ грубую жизнь такими утонченными страстями, какъ это бываетъ въ городской жизни. Слѣдовательно: ворожба на картахъ родилась въ городахъ и существуетъ тамъ.

Приступая къ открытію отгада на картахъ, мы не намѣрены входить въ объясненіе разныхъ способовъ, употребляемыхъ гадателями. Это суть предметы условные, всегда измѣняемые по волѣ.

людей, и разнообразныя до безконечности. Мы только скажемъ здѣсь о главномъ характерѣ этой ворожбы:

Отгадъ на картахъ присвоили себѣ женщины — записныя гадательницы, люди, имѣющіе связь со всеми дворовыми людьми, торговками, посѣщающими многіе дома, съ разнощиками, обхаживающими ежедневно большую часть города. Сосредоточивая себя всегда въ эту сферу, они ежедневно собираютъ отъ нихъ свѣдѣнія о домашней жизни городскихъ людей. Толпа людей, посѣщающихъ дома гадательницъ, всегда бываетъ извѣстна ворожеямъ: Соображаясь съ получаемыми свѣдѣніями, они напередъ знаютъ: кто и за чѣмъ пришелъ? что должно каждому сказать? Всѣ посѣтителы вѣрятъ имъ на слово, не требуя никакихъ доказательствъ. За то всѣ отвѣты ворожеекъ бываютъ двусмысленны. Главныя основанія отгада на картахъ сосредоточиваются на слѣдующихъ наблюденіяхъ:

1. Люди, посѣщающіе ворожеекъ, по большей части, бываютъ влюбленные, люди, имѣющіе въ виду надежду и отчаяніе. Такимъ людямъ ворожейки, смотря по щедрости, всегда предсказываютъ отгадъ благопріятный. Люди отчаянные въ своей любви, разгорченные, несвязные въ разговорахъ — сами говорятъ о себѣ ворожейкамъ въ худую сторону.

2. Второй отрядъ людей, посѣщающихъ

ворожеекъ состоитъ изъ мужчинъ и женщинъ, лишенныхъ собственности разными образами. Какъ не узнать этихъ людей! Томность, горестъ, отчаяніе, минутная надежда, выражаемая улыбкою при добромъ для нихъ разсказѣ, нетерпѣливость, непрерывные разговоры объ однихъ себѣ, удаление отъ людей веселыхъ, отчужденіе отъ любопытныхъ предметовъ — всегда указываютъ ворожейкамъ: за чѣмъ явились къ нимъ люди,носящіе на себѣ отпечатокъ своихъ несчастій.

3. Третій отрядъ людей состоитъ изъ особъ, желающихъ знать: какимъ образомъ улучшить свои домашнія обстоятельства? Одежда, не обещающая большаго достатка; разговоры о трудностяхъ домашней жизни; разспросы о должностяхъ легкихъ, покойныхъ, выгодныхъ; разные предпріятія, невольно высказываемыя; радость и отчаяніе, непрерывно смѣняемыя при раскидываніи картъ — вотъ вѣрные указатели для ворожеекъ.

На этихъ-то признакахъ и на собираемыхъ свѣдѣніяхъ совершается отгадъ на картахъ. Удачное открытіе ворожейки всюду разносится и при томъ всегда въ увеличенномъ видѣ; неудача же скрывается отъ стыда и слабости. Страсти вездѣ берутъ перевѣсъ; но въ картахъ еще болѣе видно ихъ владычество. Люди, обманутые ворожейками нѣсколько разъ, не

картамъ приписываютъ свои неудачи, но всегда постороннимъ обстоятельствамъ, и при первомъ слухѣ о новой чудесной ворожейкѣ, не могутъ уничтожить свою слабость—вѣрить въ карты.

Довѣренность къ картамъ, проистекая отъ страстей и худаго направленія духа — можетъ быть только истреблена однимъ истиннымъ, вѣрымъ образованіемъ ума и удаленіемъ страстей. Всѣ предпріятія для сего будутъ тщетны, если люди будутъ чуждаться умственнаго образованія.

2. Отгадъ на кофеѣ.

Отгадъ на кофеѣ образовался въ городахъ и изъ нихъ еще не перешелъ въ села. Довѣренность къ этому роду ворожбы гораздо сильнѣе, нежели къ картамъ; отъ того люди какъ-то неохотно приступаютъ къ гаданію на кофеѣ; одно отчаяніе, крайность отваживаесть на это. Повѣрье, что отгадъ на кофеѣ всегда сбывается — отклоняесть многихъ отъ этаго гаданія.

Главныя основанія ворожбы на кофеѣ также основаны на знаніи семейныхъ дѣлъ и страстей. Кофейницы, какъ записныя ворожейки, должны быть женщины пожилыхъ лѣтъ, говорливыя, расторопныя, и часто пьяныя, по Русскому народному повѣрію, пьющими отъ ума.

Кофейницы свою ворожбу производятъ открыто, одною густотою варенаго кофея. Принимая къ себѣ посѣтителей, они эту густоту кладутъ въ чайную чашку, накрываютъ чайнымъ же блюдечкомъ; потомъ опрокидываютъ чашку вверхъ для того, что бы кофейная густота пристала къ стѣнкамъ чашки. За этимъ снимаютъ блюдечко, чашку ставятъ поодаль на столъ, на блюдечко наливаютъ воды, а чашку, взявши за дно опускаютъ на блюдечко, погружая троекратно, при произношеніи словъ: вѣрность, дружба и согласіе. Послѣ сего поднимаютъ чашечку и начинается отгадъ, сообразно тѣнямъ и знакамъ, отражающимся на кофейной густотѣ. Тѣни и знаки — какъ предметы условные — изъясняются слѣдующимъ образомъ:

Тѣнь целовѣка имѣетъ два значенія: влюбленнымъ предсказываетъ — свиданіе, лишеннымъ имущества — вѣчную пропажу.

Тѣни зданій всегда предсказываютъ: богатымъ счастливыя предвѣщанія, бѣднымъ худыя ожиданія, щедрымъ нечаянное обогащеніе.

Тѣни земель и растений предсказываютъ: вѣчные раздоры, худыя замыслы, разрывъ любовныхъ связей, неудачи въ дѣлахъ, худыя обороты, тоску, грусть.

Тѣни животныхъ предсказываютъ: опасности отъ злыхъ людей, неблагопріятную дорогу,

*

огорчительныя письма, извѣстія о растройствахъ имѣній, опасность за друзей и влюбленныхъ.

---

5. Отгадь на псалтырь.

Отгадь на псалтырь принадлежитъ вмѣстѣ и сельской и городской жизни. Люди боятся гаданій этаго рода, страшась ихъ сбывчивости; но при всемъ томъ ворожба эта производится явно, съ совершеніемъ какихъ-то молитвъ.

Записныхъ гадателей на псалтырь рѣдко встрѣчамъ. Этимъ занимаются по большей части люди домашніе своего рода, старушки, знающія всю подноготную. Приступая къ ворожбѣ, онѣ берутъ ключъ, пишутъ записочки, требуютъ псалтырь. Записочки вкладываютъ въ псалтырь, ключъ — винтовымъ концемъ вкладываютъ также въ псалтырь, а круговой конецъ связываютъ веревочкою съ псалтыремъ. Потомъ заставляютъ посторонняго челоуѣка держать на указательномъ пальцѣ ключъ съ псалтыремъ. Послѣ сего ворожея читаетъ тайно какой-то псаломъ. Если въ это время завертится псалтырь на пальцѣ — то означаетъ хорошій признакъ и гаданіе бываетъ удовлетворительное. Если псалтырь не вертится, то это худой признакъ, гаданіе, необѣщающее хорошаго.

Основаніе этой ворожбы заключается въ соблюденіи равновѣсія. Малѣйшая неосторожность

служить въ пользу обманщиковъ. Этотъ родъ гаданія производится еще другимъ образомъ: открываютъ по произволу псалтырь и заставляютъ проходящихъ читать. Послѣ каждаго чтенія начинается толкованіе. Всякой благоразумный человѣкъ можетъ напередъ представить: какое бываетъ толкованіе. Обманщики, соображаясь съ обстоятельствами, приискиваютъ такіе псалмы, какіе ближе къ обстоятельствамъ жизни проходящаго человѣка.

Этотъ способъ гаданія перешелъ къ намъ съ Запада. Шмидтъ, въ своей исторіи о Германцахъ, упоминая о соборѣ Епископа Бурхгарда — приводитъ вопросные пункты о гаданіи на псалтырь. Слѣдовательно: это гаданіе не принадлежитъ собственно Русской жизни; но оно передѣлано на свой ладъ, по подобію другихъ гаданій.

4. Отгадъ на рѣшетѣ.

Гаданіе на рѣшетѣ существуетъ болѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ. Доступное всѣмъ: возрастамъ и состояніямъ, оно принимается съ большою довѣренностію при пропажѣ домашнихъ вещей и животныхъ. Люди дворовые въ селеніяхъ почитаются самыми искусными въ гаданіи на рѣшетѣ. Замѣчательно здѣсь особенное исключеніе: сельскихъ дѣвушекъ отлучаютъ

отъ рѣшета; его непременно должна совершать замужняя женщина.

Основное положеніе гаданія на рѣшетѣ состоитъ въ соблюденіи равновѣсія. Чѣмъ болѣе попытокъ дѣлается, тѣмъ рѣшето скорѣе теряетъ равновѣсіе. Ворожейки, для увеличенія обмана, прежде сѣютъ этимъ рѣшетомъ снѣгъ, потомъ встряхиваютъ его на лунномъ свѣтѣ. Такое рѣшето, по разсказамъ поселянъ, имѣетъ болѣе дѣйствія.

Способъ гаданія на рѣшетѣ совершается двоякимъ образомъ. Берутъ рѣшето, утверждаютъ его на указательномъ пальцѣ, вытягиваютъ руку въ сторону, и потомъ начинаютъ причитывать имена тѣхъ людей, на кого падаетъ подозрѣніе. Если при чьемъ имени посетитель и ворожея замѣтятъ, что рѣшето повернулось, тотъ почитается воромъ.

Второй способъ гаданія совершается иначе. На верху рѣшета привязываютъ ножницы. Приглашаютъ въ свидѣтели двухъ постороннихъ человекъ. Эти свидѣтели ставятъ концы ножницъ на своихъ среднихъ пальцахъ. Въ это время ворожейка начинаетъ причитывать: Бѣлый укралъ? Черный укралъ? Рыжий укралъ? Съдой укралъ? Свѣтлорусый укралъ? Темнорусый укралъ?—При каждомъ вопросѣ замѣчаютъ: не завертѣлось ли рѣшето? Если рѣшето завертѣлось при вопросѣ: Бѣлый укралъ? — то похи-

титель есть бѣлый челоуѣкъ. Послѣ сего начинается толкованіе, что этотъ бѣлый имѣеть такія то примѣты. Само собою разумѣется, что описаніе примѣтъ дѣлается со словъ приходящихъ, или производится сообразно обстоятельствамъ времени.

5. Отгадъ на лицахъ.

Гаданіе на лицахъ принадлежитъ въ сельской жизни однѣмъ дѣвицамъ; но въ городахъ оно имѣеть разныя принаровленія. Сямъ производствомъ почти всегда занимаются бродящія старухи, а изъ домашнихъ няньки. Толкованіе старухъ и нянекъ принимается за сущую правду.

Приступая къ гаданію, старухи берутъ теплую воду въ стаканъ и распускають въ немъ личный бѣлокъ. При выпусканіи бѣлка—отражаются различныя *фигуры*. По симъ-то фигурамъ начинается отгадъ.

Фигура, выражающая церковь—предвѣщаетъ дѣвушка скорую свадьбу, пожилой — смерть.

Фигура, отражающая корабль съ парусами—предвѣщаетъ замужней женщинѣ скорое прибытіе мужа, дѣвушка—отдачу за мужъ на чужую сторону, молодому мужчинѣ—отдаленное путешествіе.

Если бѣлокъ вдругъ опустится на дно стакана — то это угрожаетъ опаснымъ бѣдствіемъ,

смертію, пожаромъ, вѣчною незамужнею жизнью.

Объясненіе этого гаданія основывается на простомъ Химическомъ законѣ, на соединеніи двухъ разнородныхъ веществъ. Люди, не слышавшіе объ этомъ законѣ—вѣрятъ безусловно въ толкованіе ворожеекъ.

---

6. Отгадъ на иглахъ.

Гаданіе на иглахъ такъ обыкновенно въ кругу дѣвичей жизни, что если какая дѣвушка не попроситъ объ этомъ ворожейку, то всегда бываетъ за то оскорбляема отъ своихъ подругъ. Кто знакомъ съ сельскимъ воспитаніемъ, кто знаетъ съ какими предразсудками воспитываются эти дѣвицы, тотъ легко пойметъ происхожденіе гаданія на иглахъ.

Сельскія дѣвушки, рѣшались гадать на иглахъ, просятъ или ворожеекъ, или нянекъ; сами же гадать не должны: правда не сбывается. Ворожейки берутъ двѣ иглы, натираютъ саломъ, опускаютъ ихъ въ стаканъ съ водою. Если иглы потонуть — то это худой признакъ; если онѣ сошлись вмѣстѣ — то это предвѣщаетъ скорое вступленіе въ замужество; если онѣ разошлись одна противъ другой — то означаетъ, что есть препятствія къ свадьбѣ со стороны недоброжелателей; если онѣ разошлись въ разные сторо-

ны—то это предсказываетъ вѣчную незамужнюю жизнь. Всякое явленіе сопровождается намѣтками на извѣстныхъ жениховъ, и при каждомъ разѣ выпытываютъ отъ дѣвушекъ семейныя тайны и передаютъ ихъ женихамъ.

7. Отгадъ на воскѣ.

Гаданіе на воскѣ употребляется сельскими и городскими дѣвушками во время святочныхъ вечеровъ, по совѣту нянекъ и ворожеекъ. Желая узнать своего суженаго въ глаза, отчаяныя дѣвушки это гаданіе совершаютъ въ банѣ, въ полуночные часы. Явленіе на яву суженаго совершается по милости услужливыхъ нянюшекъ. Расторопный суженый, подкупая нянюку, съ вечера переселяется въ баню и дожидается приходу суженой. Когда же суженая хочетъ гадать, онъ предстаегъ къ ней, вручаетъ кольцо—и скрывается. Дѣвушка отъ испуга ахаетъ, падаетъ въ обморокъ, а послѣ подсылаются свахи, женихъ является на *смотрины*—и дѣло слагивается безъ дальнихъ хлопотъ.

Отгадъ на воскѣ, производимый въ присутствіи многихъ въ домѣ, совершается слѣдующимъ образомъ. Растапливаютъ воскъ и вливаютъ его въ стаканъ съ холодною водою. Въ это время опытыя няньки начинаютъ дѣлать предсказанія по отражающимся фигурамъ. Знако-

мымъ и тороватымъ дѣвушкамъ предсказываютъ все хорошее, благопріятное; напротивъ того бѣднымъ, не знатымъ — отгадываютъ все худое, оскорбительное. Часто между дѣвушками заводятся интриги. Изъ ненависти къ своей подругѣ подкупаютъ ворожейку, которая высказываетъ недѣлости разнаго рода. Отъ этаго иногда происходятъ вѣчные семейные раздоры.

8. Отгадъ на свинецъ.

Гаданіе на свинецъ принадлежитъ къ святочнымъ тайнамъ, употребляется въ городахъ и селахъ, подъ рукою опытныхъ нянекъ. Въ этомъ гаданіи участвуютъ только дѣвицы, переиспытавшія всѣ прочіе роды гаданій. Общее народное замѣчаніе для сего гаданія есть — скрытность отъ отца и матери, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уединенность для сего занятія.

Ворожеи растапливаютъ свинецъ, вливаютъ въ холодную воду и дѣлаютъ свои наблюдательныя замѣчанія. На какую сторону будутъ отдѣляться пары—на той сторонѣ быть дѣвицъ замужемъ. Если свинецъ будетъ представлять церковь—то это означаетъ скорую свадьбу; если будетъ показывать гробъ—то предвѣщаетъ скорую смерть.

9. Отгадъ въ зеркаль.

Самое дѣйствительное гаданіе въ зеркаль совершается при лунномъ сіяніи, во время святочныхъ вечеровъ. Впрочемъ, по необходимости совершается оно и въ домѣ, а притомъ во всякое время. Лучшее время для сего гаданія признается полночь, при тускломъ комнатномъ свѣтѣ, при всеобщемъ молчаніи.

Гаданіе въ зеркаль не принадлежитъ къ кругу изобрѣтеній Русскихъ ворожеекъ. Оно перешло въ наше отечество изъ другихъ земель. Суевѣрные Греки, получившіе это завѣщаніе отъ древней Восточной жизни, осуществляли его своими тайнствами, приравнивали къ разнымъ обстоятельствамъ, и потомъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, передали его разнымъ народамъ. Какъ чудесный вымыселъ, какъ обольстительное обаяніе, оно пережило вѣка, нравилось всѣмъ народамъ, измѣнялось по прихоти каждаго ворожен. Наконецъ довелось участвовать въ немъ и Русской жизни.

Наши ворожен, собираясь гадать въ зеркаль, избираютъ уединенную комнату, берутъ два зеркала—одно большее, другое поменьше. Ровно въ 12 часовъ ночи начинается гаданіе. Большее зеркало ставятъ на столъ, противъ него маленькое, гадательница садится предъ зеркалами, кругомъ зеркаловъ ставятъ свѣчи. Всѣ

окружающіе наблюдаютъ глубокое молчаніе; сидя въ сторонѣ, одна только гадательница смотритъ въ зеркало. Въ это время въ большемъ зеркалѣ начинаютъ показываться одно за другимъ 12 зеркаловъ. Какъ скоро будутъ *наведены эти зеркала* — то въ послѣднемъ изъ нихъ отражается загадываемый предметъ. Но какъ явленіе не всегда показывается, то начинаютъ другія наводить. Вѣрный признакъ наведенія — есть тусклость зеркала, которое протираютъ полотенцемъ. Наши ворожен думаютъ, что суженый, вызванный не волею этимъ гаданіемъ, приходитъ въ гадательную комнату и смотритъ чрезъ плечо своей суженой въ зеркало. Суженая, бодрая и смѣлая, всегда разсматриваетъ всѣ черты лица, платье и другія примѣты его. Когда она кончитъ свой обзоръ, тогда кричитъ: «*Чуръ сего мѣста!*» При семъ чураніи привидѣніе вдругъ исчезаетъ. Старушки увѣряютъ, что если суженая не зачураетъ привидѣніе, тогда оно садится за столъ, вынимаетъ изъ кармана что-нибудь, кладетъ на столъ. Догадливыя гадательницы въ этотъ мигъ начинаютъ чурать, — привидѣніе исчезаетъ, а оставленная на столъ вещь остается въ ея пользу. Послѣдствія оправдываютъ ожиданіе ворожеекъ: оставленная вещь будто всегда похищается у жениха въ то самое время, когда его суженая наводитъ зеркала. Самое важное обстоятельство въ этомъ гаданіи есть слова: «Суженой,

ряженой! Покажись мнѣ въ зеркаль и—мысль объ немъ до появленія двѣнадцатаго зеркала.

Почти всеобщая увѣренность въ дѣйствительности этаго гаданія — заслуживаетъ также сожалѣнія о заблужденіи людей, доступныхъ сему вѣрованію. Установка зеркаль, отражающихъ мелькающія тѣни людей присутствующихъ при гаданіи, сообразно законамъ Оптики; разгорячаемое воображеніе, устремляемое на извѣстный предметъ, вѣра въ дѣйствительность сего гаданія, подтверждаемая разсказами старухъ, воспитаніе, не очищенное отъ предрассудковъ—служатъ основными началами сей ворожбы. Истинное образованіе ума, непреложная вѣра въ Бога, усилія людей благомыслящихъ, можетъ быть, со временемъ избавятъ нашихъ соотечественниковъ отъ этаго заблужденія.

10. Отгадъ курицею.

Гаданіе черною курицею принадлежитъ вѣкамъ всеобщаго Европейскаго суевѣрія, когда слова людей виновныхъ не имѣли вѣрности въ судѣ, когда пустыя испытанія винили правого, оправдывали виновнаго, когда дерзкій преступникъ, одаренный физическою силою, съ мечемъ въ рукѣ защищалъ свою правоту. Когда оно зашло въ Русскую землю—доказать не возможно. Наши ворожеи употребляютъ это гаданіе въ открытіи похитителей.

Въ семействѣ, гдѣ случилось похищеніе всегда подозрѣваютъ многихъ, особенно въ деревняхъ. Тамъ правыхъ и виноватыхъ собираютъ въ одну избу, вечеромъ, тушатъ огонь, и выпускаютъ курицу, обсыпанную сажею. Курица, обходя правыхъ прикасается къ нимъ, но подходя къ вору, будто кричитъ, бѣжитъ прочь и не подпускаетъ къ себѣ его. Въ этомъ случаѣ всѣ правые по необходимости окрашиваются сажею, одинъ только похититель не удостоивается сей почести. Потомъ вносятъ огонь и смотрятъ: кто окрашенъ сажею, и кто нѣтъ? Если есть человекъ, свободный отъ сего—то онъ признается виноватымъ.

Сей способъ, открывающій похитителя въ деревняхъ всѣмъ извѣстенъ. Виновный, зная слѣдствія, не ужели не захочетъ оправдать себя? Онъ, способный на всѣ роды хищенія, не ужели будетъ равнодушенъ къ курицѣ? Не ужели побоятся ея прикосновенія, особливо поселнинъ, грубый и безстрашный? Миѣ извѣстенъ случай гдѣ производилось открытіе похитителя симъ гаданіемъ. У одного крестьянина сведены были лошади. Подозрѣніе падало на живущаго работника. Прибѣгли къ гаданію курицею. Всѣ собранные были окрашены сажею; одинъ только четырехлѣтній мальчикъ былъ пощажень курицею. Истинный похититель — работникъ былъ избавленъ отъ подозрѣнія; а мальчика вся деревня признавала виноватымъ дотолъ, пока откры-

лось, чрезъ восемь мѣсяцовъ, что работникъ былъ похитителемъ. Между тѣмъ явное открытіе не могло облагоразумить поселянъ въ ослѣпленіи своего поступка. Такъ сильно дѣйствуютъ предразсудки надъ грубыми поселянами и такъ могутъ быть иногда вредны ихъ повѣрья.

---

11. Отгадъ на водѣ.

Гаданіе на водѣ употребляется также для открытія похитителей въ нашихъ степныхъ селеніяхъ, съ полною надеждою прекратить зло. Но это гаданіе досталось нашимъ поселянамъ *отъ чужеземщины*, какъ они и сами говорятъ.

Тамъ, гдѣ случилось похищеніе, собираютъ подозрительныхъ людей, призываютъ грамотнаго, пишутъ имя каждаго на особенныхъ доскуткахъ, ставятъ на столъ огромную чашку съ водою. Ворожея беретъ записки и бросаетъ по одной въ воду. Чья именная бумажка выпрыгнетъ изъ воды — тотъ признается виноватымъ. Большая часть поселянъ не довѣряютъ вполнѣ этому гаданію; они считаютъ тогда только дѣйствительнымъ его, когда оно производится на студенцѣ, ознаменованномъ какимъ нибудь важнымъ событіемъ.

Неосновательность этаго гаданія представляется такъ очевиднымъ, что самое поверхностное знаніе физическихъ законовъ объясняетъ его. Если бумажка будетъ брошена угломъ въ воду, то

удобно можетъ скользнуть по поверхности, точно такъ же, какъ скользнуть камень, брошенный въ рѣку угмомъ.

12. Отгадь на бобахъ.

Гаданіе на бобахъ принадлежитъ записнымъ гадательницамъ, проживающимъ болѣе въ городахъ. Въ селахъ занимаются имъ болѣе дворовые люди, а особливо ключницы, няньки и экономки, *по волѣ или неволѣ барской*. Олицетворяя бобы частями человѣческаго тѣла, они разрѣшаютъ вопросы, предлагаемые боярами, боярынями и боярчатами, всегда въ благоую пользу. Городскіе же гадательницы соображаются въ этомъ случаѣ съ собранными свѣдѣніями и лицами, къ нимъ приходящими. Замѣчательно, что въ гаданіи на бобахъ вороженъ всегда отвѣчаютъ одними мнѣніями. Постоянство отвѣтовъ, заставляетъ думать, что всѣ отвѣты, излагаемые ими изучаются по преданію.

Ворожейки для сего гаданія берутъ *сорокъ одинъ бобъ* и раздѣляютъ ихъ, безъ счету, на *три части*. Берутъ первую часть въ одну руку, а другою начинаютъ отсчитывать по четыре бобинки, откладывая ихъ въ сторону до тѣхъ поръ, пока въ рукѣ будетъ оставаться три, два или одинъ бобъ. Этотъ остатокъ кладутъ въ *первую линию* подлѣ первой части. Потомъ берутъ вторую

часть, также отсчитываютъ по четыре бобинки. Остатокъ кладутъ въ *первую линію* — подлѣ второй части. Наконецъ берутъ третью часть, отсчитываютъ также, остатокъ кладутъ въ *первую линію*, подлѣ третьей части. Послѣ сего составляютъ *вторую линію* изъ отлагаемыхъ въ сторону бобовъ — также въ три порядка. *Третья линія* составляется безъ счету въ три порядка, изъ бобовъ, оставшихся отъ первой и второй линіи. Такимъ образомъ устроивши три линіи, въ каждой по три порядка, приступаютъ къ отгаду на бобахъ.

Второй порядокъ въ первой линіи, Ворожен называютъ: *головою*, третій въ этой же линіи — *рукою*, второй порядокъ во второй линіи — *сердцемъ*, третій порядокъ въ третьей линіи — *ногою на походъ*.

Голова предвѣщаетъ: мысли, веселости, быстроту, состояніе ученое; *рука* предзнаменуетъ: богатство, бѣдность; *сердце* говоритъ: печаль или радость; *ноги на походъ* означаютъ: пріѣздъ и отпавку въ путешествіе, полученіе, посылку, исполненіе желанія.

Ровное число бобовъ въ порядкахъ означаетъ препятствіе къ исполненію всѣхъ желаній. Ворожен въ этомъ случаѣ говорятъ: «Голова печальна, сердце грустно, рука пуста, ноги въ остановкѣ.» Неровное число бобовъ — *негетъ* — въ порядкахъ предвѣщаетъ все доброе, хорошее,

благопріятное. Ворожен тогда говорятъ: «Голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походѣ.»

Въ этомъ заключается все таинство гаданія на бобахъ; ворожен такъ разнообразяетъ его, что посѣтители всегда измѣняютъ свои намѣренія. То говорятъ, что ваши желанія въ этотъ день не могутъ быть разгаданы отъ возмущенія духа, то желанія высказываются не отъ сердца, то онѣ не по мысли. Все это они разгадываніемъ подтверждаютъ, и окончивается тѣмъ, что только могутъ сказать ворожен.

13. Святочные гаданія.

Никогда Русская семейная жизнь не живетъ въ такомъ раздольи, какъ на Святкахъ. Здѣсь всѣ возрасты принимаютъ участіе въ веселіи, особенно женскій полъ. Молодые люди среди игръ и веселій выбираютъ для себя суженыхъ; старики рассказываютъ про старину; старушки подтверждаютъ разными опытами достоверность гаданій. И все это совершается вечерами, въ полномъ собраніи многихъ семействъ. Женщины *позываютки* обходятъ дома съ приглашеніемъ, гдѣ есть дѣвушки, въ семейство зажиточное, гдѣ лелѣтся ненаглядное дитяtko, краса дѣвичья, зазноба молодецкая.

Вся важность Святочныхъ вечеровъ заключается въ гаданіяхъ, передаваемыхъ изъ рода

въ родѣ. Отыскать первоначальное появленіе этихъ гаданій—нѣтъ ни какой возможности. Преданія нашихъ предковъ—письменныя и словесныя—ничего не говорятъ объэтомъ. Было бы очень несправедливо, если бы мы приписали ихъ существованіе временамъ не-Христіанскимъ Русскаго народа, какъ доселѣ дѣлаютъ съ предметами, не вполне объяснимыми. Мы останемся при одномъ мнѣніи, что Святочныя гаданія усвоивались Русской жизни въ продолженіи многихъ вѣковъ, при постоянномъ или временномъ сношеніи нашихъ предковъ съ сосѣдними народами. Если была бы возможность тщательно преслѣдовать отдѣльныя повѣрія по пограничнымъ мѣстамъ въ разныхъ вѣкахъ, потомъ слѣдить ихъ распространеніе по внутреннимъ городамъ, тогда бы мы съ точностію могли означить: изъ какой страны, изъ какого города, отъ какого народа перешли къ намъ суевѣрныя повѣрія, гдѣ они были приняты, гдѣ нѣтъ, гдѣ исчезли, гдѣ и доселѣ существуютъ. Мысль едва исполнимая, едва возможная въ своемъ осуществленіи; но, какъ вѣроятная, она проистекаетъ изъ дѣйствительнаго бытія мифовъ древней Восточной жизни, столь рѣдко переживавшихъ свои опредѣленные періоды, столь явно переходившихъ отъ одного народа къ другому. Мы знаемъ бытъ Велико-Руссовъ, мы постигаемъ бытъ Мало-Руссовъ, мы вѣримъ въ отдѣльное существованіе быта Бѣло-Руссовъ, и мы смѣло ска-

*

жемъ, что они такъ отдѣльны одинъ отъ другаго, такія имѣютъ разнообразныя проявленія, что, подумать можно: они никогда не сливались одинъ съ другимъ и никогда жизнь Велико-Русская не селилась въ поляхъ Мало-Русскихъ, — если бы Исторія не указывала намъ на постепенные возрасты того и другаго, если бы не говорили намъ дѣла, что каждый изъ нихъ осуществлялъ свою данную идею при содѣйствіи другаго. Отъ чего мнѣны, повѣрія, семейныя сказанія Бѣло-Руссиі—отличаются отъ мнѣовъ, повѣрїевъ, семейныхъ сказаній Велико-Руссиі? Отъ чего Мало-Руссъ вѣрять въ такое повѣріе, едва извѣстное Велико-Руссу, о которомъ совершенно не знаетъ Бѣло-Руссъ? Въ чемъ заключается основная причина переселенія мнѣовъ отъ одного народа къ другому? Отъ чего происходитъ ихъ усвоеніе той или другой общественной жизни? Подробное обозрѣніе общественной и семейной жизни рѣшительно оправдываетъ предположеніе о переходѣ повѣрїй въ Русскую жизнь въ продолженіи многихъ вѣковъ и отъ многихъ народовъ.

Святочныя гаданія, совершаемыя доселѣ въ Русской семейной жизни, производятся вечерами, съ 25 Декабря по 5 Января, и притомъ въ разное время. Такъ одни изъ нихъ совершаются вечеромъ, другія въ полночь, а третьи приготавливаются ко сну *.

* См. 2 ч. Сказаній Русскаго народа.

Вечернія гаданія обыкновенно начинаются съ той минуты, какъ скоро освѣщаютъ огнемъ комнаты. Исчисляемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

Собравшись всѣ вмѣстѣ, въ одинъ домъ, выходятъ на улицу: здѣсь каждая дѣвушка должна спрашивать о имени перваго, встрѣтившагося ей человѣка. Онъ вѣрять, что этимъ именемъ будетъ называться ихъ суженой. Это самое *окликаніе* производятъ онѣ подь Новый годъ, выходя на перекрестокъ съ пирогомъ.

Ходятъ слушать подь окны чужихъ домовъ, и внимая разговору веселому или скучному, предрѣкаютъ себѣ такую же жизнь въ замужствѣ.

Ходятъ въ темнотѣ въ дровяной сарай, берутъ полѣно изъ полѣницы, 'и потомъ въ покаяхъ смотрятъ: если оно гладкое, то мужъ будетъ хорошій; а если кому попадется суковатое, особенно съ трещинами, то онъ будетъ дурной и сердитой.

Выводятъ изъ конюшни лошадей чрезъ оглоблю. Если, которая зацѣпитъ оглоблю ногами, то мужъ будетъ сердитой; если же перескочитъ чрезъ нее, то мужъ будетъ тихой и смирной.

Подходятъ къ анбарамъ, и если услышатъ пересыпку хлѣба, то увѣряютъ себя, что ихъ замужняя жизнь будетъ достаточная.

Слушаютъ подь церковнымъ замкомъ: если подслушаютъ пѣніе: Со святыми упокой — то

это предвѣщаетъ смерть; если услышать, что нибудь свадебное—то означаетъ, что въ этомъ году выдѣтъ за мужъ.

Снимаютъ съ насѣсти куръ и приносятъ въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготовлено въ трехъ мѣстахъ — вода, хлѣбъ, кольца золотыя, серебряныя, мѣдныя. Если чья курица будетъ пить воду—той мужъ будетъ пьяница; если будетъ вѣсть хлѣбъ — то мужъ будетъ бѣднякъ; если возьметъ кольцо золотое — то мужъ будетъ богачъ, если серебряное—то мужъ будетъ ни богатъ ни бѣденъ; если же сдвинетъ съ мѣста мѣдное, то будетъ нищій.

Пересчитываютъ въ лѣсницахъ балясы, говоря: «Вдовець, молодець» — и доходя до послѣдней смотрятъ: на какомъ словѣ остановилась — то такой будетъ и мужъ.

Выходятъ къ забору и говорятъ: «Залай, залай собаченька, залай сѣринькой волчекъ.» Въ которой сторонѣ услышитъ дѣвушка лай, въ той сторонѣ будетъ жить за мужемъ. Если лай раздается близъ дому — то это показываетъ, что отдадутъ за мужъ не въ дальнюю сторону; если же лай будетъ тихій, едва слышнѣй, то будетъ выдана за мужъ на чужую сторону.

Бросаютъ башмаки чрезъ ворота на улицу, потомъ выходятъ на улицу и смотрятъ: въ которую сторону онъ обращенъ носкомъ — тамъ и быть за мужемъ. Худой признакъ для дѣвушки, ког-

да ея башмакъ лежитъ обращенный къ домашнимъ воротамъ: въ этотъ годъ не быть ей за мужемъ.

Ходятъ смотрѣть въ окна сосѣдей во время ужина. Если замѣтятъ сидящихъ за столомъ съ головами — то предвѣщаютъ себѣ, что будущіе родные всѣ будутъ живы; если же видятъ безъ головъ, то думаютъ, что они скоро всѣ умрутъ.

Послѣ подблюдныхъ пѣсней выносятъ воду на дворъ, и каждая изъ дѣвушекъ отливая нѣсколько этой воды подъ вереву, беретъ въ горсть снѣгу. Приходя въ покой смотреть: какаго цвѣту снѣгъ — то таковъ будетъ и суженой.

Полуночныя гаданія всегда начинаются послѣ ужина, съ 12-го часа ночи. Въ нихъ участвуютъ взрослые дѣвицы, въ присутствіи опытныхъ старушекъ. Исчисляемъ эти гаданія.

Гадающія дѣвушки садятся у оконъ, выговаривая каждая: «Суженой, ряженой! Поѣзжай мимо окна.» Если которая услышитъ поѣздъ съ крикомъ, свистомъ — то предрѣкаютъ себѣ жизнь веселую и хорошую; а когда поѣздъ будетъ тихой — то обрѣкаютъ себѣ замужнюю жизнь въ бѣдности.

Вывѣшиваютъ за окно ключи, щетку. Когда кто изъ проходящихъ ихъ пошевелитъ, того спрашиваютъ: «какъ звать?» Думаютъ, что этимъ именемъ будетъ называться суженой.

Берутъ скорлупы Грецкихъ орѣховъ, рѣжутъ восковыя свѣчи на мѣлкія кусочки, вставляютъ въ скорлупы, пускаютъ плавать въ чашку, наполненную водою. Потомъ каждая изъ двѣшекъ зажигаетъ свѣчки своей скорлупы. Здѣсь замѣчаютъ: которая потонетъ, та умретъ незамужнею, у которой скорѣе сгорятъ свѣчки, та прежде всѣхъ выдетъ за мужъ, а у которой будетъ горѣть долѣе всѣхъ, той не бывать за мужемъ. —

Отчаянная дѣвушка накрываетъ въ пустой комнатѣ столъ скатертью, кладетъ приборъ, кромѣ ножа и вилки, и говоритъ: «Суженой, ряженой! Приди ко мнѣ поужинать.» Всѣ окружающіе выходятъ въ ближніе покои, а она, оставшись одна, запираетъ двери, окны, садится за столъ съ ожиданіемъ суженаго. Признаки приближенія суженаго суть слѣдующіе: вѣтръ жужжитъ подъ окнами, съ свистомъ; удары въ окны, въ дверь; смраднѣйшій запахъ. Потомъ является суженой. Дѣвушка должна сидѣть на своемъ мѣстѣ, молчать на всѣ вопросы, замѣчать черты лица и платье. Суженой садится за столъ, начинаетъ говорить. Дѣвушка вмѣсто отвѣта спрашиваетъ: «Какъ звать?» Суженой сказываетъ имя, вынимаетъ что нибудь изъ кармана. Въ этотъ мигъ дѣвушка должна говорить: «Чуръ моего мѣста! Чуръ моей загадки!» Суженой исчезаетъ, оставляя на столѣ вещь, имъ принесенную

Если она сробъетъ и не зачураетъ, то суженой производить разныя проказы.

Гаданія на сонъ совершаются дѣвушками по указанію старушекъ, и, для большей дѣйствительности, людьми посторонними.

Сбираютъ изъ прутиковъ мостикъ, кладутъ подъ подушку. Дѣвушка ложась спать говорить: «Кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ переведетъ меня чрезъ мостъ.» Суженой является во снѣ и переводитъ за руку чрезъ мостъ.

Кладутъ подъ подушку гребенку, говоря: «Суженой, ряженой! Причеси мнѣ голову.» Суженой является во снѣ и чешетъ голову.

Берутъ наперстокъ соли, наперстокъ воды, смѣшиваютъ и ѣдятъ. Ложась спать, дѣвушка говорить: «Кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ пить мнѣ подастъ.» Суженой является во снѣ и подаетъ пить.

Кладутъ подъ подушку четыре короля и говорятъ: «Кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ приснись мнѣ во снѣ.» Суженой снится во снѣ, въ видѣ какого нибудь короля.

Конецъ первой части.

Книга Сказанія Рускаго Народа будетъ состоять изъ восьми частей.

- ЧАСТЬ 1.** Сказанія Рускаго народа о Чернокнижии.
- ЧАСТЬ 2.** Сказанія о Русскихъ народныхъ Играхъ.
- ЧАСТЬ 3.** Сказанія о Свадьбахъ Рускаго народа.
- ЧАСТЬ 4.** Сказанія о Русскихъ народныхъ повѣрьяхъ.
- ЧАСТЬ 5.** Сказанія Р. н. о Демонологии — Духи, Оборотни, Тѣни.
- ЧАСТЬ 6.** Сказанія о Русской народной Символикѣ.
- ЧАСТЬ 7.** Русскія народныя Думы.
- ЧАСТЬ 8.** Сказанія о Врачебныхъ знаніяхъ Рускаго Народа.

Сія книга продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ.

СКАЗАНИЯ
РУССКАГО НАРОДА

0

О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ СВОИХЪ ПРЕДКОВЪ.

собранныя И. Сахаровымъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

СКАЗАНИЯ
РУССКАГО НАРОДА

0

О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ СВОИХЪ ПРЕДКОВЪ,

собранныя И. Сахаровымъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.
1837.

27231.16

HARVARD COLLEGE LIBRARY
MINOT FUND

OCT 17 1924

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Декабря 29 дня, 1836 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

СКАЗАНІЯ
РУССКАГО НАРОДА.

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ НАРОДНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ.

Русскія древности, столь близкія нашему сердцу, были любимыми занятіями многих почтенныхъ соотечественниковъ. Для нихъ старая Русская жизнь, сохраняющаяся въ народныхъ сказаніяхъ и обычаяхъ, была единственною цѣлю всѣхъ изысканій. Не ужели мы и теперь будемъ безмолвны, когда видимъ съ какою готовностію и самоотверженіемъ Русскіе и чужеземцы посвящаютъ этому лучшіе годы своей жизни, не обращая вниманія—будутъ ли ихъ занятія оцѣнены современниками? Рано или поздно прервется это молчаніе, эта невнимательность. Мы постигаемъ, что все, собранное неутомимыми трудами этихъ почтенныхъ труженниковъ, составляетъ сборникъ самыхъ любопытныхъ свѣдѣній, неистощимый запасъ для будущихъ дѣлателей, драгоценный для чтущихъ свято въ своемъ сердцѣ Русскую землю.

Не принимая на себя смѣлости равняться въ своихъ изысканіяхъ съ трудами предшественниковъ, и представляя болѣе свои занятія на строгой судъ соотечественниковъ, осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе о всѣхъ сочиненіяхъ, выданныхъ Русскими и чужеземцами единственно только по однимъ народнымъ сказані-

II

ямъ. Начинать обзоръ о каждой книгѣ, о каждой журнальной статьѣ отдѣльно—было бы не кстати и неумѣстно; это составило бы только пустой обзоръ, ничего необъясняющій, замѣчанія на избранные предметы, ничего неоткрывающія. Въ наше время уже довольно много сдѣлано стройнаго и важнаго, мы имѣемъ предметы болѣе или менѣе обработанные. Вотъ почему представляю свое обзоръ въ формѣ исторической, осматривая каждый предметъ въ трудахъ многихъ писателей. Опасаюсь одного только, чтобы подъ избраннымъ мною названіемъ: Исторія Русской народной Литературы—не признавали мои сужденія за произвольныя и опрометчивыя, за рѣшимость выше силъ моихъ, за желаніе поставить на видъ одного себя. Въ этомъ случаѣ не ожидаю для себя ни какого снисхожденія отъ людей, сочиненія которыхъ были избраны мною для обзоръ. Зная, что мои замѣчанія сказаны безпристрастно, съ однимъ только желаніемъ открыть истину, указать на труды заслуживающіе полную признательность соотечественниковъ, я увѣренъ въ правотѣ своей, не прошу извиненій, которыхъ никогда и ни чѣмъ не вымолишь для своихъ недостатковъ, но готовъ и защищать себя отъ несправедливыхъ обвиненій. Не думаю также, чтобы было нужно защищать избранный предметъ. Смѣшно было бы до пошлости отвер-

III

гать нападенія на существованіе Исторіи Русской народной Литературы, когда есть сотни сочиненій, изданныхъ по одному этому предмету.

Исторія Русской Народной Литературы будетъ состоять изъ трехъ отдѣленій. Въ обзорнѣе перваго будутъ входить :

1. Славяно-Русская Мифологія.
2. Русскіе Народные Праздники.
3. Пословицы Русскаго народа.
4. Русскія народныя свадьбы.
5. Сказки Русскаго народа.
6. Пѣсни Русскаго народа.

Второе отдѣленіе будетъ состоять изъ библиографической росписи всѣхъ книгъ и журнальныхъ статей, какъ указанія на предметы приводимые въ первомъ отдѣленіи.

Третіе отдѣленіе единственно посвящается на обзорнѣе Русскихъ областныхъ нарѣчій. Этотъ предметъ, еще не початый въ Русской Литературѣ, приводитъ въ изумленіе своимъ величіемъ. Нистощимость Русскаго языка, коренныя Русскія формы выраженій, мѣстный выговоръ словъ—открываютъ въ нашей отчизнѣ людей съ особенными нарѣчіями, языкъ Славянскій почитаемый доселѣ забытымъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ языкъ нашихъ лѣтописей живымъ и дѣйствующимъ, въ дру-

IV

гомъ видимъ первоизданную Русскую народную поэзію во всей цѣлости, неспорченную, необезображенную. Тогда увидать, что такъ безщадно терзаемая Пѣснь о полку Игоревомъ откроется чисто Велико-Русскимъ произведеніемъ; тогда всѣ непонятныя въ ней слова, почитаемыя забытыми, чужими, представлятся дѣйствующими, нашими; тогда мы не будемъ переселять это произведеніе изъ одного мѣста въ другое, или усвоить его кому либо изъ Славянскихъ поколѣній.

Не беру на себя отважной дерзости представлять грамматики Русскихъ областныхъ нарѣчій: это трудъ гигантскій, трудъ многихъ людей и многихъ годовъ; я единственно принимаю на себя показать особенности Велико-Русскихъ нарѣчій: Новгородскаго, Московскаго, Суздальскаго, Владимірскаго; представлю словари этихъ областныхъ нарѣчій; покажу сравнительныя сказанія каждаго изъ нихъ.

Теперь повторяю слова Лаврентія лѣтописца:

«Отцы и братіе! еже ся едѣ описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправляйте Бога дѣла, а не кляните.»

СЛАВЯНО-РУССКАЯ МИОЛОГИЯ.

Исторія Славяно-Русскихъ Миеографій представляетъ одно изъ рѣдкихъ явленій въ Русской Литературѣ, явленіе, исполненное разнообразныхъ вымысловъ, невѣроятныхъ догадокъ, ничтожныхъ предпріятій. Начиная съ Нестора — до нашихъ временъ — мы насчитываемъ болѣе десяти Русскихъ Миеографовъ; но, при всемъ томъ, мы смѣло можемъ сказать, что наша Литература не имѣетъ еще Славяно-Русской Миеологіи. Кажется, что все это происходило отъ того, что наши Миеографы впадали въ рѣшительныя крайности, уничтожавшія всѣ ихъ предпріятія. Это:

1. Усвоеніе Славяно-Русской Миеологіи всѣхъ другихъ боговъ Славянскихъ поколѣній. Они собирали все, что только находили у иностранныхъ писателей объ этихъ богахъ, безъ всякаго различія. Все чужое, не наше, приписывали Русскимъ, нашимъ предкамъ. Изъ этого вышло, что всѣ доселѣ извѣстныя Миеографіи

не только не достигли своей цѣли, но еще лишили и насъ и иностранцевъ полнаго довѣрія въ Русской Археологіи.

2. Открытіе происхожденія Славянскихъ боговъ въ Миеографіяхъ другихъ народовъ. Здѣсь выставляются ничтожныя догадки за историческую истину. Можетъ ли быть довѣріе къ такимъ трудамъ?

3. Филологическія разысканія въ именахъ боговъ всѣхъ языческихъ народовъ. Здѣсь проявляются отчаянныя крайности, и удивительное незнаніе Славянскихъ племенъ. Неоспоримо, что этотъ источникъ заслуживаетъ особенное вниманіе; но онъ тогда только получаетъ свое достоинство, когда мы рѣшительно знаемъ происхожденіе народа. Но, кто намъ сказалъ, и кто скажетъ — откуда произошли Славяне? Знаяши это, мы бы знали: какихъ боговъ перенесли Славяне въ новое жилище изъ своей родины.

4. Безпрекословное вѣрованіе въ источники. Здѣсь рѣшительно мы не замѣчаемъ исторической критики. Всѣ наши Миеографы, кромѣ Г. Строева, какъ бы согласились допускать всякое вздорное извѣстіе за правду. Стоитъ только сравнить источники историческо-критически, пересмотрѣть — откуда кто и что бралъ, и мы тогда вполне узнаемъ ихъ достоинство. Наши Миеографы вѣрятъ Стрыйковскому, но не вѣрятъ Длугошу, изъ сочиненія котораго выписывалъ

Стрыйковскій; вѣрятъ Гизелю; но не вѣрятъ Стрыйковскому, изъ сочиненія котораго Гизель составилъ особенную главу о идолахъ въ Кіевскомъ Синописѣ. Всѣ знаютъ, что сказаніе Нестора есть вѣроятнѣйшее; и притомъ ближе всѣхъ по времени Славянамъ язычникамъ, но ему не вѣрятъ, а вѣрятъ позднѣйшимъ, которые списывали Нестора и прибавляли свое.

5. Произвольныя дополненія, выдуманныя единственно для убѣжденія въ существованіи небывалыхъ Славяно - Русскихъ боговъ. Больше всѣхъ этимъ отличается Мифографія Грэг. Глинки.

Основаніе Славяно - Русскихъ Мифографій составляютъ двѣ отдѣльныя системы: *Многобожіе и Семибожіе*.

Первая система; основанная на Многобожіи, образовалась въ Мифографіяхъ *Гизеля, Попова, Чулкова, Глинки, Кайсарова*.

Иннокентій Гизель, Архимандритъ Кіевопечерскаго монастыря, составляя Кіевской Синописѣ изъ трудовъ *Феодосія Софоновича*, Игумена Кіево - Михайловскаго Золотоверхаго монастыря, придалъ особенную статью: *о идолахъ*. Описаніе этихъ идоловъ составляетъ первую Русскую Мифографію, изложенную по иностраннымъ писателямъ. Источники, руководившіе Гизеля, были: сочиненія — Кромера, Гваньини, Стрыйковскаго. Сближаясь съ этими

*

писателями, онъ забылъ, что писалъ Несторъ, и къ Славяно-Русскимъ богамъ прибавилъ: *Позвида, Ладо Леля, Полеля, Ладу, Купало, Коляду, Услава или Ослава* *. Его описаніе Перуна, исполненное выдумками противъ Нестора, представляетъ образчикъ чужеземныхъ внесеній:

«Во первыхъ постави (Владиміръ) начальнѣйшаго кумира, именемъ *Перуна*, бога грома, молніи и облаковъ дождевыхъ, на пригорку высокому, надъ Буричовымъ потокомъ, по подобію человѣческому: *Туловище* бѣ его отъ древа *хитроснѣ изстѣно*, главу имуще сліяну отъ сребра, *уши златы, нозѣ желѣзны, въ рукахъ держащѣ камень*, по подобію Перуна пылающа, *рубинами и карбункулами украшенъ*; а предъ нимъ *огнь всегда горяше* **. Аще бы по нерадѣнію жреческому ключилося огню угаснути, того жреца, аки врага бога своего, смертію казняху. .... Первѣйшаго бога или идола Перуна повелѣ (Владиміръ) къ конскому хвосту привязати и влещи во Днѣпръ, приставивши дванадцать паличниковъ, да бѣютъ его лицами, не яко чувственное древо; но да поругаются бѣсови, иже чрезъ него народъ человѣческій прельщаше. Привлекше же его къ

* См. Кіев. Синоп. изд. 2 стр. 33 и 53.

** Слова, означенныя курсивомъ, составляютъ выдумки, взятыя Гизелемъ изъ Стрыйковскаго и другихъ.

брегу, ввергоша въ Днѣпръ, и заповѣда Владиміръ, да нигдѣ же припустятъ его къ берегу, дондеже минетъ пороги; нижая же пороговъ изверже его вѣтръ, подѣ одну гору велику, яже и донинѣ Перунъ гора нарицается. Носить же ся и сія повѣсть еще отъ старыхъ людей, яко нѣкоего идола, егда влекоша вѣрніи съ горы утопити въ Днѣпръ, біюще его нещадно, бѣсъ въ томъ идолѣ восклицаше рыдая зѣло. Вверженный же онъ болванъ въ Днѣпръ, поплывъ внизъ, а невѣрніи людіе идуще бегомъ, плакаху и зваху, глаголюще: «Выдыбай нашъ господарю боже, выдыбай,» си есть—выплывай. Идолъ же той выдыбалъ или выплывалъ тамо на берегъ ... Но и тамо егда невѣрніи людіе хотяху взяти того идола, вѣрніи же притекше, камень къ нему привязаху и утопиша идола.»

«Вторый идолъ бысть *Волосъ*, богъ скотовъ.

«Третій *Позвиздъ*, инии же прозваху его *Похвистъ*, инии нарицаху *Вихромъ*, исповѣдающе бога быти воздуха, ведра и безгодія.

«Четвертый идолъ *Ладо*, сего имѣяху бога веселія и всякаго благополучія, жертву ему приношаху готовящіяся къ браку, помощію Лада мняще себѣ доброе веселіе и любезно житіе стяжати.

«*Леля* и *Полеля* отъ древнѣйшихъ идолослужителей почитаху иже нѣкихъ боговъ, ихъ же

богомерзкое имя и донынѣ по нѣкимъ странамъ на сонмищахъ игралицныхъ пѣнѣмъ Делемъ и Полелемъ возглашаютъ.

«Ладо, мать Делеву и Полелеву, поюще: Ладо, Ладо, идоли ветхую прелесть дѣвольскую на брачныхъ веселѣхъ руками плещуще и о столъ бѣюще воспѣвають.

«*Купала* пятый идолъ, его бога плодовъ земныхъ быти мвяху, и ему прелестію бѣсовскою омраченныи благодаренія и жертвы въ началѣ жнѣтвы приношаху.

«*Калѣда* шестый идолъ, богъ праздничный, ему же праздникъ велій мѣсяць Декемврій въ 21 день составляху.

«Развѣ тѣхъ бѣсовскихъ кумирь, еще нынѣ идолы мнози бяху по имени: *Усладъ*, или *Осладъ*, *Корша* или *Хорсъ*, *Дашуба* или *Даждъ*, *Стриба* или *Стрибогъ*, *Семаергла*, или *Семаргль*, и *Мокошь* или *Макошь*, имъ же бѣсомъ помраченнии людіе, аки богу жертвы и хваленія воздаваху. Сія же мерзость во всемъ государствѣ Владиміровомъ по повелѣнію его содѣвахуся.»

Послѣ Гизеля явился Поповъ съ своею Мнѣографіею. Его сочиненіе: *Краткое описаніе Славянскаго баснословія*, изданное въ 1768 году, было вторично перепечатано въ 1772 году, въ Досугахъ или Собраніи сочиненій и переводовъ, въ первой части. Объ источникахъ

нашей Мнеологии онъ писалъ въ своемъ пред-
увѣдомленіи:

« Матерію, составляющую сію книжку, вы-
биралъ я изъ разныхъ книгъ, содержащихъ
Россійскую Исторію, какія имѣлъ, или какія
могъ сыскать для прочтенія, также изъ про-
стонародныхъ сказокъ, пѣсенъ, игръ, и остав-
шихся нѣкоторыхъ обыкновеній. Я не вездѣ
приводилъ Авторъвъ, для того, что ни себѣ,
ни другихъ тѣмъ не хотѣлъ отяготить; ибо
ученымъ и любопытнымъ и безъ того они
извѣстны; а притомъ сіе сочиненіе сдѣлано
больше для увеселенія читателей, нежели для
важныхъ историческихъ справокъ, а больше
для стихотворцевъ, нежели для историковъ.»

Слѣдовательно: источники остались извѣст-
ны только одному Г. Попову; но въ самомъ
описаніи баснословія онъ ссылается: на *До-*
моносова, Эмина, Тредіаковскаго, Мауро-урби-
на, Стурлезона, на иностранныхъ писателей
безыменныхъ, и на какой-то Нѣмецкой бас-
нословный Словарь. Сочиненіе Попова до 1815
года было руководствомъ для Русскихъ и ино-
странныхъ Мнеографовъ. Чулковъ буквально
списалъ всѣ его описанія въ свой Словарь,
Глинка и Кайсаровъ повторили въ другомъ
видѣ сочиненіе Попова. Леклеркъ во всемъ
основался на его Славянскомъ баснословіи. На-
прасно Болтинъ и другіе вооружались про-

тивъ этаго. Писатели ничего не хотѣли знать. Желаніе Попова дѣйствительно сбылось: Херасковъ его описанія внесъ въ свою поэму: Владиміръ, а стихи Хераскова Глинка внесъ въ свою Миеографію, какъ единственный историческій источникъ. Кайсаровъ съ негодованіемъ говорилъ о Поповѣ: «Г. Поповъ представилъ краткой чертежъ Славянской Миеологии. Хотя этотъ чертежъ такъ кратокъ, что содержится только въ двухъ печатныхъ листахъ, однакожь въ немъ находится довольно пустаго. Авторъ не упоминаетъ даже объ источникахъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ, считая это бесполезнымъ дѣломъ.» Замѣтимъ: всѣ извѣстные источники Кайсарова находятся въ сочиненіи Попова, только со многими прибавленіями.

Къ Миеографіи Гизеля Поповъ прибавилъ 36 боговъ, такъ, что его Славянское баснословіе составилось изъ 51. Описанія боговъ Попова замѣчательны выдуманными прибавленіями. Вотъ образчикъ:

«Свѣтовидъ, Святovidъ, а также и Святovichъ, богъ солнца и войны, почитался и имѣлъ храмъ на островѣ Ругенѣ, въ Славянскомъ городѣ Ахронѣ. Каждый годъ Ахронскіе жители, какъ мужчины такъ и женщины, приносили во храмъ подати по пенязю. Истуканъ Святowlвъ былъ пресо громаыя величины; сотворенъ

изъ древа крѣпкаго, о четырехъ лицахъ, на подобіе фонаря, такъ что отъ всякія страны образъ его видѣнъ былъ: можетъ быть, это значило четыре времени года (стр. 201.).»

«Перунъ, у другихъ Славянскихъ народовъ *Перкунъ*; начальнѣйшій Славянскій богъ, почитался производителемъ всѣхъ воздушныхъ явленій и дѣйствъ, какъ то: грома, молніи и облаковъ, дожда и прочаго; притомъ же нарицали его строителемъ громострѣлія. Когда еще Святый В. К. Владиміръ, помраченъ былъ тмою идолослуженія, тогда воздвигъ сему Перуну въ Кіевѣ и прочимъ божествамъ истуканы и повелѣвъ приносить имъ жервы, что было въ лѣто ⁶⁴⁴⁸₉₂₈. Послѣдуя ему Добрыня, дядя его, находившійся въ Новгородѣ намѣстникомъ, воздвигъ также въ округъ Новгородскомъ *премножество кумировъ, и принуждалъ силою, находившихся между язычниками Христіанъ* поклоняться имъ и жертвовать. * Въ Кіевѣ же храмъ Перуновъ стоялъ внѣ дворца теремнаго, надъ Буричовымъ потокомъ, на высокомъ холмѣ. Кумиръ его вырѣзанъ былъ изъ *негниючаго дерева*, голову имѣлъ серебряную, усы и уши золотыя, ноги желѣзныя, въ рукахъ держалъ камень, на подобіе пылающія молніи, придававшійся отъ древнихъ *Юпитеру, ру-*

* Это свидѣніе взялъ Поповъ изъ подложной Иоакимовой летописи. Это самое допускалъ и Вельтманъ.

бинами и карбункулемъ украшенную. Огнь пылалъ предъ симъ идоломъ непрестанно; а когда случилось оному, по нерадѣнію жречеекому, угасать, то сжигали онаго жреца, какъ врага божескаго. Въ жертву приносили ему не только воловъ и пльвниковъ, но единородныхъ своихъ дѣтей; и также имѣли иные обычаи, обривъ голову и бороду свою, жертвовать ему своими волосами. * Индѣ посвящали ему лѣса и рощи, въ которыхъ запрещалось рубить подѣ казнію. Имя его Перунъ значить *на древлѣ-Славянскомъ* языкѣ: *Громи*, которое дано ему какъ производителю онаго.»

Сколько здѣсь произвольныхъ прибавленій въ описаніи одного Перуна! Гизель списалъ Стрѣйковскаго и Гваньини, и прибавилъ свое. Поповъ списалъ Гизеля, и прибавилъ также въ свою очередь. Время, въ которое жилъ Поповъ, цѣль, избранная имъ — *увеселять* — спасаютъ его отъ критики.

Въ 1782 году Чулковъ издалъ: *Словарь Русскихъ Сувѣрій*, переделанный имъ въ удивительное собраніе, подѣ другимъ заглавіемъ: *Абвега Русскихъ сувѣрій, идоловъ, колдовства, шеманства* и проч. Сочиненіе Чулкова, выдаваемое за Русское народное описаніе, было

---

* Это вздорное свѣдѣніе Кайсаровъ подкрѣпилъ доказательствами, указывая на Птолемея, Ореста, Валерія. См. его Мнѣолог. стр. 155.

вмѣстѣлицемъ всѣхъ суевѣрій—Русскихъ, Калмыцкихъ, Камчатскихъ, Тунгузскихъ, Татарскихъ, Якутскихъ, словомъ всего того, что онъ могъ гдѣ либо выписать. Выписки Чулкова подражательны до послѣдней возможности; онъ выписывалъ буквально, подражая всему, сокращалъ мало, прибавлялъ своего еще менѣе. Въ Русской Мифологіи путеводителемъ его былъ Поповъ. Какъ вѣрный его послѣдователь, онъ привялъ въ Славянскую Мифологію Многобожіе. Въ его сочиненіи не было избранной цѣли: это смѣсь *всякой всячины*, бывшая въ его время въ большемъ употребленіи. Приводимъ эти подражательныя выписки въ сравненіе съ Поповымъ, Кийсаровымъ и Глинкою:

Поповъ.

(стр. 69.)

«Волоты. Сіи страшлища, по сказанію Ломовосова, то же значили, что у Грековъ Гиганты; и конечно уже получали жертвы.»

Кайсаровъ.

(стр. 66.)

«Волотовъ сравниваютъ съ Греческими Гигантами. Удачно ли сравненіе, не смѣю рѣшить.»

Чулковъ.

(стр. 183.)

«Волоты сіи страшлища были Великаны и значили у Славянъ то же, что у Грековъ Гиганты, имъ приносили жертвы.»

Глинка.

(стр. 124.)

«Волоты исполнены непоимѣрной величины и силы. Изъ сказокъ древнихъ видно, что сверхъ силы, имѣли они еще *даръ неуловительности*.»

Поповъ.

(стр. 189.)

«Догода Славенскій Зефиръ, котораго признавали богомъ производителемъ тихаго и пріятнаго вѣтра и ясныя погоды.»

Чулковъ.

(стр. 191.)

«Догода, Славянскій Зефиръ, котораго признавали богомъ производителемъ тихаго и пріятнаго вѣтра и ясной погоды.»

Кайсаровъ

(стр. 139.)

«Погода или Догода былъ богъ прекрасной погоды пріятнаго вѣтерка. Это Славянскій Зефиръ.»

Глинка.

(стр. 105.)

«Догода. Вотъ милое божество, противоположное свирьпому Позвизду. Младый, румяный, русокудрый, въ васильковомъ вѣнкѣ, съ голубыми по краямъ позолоченными крыльями бабочекъ, въ среброблестящей голубоватой одеждѣ, держащей въ рукѣ шипокъ, и улыбающийся на цвѣты, летя надъ оными и поливая ихъ, есть Славянскій Богъ пріятнаго весенняго времени, тихій, прохладный вѣтерокъ, *Догода*. Онъ имѣлъ свои храмы, и ему жертвовали цвѣтами, пѣснями и плясками.

Чулковъ, кромѣ явной подражательности Попову, замѣтно старался быть и самобытнымъ. Онъ въ своей Миеографіи къ Славяно-Русскимъ богамъ прибавилъ: *Дѣдушко домовой, Лихорадка*; уничтожилъ: *Чудо морское, Донъ*; передѣлалъ: изъ Яга-баба — *Ягал-баба*, изъ Леля — *Лельо*, изъ Сильный богъ — *Крѣпкій богъ*;

убавилъ отъ Лодо—*Лада*, отъ Стриба—*Стрибогъ*; дополнилъ: къ Нія—*Ніамъ*, къ Позвизду *Вихрь*, къ Тригла—*Триглава*. —

Въ 1804 году, Профессоръ Дерптскаго Университета, Г. Григорій * Глинка издалъ въ Митавѣ свою Мнеографію: *Древняя религія Славянъ*. Сочиненіе Глинки было совершенно отличное отъ предшествовавшихъ. Онъ, принявшій Многобожіе, наполнилъ свою Мнеографію невѣроятными выдумками, никогда несуществовавшими въ Русской Литературѣ. Его введеніе, объясняющее причины дополненій, изумительно для исторической критики.

«Изображенія, дѣла, самыя даже названія боговъ извѣстнаго народа суть сколокъ онаго (стр. 6). Описывая произведенія фантазіи или мечтательности, я думаю, что *не погрѣшу* если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ — буду дополнять собственною подѣ древнюю статью фантазією (стр. 8). Я переселяюсь въ пространныя разнообразныя области фантазіи древнихъ Славянъ; по нимъ стану собирать всецѣлыя мечтательныя идеи и малыя ихъ частицы, и, снѣ послѣднія соображаясь ихъ устроенію, дополнять матеріалами сего царства, *по законамъ сообра-*

* Мы нарочно выставяемъ полное имя этого сочинителя, дабы читатели не смѣшали его съ почтеннымъ Сочинителемъ Русской Исторіи Серг. Никол. Глинкою.

женія или мечтанія (стр. 10). Хотя происхождение боговъ или Θεογονія Славянская для насъ не сохранилась; чему въ свое время конечно надлежало быть; однако же изъ свойства боговъ, или лучше естественныхъ вещей, ихъ дѣяній и явленій, можемъ заключить о мечтаемомъ о нихъ происхожденіи. Впрочемъ, къ *истотль разсудка Славянскаго народа* можетъ отнестись то, что *ихъ въра изъ многихъ языческихъ есть чистѣйшая*. Ибо ихъ боги суть естественныя дѣйствія, благотвореніемъ своимъ имѣющія на человѣка вліянія, и служащія къ страху и казни беззаконія, равномерно какъ природныя свойства и совершенство обоженныхъ. Сіе проникнулъ творецъ Владиміриады (Херасковъ) (стр. 15).

Мифографію Славяно-Руссовъ распредѣлилъ Г. Глинка въ слѣдующихъ видахъ: 1) *Превыспренніе боги*, обоженные существа внѣ земли находящіяся; 2) *Земные боги*, коихъ свойства отвлечены отъ земныхъ полезныхъ произведеній, для жизненныхъ человѣка потребъ; 3) *Преисподніе боги*, кои изображаютъ собою мечь и казнь, послѣдующую за беззаконіемъ и порокомъ; 4) *Водные боги*, коихъ власть простирается надъ водами. 5) *Духи*; 6) *Полубоги и богатыри*; 7) *Озера обоженные*; 8) *Рѣки*. Къ прежнимъ Мифографіямъ онъ прибавилъ новыхъ боговъ: *Животъ, Родомысль, Ясса, Во-*

Довики, Стъни, Лизуны, Куды, Черти, Бъсы, Рудотокъ, Ильмень Славянъ; измѣнилъ—изъ Семаргла *Зимцерла*, изъ Волхвъ здѣлалъ еще другаго *Волховецъ*; отнялъ: отъ Дажь-бога—*Дашуба*, отъ Услава — *Осладъ*; уничтожилъ: *Дѣтинецъ, Змѣй, Ямадла, Роци, Турь*.

Источники, служившіе основаніемъ древней Религіи Славянъ, не показаны сочинителемъ; но видно изъ примѣровъ, что лучшими образцами были сочиненія Хераскова. Онъ, описывая боговъ, приводитъ стихи изъ Владиміра Великаго Хераскова. Такъ у него описанъ Перунъ на стр. 22, 25 и 26, и другіе. Въ честь Перуна Г. Глинка написалъ особенный гимнъ, сочиненный имъ на древнюю статью. Исторія Литературы обязана сохранить примѣры этаго рода, поучительные для насъ, современниковъ, удивительные для потомства. Скажемъ откровенно: Г. Глинка не зналъ Русскихъ древностей, и изъ самыхъ словъ видно, что ему не были извѣстны наши старыя, письменные памятники. Иначе бы онъ не рѣшился писать подобныя Гимны. Приводимъ его:

«Богъ великъ; но страшенъ Перунъ;
Ужасъ наводитъ тяжела стопа;
Какъ онъ въ предшествіи молній своихъ
Мракомъ одѣвъ, вихрьми повить,
Грозныя тучи ведетъ за собой.
Ступить на облакъ—огня изъ подъ пята;

Ризой махнет—побагровѣтъ твердь;
 Взглянетъ на землю—встрепещетъ земля;
 Взглянетъ на море—котломъ закипятъ.
 Клонятся горы былинкой предъ нимъ.
 Страшне! свой гнѣвъ ты отъ насъ отвори!
 Бросивъ горсть граду во тысячу мвръ;
 Только ступилъ, ужъ за тысячу верстъ;
 Лишь отъ пяты его облакъ зардѣлъ;
 Тяжка стопа гулъ глухой издала,
 Кой горы, море и землю потрясъ,
 И лишь сверкнуло возкраіе ризъ.

Вотъ древность Русская, которою угощали въ 1804 году Русскую публику. Кому не извѣстна участь пѣсни о Полку Игоревомъ, Русской Правды, Древнихъ Славянскихъ Рунъ, которыхъ, когда-то вздумали было составлять и дополнять прибавками во вновь изобрѣтенныхъ пергаменныхъ спискахъ. Но, тогда было такое время, и одна только Исторія можетъ передать потомству о подобныхъ продолкахъ.

Описанія другихъ боговъ, съ своими прибавками, взяты Г. Глинкою изъ Гизеля, Попова, Чулкова, и вездѣ съ прибавленіемъ Херасковыхъ стиховъ, какъ единственнаго факта. Свѣдѣнія о богѣ: *Царь Морской*—взяты изъ Ломоносовой Петриады, а въ увѣреніе приложены и его стихи. Въ заключеніе сочинитель приба-

вилъ дивное созданіе—Храмъ Свѣтовида. Читая это описаніе, невольно спрашиваешь себя: не ужели Г. Глинка, издавшій въ 1804 году свою Мнеографію, считается еще современникомъ Рюрика, Олега, жреца Боговъда?

Приводимъ это описаніе, выдуманное на древнюю статью:

«Марцана еще покоилась въ объятіяхъ Царя воль; часы стерегли входъ и выходъ изъ Солнцева дому, и пристноюный Свѣтовидъ на златомъ ложѣ покоился въ объятіяхъ Триглы, какъ Рурикъ съ Олегомъ восходятъ на священный холмъ, гдѣ возносится храмъ Свѣтовида. Храмъ величественный и достойный бога славимаго въ немъ. Первосвященникъ Свѣтовида, Боговъдъ, сопутствуемый жрецами, грядетъ ему во срѣтеніе. Рурикъ приступаетъ къ вратамъ храма, не удивляется, видя ихъ затворенными. Храмъ былъ огромностию въ 1460 шаговъ. Двѣнадцать огромныхъ лшмовыхъ столповъ Коринтскаго чина поддерживаютъ навѣсъ его кровли; оглавія ихъ были изъ позлащенной мѣди. Триста шестьдесятъ оконъ и двѣнадцать вратъ его заключались мѣдными затворами. При каждыхъ дверяхъ стояли два жреца съ трубами (стр. 151).»

Почти въ одно и то же время съ Мнеографіею Глинки появилась въ Геттингенѣ другая, Г. Кайсарова: Versuch einer Slavischen Mytho-
Часть II.

logie von Andrey von Kaysarow. Göttingen, 1804. Эта миеографія была издана въ Русскомъ переводѣ въ 1807 году, а въ 1810 году вторично перепечатана въ Москвѣ, подъ названіемъ: *Славянская и Россійская Миеологія*.

Сочиненіе Кайсарова обращаетъ особенное вниманіе только по указанію источниковъ, но не по внутреннему достоинству. Здѣсь то же допущено многобожіе, тѣ же видны выписки изъ Гизеля, Попова, Чулкова, съ выдуманными дополненіями, съ прибавленіемъ чужеземныхъ понятій, о которыхъ прежніе миеографы не имѣли свѣдѣній. Наша Славяно-Русская Миеологія отъ этаго сочиненія не только не усовершенствовалась, но еще болѣе затмилась.

Чужеземные источники, служившіе основаніемъ его Миеографіи, суть: сочиненія Адама Бременскаго, Гельмольда, Кранціуса, Саксо, Длугоша, Кромера, Монфокона, Францеля, Шедія, Вагнера, Росса, Гроссіуса, Маша. Объ Русскихъ онъ говорилъ: «Въ Россіи все совершенно пропало, или въ крайней мѣрѣ до сихъ поръ не обнаружилось. Можетъ статься, кой что скрывается еще въ углу какого нибудь монастыря, но кому до того нужда? (стр. 5) Въ самой Россіи, въ отечественной исторіи, около 988 года, когда Владиміръ Великій ввелъ Христіанскую вѣру, говорили обыкновенно нѣсколько словъ о нашихъ богахъ, и очень недостаточно. Какъ

историки наши не имѣли вниманія остававляться за сѣмъ предметомъ, то упоминали они большею частію объ однихъ только именахъ Славянскихъ боговъ (стр. 43). Кромѣ сихъ, хотя и недостаточныхъ источниковъ, есть у насъ, Россіянь еще два посторонніе источника, состоящіе въ нашихъ пѣсняхъ и такъ называемыхъ народныхъ сказкахъ... На многихъ пѣсняхъ остался отпечатокъ сѣдой древности; инныя-жъ изъ нихъ происходятъ, вѣроятно, изъ языческихъ временъ, потому что въ нихъ упоминаются часто имена нѣкоторыхъ Русскихъ боговъ. Простонародныя сказки составляли въ самомъ дѣлѣ басни, а другія небольшіе Рыцарскіе романы.»

Жаль очень, что Г. Кайсаровъ не позаботился о Русскихъ источникахъ: мы имѣемъ вѣрное свѣдѣніе въ сказаніи Нестора и въ Пѣсни о полку Игоревомъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній мы не признаемъ другихъ за Русскія. Гдѣ наши древнія Русскія пѣсни? Мы ихъ не имѣемъ. Пѣснь о полку Игоревомъ не есть всеобщая народная пѣсня: она для насъ не болѣе какъ историческая поэма, подобная Сагамъ. Не уже ли мы должны почитать дополнительными источниками извѣстный припѣвъ къ пѣснямъ: «О Дидь-Ладо?» Дидь никогда не былъ богомъ Славно-Руссовъ: это позднѣйшія выдумки людей, непонимавшихъ значенія словъ: Дидь-Ладо. Пѣвецъ

*

слова о полку Игоревомъ заставляетъ Ярославну называть супруга своего: *Ладою*. Въ одной старинной Русской пѣсни поется: «У меня Ладо змѣя скороспѣя.» Здѣсь женщина говорить о своемъ мужѣ. Въ другой пѣсни сказано:

«Не утай, молодое, да что перва Ладо?
 Ой Дидь и Ладо! Да что перва Лада?
 Какъ перва-то Ладо! *золоть съ руки перстень,*
 Ой Дидь и Ладо золоть съ руки перстень.
 Не утай, молодое, да что друга Лада,
 Ой Дидь и Ладо! да что друга Лада? —
 Другая то Лада *кумь съ плеча шуба,*
 Ой Дидь и Ладо! Кунья съ плеча шуба.
 Не утай, молодое, да что третія Лада?
 Ой Дидь и Ладо! да что третія Лада?
 А третья то Лада *другъ милой сердечной,*
 Ой Дидь и Ладо! другъ милой сердечной.

Вотъ и старая пѣсня, гдѣ Ладо высказываетъ ясно. Русскія слова: *ладъ*, *ладить* имѣють совершенно другое значеніе. Не въ нихъ ли искать происхожденіе выдуманныхъ боговъ Дидь-Ладо? Такъ, вѣроятно, изъ пѣсеннаго припѣва: *Лѣли, Люли* — составили — *Лелля*. *Дидь* въ Мало-Русскомъ нарѣчій означаетъ: *дѣдъ*, *старикъ*. У насъ нѣтъ и сказокъ, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть свѣдѣнія о Славяно-

Русскихъ богахъ. Всѣ наши народныя сказки раздѣляются на два разряда: на *Русскія* и *Чужеземныя*. Въ нашихъ Русскихъ сказкахъ нѣтъ ни чего о богахъ *, извѣстныхъ Нестору, а о чужеземныхъ намъ и говорить нечего: это не наше. Чужія сказки имѣютъ собственное свое достоинство въ другомъ родѣ. Вѣроятно, Г. Кайсаровъ не зналъ, что въ нашихъ народныхъ преданіяхъ есть свѣдѣнія только о Перунѣ и Велесѣ.

Сожалѣя о худомъ состояніи Славяно-Русской Миеологіи, Г. Кайсаровъ говоритъ: «такова была судьба нашей Славянской Миеологіи, какъ я принялъ намѣреніе и съ своей стороны помочъ ей нѣсколько... Одна только любовь къ отечественной исторіи и всѣмъ частямъ ея побудили меня написать сіи немногія страницы... Я со всѣмъ не думаю, что бы оказалъ чрезъ то великую услугу; мнѣ принадлежитъ только нѣсколько мыслей и труды въ перебраніи нѣкоторыхъ фоліантовъ... Алфавитный порядокъ избралъ я какъ способнѣйшій для легчайшаго обозрѣнія. Вообще, это не собственная Миеологія, а только одинъ опытъ ея (стр. 46, 47, 216).»

---

* Мы не думаемъ, что бы кто нибудь изъ Русскихъ рѣшился, считать за Русскія сказки, изданныя въ 1787 году Новиковымъ въ 6 частяхъ, гдѣ встрѣчаются и боговъ и жрецовъ, несбывальхъ, выдуманныхъ.

Мифографія Г. Кайсарова вмѣщаетъ въ себя еще отдѣльныя статьи: 1) Происхождение и изображеніе боговъ, 2) Храмы, 3) Празднества, 4) Судьба Славянской Мифологіи. Многобожіе Славяно-Руссовъ у Г. Кайсарова состоитъ изъ 57 боговъ. Онъ, въ свою очередь, прибавилъ: *Вода, Горыня, Дубыня, Кащей, Кродо, Перунъ, Поревитъ, Ругевитъ, Святиборъ, Флинцъ, Ютра-Богъ*; передвѣлалъ изъ Чулкова *Ніамъ—Ніанъ*; прибавилъ къ Проню—*Прово*, къ Догода—*Погода*; уничтожилъ *Туръ*, и не призналъ боговъ допущенныхъ Глинкою, вѣроятно, потому что не зналъ о существованіи его Мифографіи. Самое описаніе боговъ у него изложено по другому способу, противоположному прежнимъ Мифографамъ, съ указаніемъ во многихъ мѣстахъ источниковъ. Вотъ его описаніа:

«Горыня. Изъ дошедшихъ до насъ Славянскихъ преданій (такъ названныхъ народныхъ сказокъ), видно, что Горыня былъ Витязь, повергавшій дѣлыя горы на своихъ непріятелей. По своимъ подвигамъ получилъ онъ это названіе, происходящее отъ слова: *Горы* (стр. 71)».

«Перунъ былъ первый богъ * на ряду тѣхъ,

---

* Въ труд. Общ. Ист. и Древност. Россійс. час. 3, кн. 1, стр. 121. Г. Де-Сангленъ, разбирая Черниговскую медаль, говоритъ, что змѣй изображенный на ней не есть ли Перунъ, или Лада? Но въ этомъ видовать Г. Морганштерца, которому слѣдовало изыскатель.

жонимъ Россіяне поклонялись. Думали, что дождь, молнія и всѣ другія воздушныя явленія ему подвластны. Особенно утверждали, что онъ повелѣваетъ громомъ, отъ чего и получилъ онъ свое имя, потому что Перунъ на всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчіяхъ означаетъ громъ; словомъ: это былъ Римскій Юпитеръ (стр. 132).

«Посвистъ или Похвистъ. Какъ Русскіе, такъ и Поляки думали, что Посвистъ божество бури. Г. Машъ ошибается, будто бы Погода и Похвистъ одно и то же, потому что оба сіи божества въ одно и то же время были у Поляковъ, и еще понынѣ Масовяне называютъ большой вѣтръ *Похвисцець*. Слѣдовательно Погода остается Греческимъ Зефиромъ, а Похвиста мы можемъ сравнить съ Эоломъ (Стр. 147.)».

«Волосъ, также *Велесъ*. Волосу было предоставлено у Русскихъ владычество надъ скотомъ. Между нашими богами занималъ онъ первое мѣсто послѣ Перуна. Несторъ сообщаетъ намъ клятву, которую давали предъ Волосомъ, какъ богомъ скота. Эту клятву произнесъ Олегъ, когда сей Великій Князь былъ въ Константинополь съ войскомъ своимъ и заключилъ мирный договоръ съ Императорами Львомъ и Александромъ. Истуканъ Волосъ былъ разрушенъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ другими идолами, но, спустя еще долгое

время, остались служение и образъ его въ Ростовѣ; какъ наконецъ одинъ монахъ, по имени Авраамъ, низвергнувъ его, построилъ на томъ самомъ мѣстѣ церковь, и сдѣлалъ прочихъ язычниковъ Христiянами (стр. 64). »

Мифографы, допускавшiе въ Славяно-Русской Мифологiи многобожiе, образовали слѣдующую Θεогонию:

Иннокентiй Гизель.

Въ 1674 году.

1. Перунъ.	9. Коляда.
2. Волось.	10. Усладь или Осладь.
3. Позвиздъ.	11. Корша или Корсь.
4. Ладо.	12. Дашуба или Дадъ.
5. Лель.	13. Семаергла или Семаргль.
6. Полель.	14. Макошь или Мокошь.
7. Лада.	15. Стриба или Стрибогъ.
8. Купало.	

Поповъ.

Въ 1768 году.

1. Бугъ.	9. Догода.
2. Бѣлбогъ, Бѣлой Богъ.	10. Домовые, домашнiе души.
3. Велесь, Волось.	11. <i>Донъ.</i>
4. Волоты.	12. Дѣтинець.
5. Волхвъ, Волховець.	13. Зимцерла.
6. Даждбогъ, Дашуба, Дажба.	14. Змви.
7. Дидиля.	15. Зничъ.
8. Дидо, Дидъ.	16. Золотая баба.

17. Зъвана, Зивонія.	36. Радегастъ .
18. Юмалла, Ямалла.	37. Роши.
19. Кикимора.	38. Русалки.
20. Коляда.	39. Свѣтовидъ , Святovidъ, Святovichъ.
21. Корша или <i>Хорсъ</i> .	40. Семарглъ, Семаергла.
22. Купало.	41. Сиба, Сива.
23. Ладо.	42. Сильный богъ, <i>Кръпкий</i> <i>богъ</i> .
24. Лада.	43. Стриба, <i>Стрибогъ</i> .
25. Леля, Лелю.	44. Студенець.
26. Льшій.	45. Тригла.
27. Макoшь, мокошь, мо- косль.	46. Туръ.
28. Марцана.	47. Царъ морской.
29. <i>Нія</i> .	48. Чернобогъ , <i>Черной</i> <i>богъ</i> .
30. Усладъ, Осладъ.	49. Чудо морское.
31. Перунъ.	50. Чуръ.
32. Позвиздъ, Похвистъ.	51. Яга—баба.
33. Полея.	
34. Полканъ.	
35. Прове, Прово.	

Чулковъ.

Въ 1782 году.

1. Бугъ.	9. Догода.
2. Бѣбогъ.	10. Домовой , <i>Дѣдушка</i> <i>домовой</i> .
3. Волось, Велесь.	11. <i>Дѣдушко</i> <i>Водляной</i> .
4. Вологъ.	12. Дѣтинець.
5. Волхвъ.	13. Зинцерла.
6. Дажбогъ , Дашуба , Дажба.	14. Зми.
7. Дидлія.	15. Зничъ.
8. Дндъ, Дидо.	16. Золотая баба.

17. Зѣвана, Зивонія.	34. Полканъ.
18. Юмалла, Ямалла.	35. Прона, Прове.
19. Кикимора.	36. Радегастъ.
20. Коляда.	37. Роши.
21. <i>Корсь</i> , Хорша.	38. Русалки.
22. Купало.	39. Свѣтовидъ, Святovidъ, Святovichъ.
23. Ладо,	40. Семаергла. Семаргль,
24. Лада.	41. Сиба, или <i>Сѣва</i> .
25. <i>Лихорадки</i> .	42. Сильный Богъ.
26. Лель.	43. Стриба.
27. Лѣшій.	44. Студенець.
28. Макошь, мокошь, мо- косль.	45. Туръ.
29. Марцана.	46. Царь морской.
30. Нія, или <i>Ніамь</i> .	47. Тригла, <i>Триглава</i> .
31. Осладь или Усладь.	48. Чернобогъ, <i>Чернобогъ</i> .
32. Позвиздъ, Похвистъ. <i>Вихрь</i> .	49. Чуръ.
33. Полеля.	50. Ягал—баба.

Глѣнка.

Въ 1804 году.

<i>I. Превыспренніе боги.</i>	
1. Перунъ—движеніе эфир- ра, громъ.	6. Сильной богъ.
2. Златая баба, <i>Златая мать—тишина, покой.</i>	7. Даждбогъ—благополу- чіе.
3. Свѣтовидъ—солнце, жи- зненная теплота.	8. <i>Животь</i> — сохранніе жизни.
4. Зничъ—начальной огонь.	9. Лада—война.
5. Бѣбогъ—благое и доб- рое начало.	10. Коляда—миръ.
	11. Усладь—удовольствіе.
	12. Лель—любовь.
	13. Ладо—красота.

14. Помель—бракъ.
 15. Дидь—супружество.
 16. Дидилія - дѣторождение.
 17. Марцана — зря, боги-
 ня жатвы.
- II. Земные боги.*
18. Тригла—земля.
 19. Волось — богъ покровительствующій скотъ.
 20. *Мокошь.*
 21. Купало—земные плоды.
 22. *Родомысль* — податель благныхъ совѣтовъ.
 23. Съва—богиня плодовъ.
 24. Зевана—богиня звѣроловства.
 25. Чуръ—богъ межей.
 26. Прове или Провъ — богъ прорѣкаій.
 27. Радегастъ—богъ страннопріимства и городовъ.
 28. Корсъ—богъ пьянства.
 29. Ясса.
 30. Позвиздъ—богъ бурь и вѣтровъ.
 31. Догода—зефиръ.
 32. Зимцерла, *Зцистерла* — весна,
 33. *Зимерла*—зима.
- III. Преисподніе боги.*
34. Ній—владычествующій надъ преисподними странами.
35. Чернобогъ—богъ отищенія.
 36. Стрибогъ—истребитель.
 37. Яга—баба.
 38. Кикимора — богъ сна.
- IV. Водные боги.*
39. Царь морской.
 40. Чудо морское.
 41. Русалки.
 42. *Водовики* — водяные черти.
- V. Духи.*
43. Лвшіе.
 44. Домовые.
 45. *Стѣны.*
 46. *Лизуны.*
 47. *Куды.*
 48. *Черти.*
 49. *Бъсы.*
- VI. Полубоги или бога-тыри.*
50. Полканы.
 51. Волоты.
 52. *Славны.*
 53. Волхвъ.
 54. *Волховець.*
 55. *Рудотокъ.*
- VII. Озера обожениыя.*
56. *Ильмень.*
 57. Студенець.
- VIII. Рѣки.*
58. Бугъ.
 59. Донъ.

Кайсаровъ.

Въ 1804, 1807, 1810 годахъ.

1. Бугъ.	30. Марцана.
2. Бѣлбогъ.	31. Нія, <i>Ніанъ</i> .
3. Вода.	32. Осладъ или Усладъ.
4. Волоты.	33. Перушь.
5. Волхвъ, Волховець.	34. Пропо, Прове, <i>Прово</i> .
6. Волось или Велесь.	35. Посвистъ, Похвистъ.
7. <i>Горыня</i> .	36. <i>Погода</i> , Догода.
8. Даждбогъ, Дажба, Да- шуба.	37. Полель.
9. Дѣтинець.	38. Полканъ.
10. Донъ.	39. <i>Поренузь</i> .
11. Дядо—Дидъ.	40. <i>Поревить</i> .
12. <i>Дубыня</i> .	41. Радегастъ.
13. Домовые духи.	42. <i>Ругевить</i> .
14. Дидля.	43. Русалки.
15. Зевана, <i>Дзеваниа</i> .	44. Свѣтовидъ, Святovidъ, Святovidъчъ.
16. Зимцерла.	45. Семарглъ.
17. Змѣн.	46. Сива.
18. Золотая баба.	47. Сильный богъ.
19. <i>Кащей</i> .	48. Стриба, Стрибогъ.
20. Кякнмора.	49. <i>Сятиборъ</i> .
21. Коляда.	50. Триглава.
22. Корша, Корсь.	51. <i>Флинцъ</i> .
23. Кродо.	52. Царь морской.
24. Ладо.	53. Чернобогъ.
25. Купало.	54. Чудо морское.
26. Лада.	55. Чуръ.
27. Лелья, Лелю.	56. <i>Ютра</i> - богъ.
28. Лѣшіе.	57. Ягая - баба.
29. Макошь, Мокось.	

Въ этихъ пяти миеографіяхъ представляются постепенныя дополненія и измѣненія Славяно-Русской Миеологии. Это живая лѣтопись свѣдѣній и направленій духа Миеографовъ. Изъ нее мы видимъ: кому что нравилось? кто и что выдумывалъ? когда совершались измѣненія?

Вторая система Славяно - Русскихъ Миеографій, основанная на *Семибожіи*, единственно по одному сказанію Нестора, образовалась въ Миеографіяхъ: *Строева, Руссова, Припъзжева*.

Преподобный Несторъ, передавшій потомству Русскія событія, первый говоритъ о Славяно-Русскихъ богахъ. Въ его лѣтописи, оконченной въ 1093 году, * мы находимъ слѣдующія извѣстія:

Въ договорѣ Игоря съ Греками сказано **:

«И елико ихъ есть не Хрещено, да не имуть помочи отъ Бога ни отъ *Перуна*».

Въ утвержденіи этого договора писано:

«И да будетъ клять отъ Бога и отъ *Перуна* яко преступи свою клятву».

Въ договорѣ Святослава съ Греками сказано:

* Мы принимаемъ именно этотъ годъ окончанія лѣтописи Несторовой; но объ этомъ приложимъ доказательства въ особой книгѣ: *Сказки Русскаго народа*.

** См. Лѣт. Нест. по древ. списку Лаврен. издан. Тимковск. въ 1824. стр. 21, 26, 42, 46, 47, 50, 81. —

«Да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ *Перуна* и въ *Волоса*, скотья бога».

Въ утверженіи клятвы Игоремъ съ Греческими послами, онъ записалъ:

«Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стоялъ *Перунъ*. Покладоша оружіе свое, и щитъ, и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганныхъ Руси».

Въ описаніи Княженія Владиміра онъ сказалъ:

«И нача Княжити Володимерь въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: *Перуна* древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и *Хърса*, *Дажь бога*, и *Стрибога*, и *Симарьгла*, и *Мокошь*. Жряху имъ, наричюще я боги, привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Русска и холм-отъ.

«Володимерь же посади Добрыню уя своего въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрыня къ Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волхвомъ, и жряху ему людье Ноугородстїи, аки богу.

«Иде Володимерь на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, и взя землю ихъ, и иде Кіеву, и творяще потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старцы и боляре: мчемъ жребни на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарежемъ богомъ. Бяше Варягъ единъ... бѣ же Варягъ той

пришелъ изъ Грекъ, держаше вѣру Хрестеянску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею, на сего паде жребии . . . . Рѣша пришедше посланнии къ нему: яко паде жребии на сынъ твой, изволиша бо и бозѣ собѣ; да створимъ потребу богомъ.

«Повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на Ручаи, 12 мужа пристави тети жезлемъ. Се же не яко древу чюющею, но на порученье бѣсу, иже прельщаше симъ образомъ чelовѣкы, да възмездье приметъ отъ чelовѣкъ, а норугаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Двѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Двѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: аще гдѣ пристанетъ, вы то отрѣвайте его отъ берега, дондеже пороги проидеть; то тогда охабитесь его. Она же повелѣнная створиша. Яко пустиша и проиде сквозъ пороги, изверже и вѣтри на рѣнѣ, и оттолѣ прослу Перуниана рѣнѣ, яко же и до сего дне словеть».

Вотъ единственное и вѣрное основаніе Славяно-Русской Миеологии! Кромѣ сего мы не находимъ ни чего, и едва ли что можемъ найти. Послѣ сего нельзя не удивляться, разсматривая Русскія Миеографіи, наполненныя выду-

манными и чужими богами, пересказанныя со многими невѣроятностями. Сочинители предпочитали болѣе позднѣйшихъ и притомъ чужихъ Мифографовъ, незнавшихъ нашего отечества, забывали о Несторѣ, который знали Славяне болѣе другихъ, изъ котораго заимствовали Польскіе Историки и иностранные путешественники, бывшіе въ Русской землѣ.

Въ 1815 году Г. П. М. Строевъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ—Современномъ Наблюдателѣ Россійской словесности—напечаталъ: *краткое обозрѣніе Мифологіи Славянъ Россійскихъ*. Это обозрѣніе въ томъ же году было отдѣльно перепечатано, со многими пережѣлками и поправками.

Г. Строевъ свое обозрѣніе начинаетъ взглядомъ на происхожденіе Мифологіи, и о Славянской говоритъ: «мы имѣемъ весьма слабое понятіе о баснословіи Славянъ; не многія извѣстія дошли до насъ чрезъ иностранныхъ историковъ, а собственныя наши лѣтописи почти ничего не сохранили (стр. 9). Многіе изъ новѣйшихъ писателей хотѣли Славянскую Мифологію привести въ систему. Они собирали все, что имъ ни попадалось; но никто еще до сихъ поръ не старался обработать Славянскую Мифологію образомъ ученыхъ. Впрочемъ, едва ли можно издать классическое сочиненіе о сей матеріи, не смотря на ея важ-

ность и даже необходимость (страницы 12 и 13).»

По этому понятію Г. Строевъ необходимо долженъ былъ отвергнуть Миеографіи: Попова, Чулкова, Глинки, Кайсарова—и отвергнулъ съ честію. Онъ принялъ въ основаніе Нестора и первый допустилъ въ Славяно-Русскую Миеологію Семибожіе. Строевъ говоритъ, что:

«Каждое племя Славянъ имѣло собственную свою Миеологію, и что мнѣнія одного изъ нихъ ни мало не распространяются на всѣ прочіе, или, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ. Мнѣнія религіи Сербовъ, Поляковъ, Моравовъ и другихъ народовъ Славянскаго поколѣнія ни мало не принадлежатъ къ Миеологіи Славянъ Россійскихъ (стр. 16). Владиміръ, поставивъ въ Кіевѣ изображенія семи боговъ, кажется, сдѣлалъ только то, что почитаемыхъ разными Славянскими, Финскими племенами боговъ, собралъ въ одно мѣсто, и, такъ сказать, объявилъ ихъ общими цѣлаго Государства и его покровителями (стр. 19). Сіи принесенные въ Кіевъ боги суть: *Перунъ, Волосъ, Дажьдь-богъ, Стрибогъ, Хорсъ, Семаргла, Мокошь* (стр. 21)».

Исслѣдованія Г. Строева о Славяно-Русскихъ богахъ основаны: на Несторѣ, Византійскихъ историкахъ: *Прокопій и Константинъ Багрянородномъ, Бакмейстеръ и Шлецеръ*. Слѣдствіемъ этаго вышло, что *Перунъ* былъ глав-

нѣйшій, и, по всей вѣроятности, единственный богъ первобытныхъ Славянъ; *Волосъ*, покровитель стада, неизвѣстно принадлежавшій какому изъ поколѣній Славянъ; *Стрибогъ*, согласно Пѣснѣ о полку Игоревомъ признанъ за Греческаго Эола; о Дажь-богѣ Г. С. думаетъ, что едва ли онъ былъ не Перунъ, и не соглашается съ мнѣніемъ Графа Мусина - Пушкина; *Хорса*, *Семаргла* и *Мокоша* не признаетъ за Славянскихъ боговъ, а за Финскихъ или Скандинавскихъ. О богахъ мнимыхъ онъ говоритъ:

«Славяне почитали также нимфъ, духовъ горныхъ и лѣсныхъ. Преданія о Русалкахъ, вѣдьмахъ (баба - яга?), лѣшихъ, домовыхъ и водяныхъ дэмонахъ и по нынѣ еще существуютъ. Домовые не то ли же, что древніе Пенаты и Лары? Я думаю, что и Чуръ, если онъ только подлинно былъ божествомъ Славяно-Русскимъ, коего обыкновенно считаютъ богомъ границъ, межей (Греческимъ Термомъ), былъ также богомъ домашнимъ, хранителемъ жилищъ, что доказываетъ извѣстное чуранье. (стр. 33). Не было ли также преданій о славныхъ войнахъ или богатыряхъ, отличившихся нѣкогда своею храбростію и подвигами. Отъ сего легко могли родиться понятія о Полубѣгахъ и Ирояхъ. Да развѣ сказки наши не рассказываютъ столько чудесностей о Полканахъ, Дубыняхъ и проч. Но обо всемъ этомъ можно только догадываться,

а не говорить утвердительно, какъ то сдѣлалъ Г. Кайсаровъ (стр. 35).»

Мнеографія Г. Строева доселѣ остается одною изъ лучшихъ, потому что въ ней не встрѣчаемъ ни Филологическихъ розысканій, столько же убійственныхъ, какъ старая Схоластика, не видимъ ложныхъ повѣрій, какими наполнены другія Мнеографіи — Попова, Чулкова, Глинка и Кайсарова. Мы увѣрены, что если бы Г. Строевъ занялся теперь Славяно-Русскою Мнеологіею, то онъ избавилъ бы себя отъ нѣкоторыхъ понятій о происхожденіи Мнѳовъ, которые при нынѣшнемъ состояніи Археологіи представляются совершенно въ другомъ видѣ.

Въ 1824 году Г. Руссовъ издалъ: — *Опытъ о идолахъ, Владимирою въ Кіевѣ поставленныхъ во время язычества, и сямъ же Великимъ Княземъ, самимъ уничтоженныхъ, когда онъ просвѣтился благодатнымъ ученіемъ Христіанской вѣры.* Эта новая Мнеографія, написанная въ противоположномъ духѣ прежнихъ Мнеографій, допускаетъ семибожіе по сказанію Нестора, и основана на объясненіи Эллино-Римской Мнеологіи. По изысканію Г. Руссова открылось, что Славянскіе боги родомъ изъ Рима и Греціи, а на Русь, въ Кіевъ, перешли изъ Фризіи или Валлахіи Балтійской, а во Фризію они зашли изъ Финикіи (стр. 18). Затѣлвваю, по словамъ Г. Руссова, Слав-

ванскую Мифологию составили Фризскіе первосвященники (стр. 16). *Сочинитель* пѣсни о полку Игоревомъ *зналъ* Мифологию Славянъ *посредственно* (стр. 15). *Имена Кіевской Мифологіи употреблены Славяно - Греко - Латинскія* (стр. 14). О Славянскихъ Мифографахъ онъ говоритъ: „Самые ученѣйшіе мужи и опытнѣйшіе изыскатели древностей принимались толковать, что значать сии божества; но всѣ досель остались при однихъ догадкахъ (стр. 2). Я заглянулъ въ Эллино-Римскую Θεологию, и *ненарожно* попалъ на Стреба и Стребія. Пускай они будутъ проводниками къ изясненію самихъ себя и прочихъ *шести своихъ товарищей* (стр. 6). Когда я думалъ что значить *Макошь* Капинька, дочь хозяина моей квартиры, кликала меньшаго брата: *Микоша, Микоша!* Что такое значить Микоша? спросилъ я бывшихъ тутъ людей. *Никифоръ* сказали они. А что такое будетъ *Макоша*? Продолжалъ я. *Макарій*—отвѣчали они. Посмотримъ что значить Макарій въ Эллино - Римской Мифологіи? У Гомера упоминается о Макаріи... Макошь Славянскій и Макарій Эллино-Римскій суть одно и то же (стр. 12 и 13).»

Слѣдствіемъ этихъ разысканій вышло то, что Славяно-Русскіе боги были сродни Греческимъ и Римскимъ богамъ. Для утвержденія родства Г. Руссовъ изъ Эллино-Римской Мифо-

логія сотворилъ поколѣвную роспись—Генеалогію Кіевскихъ языческихъ боговъ (стр. 14):

1	Небо.	2	
Стрибъ.	Сатуръ.	Тетисъ,	Океанъ.
4	3.	или Дажва.	
Семеліа,	Юпитеръ,	Нептунъ.	Амфритта.
или Змицерла.	или Перунъ.		
5		6	
Бахусъ, Меркурій,	Аполлонъ.	Эоль. Стребъ.	Бизенъ Бель,
или Хорсъ.	или Стребъ.	7	или Волосъ.
	Макарій,		
	или Мокошь.		

Мы буквально списали эту генеалогію единственно для того, чтобы показать: какъ далеко Г. Руссовъ завлекся отъ своего предмета. Избѣгая ошибокъ своихъ предшественниковъ, онъ рѣшительно пересоздалъ Славяно-Русскую Мнеологию, и—безъ всякаго основанія. По его понятіямъ Перунъ происходитъ—отъ *perdo*, *percutio*, Перкунъ. Стрибогъ обращенъ въ Стребъ, Симаргла передѣлана въ *Змицерлу* или *Зимаерлу*, Дажь - богъ въ *Дажву*, Мокошь составился изъ Макарія. Не признавая ни одного понятія изъ Русскихъ и чужеземныхъ Мнеографій, до него бывшихъ, онъ составилъ свои. Къ счастью Перунъ, по несповѣдимымъ причинамъ, остался въ опытѣ Г. Руссова безъ разсматриванія; но за то другіе Славяно-Русскіе боги изуродованы до послѣдней возможности. Такъ: Славяно-Русскій Стрибогъ у него есть не что иное какъ Эллино-Римскій *Стребъ*; Симаргла Эллино-

Римская богиня молнии *Семелія*; Даждь - богъ есть не что иное какъ Эллино-Римскій Тетисъ (*Фетида*); Велесъ есть *Бель Ассирійскій*.

Въ 1827 году была напечатана въ Вѣстникѣ Европы Мнѳографіа Г. Прѣвзжева—о *Мифологіи Славянъ Россійскихъ*. Пересматривая эту Мнѳографію внимательно, мы изумились: была ли эта совершенная пародія, или, въ прямомъ смыслѣ, копія съ *краткаго обзорнiя Мифологіи Славянъ-Россійскихъ* Г. Строева? Отказываемся отъ рѣшенія. Скажемъ только, что Г. Прѣвзжевъ списалъ буквально Г. Строева. Удивляемся, какъ не замѣтили этаго тогда и Г. Издатель Вѣстника Европы и самъ Г. Строевъ, и даже другіе журналы, сторожившіе въ тѣ дни крѣпко подобныя продѣлки. Докажемъ самымъ дѣломъ,

Строевъ.

(14 стр.)

Прѣвзжевъ.

(Съ перваго слова на стр. 195.)

Славяне, являющіеся на позорищѣ міра въ VI столѣтіи по Р. Хр. представляются взорамъ нашимъ какъ народъ непросвѣщенной, но не какъ дикой. Тихіе его нравы и обычаи, кроткая религія, обряды, исполненные челоувколюбія, не производятъ въ насъ ни какого ужаса, но наполняютъ душу чувствомъ нѣкотораго умиленія.

Славяне, явившіеся на позорищѣ міра въ VI столѣтіи по Р. Хр. представляются взорамъ нашимъ какъ народъ непросвѣщенный, но не какъ дикой. Тихіе нравы его и обычаи, кроткая религія, обряды, исполненные челоувколюбія, не производятъ въ насъ ни какого ужаса, и даже наполняютъ душу чувствомъ нѣкотораго умиленія.

Г. Прівъзевъ продолжалъ свои выписки отъ слова до слова, начиная съ 14 стр. до 41, съ перемѣною выраженій ничтожныхъ, съ выпусченіемъ примѣчаній. Весь трудъ его состоитъ въ томъ, что онъ выкинулъ изъ Мнеографіи Г. Строева первыя 13 страницъ, списалъ буквально слѣдующія 38 стр. и оставилъ послѣднія 2 стр. безъ выписокъ. Мы объ этой Мнеографіи не должны болѣе говорить: Исторія Русской Литературы со временемъ предастъ ее должному осужденію.

По этимъ четыремъ Мнеографіямъ Славяно-Русская Мнеология образовалась изъ слѣдующихъ боговъ:

Несторъ,
оъ 1093 г.

Перунъ.
Волось.
Дажь-богъ.
Стрибогъ.
Семаргла.
Хърсь,
Мокошъ.

—
Руссовъ,
оъ 1824 г.

Перунъ.
Велесь.
Стрибогъ.
Зимцерла.

Стросовъ,
оъ 1815 г.

Перунъ.
Волось (Велесь).
Дажь-богъ (Дажба).
Стрибогъ (Стриба).
Хорсь.
Семаргла (Сема и Регла).
Мокошъ (Мкошь).

—
Прівъзевъ,
оъ 1827 г.

Перунъ.
Волось.
Дажь-богъ.
Стрибогъ.

Хорсь.
 Дажь-богъ.
 Мокошь.

Хорсь.
 Семаргла.
 Мокошь.

Кромѣ этихъ Славяно-Русскихъ Миеографій, мы имѣемъ еще два отдѣльныхъ источника: 1) въ Русскихъ критическихъ изысканіяхъ и 2) въ исторіяхъ и запискахъ чужеземцевъ.

Въ числѣ Русскихъ изысканій обращаютъ особенное вниманіе: Разговоры о древностяхъ Новгорода Преосвященнаго *Евгенія*; о *Перунѣ*, отдѣльное описаніе Г. *Калайдовича*, помѣщенное въ Вѣстникѣ Европы 1807 года (N 23 и 24); примѣчанія Графа Мусина-Пушкина, предложенныя къ изданію Пѣсни о полку Игоревомъ; примѣчаніе *Болтина* на Исторію Леклерка; мнѣніе Ломоносова въ его исторіи; *Татищева* и *Щербатова* въ ихъ исторіяхъ; Н. М. *Карамзина* во всеобщемъ обзорѣни религіи Славянъ, помѣщенномъ въ первомъ томѣ его Исторіи; *А. О. Вельтмана* — въ его письмѣ о великомъ Новгородѣ и въ изданіи Пѣсни о полку Игоревомъ.

Незабвенный историографъ, Н. М. Карамзинъ, обзрѣвая вѣру Славянскихъ народовъ, посвятилъ Славянской Миеологіи особенное описаніе. Сначала онъ обзрѣвалъ боговъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, а потомъ особенно Славяно-Русскихъ. Въ описаніи первыхъ онъ упоминаетъ: о *Бѣль-Богѣ*, немѣвшемъ храма; о *Чер-*

нобогъ, почитавшемся у Славянъ Балтійскихъ, по свидѣтельству Гельмольдовой хроникѣ; о *Свято-сидль* имѣвшемъ храмъ на островѣ Рюгенъ, почитаемомъ Вендами и Королями Датскими; о *Ругевитль* или *Ругевиль*, *Поревитль*, *Радегастль* — имѣвшемъ храмъ въ городѣ Ретръ; о *Сюль*, въ честь которой находился храмъ въ городѣ Рацебургъ; о *Фрихиль*, уважаемой Далматскими Славянами и называемой въ Исландскихъ древностяхъ *Ванадисъ* или *Венедскою*; о *Перкултъ* Прусскомъ, почитавшемся также и отъ Латышей; о кумирахъ: *Числобога* и *Набога*, *Пабога* или *Зембога* и *Немизы* — находившихся въ Ретрскомъ храмѣ, о *Триглавъ*, бывшемъ въ Юдинѣ или Виннетѣ; *Припекаль*, *Яровидль* или *Геровитль*, находившихся въ Гевельбергъ и *Валгастль*; о *Провъ* и *Подагъ*, почитаемыхъ жителями Вагріи; о *Гениль*, уважаемомъ Мерзебургскими Вендами; *Даворъ*, *Даморъ*, доброй *хрихти*, *Яртъ* и *Пикль*, прославляемыхъ доселѣ въ свадебныхъ пиршествахъ Морлаховъ; о Польскихъ богахъ: *Ниль*, имѣвшемъ храмъ въ Гнѣзнѣ, *Ясль* *Ладомль* или *Лядль*, *Дзидзиль*, *Зивониль*, или *Зъваниль*, *Зиваго*, *Лелль*, *Полелль*, *Погодль*, *Похвистль*. О вторыхъ онъ писалъ: «Въ Россіи до введенія Христіанской вѣры, первую степень между идолами занималъ Перунъ, богъ молній, которому Славяне еще въ VI вѣкѣ поклонялись (?), обожая

въ немъ верховнаго міроправителя. Кумиръ его стоялъ въ Кіевѣ, на колмѣ, внѣ двора Владимірова, а въ Новгородѣ надъ рѣкою Волховомъ, былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усами. Лѣтописецъ именуеть еще идоловъ: *Хорса, Даждь-бога, Стрибога, Семаргла и Мокоша*, не объясняя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается еще о Велесѣ, котораго именованъ и Перуновымъ клялись Россіане въ вѣрности, имѣвъ къ нему особенное уваженіе: ибо онъ считался покровителемъ скота, главнаго ихъ богатства. Сія извѣстія Несторовы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синописисѣ * ».

Кромѣ сихъ, Несторомъ упоминаемыхъ, Н. М. Карамзинъ еще допускалъ: *Ладо, Купало, Лѣшихъ, Русалокъ, Домовыхъ, Кикиморъ*. Это имъ было взято изъ Синописиса, Стрѣйковскаго, Длугоша, Кромера, Гваньни.

Въ сочиненіяхъ Г. Вельтмана мы встрѣчаемъ описанія Славяно-Русскихъ боговъ. Его труды заслуживали бы особенное уваженіе, если бы онъ не слишкомъ вдавался въ Филологическія разысканія, которыя неволью наводятъ сомнѣніе. Подобныя примѣры Г. Руссова и другихъ

* См. Истор. Кар. Т. 1. съ стр. 80 до 104 и примѣч. съ 175 по N 238. —

представляются съ самой невыгодной стороны. Въ изданномъ имъ письмѣ о Господинѣ Великомъ Новгородѣ, онъ говоритъ:

«Перунъ есть *Бахусъ*, или *Бахъ Пирисенъ*, т. е. сынъ Пламени. Поклоненіе *Баху* и поклоненіе *Ваалу* сошлись на Сѣверѣ. Первое преимущественно нашло себѣ вѣрныхъ поклонниковъ въ Славянахъ; второе владычествовало на Сѣверѣ у Руссовъ; но подробности узнаешь изъ моихъ изслѣдованій древней Религіи Славяно-Руссовъ (стр. 35).

«Вы, полагаю я, вѣрите тому, что имя Властось, Власій и Славянскій *Владъ*, не есть то же, что *Велесъ*, *Волосъ*, т. е. *Вааль*, хотя можетъ быть происходить и отъ него, ибо *Влаісто*—значить *производитель*. Велесу, или Волосу поклонялись наши предки, и я со временемъ изложу мои доказательства, что поклоненіе *Ваалу* было не только въ Азіи, но распространилось почти во всей древней Европѣ, и что *Vblu*, *Волосъ*, *Бль-богъ*, *Velenus* не случайные звуки, сходные съ именемъ *Бела*, но есть то древнее слово Халдеи, преобразованное нарѣчіями, которое означало на первомъ языкѣ Всевышняго Бога, и которое произносилось съ благоговѣніемъ всѣми языками міра. *Волосъ*, скотій богъ, не значитъ, что онъ есть богъ воловъ, оводовъ и проч.; но значитъ *Богъ земныхъ тварей*. Въ дополненіе слово *Скотъ* принадле-

жить, кажется, обрядамъ Вааловымъ (см. стр. 33 и 34).

Понятіе о происхожденіи Волоса отъ Бела Ассирійскаго было выдумано еще въ 1824 году Г. Руссовымъ, но почему Перунъ произведенъ отъ Бахуса, тогда какъ Руссовъ производилъ отъ него Хорса—мы не беремся рѣшить до появленія его подробной Миеографіи. Замѣтимъ, что всѣ наши Миеографы общали со временемъ говорить подробнѣе о Славяно-Русской Миеологіи; но, кто дождется, когда эти общанія исполнятся. Сожалѣемъ очень, что Г. Вельтманъ принимаетъ для объясненія нашей Миеографіи вздорную выдумку—*отрывокъ лѣтописи Іоакимовой*, которую сто разъ опровергали, которая сама указываетъ, что въ ней все сказанное есть ложь. Мы увѣрены, что при полномъ изданіи его Славяно-Русской Миеологіи будетъ исключена вставка Іоакимовская, помѣщенная въ письмѣ о Новгородѣ на стр. 37, 38 и 39.—Довѣріе къ этому отрывку Попова, Чулкова, Кайсарова, Глянки—не оправдали ни какого ожиданія.

Источникъ иностранныхъ свѣдѣній представляетъ самое обширное поле для изслѣдованій, и вмѣстѣ самое опасное. До сихъ поръ еще ни одинъ изъ нашихъ Миеографовъ не принимался критически обозрѣть всѣ свѣдѣнія, находящіяся въ сочиненіяхъ чужеземцевъ о Славяно-Русскихъ

богахъ. Исчислимъ только нѣкоторые изъ этихъ источниковъ:

1. *Саксо*, Историкъ XIII вѣка, прозванный *Грамматикомъ* по чистотѣ Латинскаго языка, въ своей *Historiae Danici (Lersiae 1771)* говорить о Славянскихъ богахъ Рюгенскихъ, основываясь на древнихъ стихотвореніяхъ и надписяхъ неизвѣстныхъ никому, кромѣ его. Его Исторія ввела многихъ въ заблужденіе. Нашъ извѣстный Миллеръ повѣрилъ ему въ происхожденіи Скандинавіи, и внесъ его бредни въ свою Академическую рѣчь — *о народахъ обитающихъ въ Россіи*. У него Миллеръ отыскалъ въ сынѣ *Боуса*, прижитаго, по сказанію Саксо, Однимъ съ Русскою Царевною Риндою — *Босу Королевна, сына Додона*, извѣстную Италіянскую сказку XVI вѣка. Боги, описанные Саксо: Ругевитъ, Поревитъ, Поренучъ, Свѣтовидъ — вошли въ Мифографіи Глинки, Кайсарова и Попова.

2. *Гельмольдъ*, историкъ XII вѣка, въ своей *Chronica Slavorum, s. annales Helmoldi Presbyteri Buzoviensis. Francof. 1581* — говорить: о Бѣль-богѣ, Свѣтовидѣ, Прове, Черно-богѣ.

3. *Дитмаръ Мерзебургскій*, писавшій въ самомъ началѣ XI вѣка свою Хронику, говоритъ также о богахъ Славянскихъ.

4. *Стурлезонъ Снорро* или *Снорри*, одинъ изъ достовѣрныхъ писателей Исландскихъ, жившій въ XII вѣкѣ — написалъ: *Historia Rerum Septentrionalium*. Ему послѣдовалъ Карамзинъ.

5. *Шедій* въ своемъ сочиненіи—*De Diis Germanorum*—описывая Нѣмецкихъ боговъ, вмѣстѣ въ число ихъ и Славянскихъ: Бѣль-бога, Крода, Прона, Родегаста, Ругевита, Флинца, Черно - бога, Ютра - бога. Послѣдуя Кранціусу, онъ смѣшалъ Венедовъ съ Вандалами.—

6. *Михаиль Френцель*, изъ Лаузица, написалъ въ 1638 году разсужденіе о Славянскихъ богахъ въ Виттембергѣ: *Michaeli FrenCELLII dissertationes Historicae de idolis Slavorum*. Братъ его Адамъ Френцель занимался Филологическими изслѣдованіями о Славянскихъ богахъ. М. Френцель описалъ: Перуна, Марцанну, Дидилію, Золотую бабу, Поренуча, Поревита, Бѣль-бога, Флинца, Черно - бога. —

7. *Вагнеръ* издалъ въ 1698 году въ Лейпцигѣ *Dissertatio de idolatria veterum Misniae incognita*. Онъ описалъ: Святибора, Дидилію.

8. *Арнольдъ* къ сочиненію Александра *Росса* —о всеобщемъ богослуженіи—сдѣлалъ особенное прибавленіе: *Von den unterschiedlichen Gottesdiensten in der ganzen Welt*. Онъ описалъ. Кродо, Бѣль-бога, Флинца, Ютра-бога.

9. *Самуиль Гроссеръ* въ описаніи достопамятностей Лаузица *Lausitzische Merkwürdigkeiten* — описалъ имена боговъ Лаузица, съ 10-ю рисунками. Его Поревитъ и Кродо были руководителями для Монфокона и Банье.

10. *Монфокопъ* въ своемъ сочиненіи: *Antiquité*

expliquée въ числѣ другихъ боговъ описалъ и Славянскихъ.

11. *Банье* въ своей la Mythologie et la Fable expliquées par l' Histoire описалъ только то, что было у Монфокона.

12. *Шереръ* въ своемъ сочиненіи: De Simulacris Deorum in Russia cultis sub Wladimiro duse—описалъ: Ладю, Коляду и другихъ.

13. *Андрей Маишъ* составилъ описаніе священныхъ древностей Обобритовъ или Мекленбургскихъ Славянъ, найденныхъ въ Прильвицѣ — Hofpredigers Mach Gottesdienstliche die Altertümer der Obobriten раздѣлилъ Славянскихъ боговъ на боговъ и полубоговъ — Позвизда, Полея, Сива, Чернобога.

14. *Гейнекцій* въ своемъ сочиненіи: Scriptores rerum Germanorum написалъ особенную диссертацию о Кродѣ.

15. *Яковъ Толлій*, въ сочиненіи Jacobae Tolii epistolae iterinariae—описалъ Кродо.

16. *Докторъ Антонъ* въ своемъ сочиненіи Erste lienen eines Versuches über die Alten Slaven ursprung, sitten описалъ: Ладю, Флинцъ.

17. *Леклеркъ* въ своей Histoire de la Russie ancienne помѣстилъ Славянскую Мифологію Понова.

18. Графъ Потоцкій въ своемъ Voyage en Basse Saxe—описалъ Славянскихъ боговъ. Ему слѣдовалъ Карамзинъ. Нѣмецкой Археологъ, до-

ставлявшій Графу свѣдѣнія сознался предъ цѣлымъ свѣтомъ въ обманъ (См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1836 г.).—Этой-то книгѣ слѣдуютъ Мнеографы.

19. *Кромеръ*, Польскій Историкъ, въ сочиненіи своемъ; *De origine et rebus gestis Polonorum*—описалъ: *Ладо*, Позвизда, Погоду, зми и другихъ.

20. *Шнейдеръ* въ своемъ *Sarmaticae Europae descriptio* описалъ: *Ладу*, *Марцану*.

21. *Гваньини* въ сочиненіи своемъ *Moscovia Republica et urbis lugduni batavorum* описывалъ Славянскія божества *Марцану*, *Златую бабу*.

22. *Гютри* — въ сочиненіи своемъ *Dissertations sur les antiquités de Russie à S. P. 1795.* описалъ *Тура*, *Сильный богъ*.

23. *Длугошъ*, Польскій Историкъ XV вѣка, въ своей Польской исторіи, выбиравшій извѣстія о Россіи изъ *Кадлубека* и *Нестора*, описалъ: *Ніа*, *Марцану*, *Сиву*, *Погоду*.

24. *Матей Стрыйковскій*, Польскій Историкъ, бравшій извѣстія о Россіи изъ *Длугоша*, *Кромера*, *Герберштейна*—въ своихъ сочиненіяхъ: о происхожденіи Славяно-Русскихъ народовъ, Царствованіе *Ивана Васильевича Грознаго* и *Хроникъ боговъ Латышскихъ*—описывалъ Славянскихъ боговъ. Изъ нихъ выбирали *Гизель*, *Кайсаровъ*, *Глинка*.

25. *Тунманъ* въ своемъ сочиненіи: über die gottesdienstliche Alterthümer der Obobriten—описывалъ Славянскихъ боговъ. Ему слѣдовалъ Карамзинъ.

26. *Геггарди* въ своемъ сочиненіи: Geschichte Wenden und Slaven — говорилъ о языческихъ обрядахъ Славянъ. Ему слѣдовалъ Карамзинъ.

27. *Шварцъ* въ своемъ сочиненіи—Diplomatische Geschichte—описалъ Ругевита.

28. *Герберштейнъ* — въ своихъ: Regum Moscoviticarum Commentarii почерпалъ описанія Славянскихъ боговъ изъ народныхъ разсказовъ. Его сказка о Перунѣ Новгородскомъ — была принята Русскими и иностранными Мифографами.

29. *Раинъ* въ своей Исторіи разныхъ Славянскихъ народовъ описалъ нѣкоторыхъ Славянскихъ боговъ у Сербовъ и Харватовъ.

30. *Мавро-Урбинъ* въ своей Исторіографіи народа Славянскаго занимался обзорніемъ Славянскихъ боговъ. Ему слѣдовалъ Поповъ.

31. *Даниилъ Князь* Букхау, Императорскій посланникъ, бывшій въ Москвѣ въ 1578 г. съ Кобенцелемъ, написалъ: Moscoviae ortus et progressus—Gubenaе 1679, гдѣ говоритъ о Славянскихъ богахъ со всевозможными ошибками.

32. *Нарушевиль*—въ первомъ и второмъ томъ своей Исторіи (Hystoria Narodu Polakiego) объясняетъ Славянскую Мифологію; но его ра-

зысканія требуютъ строгой оцѣнки источниковъ, которыми онъ пользовался.

33. *Павелъ Іовій Новокомскій*, Историкъ XVI-го вѣка, въ описаніи Религіи Московитянъ, говоритъ: «За пять сотъ лѣтъ предъ симъ Московитяне поклонялись языческимъ богамъ, какъ-то: Юпитеру, Марсу, Сатурну и многимъ другимъ *). Такія свѣдѣнія доставлялъ Историкъ Іоанну Руфу, Архіепископу Консентинскому, приближенному къ Папѣ Клименту VII-му, и по этому-то свѣдѣнію судила Европа о Русскихъ.

34. Сочиненія *Нарбутта* обращаютъ особенное вниманіе. Это трудъ, собранный съ особенною рачительностію, изъ устъ народныхъ, переданный съ всею достовѣрностію. Здѣсь мы не видимъ такихъ повтореній, такихъ выписокъ, которыхъ достовѣрность при первомъ взглядѣ уничтожается. Здѣсь приводимъ два его сочиненія:

1. *Dzieje starozytne narodu Litewskiego przez Teodora Narbutta. Wilno. 1833.*

Еще изданъ только одинъ первый томъ, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ слѣдующихъ шести. Это сочиненіе должно открыть намъ многое, близкое къ нашей Мифологіи.

2. *Извѣстіе о древнемъ храмѣ Зевеса въ Вильнѣ.* Это изысканіе помѣщено было въ Сѣверномъ

---

*) См. Библіот. Иностран. Писат. о Россіи. Т. 1, Павла Іовія о Посольствѣ стр. 41.

Арх. 1822 г. ч. I стр. 227. Нарбуттъ говоритъ: «статья о храмѣ Зевеса взята изъ Нѣмецкой исторической рукописи: Cronika aus einem und anderen Croniken ausgerogen und alten Geschichten ausgeschrieben. Рукопись сія внесена съ Латинскаго изъ неизвѣстной нынѣ Литовской лѣтописи Ротунды.» Нарбуттъ отыскалъ эту рукопись въ Ревель, въ 1808 году, и отдалъ тогда въ бібліотеку Виленскаго Университета. О храмѣ Зевеса онъ говоритъ: «Въ Вильнѣ, гдѣ стоятъ теперь кафедральная Римско-Католическая церковь, былъ древній дубовый лѣсъ, посвященный языческимъ богамъ, при устьѣ Вилейки, впадающей въ большую рѣку. Возлѣ самага лѣса находился огромный каменный храмъ Зевеса громовежца, или Перкуна, бога громовъ, построенный Княземъ Гереймундомъ въ 1255 году.... Внутри храма находился деревянный кумирь, принесенный изъ лѣсовъ Полангенскихъ.»—Здѣсь упоминается о неизвѣстной рукописи: De annalibus Rutheniensibus, гдѣ сочинитель—*Митрофанъ* изъ *Пинска*, говоритъ о Литовскихъ богахъ.

Приступаемъ теперь къ самому трудному вопросу: какимъ образомъ Русскіе Мнеографы составляли Славяно - Русскую Мнеологию? Внимательное изслѣдованіе открыло намъ, что первые Мнеографы выпиывали все, что имъ было

известно, не разбирая критически источниковъ, вторые обращали вниманіе на Нестора и на Востокъ. Системы Славяно-Русскихъ Миеографій, основанныхъ на многобожій, состоятъ: 1) изъ боговъ Славяно-Русскихъ, 2) изъ боговъ другихъ Славянскихъ племенъ, 3) изъ боговъ Рюгенскихъ, 4) изъ Русской Демонологіи, 5) изъ Русскихъ сказокъ, 6) изъ произвольно выдуманныхъ мифній.

І. Описанія Славяно-Русскихъ боговъ бываютъ у нашихъ Миеографовъ часто исполнены невѣроятныхъ противорѣчій, и произвольныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ, сужденій.

Приведемъ для сличенія всѣ известныя намъ описанія.

1. *Перунъ*. Несторъ говорилъ, что Перунъ сдѣланъ былъ изъ дерева, съ серебряною головою, съ золотыми усами. Гизель придѣлалъ ему: золотыя уши вмѣсто усовъ, желѣзныя ноги, въ руку вложилъ камень, воскурилъ предъ нимъ огонь, и приказалъ жрецамъ караулить этотъ огонь. Поповъ отнялъ золотыя уши, и возвратилъ усы. Замѣтимъ, что наши Миеографы сотворили изъ этихъ золотыхъ усовъ новаго бога: Услава. Вѣроятно переписчикъ летописей написалъ: *Усь-златъ*, а изъ этаго составилъ послѣ Усладъ. Поповъ изобрѣлъ Перуну особенныя жертвы—волосы съ головы и бороды. Онъ первый переименовалъ Перуна въ *Перкуна*, а за

Поповымъ явились и другіе. Тунманъ Рюгенскаго Поревита признавалъ за Перуна. Кайсаровъ говорилъ, что Перунъ на всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчіяхъ означаетъ громъ, и что онъ былъ точь въ точь Римскій Юпитерь. Въмѣсто усовъ онъ придѣлалъ ему золотую бороду. Незвѣстный авторъ сочиненія—*Religion der Moscoviten (Frankfurt und Leipzig 1717)* изобразилъ Перуна съ кошечьею рожею, съ раздутыми скулами. У Принца Букхау вставлены невѣроятныя нелѣпости *). Глинка производилъ Перуна отъ слова *Торымъ* или *Торумъ*, означающаго на *Сарматскомъ* языкѣ *всевышнее существо, бога*. Онъ посвятилъ ему цѣлые лѣса и рощи, изъ коихъ, по его словамъ, почиталось святотатствомъ взятіе всякаго сучка. Гизель полагалъ, что Перунъ былъ *начальнейшій* богъ грома, молніи и облаковъ дождевыхъ. Поповъ почиталъ его производителемъ всѣхъ воздушныхъ явленій и *строителемъ громоотрылянія*. Кайсаровъ говорилъ, что Перунъ былъ первый богъ, коему Россіяне поклонялись, и подчинялъ ему дождь, молнію и всѣ воздушныя явленія. Глинка называлъ его *произвѣстителемъ* всѣхъ воздушныхъ явленій, *погонятелемъ* облаковъ, и думалъ что первоселенцы Кіевскіе, будучи Сарматскаго

*) Въ 1812 году Г. Эттеръ доставилъ въ Общество Исторіи и Древ. Рос. печатный эстампъ древаго Славянскаго идола Перуна. См. труд. Общ. Ист. ч. 1, стр. СХLV.—Откуда это явленіе?

происхожденія и пришедши туда отъ Скандинавскаго полуострова, принесли съ собою Цельтійскихъ боговъ. Эту мысль развилъ еще болѣе Г. Руссовъ. Карамзинъ съ большею основательностію о Перунѣ говорилъ (т. 1. пр. 204): «Славянскій глаголь *Перу* значитъ не только *Пру* но и *бью, ударяю*. Валекъ, которымъ колотятъ бѣлье, для того называется пральникомъ. Слѣдовательно имя Перуна означало бога разящаго.» Вельтманъ производилъ Перуна отъ *Бахуса*, отъ *Баха Пирегенита*, и утверждалъ, что поклоненіе *Ваалу* пришло на Сѣверъ къ Руссамъ съ Востока. Герберштейнъ, а за нимъ Петрей и другіе, выдумали сказку объ изгнаніи Перуна изъ Новгорода. Несторъ ничего не сказалъ объ изгнаніи Перуна изъ Новгорода, а Новгородскій лѣтописецъ (см. Продол. др. Вивл.) написалъ: «Прииде къ Новгороду Акимъ, Архіепископъ Корсунинъ, и требища разрушилъ, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ, поверзавше ужи волочаху по калу, біюще жезліемъ, и заповѣда ни камо ни гдѣ же не пріяти. И се иде пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горньци вести въ городъ, и сиде Перунъ приплы въ берегу, и отрину его шестомъ. Ты, рече, Перунице до сити еси пилъ и ялъ, а нынѣ плови уже проче. И плы съ свѣта въ окромешное.» Миеографы къ этому прибавили, что Новгородцы въ честь Перуна бились палками на мосту. Это есть и

въ Степенной книгѣ. Строевъ говоритъ: «Самое названіе Перуна, кажется, доказываетъ, что онъ былъ управляющій громомъ, и слова: *Piogun* по Польски, *Perkonne* по Латышски значать громъ. Руссовъ производилъ отъ *percutio, perdo*. Докторъ Антонъ отыскалъ въ Далмаціи лѣсъ: *Pign Dubrave*. Снегиревъ, въ описаніи Святотокъ, приводитъ указаніе изъ Соннерата, путешествовавшаго въ Восточной Индіи, что у Индѣйцевъ въ Январѣ бываетъ праздникъ *Перунъ - Понголь*. Въ Старой Русѣ есть преданіе, что Перуна погрузили близъ села Грузина, и что это село получило отъ этаго названіе.—

2. *Велесъ*. Несторъ говорилъ, что Велесъ есть скотій Богъ. Гизель къ этому ничего не прибавилъ. Поповъ думалъ, что онъ имѣлъ храмъ въ Кіевѣ. Кайсаровъ предоставилъ ему отъ Русскихъ владычество надъ скотомъ, какъ занимающему первое мѣсто послѣ Перуна. Глинка говоритъ: «самое имя Велеса означаетъ *величтимый*; ибо Велесъ, чрезъ толкованіе слова, значить: *Велій есть*, т. е. *Великій* и *Велесъ володьющій*, т. е. *обладатель*» Онъ-же выдумалъ и изображеніе его: «Велесъ съ бычачьими рогами, въ простой одеждѣ, держитъ въ рукѣ чашу съ молокомъ. Въ жертву ему приносились коровы и быки.» Строевъ говоритъ: «Велесъ былъ именно богъ стадъ, а не животныхъ, какъ нѣкоторые думали. Которое изъ Славяно-Россійскихъ

племень особенно почитало сего бога неизвѣстно. Митрополитъ Евгеній говорить, что Велеса обожали Меря; доказательствъ на это нѣтъ. Руссовъ говорить, что Бель Ассирійскій есть тоже, что Латинскій и Славянскій Велесъ. Вельтманъ производилъ Велеса отъ Ассирійскаго Беля, и утверждалъ, что онъ, какъ богъ скотій не значилъ бога скотовъ, но бога земныхъ тварей. Объ Велесъ мы имѣемъ слѣдующія историческія извѣстія: 1) въ Патерикъ Кіевокомъ, гдѣ въ житіи Исаія чудотворца сказано, что этотъ Святой разорилъ капища въ Ростовской волости (см. Ист. Кар. т. 1, пр. 225); 2) Въ Прологъ находимъ, что Св. Аврамій разрушилъ въ Ростовѣ кумирь *Велесовъ*. Аврамій крестилъ Ростовскую Волость тогда, когда она была уже Владимірскою областію (см. Окт. 29 Прологъ и Минеево-четію). 3) Въ пѣсни о полку Игоревомъ сказано (стр. 7): «Тебѣ бы вспѣти было въщей Болне, *Велесовъ* внуче!» Мифографы это объясняли такъ: «Видно, что Славянскіе стихотворцы вели свое происхождение отъ Велеса». Такъ думалъ Строевъ. Митрополитъ Евгеній говорить, что имя Велеса значитъ въ семь мѣствъ не бога Велеса, а только какого нибудь изъ предковъ Болна. Руссовъ: «Сочинитель пѣсни о полку Игоревомъ называетъ Болна внукомъ Велесовымъ; но сіе значитъ повидимому, что сѣверные грамматты получили буквы отъ *Даная, Велесова внука и больше ничего.*»

3. *Дажьдь-богъ*. Поповъ догадывался, что онъ былъ въ Кіевѣ богомъ подателемъ благъ, и что его можно почестъ богомъ *богачествъ*. Кайсаровъ утверждалъ, что Дажьдь-богъ, также Дажба, и Дашуба — означаетъ одно и то же божество и соглашался съ Поповымъ *). Гютри называлъ его Плутусомъ древнихъ. — Глинка: «божество благотворное, податель великихъ благъ, богатства, счастья, благополучія; жертвовали ему токмо усердными мольбами и испрошеніемъ у него милости. Онъ служилъ эмблемой *благополучія*, которое обоготворяли древніе Римляне». — Строевъ: «я думаю, что и въ понятіи о семъ богѣ заключается то же самое что и въ понятіи о Перунѣ». — Руссовъ: «Славянская Дажва, Дажьдь-богъ есть не иное что, какъ Эллино-Римскій Тетисъ». — Въ Пѣсни о полку Игоревомъ сказано: «Погибашеть жизнь Дажьдь-бога внука, въ княжихъ кромолахъ вѣщи человекомъ сократишась.» — Графъ Мусинъ-Пушкинъ объ этомъ говоритъ: «Дажьдь-богъ почитаемъ былъ въ Кіевѣ богомъ, подателемъ всѣхъ благъ. Пользовавшіеся благоденствіемъ, какъ даромъ Дажьдь божіевымъ, назывались его внуками.»

4. *Стрибогъ*. Поповъ: «Стриба, божество Кіевское получало поклоненіе и жертвы.» Глинка:

---

* Въ Моск. Вѣст. 1828 г. № 8 Дажьдь-богъ былъ превращенъ въ *Бодой*, *Богданъ*, *Deodatus*, *Dieudonné*. Слова: *Дажба* составлено изъ *Божба* и *Спасбо*. Кто сдѣлалъ это превращеніе неизвестно.

«Божество, наказывающее беззаконниковъ въ преисподней и бичъ злодѣяній въ семь мѣръ. Его мести предавались заслужившіе проклятіе.»—Кайсаровъ: «мы знаемъ изъ пѣсни Игореву воинству, что онъ былъ богъ вѣтровъ, потому что въ сей пѣсни называютъ ихъ внуками Стрибога.»—Строевъ: «Стрибога почитали до сихъ поръ богомъ войны, но это несправедливо: онъ былъ у Славянъ то же, что у Грековъ Еоэль.»—Въ пѣсни о полку Игоревомъ сказано: «Се вѣтри, Стрибожи внуцы, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые плѣки Игоревы.»

5. *Хорсъ*. Поповъ говоритъ: «можно признать его Эскулапіемъ, или богомъ болѣзни» и производить его отъ глагола: корчить.—Чулковъ прибавилъ къ этому, что Славяне жертвовали ему для отвращенія болѣзней.—Руссовъ: «Добросердечные Славяне произвели изъ Коримбифера Корса или Хорса, и наконецъ *Харъ*. Слѣдственно Татищевъ Хорса призналъ подобнымъ Бахусу правильно, хотя ненарочно.»—Кайсаровъ приводитъ только мнѣнія Попова, Леклерка, Татищева, обвиняетъ лѣтописцевъ за темныя понятія въ нашей Мифологіи, но самъ ничего не говоритъ. Глинка производитъ Хорса отъ ковша, называвшагося, по его мнѣнію, прежде коршъ, почему этому богу дано имя отъ этого орудія. Изъ этаго составилось у него слѣдующее описаніе: «Корсъ, покровитель охотниковъ до пива и меду. Нагой

одутловатой, вѣнокъ на немъ сплетенъ изъ хмѣлевыхъ плетей съ листьями; перевязь на немъ хмѣлевая же. Въ правой рукѣ держитъ ковшъ, изъ котораго хочетъ пить.» Кажется, что въ этой выдумкѣ виноватъ былъ Татищевъ, переименовавшій Корса въ Бахуса.—Строевъ не признавалъ его за Славянскаго бога.

6. *Семаргла*. Поповъ и Чулковъ ничего не могли выдумать объ этомъ богѣ.—Руссовъ: «Эллино-Римская богиня молній есть не что иное, какъ Зимцерла.» Г. Руссовъ образовалъ изъ Семарглы Зимцерлу; но почему? мы не знаемъ.—Кайсаровъ говорить: «о семь божествъ ничего почти неизвѣстно».—Глинка: «Симаергла, Зимаерзла, Симаергла, Зимарзла Зимерзла—слова означающія всѣ одно и то же, т. е. зиму стереть. Богиня суровая, дышущая холодомъ и морозами. Одежда на ней на подобіе шубы изъ сотканныхъ вмѣстѣ инеевъ. А какъ она Царица зимы, то порфира на ней изъ снѣга, истканная ей морозами, чадами ея. На головѣ ледяной вѣнецъ, унизанный градомъ. Богинѣ сей молились о умѣреніи ея жестокости.» Не понимаемъ, откуда явилось описаніе Семарглы у Г. Глинки. Кажется что это его созданіе.—Строевъ не признаетъ это божество за Славянское, но думаетъ, что «переписчики не соединили ли въ семь словъ двухъ различныхъ боговъ: *Сема* и *Регла*, какъ то стоитъ въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ.»

7. *Мокошь*. Поповъ и Чулковъ только сдѣлали изъ него *Мокосль*.—Руссовъ говоритъ: «Мокошь Славянскій и Макарій Эллинно-Римскій суть одно и то же». — Глинка: «По разности произношеній Мокошь, Макошь, Мокосль истолковывается словомъ—*могущь*». Но онъ изъ этаго сдѣлалъ: Могошь, оклеветалъ Нестора, говоря, что онъ у него есть богъ скотовъ, и описалъ изображеніе его: «съ мохнатою козлиною бородою, съ бараньими рогами, въ шубѣ бараньей на выворотъ; въ рукахъ палка или пастушій посохъ, а въ ногахъ у него можетъ положенъ быть барашикъ».—Строевъ не признаетъ Мокоша за Славянскаго бога.—Гютри Русскаго Мокоша признавалъ за Библійскаго Магога.—Кайсаровъ отзывается объ немъ невѣдніемъ какую должность отправлялъ онъ у Русскихъ.

Вотъ какъ описывали наши Миеографы Славяно-Русскихъ боговъ. Они, какъ изобрѣтатели, не представляютъ ни одного на чемъ либо утверждаемаго понятія: все основано на догадкахъ, выдумкахъ. Многіе изъ нихъ изобрѣтали для этихъ боговъ жрецовъ. Ходаковскій, при объясненіи слова: Князь (Сѣвер. Арх. 1824 № 11, стр. 228) признавалъ Вел. Кн. Владиміра Архи-Жрецомъ Перуна, обвинялъ Карамзина за то, что онъ не признавалъ его жрецомъ Перуна, а только *илльшимъ отличнымъ усердіе къ богамъ*. Полевой

соглашается съ мнѣніемъ Ходаковскаго (Ист. Р. Н. Т. I пр. 149). Несторъ, упоминая о убіеніи Варяга для жертвы Перуну не говоритъ, что были жрецы. Во всемъ, что касается до Русской древней Исторіи мы болѣе должны вѣрить Нестору, нежели современнымъ выдумкамъ. Безъ того, что будетъ наша Исторія ?

2. Изъ боговъ другихъ Славянскихъ народовъ наши Мнеографы вносили все имъ извѣстное, не разбирая справедливо ли это, или ложно. Часто видимъ въ ихъ описаніяхъ такія опущенія въ Исторической критикѣ, что превышаютъ всякую вѣроятность. Списывая Стрыйковскаго, они не замѣчаютъ, откуда онъ почерпалъ; вѣрятъ Герберштейну и Петрею, хотя послѣдній самъ выбиралъ изъ перваго.

Боги, принятые ими въ Славяно-Русскую Мнеологию, суть: 1. Бѣль-богъ, 2. Черно-богъ, 3. Ютра-богъ, 4. Святи-боръ, 5. Триглава, 6. Дидилія, 7. Зѣвана, 8. Зимцерла, 9. Марцана, 10. Ній, 11. Сива, 12. Флинць, 13. Золотая Баба, 14. Крдо, 15. Проно, 16. Юмайла, 17. Радегастъ, 18. Погода. 19. Ясса. 20. Вѣда.

3. Изъ Рюгенскихъ боговъ внесены: 1. Святovidъ, 2. Поревитъ, 3. Ругевитъ, 4. Поренучъ.

4. Изъ Русской Демонологіи принято: 1. Домовой, 2. Водяной, 3. Лѣшіе, 4. Русалки, 5. Кикиморы. Повидимому, къ этому рязряду должно было отнести выдуманныхъ Глинкою: Стѣ-

ни, Лизуны, Куды, Черти, Бѣсы, но это произошло отъ его незнанія Русской семейной жизни. Наши Мифология и Демонологія существовали въ отдѣльныхъ видахъ. Первая осуществлялась самымъ дѣломъ, вторая существовала только въ разсказахъ и преданіяхъ.

5. Изъ Русскихъ сказокъ сотворили богами: 1. Горыню, 2. Дубыню, 3. Полкановъ, 4. Кащя, 5. Царя морскаго, 6. Чудо морское, 8. Ягу-бабу, 9. Чура, 10. Змѣя. 11. Сильнаго бога.

6. Изъ произвольно выдуманыхъ мнѣній явились богами: 1. Усладъ, 2. Донъ, 3. Бугъ, 4. Волховъ, 5. Посвистъ, 6. Ладо, 7. Лель, 8. По-лель, 9. Коляда, 10. Купало, 11. Волоты, 12. Дѣтинецъ, 13. Славянь, 14. Волхвъ, 15. Рудотокъ, 16. Ильмень, 17. Студенецъ, 18. Животъ, 19. Зничъ.

Этимъ окончиваемъ наши изслѣдованія о Славяно-Русской Мифологій, съ надеждою, еще поговорить въ другихъ мѣстахъ Сказаній Русскаго народа объ этомъ предметѣ, и присовокупимъ желаніе имѣть настоящую Славяно-Русскую Мифологию отъ будущихъ Археологовъ.

РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Исторія Русской Литературы досель еще не имѣетъ полнаго собранія Русскихъ народныхъ праздниковъ. Все, досель изданное, состоитъ изъ предварительныхъ приготовленій, статей мѣлкихъ, журнальныхъ, мимолетныхъ замѣчаній. По какому-то странному стеченію обстоятельствъ наши Историки не касаются этого предмета въ Исторіяхъ Русскаго народа. Для нихъ они какъ будто не существуютъ. Правда, что Исторія наша еще не имѣетъ полныхъ источниковъ, трудовъ, очищенныхъ здравою критикою, необходимыхъ для описанія народной жизни; но это еще не есть извиненіе. Русская Археологія до сихъ поръ состоитъ во многомъ должною предъ современными требованіями. Мы не имѣемъ: ни древней Русской Топографіи, ни Грамматики Русскихъ областныхъ нарѣчій, ни Русской систематической Палеографіи, ни полныхъ Русскихъ актовъ, ни одной порядочно изданной лѣтописи, ни Рус-

скихъ сказокъ, ни Русскихъ пѣсень, ни Русскихъ народныхъ обычаевъ. Мы за все принимались, всему имѣемъ опыты, и для всего равно не сдѣлали ничего. Но у насъ есть Русскія Исторіи. И что же въ нихъ есть?

Русскіе народные праздники представляютъ самыя разительныя черты изъ старѣйшей Русской семейной жизни. Но это сокровище, сохраняемое народомъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, начало показываться въ нашей Литературѣ только въ XIX вѣкѣ. Мы не говоримъ о прежнихъ временахъ, когда на этотъ предметъ смотрѣли съ самой унизительной стороны. Народъ не внималъ ни чьимъ возгласамъ; онъ цѣнилъ праздники свои выше своихъ учителей, требовавшихъ ихъ уничтоженія. Наконецъ явились люди, которые рѣшились сохранить народныя праздники въ письменныхъ. Число этихъ людей такъ не много, какъ немного и самыхъ описаній. Заслуги этихъ людей доселѣ еще не оцѣнены, ибо доселѣ мало обращаютъ вниманія на старую Русскую жизнь. Не удивляемся этому: не мы одни первые принимаемся медленно за подобныя труды.

Слова Русскихъ людей, возвѣщавшихъ важность Русскихъ народныхъ праздниковъ, раздались въ Московскихъ ученыхъ обществахъ. Въ обществѣ любителей Россійской Словесности заговорили объ этомъ: *М. Н. Макаровъ, А. Г.*

Глаголевъ. Но это было предвѣстіе великаго дѣла,—въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ начались уже основательныя приготовленія. Тамъ являлись въ бесѣдахъ съ своими описаніями: *И. М. Снегиревъ, И. В. Васильевъ.* Программа Г. Снегирева о Русскихъ Народныхъ Праздникахъ съ начала возбудила вниманіе любителей старой Русской жизни; но потомъ объ ней забыли. В. Б. Броневскій помѣстилъ поверхностное описаніе Народныхъ Праздниковъ въ Московскомъ Вѣстникѣ. На это описаніе явилось замѣчаніе, писанное въ письмѣ къ издателю Московскаго Вѣстника въ 1828 году. Къ этому же разряду мы должны причислить нѣсколько другихъ журнальныхъ статей.

Въ XVIII части трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности было напечатано сочиненіе М. Н. Макарова: *О старинныхъ Русскихъ праздникахъ и обычаяхъ.* Здѣсь находятся слѣдующія описанія:

1. *Овцарь или овейй праздникъ,* совершаемый поселянами въ 29 день Октября. Описыватель говоритъ, что этотъ праздникъ отправляютъ пастухи, играютъ на рожкахъ, ходятъ съ поздравленіями по домамъ овцеводцевъ; приводитъ отрывокъ изъ пѣсни, напоминаетъ о посидѣлкахъ, и думаетъ, что эти посидѣлки есть *торжество невинности* — и только. Это

Часть II.

5

было первое описаніе Русскаго Народнаго Праздника. Но узнали ли мы изъ него свой Русской Овцарь? Ожиданія остались впереди!

2. *Распутье, перекрестокъ, или платица.* Описыватель говоритъ здѣсь о дорогахъ, пролегающихъ вмѣстѣ крестъ на крестъ въ разные стороны; рассказываетъ, что здѣсь ставили идоловъ, но какихъ? не сказываетъ. *Колларинскую дорогу*, обыкновенный путь Татарскихъ набеговъ, называетъ: *священною, и менитого*, неизвѣстно почему. Говоритъ, что наши священныя дороги, къ счастью никогда не бывали, *отмичались торжествомъ счастливыхъ вступль и печальныхъ проводовъ.* Приводитъ два отрывка изъ народныхъ пѣсней. Этимъ все и кончилось.

3. *Рѣка Донъ.* Рѣку Донъ описыватель, подобно Чулкову, Попову и Кайсарову, причисляетъ къ сонму боговъ Славянскихъ. Рассказываетъ по своему Думу народную Иванъ-Озеро; приводитъ нѣсколько стиховъ изъ народной пѣсни: Донъ Ивановичъ, гдѣ вставляетъ необычайной стихъ: «Посмотрѣть на Ярилу!»

4. *Гръчишница, или день посьва гръчицы.* Описыватель хотѣлъ изобразить народный праздникъ отправляемый въ 13 день Іюня, при посьвѣ гръчицы; но вмѣсто этого приводитъ пять стиховъ изъ какой-то *худной басни Крупенякъ*; думаетъ, что Русскіе забыли *подлинное*

или Нимфы, или богины покровительницы цветистой и кудрявой зрѣлы. Но у насъ, Русскихъ, когда-жъ были Нимфы? Ни народъ, ни письменные памятники объ этомъ намъ ничего не говорятъ. Далѣе приводится для любопытныхъ содержаніе вкратцѣ стихотворной сказки о Крупеникѣ.

5. *Баба яга, или Ягая баба и Фаля.* Здѣсь встрѣчается чудное описаніе: Баба яга пожаловала въ Русскую Беллону, Сивиллу, волшебницу, колдунью, ворожию. Говорить: «Русскіе Донъ-Кишоты просили у Бабы—оракула совѣта и помощи». Думаетъ, что Московское урочище: «Курьи ножки — не было ли жертвенникомъ, посвященнымъ въ честь нашей Русской Сивиллы?» Это предположеніе самъ описыватель послѣ отвергъ въ Телескопѣ, говоря о Русскихъ сказкахъ. Онъ увѣряетъ изъ какой-то народной сказки, что идолъ Бабы яги состоялъ изъ одной только большой мѣдной трубы, положенной на большомъ высокомъ камнѣ, и находился на мѣстѣ старой Ръзани; потомъ стоялъ при впаденіи потока Трубежа въ рѣку Оку, далѣе около береговъ Переяславль-Залъскаго озера, а въ послѣдствіи на Трубежѣ Малороссійскаго Переяславля. Откуда взято это невѣроятное мнѣніе? Мы надѣемся, что Г. Макаровъ со временемъ откажется и отъ этого предположенія: этаго требуютъ Русскія сказки.

•

Заключаетъ описаніемъ, также по своему, народной сказки о Фалѣ.

6. *Пол-конь, или Полканъ*. Это описаніе, разсказанное описывателемъ по своему, извлечено изъ народной сказки. Г. Макаровъ говоритъ: что *Полканъ* былъ *умной, красивой, богатырь сильной, могущій и великой наездникъ, брацвенной колдуномъ въ чудовище*. Здѣсь много несправедливаго. Жаль очень, что онъ не помѣстилъ вполнѣ народную пѣсню о Полканѣ. Это было бы важное приобрѣтеніе.

Объ Овсень, старинномъ Русскомъ праздникѣ Г. Макаровъ, описыватель этаго праздника, помѣстилъ свое описаніе въ Вѣстникъ Европы 1826 года. Все описаніе состоитъ изъ приложенія народной пѣсни, и догадки, что *Овсень не былъ ли праздникомъ окончанія жатвы, собранія плодовъ и проч.; словомъ, уже не онъ ли наша Церера?* Вотъ еще новой подарокъ нашей Славяно - Русской Мифологіи! Не уже ли намъ непременно надобно переселить всѣхъ чужеземныхъ языческихъ боговъ въ свою Мифологію. Мы скоро встрѣтимся съ прототипомъ этаго описанія, изданнаго И. В. Васильевымъ. Вотъ что было сдѣлано Г. Макаровымъ для описанія Русскихъ народныхъ праздниковъ!

Совершенно въ другомъ видѣ являлись описанія И. М. Снегирева. Труды этаго почтеннаго

Русскаго Археолога столько утѣшительны для нашей Литературы, что мы читая ихъ, отыскиваемъ забытую жизнь Русскаго народа. Предпринимая полное описаніе Русскихъ Народныхъ Праздниковъ, онъ помѣстилъ въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 года, въ № 23, программу. Изъ ней мы узнали очеркъ *народной Русской Еортологіи*. Г. Снегиревъ Народные Праздники раздѣляетъ: 1) по времени, на древніе, новые и смѣшанные. Кромѣ того, онъ раздѣляетъ ихъ еще: на постоянные, сообразно годовымъ порамъ и сельскимъ работамъ, и случайные, зависящіе отъ празднованій свадьбы, именинъ, поминокъ. Въ этотъ разрядъ входятъ у него: праздники семейные и общественные. 2) — По мѣсту раздѣляетъ: на общіе и мѣстные праздники. Въ его описанія входятъ: игрища или мѣста отправления праздниковъ: горы, роци, дубровы, жальники, берега рѣкъ, озеръ, луга, поля. Съ ними онъ соединяетъ: приговоры, оговорки, обрядовыя пѣсни, колы, хороводы, игры и пляски. Онъ также описываетъ *питья и кушанья*, употребляемыя на праздникахъ.

Г. Снегиревъ довольно много помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ своихъ описаній Народныхъ Праздниковъ. Исчисляемъ ихъ:

1. *Старинныя народныя Святки и Каляда* Напечатаны въ Вѣстникѣ Европы 1828 г. № 1. и 2.

2. *Русальная недѣля*. Напечатана была въ Вѣстн. Евр. 1827 г. № 8.

3. *Красная горка*. Напечатана была въ Моск. Вѣстн. 1827. г. ч. 3. стр. 114.

4. *О древнемъ и новомъ Семикѣ*. Напечатано было въ Москов. Вѣстн. 1829 г. ч. 5. стр. 164.

5. *Радумица, Радунецъ*. Напечатана была въ Вѣстн. Евр. 1827 г. № 8. стр. 205.

6. *Иванъ Купало*. Напечатано было въ Атенск.

7. *О скудельницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи*. Напечатано было въ трудахъ Общ. Ист. и Древн. Россій, ч. 3, стр. 335.

Полное описаніе Русскихъ Народныхъ Праздниковъ теперь уже Г. Снегиревъ печатаетъ въ Москвѣ. Надѣмся, что оно принесетъ большую пользу изучающимъ Русскую семейную жизнь.

А. Г. Глаголевъ, какъ членъ Общества, доставилъ свое описаніе: *о характерѣ Русскихъ застольныхъ хороводныхъ пѣсней*, напечатанное въ трудахъ Общества любителей Россійской Словесности, въ XIX. т. Описыватель, рассматривая застольныя и хороводныя пѣсни, упоминаетъ: *О Красной горкѣ, Семикѣ, Троицынъ днь, Петровъ днь, Колядѣ, Осенѣ*.

И. В. Васильевъ доставилъ въ Общество Любителей Россійской Словесности—описаніе Русскаго народнаго праздника: *Осеня*.

Г. Арцыбашевъ, известный въ Русской Исторической Литературѣ, написалъ: *Взоръ на*

обыкаи древнихъ Руссовъ, напечатанное въ трудахъ Общ. Ист. и Древ. Рос. ч. 2, стр. 9. Здѣсь описаны: *Стариинство, постриги, браки, общежитіе, нравы и упражненіе, духъ народный, одежда, пища, дома.*

Въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. № 24. помѣщена была статья Г-жи. *Черноцкой*, переведенная съ Польскаго *Гальбовичежъ: остатки Славянской Мифологіи, сохранившіеся у Бѣло-Русскихъ поселенъ*. Самое названіе, несоотвѣствующее описаннымъ предметамъ, было дано по старому повѣрью — приписывать все древнее Славянской Мифологіи. Здѣсь описаны: *Купало Радавница, Русалки, Доброхотій.*

В. Б. Броневскій, вызванный предложеніемъ *И. М. Снегирева*, помѣстилъ свое описаніе въ Московскомъ Вѣстникѣ: *о народныхъ праздникахъ*. Г. Броневскій начинаетъ свое описаніе разговоромъ съ извощикомъ: *о коровей смерти*, потомъ — *о Красной горкѣ*, прибавляетъ только нѣсколько словъ къ описанію Снегирева, *о днѣ Св. Георгія, о недѣлѣ женъ Мирносицъ, Русальной недѣлѣ, Семикѣ, Троицынѣ днѣ, о Купалѣ, Аграфенѣ Купальницѣ, о праздникѣ Солнца, Бабьемъ лѣтѣ, о камняхъ Башъ и Башиха*, далѣе приводитъ нѣсколько пословицъ и поговорокъ.

На это описаніе Г. Броневского было напечатано въ 1828 г. въ Московскомъ Вѣстникѣ

письмо къ издателю отъ *Тульского старожила* — *Археофила*. Здѣсь встрѣчамъ: дополненіе къ описанію коровей смерти, замѣчаніе на описаніе Красной горки и Русальной недѣли, Семикъ, о бракахъ Майскихъ, о Аграфенѣ Купальницѣ и Ивановѣ днѣ, о заговорахъ народныхъ, о Тульскихъ камняхъ и ясакахъ.

Вотъ, что до сихъ поръ Русскіе Археологи приготовили для нашей Литературы. Мы здѣсь не видимъ многихъ Русскихъ народныхъ праздниковъ, и многое встрѣчаемъ непринлежащее сюда. Все это было бы хорошо при самомъ началѣ, но не нынѣ, когда современныя свѣдѣнія указываютъ намъ на истинныя народныя стихіи, на дѣйствительный бытъ народной жизни. До сихъ поръ еще видимъ невѣроятныя смѣшенія въ описаніяхъ Русской семейной и общественной жизни. Несчастливая наша Миѳологія болѣе всего страдаетъ отъ этихъ незнаній. Въ нее входятъ и Демонологія, никогда непринлежавшая не только Миѳологін, но и самой Русской жизни. Объ ней только Русскіе говорятъ; она никогда не осуществлялась у Славяно-Руссовъ, какъ Миѳологія. Къ Миѳологін причисляютъ и Народные Праздники, совершенно безъ всякаго основанія. Несчастливая ошибка Гизеля, вѣрившаго безусловно Польскимъ запискамъ, ввела и Русскихъ Археологовъ въ отчаянныя крайности. Ладо, Купало, и другіе

убедили описывателей народных праздниковъ въ вѣрованіи небывалаго, Славяно-Русскихъ боговъ—языческихъ. Никто не хочетъ справляться съ сказаніемъ Нестора, а считаютъ необходимымъ указывать на Польскія записи, въ которыхъ встрѣчаемъ повтореніе одного и того же—исбывалаго. Къ несчастію нашему видимъ осылки на путешествія чужеземцевъ, бывшихъ въ Русской землѣ. Мы, Русскіе, изучая свою семейную жизнь, находимъ, что наши поселенія жившіе всегда одинаково, въ неизмѣнныхъ обычаяхъ и повѣртіяхъ, сохранили старую нашу жизнь совершенно не въ томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ путешественники чужеземцы, незнавшіе ни нашего языка, ни нашихъ повѣрьевъ, ни нашей жизни. Они описывали только то, что имъ пересказывали, и что они сами видѣли мелькомъ. Мы знаемъ, какой строгой присмотръ имѣли Русскіе за пріѣзжавшими чужеземцами. Этого они и сами не скрываютъ. Мы даже теперь видимъ, какъ чужеземцы описываютъ насъ, современниковъ; что же было за 200 и болѣе лѣтъ? Правда, что нашимъ Археологамъ предстоитъ невыполнимый трудъ—узнавать на мѣстѣ Русскую жизнь. Всего легче окружить себя книгами, и изъ нихъ выбирать свѣдѣнія о старой Русской жизни, нежели таскаться по селеніямъ, собирать повѣрья и обычаи, подвергаться на каждомъ

шагу тысячамъ несприятностей. Мы это говоримъ не въ обвиненіе нашихъ Археологовъ; но лишь упоминаемъ о старой привычкѣ нашихъ писателей—пользоваться чужими источниками, очевидно нелѣпыми, перепечатывать сто разъ одно и то же, и выдавать за новое. Мы это доказываемъ самымъ дѣломъ. Пересмотрите всѣ наши Археологическія изслѣдованія: вездѣ видимъ списываніе, а своего ничего. Вотъ почему наша Литература до сихъ поръ мало имѣетъ самобытныхъ сочиненій для Русской Исторіи. Что же сказать о Русской народной Литературѣ, дѣйствительность которой еще не многіе признаютъ: многіе-ли вѣрятъ, что она существуетъ на самомъ дѣлѣ?

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ полного описанія Русскихъ Народныхъ Праздниковъ, издаваемыхъ Г. Снегиревымъ. Тогда только Русская народная Литература получитъ по этому отдѣленію самое полное сочиненіе.

Продолженіе Исторіи Русской народной Литературы будетъ напечатано въ слѣдующей части.

СКАЗАНИЯ

О

РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ИГРАХЪ.

Часть II.

1

РУССКІЯ ИГРЫ:

- 1) СКАЗАНІЯ ОБЪ ИГРАХЪ СЕМЕЙНЫХЪ.**
- 2) СКАЗАНІЯ ОБЪ ИГРАХЪ ХОРОВОДНЫХЪ.**
- 3) СКАЗАНІЯ ОБЪ ИГРАХЪ СВЯТОЧНЫХЪ.**
- 4) РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ.**
- 5) РУССКІЯ СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.**

СКАЗАНІЯ

ОБЪ ИГРАХЪ СЕМЕЙНЫХЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Голуби	7
Кума	9
Горьлки	14
Мышка	17
Безъ соли соль	18
Жмурки	19
Ключки	20
Сорока	22
Веровочка	23
Сѣрый волкъ	24
Первенчки	25
Камушки	27
Захарка	32
Дергачи	33
Жгуты	34
Чижикъ	35
Ужище	36
Коршунъ	37
Лапта	40
Пыжъ	43
Свайка	46
Агарушикъ	48
Вѣтчинака	49

	Стран.
Сучька	51
Яша	53
Бабки	54
Кулачной бой.	57
Рвдька	59
Крыночки.	61
Ласы	62

ИГРЫ СЕМЕЙНЫЯ.

1. Голуби.

Голуби, любимая игра дѣтей, представляет собою плѣнительную картину въ семейной жизни Русскаго народа. Голубь, голубка, дѣти ихъ, вотъ существа, оживляющія эту игру. Наши предки въ олицетвореніи этой группы изобразили семейство—*красное догерьми, почетное сыновьями*. Нѣтъ сомнѣнія, что глубокая предусмотрительность отца увлекала въ старину дѣтей съ раннихъ лѣтъ къ домашнимъ занятіямъ, не имѣя въ виду измѣненій своего быта. Чѣмъ же мы болѣе можемъ заохотить дѣтей къ такимъ занятіямъ? Дѣти любятъ играть. Дайте имъ такія игры, въ которыхъ бы отражалась: или ихъ будущая жизнь, или занятія, ожидающія ихъ. Наши предки заботились о нравственномъ воспитаніи, и вотъ почему подарили дѣтей такою прелестною игрою.

Въ игрѣ: голуби—дѣти избирають: *Голубя*, *Голубку*, а всѣ прочія остаются подѣ именемъ *Дѣтей* ихъ. Голубь съ голубкою свиваютъ гнѣздо, живутъ любовно, на потѣшеніе всѣмъ. Кругомъ ихъ бродятъ дѣти. Голубь отлетаетъ на промыслъ, а голубка остается съ дѣтьми. Съ добычею голубь прилетаетъ въ семейство, и раздѣляетъ съ нимъ пищу. Дѣти-голуби оперились, выросли, летаютъ уже по бѣлому свѣту. Люди добрые—по народному присловью—имѣютъ враговъ, То же самое создала фантазія и въ этой игрѣ. Здѣсь является врагомъ *Ястребъ*. Какъ онъ страшитъ голубиное семейство! Какъ онъ живо изображаетъ собою нарушителя семейнаго благополучія, врага благоденствія добрыхъ людей! *Ястребъ* въ этой игрѣ бываетъ: *вѣтлый*, несмѣняемый до конца игры, или съ *хвостикомъ*, смѣняемый при каждой добычѣ. Онъ долженъ: переловить всѣхъ дѣтей-голубковъ, извести мать-голубку, разбить на лету отца-голубя. Какъ жалобно тоскуетъ голубка о потерѣ своихъ дѣтей! Какъ уныло воркуетъ голубь о расхищеніи своего семейства! Русское семейное горе выражается здѣсь въ яркихъ краскахъ. Игра кончается истребленіемъ гнѣзда. Нерѣдко случается, что отважный *Ястребъ*, заметившій въ голубиное гнѣздо, дѣлается добычею голубя. Какъ ужасно побѣдитель-ястребъ развѣваетъ голу-

бинья перья—тому доказательствомъ остаются изорванныя платья дѣтей и побой отъ вѣчнаго ястреба.

2. Кума.

Кума—игра пожилыхъ женщинъ и дѣвицъ—живо обрисовываетъ собою сельскій обычай—*кумиться*. Въ Русской жизни *Кумовство* столь бываетъ почитательно, что безъ *Кума* и *Кумы* не существуетъ семейнаго веселія. Для *кума* всегда есть *брага*, для *кума* есть *медъ осотовый*, а для *кумы* водятся въ *куть* *паренья груши*, для *кумы* есть *квасъ съенной*, и *макъ поджаренной* и *черныя пряники*. Насталъ *Прощеный день*. *Кумъ* является къ *кумѣ* съ *мыломъ*, а *кума* идетъ къ нему съ *пряниками*. *Куму* можно цѣловать *куму* при всей деревнѣ, и все это сочтется: почтеніемъ, дружбою, привѣтомъ. Что знаетъ *кумъ*, то знаетъ *кумова жена*, то же самое знаетъ и вся деревня. Безъ *кумы* не ладится свадьба, безъ *кума* не совершаютъ похоронъ. Вотъ быть *Русскаго Кумовства!* Вѣроятно, игра: *Кума* изобрѣтена въ честь этаго важнаго обычая, которому никто и никогда не измѣнялъ въ семейной жизни нашихъ предковъ.

Поселяне говорятъ, что *городскія кумы спе-*

сивы, а водить кумовство въ городахъ стало не въ обыкай; но игра: Кума тѣшитъ горожанъ не менѣ всякой. Старая Русь не умерла; ея быть во всѣхъ видоизмѣненіяхъ существуетъ въ современной нашей жизни. Лѣтописцы записали жизнь политическую нашихъ предковъ, а преданія и обычаи сохранились въ жизни семейной безъ записей, пережили вѣка, и существуютъ доселѣ. Напрасно говорятъ, что Русская Исторія многого лишилась: этой Нѣмецкой пѣсни доселѣ еще многіе вѣрятъ. Мы не только не успѣли осмотрѣть свои матеріалы—письменные и словесные—но не знаемъ еще всего, что и какъ писали чужеземцы объ нашихъ предкахъ. Чужеземныя описанія требуютъ строгой повѣрки. Они, какъ люди мимоѣзжіе, незнакомые съ языкомъ Русскимъ, не могли вѣрно передать всего, видѣннаго ими. За ними строго смотрѣли, держали въ запертѣ, чуждались съ ними словъ и дѣлъ. Не мы, люди XIX вѣка, виноваты въ отчужденіи отъ предковъ, родины и обычаяевъ. Были за долго люди до насъ, успѣвшіе заглянуть въ чужія земли; съ ними пришли къ намъ чужіе обычаи и мало по малу вытѣснили старую нашу семейную жизнь изъ городовъ въ села.

Игра: Кума совершается двумя отдѣльными пированіями. Одно бываетъ въ опредѣленное время и съ особеннымъ торжествомъ, другое же

можетъ происходить во всякое время, и притомъ во многочисленности.

Поселяне Тульской губерніи, на третьей недѣлѣ по Пасхѣ, въ день женъ Мироносицъ, выходятъ въ лѣсъ, какъ они говорятъ—*кукушку кстить*. Двѣ подруги, обреченныя въ кумовство, нагибаютъ молодыя березки, связываютъ ихъ вѣтвями, платками, полотенцами. Сдѣлавши изъ вѣтвей вѣнокъ, привязываютъ къ нему два креста, сдѣланные изъ вѣтвей. Въ то самое время, какъ кумы ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и цѣлуются сквозь вѣнокъ крестообразно, по три раза, прочія женщины поютъ:

Ты кукушка \`раба,
Ты кому же кума?
Покумимся кумушка,
Покумимся голубушка,
Чтобы жить любовно,
Жить, не браниться.

Окончивши пѣснь, кумы мѣняются крестами, величаются подругами, живутъ въ миру и согласіи. Въ этой игрѣ не участвуютъ мужчины; однѣ только женщины присутствуютъ. Кумовство заключается завтракомъ и хороводными пѣснями.

Въ селеніяхъ Московской, Рязанской и частию Тульской губерній совершается игра: Ку-

ма въ Семикъ. Тамъ, въ это время, поселяне собираются въ рощи, нагибають молодыя березы — *плакуця* — свивають изъ нихъ вѣнки, обвѣшивая ихъ разноцвѣтными лоскутами и лентами. Потомъ, подходятъ по парно, цѣлуются сквозь вѣнки, приговаривая:

Покумимся кума,

Покумимся.

Намъ съ тобою не браниться,

Вѣчно дружитья.

Въ это время дарятъ другъ друга *желтыми* яйцами. Въ Костромской губерніи, вмѣсто этихъ словъ, говорятъ: «здравствуй, кумушка, березку завивши!» Замѣчательно, что здѣсь въ этой игрѣ участвуютъ и молодые люди, неженатые, вмѣстѣ съ дѣвцами. Веселыя пѣсни и вѣчно одинакія пляски — сопровождаютъ и здѣсь игру: Кума. Послѣ этаго собираются: *развивать вѣнки* тѣ, которые *покумилась Семичкою березкою* и сходятся въ лѣсъ *разкумиться*. Тогда кумовья, развивая вѣнки съ поцѣлуями, поють:

Разкумимся кума,

Разкумимся.

Не сварясь,

Не бранясь,

Ладно живучи,

Припѣваючи.

Кромѣ этаго рода игры: Кума, поселяне отпра-
вляють еще другой видъ, совершенно непохо-
жій на выпеписанный. Сбираясь играть, поселя-
не выбираютъ куму, садятся по два въ рядъ,
кругами. Кума *охлаживаетъ* кругъ, выглядывая
пригожихъ и миловидныхъ. Едва она своимъ
сердцемъ възвѣдала *Доброхотную*, и уже *заво-
дитъ съ нею ртыи*:

Кума «Что это за дѣта?»

Въ это время Доброхотная встаетъ, и, ука-
зывая на сидящую съ ней особу, говорить:

Доброхотная. Твое и мое?

Кума. Кому его кстить?

Доброхотная. Тебѣ и мнѣ.

Кума. Что ты мнѣ за это дашь?

Доброхотная. Шильцо, мыльцо,
Бѣлое бѣльицо,
Да зеркальцо;
Рубль да денежку,
Да красную дѣвушку.

Съ окончаніемъ этихъ словъ — *Кума* и *До-
брохотная* разбѣгаются въ противоположныя
стороны, и обѣжавъ три раза кругомъ сидящихъ,
останавливаются. Та, которая успѣетъ нзъ нихъ
занять прежде мѣсто, остается въ выигрышѣ—
сидѣть спокойно, а другая опять идетъ *заво-
дитъ ртыи*. Въ этой игрѣ кума должна быть
смѣтлива: здѣсь есть обманъ. Въ то время, какъ

кумѣ съ кумою *кумятся*, другіе сосѣди успѣваютъ пересѣсть на порожнее мѣсто. Если одна изъ нихъ, незамѣтившая сосѣднлаго обмана, слѣдетъ на чужое мѣсто, тогда со всѣхъ сторонъ начинается: *чуранье*: « *Чуръ съ мльста! Чуръ съ мльста!* » Отъ этого часто случается, что въ большомъ кругу ходять по двѣ и по четыре кумы.

Для кумы въ селахъ поется особенная пѣсня:

Какъ кумѣ-то къ кумѣ въ рѣшетъ приплыла,
 А я такъ ухомъ не веду, я такъ глазами не гляжу.
 Еще чѣмъ-то мнѣ кумушку подчивати:
 Да какъ есть про куму воробей во саду,
 Воробей во саду, и тотъ безъ заду;
 Разложу я воробья на двѣнадцать блюдь,
 Душку, головку въ пирогъ загну,
 Я зашейную часть напередъ пошлю,
 Самаго воробья жарквмъ наряжу.
 Еще кушайко кумѣ, не засаливай уса;
 Не верти кумѣ въ рукахъ, не носи кумѣ домой.

3. Горьлки.

Рѣзвое, милое созданіе — дѣвушка въ 16 лѣтъ — получила завидную долю въ Русской семейной жизни. Краса семьи, утѣха отца и матери, дѣвица красная жила на устахъ молодыхъ и старыхъ. Цѣлый лѣтній день сидѣнья въ свѣтелкахъ, гдѣ только одна необозримая

далъ веселить ее сердце, прискучить всякому, прискучить даже самой старушкѣ. За это самое наши старушки-бабушки предоставили своимъ дѣтямъ самую рѣзвую, милую игру—*Горѣлки*—порхать по лугу съ подругами и молодцами. Любовь, столь безщадно отгоняемая бабушками, вкралась здѣсь. Для ней не существуетъ роковаго: *Нѣтъ!* Во всей Велико-Россіи отдаютъ преимущество этой игрѣ; наши сородичи—отъ поселянна до боярина—равно забавляются Горѣлками. Съ тѣхъ поръ, какъ чужеземщина заплонила нашихъ дѣтей, отбила у насъ воспитаніе Русское, родное, благочестивое, всѣ наши народныя игры опостылѣли людямъ, чуждающимся роднаго языка. Въ современной жизни мы часто слышимъ, какъ Русскія игры называютъ *мужицкими*, тѣ самыя игры, которыя въ старой жизни забавляли Русскихъ, нашихъ предковъ, отцовъ и матерей. Во многомъ, во многомъ потомство будетъ обвинять нашихъ сородичей. Напрасно мы будемъ воображать, что старая Русская жизнь существовала безъ отрады: тогда увеселеній еще было болѣе, и при томъ увеселеній общественныхъ. Правда, тогда не было театровъ; но за то цѣлая площадь, усѣянная народомъ, была свободною для увеселеній, для забавъ, для восторговъ; за то цѣлые двory наполнялись веселыми игроками, которыхъ радушно сзывалъ отецъ

къ своей семьѣ, которыхъ привѣтливо встрѣчала мать, которыхъ ласково принимали дѣти. На площадяхъ веселились люди всѣхъ сословій; здѣсь были игры затѣйливыя, обширныя; на дворахъ забавлялись бояре, люди торговые, болѣе всѣхъ дѣвушки богатыхъ отцевъ. Всѣмъ было весело, всѣ жили раздольно, по Русски.

Горѣлки, называемыя въ другихъ мѣстахъ: *Размуками*, *Разгарами*, отправляются лѣтомъ. *Игра въ Горѣлки* собираются болѣе вечернею порою, на широкой дворъ, или на лугъ, или на улицу предъ домою. Люди молодые, болѣе дѣвицы и холостые мужчины, берутъ первенство въ этой игрѣ. Игроки обрекаютъ одного изъ среды себя, по жребію, *горѣть*—въ должность тяжкую. Всѣ прочіе *спариваются*, т. е. становятся парами, одна за другою. *Горѣльщикъ* становится впереди паръ, неподвижно, не обращаясь ни взадъ, ни впередъ, ни на бокъ. Въ это время игроки разбѣгаются въ разныя стороны. Горѣльщикъ преслѣдуетъ ихъ. Если онъ успѣетъ разлучить ихъ, схватить оплошного, то его должность болѣе не продолжается, или, за свою неудачу, онъ долженъ вновь горѣть, хотя бы игра повторялась до 100 разъ. *Въ игру не безъ обману*—говорятъ старушки — и точно такъ! Сколько хитростей придумано для несчастнаго горѣльщика: его можно обмануть каждую минуту.

Сельская жизнь, соединяя въ этой игрѣ людей разнаго возраста, сблизила завѣтныя тайны любви. Здѣсь *люди молодые, слюбляясь*, смѣло рассказываютъ всѣ сердечныя тайны, не смотря на то, что старики, со всѣхъ сторонъ, сторожатъ ихъ забавы.

---

4. МЫШКА.

Мышка составляетъ домашнюю вечернюю игру дѣтей и взрослыхъ, увеселеніе, повсюду употребляемое въ Велико-Россіи. Съ давнихъ временъ, говорятъ старушки, установленъ въ этой игрѣ *нечетъ*, по которому приходится насчитывать игроковъ—*троихъ, пятерыхъ*. Если нечетъ состоитъ изъ троиухъ игроковъ, то двое становятся по угламъ, представляя каждый изъ себя *мышку*. Третій, признанный по жребію—*водыремъ*, обязанъ ходить по угламъ, и говорить: «*Мышка, мышка! продай уголокъ?*» Въ волѣ всякой мышки находится продавать ли свой уголь, или удерживать за собою? Если водырь услышитъ: «*не продаженъ*» — звукъ довольно для него тягостный, то онъ долженъ переходить къ другому углу. Когда же здѣсь отвѣтятъ на его вопросъ: «*обернись задомъ*» — онъ тотъ-часъ обертывается къ этимъ угламъ задомъ, и, едва касаясь ногами пола, готовъ, при первомъ шорохѣ, летѣть въ чужой уголокъ.

локъ. Мышка, рѣшившаяся продать свой уголокъ, должна имѣть проворство самое отважное, должна быть увѣрена въ готовности своей сосѣдки, также готовой перемѣниться съ нею углами. Внимательный водырь всегда успѣваетъ захватить уголь. Мышка, прогулявшая свое мѣсто, принимаетъ на себя должность водыря, а съ этимъ вмѣстѣ начинается опять та же игра—*Мышка*.

5. Безъ соли соль.

Безъ соли соль есть любимая игра городскихъ дѣвушекъ, управляемыхъ въ своихъ забавахъ пожилыми нянюшками. Эта игра выказываетъ какую-то игривость предковъ, теперь намъ непонятную.

Дѣвушки, собравшіяся въ *досужій часъ портъзвиться*, мечутъ жеребьи: *кому сидѣть*. Среди широкаго двора, или обширной поляны, садятся двѣ дѣвушки, одна противъ другой, съ протянутыми ногами. Всѣ прочія *столпяются* на одну сторону. Старушка, распоряжающая игрою, наблюдаетъ, что бы сидящія дѣвушки имѣли руки сложенными за спиною, а глаза зажмуренными. Дѣвушки идутъ одна за другою чрезъ ноги сидящихъ, приговаривая: «*Безъ соли соль*.» Сдѣлавши три перехода, останавливаются. Въ это время передняя дѣвушка, съ быстротою

молніи, перескакиваетъ чрезъ ноги сидящихъ, а за нею и всѣ другія. Часто случается, что сидящія ловятъ дѣвушекъ на всемъ ихъ лету. Отъ этой проворности заводятся споры, споры кончатся ссорами, ссоры переходятъ въ брань и слезы. «Онѣ поймали меня отъ того—говорить огорченная, что смотрѣли глазами, и прямо мѣтили въ меня.» Добросовѣстная побѣдительница всегда бываетъ уступчива; однѣ только вздорныя спорять. *Пойманная* дѣвушка садится на мѣсто побѣдительницы—и игра начинается снова.

6. Жмурки.

Жмурки, или *Слѣпой козель* есть игра домашняя, игра дѣвушекъ и молодыхъ мужчинъ, въ большія землія вечера. Дѣвушки, съ завязанными глазами, какъ бы лишеныя зрѣнія, стараются болѣе *поддаваться* въ руки любезныхъ, молодыхъ мужчинъ, а о мужчинахъ и говорить нѣчего. Влюбленные, подъ видомъ оплошности, только одни и играютъ во весь вечеръ эту игру, тогда какъ другія только посмѣиваются ихъ незнанію прятаться отъ поисковъ Козла. Нѣтъ сомнѣнія, что эту игру изобрѣла любовь: вѣдь наши предки любили не хуже насъ.

Игроки, Слѣпаго Козла, обреченнаго въ это званіе по жеребью, подводятъ съ завязанными

*

глазами, къ запертой двери, гдѣ онъ начинаетъ стучать. Игроки спрашиваютъ: «*Кто здѣсь?*» Его отвѣтъ: «*Слѣпой Козель.*» Тогда одинъ изъ отважныхъ игроковъ подходитъ къ Козлу и говоритъ:

Слѣпой Козель!
 Не ходи къ намъ ногой;
 Поди въ куть,
 Гдѣ холсты ткуть,
 Тамъ тебѣ холстикъ дадутъ.

Козель, недовольный симъ отвѣтомъ, начинаетъ бить въ дверь ногами. Игроки снова спрашиваютъ: «*Кто здѣсь?*» Слышанъ отвѣтъ: «*Аванась!*» Тогда всѣ игроки говорятъ:

Аванась!
 Не бей насъ.
 Аванась!
 Ходи по насъ!

Съ послѣднимъ словомъ отважный игрокъ ударяетъ ладонью Козла по спинѣ и бѣжитъ прочь. Обиженный начинаетъ искать виноватаго по угламъ, по столамъ, стульямъ. Всякой, пойманный Козломъ, считается виноватымъ, и за свою оплошность долженъ играть Слѣпаго Козла.

7. Кулочки.

Игра Кулочки также принадлежитъ къ числу тѣхъ домашнихъ увеселеній, въ коихъ лю-

бовъ нашихъ предковъ успѣла скрыть себя отъ укоризненныхъ очей. Какъ игра домашняя, болѣе зимняя, она всегда считается возможнымъ; въ ней участвуютъ и мужчины и дѣвѣцы, говорятъ тайно, что хотятъ, идутъ прятаться также вмѣстѣ, и никто ни кого не думаетъ подозрѣвать. Всѣ говорятъ одно: *«этого требуетъ игра»* и всякое сомнѣніе уничтожается.

Одинъ изъ игроковъ садится въ уголь—*кулюкать*; другіе закрываютъ ему лице, глаза, всего самага—платками, разными платьями, а онъ скороговоркою причитываетъ:

Кулю, кулю—баба!
 Не выколи глаза,
 Сынъ подѣ окошкѣмъ,
 Свинья подѣ лукошкѣмъ.
 Пора, что ли?

Въ это время, всѣ другіе игроки скрываютъ себя во всѣ возможные, незамѣтные мѣста. Когда же услышатъ: *«Пора что ли?»* Отвѣчаютъ ему только: *«Нѣтъ!»* Снова начинается кулюканіе, снова вопросъ: *«Пора, что ли?»* снова отвѣтъ: *«Нѣтъ!»* Это продолжается до трехъ разъ, а иногда и болѣе, пока всѣ игроки успѣютъ скрыться. Не получая отвѣта на свое: *«Пора, что ли?»* Онъ отправляется въ поискъ. Первый, отысканный имъ, долженъ смѣнять его. Часто случается, что играющіе по ненависти къ Ку-

мужья заставляют его отыскивать всёхъ до одного.

8. Сорока.

Сорока, какъ игра дѣтская, увеселяетъ только дѣтей и матерей, и свято соблюдается въ семейной жизни. Эта игра вводится тогда, когда колыбельныя пѣсни смѣняются играми.

Мать или няня беретъ руку дитяти, водить своимъ указательнымъ пальцемъ по его ладони. Нетерпѣливое дитя, приученное къ этой игрѣ, стоитъ въ радостномъ томленіи, а нѣжная мать говорить:

Сорока, сорока,
Кашу варила,
На порогъ поскакнвала,
Гостей посматривала:
Не ѣдутъ ли гости?
Не везутъ ли гостинцы?
Прѣехали гости,
Привезли гостинцы.

Послѣ этаго дѣйствіе игры переносится съ ладони на пальцы. Указывая на каждый изъ нихъ, говорить:

Этому кашки,
Этому бражки,
Этому пивца,

Этому аница,
 А этому не достало.
 Поди тамъ,
 Есть колодець
 Напейся водицы.

Потомъ, указывая на ладонь, говорить:

Туть пень,

) Показывая на мѣсто кисти—

Туть колода,

Подвигаясь къ локотному сгибу—

Туть мохъ,

Приближаясь къ подмышкѣ—

Туть болото,

\ Щекоча подъ мышкою—

Туть студеная водица.

Смѣхъ дитяти, ласковые поцѣлуй нянюшки, нѣжность маменьки оканчиваютъ игру.

9. Веребочка.

Веребочка, старинная свадебная игра, увеселяетъ на *сговорахъ* людей женатыхъ и семейныхъ, на *посидѣлкахъ* и *молодегникъ* дѣвушекъ, однихъ, безъ мужчинъ. Но это было прежде; нынѣ забавляются веревочкою безъ разбора всѣ свадебныя *сговоридики*.

Сваха вноситъ въ *горницу веревочку*, концы которой *сватъ* или *дружка* завязываетъ однимъ

узломъ. Игроки *хватаются* за эту веревку обѣими руками составляя изъ себя кругъ около ея. Въ средину круга становится свать или сваха для *загину*. Обходя кругомъ всѣхъ, сваха—кому говорить *красное слово*, кому *поеть приказку*, или *заводитъ* сказку, стараясь высказать въ ней характеры сговорщиковъ. Ея словамъ, хотя иногда довольно обиднымъ, отвѣчаютъ похвалою, улыбкою и добрымъ молодецествомъ. *Круговой*—такъ называютъ свата, стоящаго въ срединѣ игроковъ, среди *роказней*, замѣчаетъ: кто смотритъ по сторонамъ, и, подкарауливъ, тотъ-часъ бьетъ его по рукѣ. *Оплошный* становится въ кругъ, при всеобщемъ смѣхѣ, и заводитъ свои *роказни*. Иногда, вмѣсто *побасенокъ*, игроки поютъ свадебныя пѣсни. Игра оканчивается по желанію игроковъ.

10. Сѣрый Волкъ.

Сѣрый Волкъ, игра олицетворенная, носить на себѣ отпечатокъ древности. Волкъ, выражая собою нарушителя увеселеній, есть лице семейное изъ старой Русской жизни. Не выражалось ли этимъ олицетвореніемъ въ семействѣ строгое взысканіе старѣйшинъ? Время все скрыло. Предъ нами осталось одно: игра Сѣрый Волкъ.

Въ игрѣ Сѣрый Волкъ участвуютъ только дѣти. Кто нибудь изъ нихъ, по жеребью, играетъ

Волка, а всѣ прочіе *Дѣтوکъ*. Волкъ, поджавъ руками лице, сидитъ сгорбившись на бугоркѣ и молчитъ. Дѣтки щиплютъ передъ нимъ траву, и, всѣ вмѣстѣ, скороговоркою причитываютъ:

Щипу, щипу по ягоду,
 По черную смородинку;
 Батюшкѣ въ ставчикѣ,
 Матушкѣ въ рукавчикѣ,
 Сырому волку,
 Травки на лопату,
 Дай Богъ умыться,
 Дай Богъ убраться,
 Дай Богъ бѣжать!

Съ послѣднимъ словомъ дѣтки встаютъ, бросаютъ въ Волка траву и бѣгутъ. Волкъ обиженный долею, бросается за дѣтками. Дѣтки разными *увертками* обманываютъ Волка, а онъ, своею хитростью, ловитъ ихъ. Пойманный играетъ *Съраго* Волка.

41. Первенчики.

Первенчики, игра дѣвушекъ, невестъ есть, въ полной мѣрѣ, игра отъ нѣчего дѣлать. Встарь, наши бабушки не любили гулять по проспектамъ и бульварамъ, которыхъ тогда и не бывало, а сживали съ своими внуками въ

свѣтелкахъ и вышкахъ. Когда въ праздничные дни все покоилось, затворницамъ надобно было дать какое нибудь занятіе — и вотъ наши бабушки обучили своихъ внучекъ *Первенникамъ*. Спасибо бабушкамъ и за это утѣшеніе.

Четыре и болѣе дѣвушекъ садятся на полу, въ кружекъ. Каждая изъ нихъ кладетъ на колѣни къ одной по два пальца. Тогда старшая начинаетъ скороговоркою *поговаривать*:

Первенчики,
Друженчики,
Трынцы,
Волынцы,
Поповы
Ладынцы,
Цыкень,
Выкень.

Произносилъ каждое изъ этихъ словъ, она указываетъ на одинъ изъ протянутыхъ пальцевъ, и на которой *достается* слово *выкень*, тотъ палецъ и *выкидывается*. Внимательныя дѣвушки успѣваютъ прятать свой палецъ прежде, нежели будетъ произнесено роковое: *выкень*. Отклоня такимъ образомъ приговоръ, онѣ мучатъ дѣвушку надъ одною очередью часа по два и болѣе. Знающіе эту игру въ одну очередь успѣваютъ отсчитывать всѣ пальцы, и чьей останется одинъ палецъ, та должна и начинатьъ игру.

Старушки рассказываютъ, что въ этой игрѣ дѣвушки часто засыпали вмѣстѣ съ своими бабушками. Вѣрно имъ бѣднымъ было усладительно!

12. Камушки.

Камушки есть игра лѣтня, занимающая собою всегда дѣвицъ по полднямъ, рѣдко вечерами. Вѣроятно, что и эта игра изобрѣтена бабушками; она такъ скучна, что утомляетъ собою самую бодрую дѣвицу. Въ Тулѣ, на Оружейной Сторонѣ, цѣлыя семейства сидятъ по улицамъ *кружками*, занимаясь усердно камушками. Тамъ, въ Гончарской слободѣ, поставляется въ достоинство играть удачно въ эту игру, а знаніе ея ставилось на ровнѣ съ женскими искусствами. Замѣчательно одно: въ позоръ и въ поношеніе ставили мужчинъ, когда онъ игралъ въ камушки. Укоризненные слова, произносимыя дѣвушками, выражаютъ какую-то зависть.

Сбираясь играть въ камушки, дѣвушки приносятъ съ собою по пяти глиняныхъ камушковъ, гладкихъ, округленныхъ, росписанныхъ разными красками. Эти камушки продаются въ числѣ другихъ товаровъ на городскихъ ярмаркахъ. Голышевыя камушки считаются роскошью: ихъ приносятъ въ подарки богомольщи-

ки изъ Кіева и Ростова. Готовыя играть по двое и болѣе сутокъ, двѣицы садятся у воротъ кружками, и причитываютъ: «*Уговорецъ, родной братъ естъмъ дѣламъ.*» Чудное дѣло: это родъ какой-то клятвы, свято хранимой дѣвушками. Вотъ онъ:

Чуръ!
Играть,
Не воровать,
Безъ вороху,
Безъ промаху,
Безъ щелку.

Камушки есть игра самая многосложная. Раздѣляясь на нѣсколько *пріемовъ*, она имѣеть особенныя дѣйствія. Первой пріемъ называютъ: *пять просфоровъ*, второй *четыре просфора*, третій *три просфора*, четвертый *два просфора*, пятый *одинъ просфоръ*, и послѣдній—*отбиваться*.

Дѣвушки, играющія въ пять просфоровъ, берутъ въ правую руку всѣ пять камней, изъ коихъ одинъ бросаютъ вверхъ, а другіе четыре кладутъ на землю, и, въ тотъ же мигъ, ловятъ на лету брошенный вверхъ камень. Потомъ опять бросаютъ вверхъ этотъ же камень, схватываютъ съ земли прежніе четыре, и съ ними подхватываютъ на лету брошенный вверхъ камень. Это дѣйствіе дѣвушки называютъ: *просфоръ*. Добродушные Греки—кто васъ

здѣсь не узнаеть! Вы, изгнанные изъ Царя града, несли на Западъ Европы всю ученость Еллинскую, избѣгая побоевъ Мусульманъ, а къ намъ являлись съ камушками, хотя наши дѣды выкупали ваши подарки дорогою цѣною! Второе дѣйствіе этаго же приема называютъ: *Тройки*. Здѣсь одинъ камушекъ бросаютъ вверхъ, а другіе раскидываютъ такъ, что бы одинъ ложился въ сторону, а прочіе три вмѣстѣ. Игральщицы бросаютъ вверхъ одинъ камень, потомъ схватываютъ съ земли одинъ и ловятъ брошенный; далѣе снова бросаютъ вверхъ, схватываютъ съ земли три камня и ловятъ брошенный. Третіе дѣйствіе этаго приема называютъ: *Двойки*. Здѣсь одинъ камень бросается вверхъ, другіе же раскидываются по парно, и схватываются точно также, какъ въ первомъ дѣйствіи. Четвертое дѣйствіе называется: *Одинаки*. Здѣсь одинъ камень бросается вверхъ, всѣ прочіе разбрасываются порознь, и точно такимъ же образомъ схватываются, какъ въ прежнихъ дѣйствіяхъ.

Приемъ *четыре просфора* отличается отъ перваго тѣмъ, что въ этомъ вмѣсто того, чтобы бросать пять разъ боевой камень вверхъ, бросаютъ только четыре. Прочее все остается то же.

Приемъ *три просфора* отличается отъ втораго тѣмъ, что здѣсь боевой камень бросается вверхъ только три раза. Прочее все то же.

Приемъ *два просфора* состоитъ въ двукратномъ бросаніи камня вверхъ. Все прочее сходно съ другими приемами.

Приемъ *одинъ просфоръ* заключается только въ одновременномъ бросаніи камня вверхъ.

Отбиваться составляетъ особенный, окончательный приемъ игры. Здѣсь дѣвушка за одинъ *присѣсть* должна бросить двадцать разъ камень вверхъ и двадцать разъ схватить его на лету, не считая уже просфоровъ.

Если въ игрѣ этихъ приемовъ дѣвушка сдѣлаетъ *промахъ*, или не осторожно зацѣпитъ за другой камень, то лишается права играть далѣе. Сосѣдка вмѣсто ея начинаетъ *по новую* свою игру.

Въ игрѣ счастливой, удачной, завистливья дѣвушки стараются развлечь вниманіе своей *подруги*; онѣ разными приговорами *подкрикиваютъ* подъ руку. Игральщица негодуетъ, руки трясутся, камни падаютъ. Проигрышъ производитъ невыносимую досаду, ссоры, *упреки*. Ссоры всегда оканчиваются прекращеніемъ игры и становятся предметами раздора многихъ семействъ. Для любопытныхъ выписываемъ приговоры, приводящіе игроковъ въ неистовство, а семейства въ многолѣтніе раздоры:

Кума тарара!

Не съзжай со двора,

Съѣдешь, потужишь,
Домой не прїѣдешь.

Гуси-лебеди летѣли,
Черезъ камушки глядѣли.
Либо ворохъ, либо промохъ,
Либо отщелкъ.

Бара барашки,
На сивой кудряшки,
И туды и сюды,
И вздѣ и впередъ,
Идутъ, скачутъ,
Съ печи не слѣзутъ.
Стой! Стой! Стой!

Не бывать,
Не видать,
Чужой доли не ѣдать;
Приходили,
Прилетали,
Камни растеряли.

У! взяли, взяли.
Ни туды, ни сюды;
Вотъ не такъ,
Вотъ ни слѣкъ,

Ни на право, ни на лѣво;
 Бухъ, бухъ,
 Камень вдругъ!
 Полетѣли въ куть:
 Э! что взяли?
 Э! что взяли?

13. Захарка.

Захарка, игра дѣтская, веселить дѣтей и *изъ ума выжившихъ старушекъ*. Не имѣя ни одной самобытной идеи, она за то и не выражаетъ ни одной любопытной черты изъ семейной жизни. Кажется, что она родилась въ селеніяхъ Русскихъ, гдѣ зимними вечерами хижины поселянъ освѣщаются горящими лучинами. Можетъ быть, предки имѣли свою цѣль, изобрѣтая эту игру, теперь намъ непонятную. Отъ того мы въ ней теперь видимъ какую-то безотчетливость, указывающую прямо на дѣтскія шалости и на неосторожную беззаботность дряхлѣющихъ людей.

Старушка въ семействѣ, желая *потѣшить* дѣтей, беретъ пукъ лучины, сажаетъ ихъ около огня и каждому дитяти даетъ по лучинѣ. Дѣти зажигаютъ концы лучинокъ, махають ими по воздуху, приговаривая за старушкою:

Гори, гори жарко!
 Пріѣхалъ Захарка,
 Самъ на тележкѣ,

Жена на кобылкѣ,
 Дѣтки на савкахъ,
 Въ черныхъ шапкахъ.

Всѣ эти слова повторяются до тѣхъ поръ, пока сторгать лучины, или пока крикъ дѣтей, обозженныхъ лучинами, произведетъ порядочную суматоху. Въ селеніяхъ бабушки для этого только и собираютъ дѣтей въ зимніе вечера въ одну избу *позабавиться Захаркою*.

14. Дергачи.

Дергачи есть игра зимняя, увеселяющая молодежь въ скучные осенніе вечера, въ кругу всѣхъ возрастовъ. Въ этой игрѣ есть много сходнаго съ Жмурками и много отличнаго. *Посмѣяться отъ бездѣлья* — любимая поговорка нашихъ предковъ — кажется, изобрѣла эту игру.

Собирались играть въ Дергачи, игроки садятся по мѣстамъ около стѣнъ, а *Водырь*, обреченный по жеребью, съ завязанными глазами, ходитъ по комнатѣ. Отъ игроковъ требуется: *не сходитъ съ мѣста*. Нарушитель этаго постановленія занимаетъ мѣсто Водыря. Какъ скоро всѣ усѣлись, а это дѣло очень трудное и при множествѣ споровъ едва выносимое для постороннихъ зрителей, начинается игра. Въ одной сторонѣ игроки говорятъ: «Дергъ! Дергъ!» а въ дру-

гой шевелятъ ногами по полу, и если можно, *дергають* Водыря за полы платья. Онъ, ходя по комнатъ, долженъ отгадывать кто говорить: «*Дергъ!*» — назвать по имени того, кто дернулъ за полы. Счастливое открытіе избавляетъ его отъ долгихъ поисковъ. Тогда онъ передаетъ игру *Дергальщику*.

15. Жгуты.

Какая то непостижимая затѣйливость изобрѣла Русскую игру Жгуты, игру *битую*, отъ которой часто игроки дни по три и по четыре лежать битыми и разбитыми на печяхъ. Надобно имѣть отчаянное терпѣніе, чтобы выдержать эту игру. Пускай бы одни мужчины веселились, а то и женскій полъ садится за эту игру съ восторгомъ. Русская жизнь есть еще загадка.

Въ зимніе *долгіе* вечера, когда собираются въ деревняхъ на посидѣлки въ одну избу, затѣвajúть въ это время *жгуты*. Всѣ садятся въ *кружокъ* на полу. Въ срединѣ лежитъ шапка, которую должно доставать игрокамъ съ огорода. За спинами игроковъ ходитъ *Жгутовка* съ жгутомъ, и караулитъ на дорогѣ воровъ. Какъ добрый сторожъ, она весело кричить:

Кому разъ,
Кому два,
Кому ничего.

Едва лишь кто протянетъ руку за шапкою, жгутовка того бьетъ жгутомъ по спинѣ. Кто задремлетъ сидя, она кладетъ за его спиною жгутъ, а бодрый сосѣдъ учитъ его хорошими ударами бодрствовать. Когда пойдетъ кутерьма во время бросанія жгута, жгутовка беретъ шапку и надѣваетъ на когонибудь. *Кого окликнуть* въ шапкѣ тотъ дѣлается жгутовкою. Если же игроки похитятъ съ огорода шапку, тогда, когда каждый изъ нихъ, смотря по сдѣланному условію, *дѣлаютъ расправу* съ жгутовкою нѣсколькими ударами.

16. Чижикъ.

Чижикъ, игра дѣтская, веселитъ дѣтей удачно и печалитъ нечаянными побоями. Основная мысль этой игры проста—утѣшить; но она далеко не достигаетъ своей цѣли. Вообще, всѣ дѣтскія игры сопряжены на Руси съ опасностями, и кажется, что только однѣ колыбельныя пѣсни показываютъ превосходство семейныхъ увеселеній.

Старшій изъ дѣтей очерчиваетъ на полу мѣлкомъ четверугольникъ—*Клѣтку*, въ средину кладетъ камень, на которой по отвѣсу полагается палочка—*Чижикъ*—длиною въ одну четверть. Ктонибудь изъ дѣтей подходитъ съ другою длинною палочкою къ клѣткѣ, бьетъ по Чиж-

*

ку, который отъ удара летитъ вверхъ. Тогда другія дѣти стараются бить чижика на лету, и тотъ остается въ восторгѣ, кто успеетъ загнать его въ клетку. Игра продолжается дотолъ, пока явится кто нибудь изъ игроковъ съ разбитымъ лицомъ, и съ крикомъ начинаетъ доискиваться виноватаго. Но, какъ побои скоро забываются дѣтьми, то и игра Чижикъ скоро возобновляется.

17. Ужище.

Игра Ужище составляетъ самое веселое раздолье поселянъ и поселянокъ Костромской и Тульской губерній. Нигдѣ нельзя видѣть такой Русской *оборотливости*, какъ въ этой игрѣ. Здѣсь желаніе выказать свое удалство подчинять себѣ всѣ движенія, и скачки столь бывають удачны, что превосходятъ всякое вѣроятіе. Глядя на игру Ужище, невольно скажешь, что Русская неустрашимость свыкается со всѣмъ; ей все бываетъ свое, все близкое; она ко всему влечетъ Русскаго мужичка, готоваго спорить своимъ терпѣніемъ со всею природою.

Сбираясь играть *Ужище*, Костромитяне берутъ веревку—Ужище, и толпами отправляются на пустошь. Тамъ, двое держатъ веревку за концы и вертятъ ею кругъ по воздуху. Въ срединѣ ихъ становится третій, и не отходя

съ мѣста, прыгаетъ вверхъ тогда, когда другіе изъ веревки дѣлають круги. Это занятіе издали показываетъ, что человѣкъ стоитъ какъ бы въ кругѣ. Чтобы сыграть Ужище надобно имѣть ловкость своего рода: умѣть во время прыгнуть, умѣть кстати согнуть голову, умѣть присядать. Неопытные возвращаются съ разбитою головою и расшибенными ногами. Больше всего страдаютъ Костромскія ушн.

Въ Тульской губерніи эту же самую игру совершаетъ одинъ мальчикъ, безъ всякаго вреда. Беретъ въ руки коротенькую веревочку, голову сгибаетъ къ колѣнямъ, дѣлаетъ вверхъ прыжки, и въ тоже самое время вертитъ веревку кругомъ себя. Издали эта игра представляетъ видъ обращающагося колеса.

18. Коршунъ.

Какой-то добрый геній внушилъ нашимъ предкамъ Коршуна, игру, любимую всѣми сословіями. Можетъ быть олицетвореніе, переданное въ этой игрѣ, веселитъ Русское сердце. *Коршунъ* — строгій, взыскательный семьянинъ, *Насѣдка* — *сердолобивая* мать, скрывающая всѣ недостатки своихъ дѣтей, *Цыплята* — шаловливыя миловидныя дѣти — вполнѣ выражаютъ старую Русскую жизнь. Основная мысль этой игры есть самобытная: это собственность Русской народности.

Въ хорошій лѣтній вечеръ, когда семейства *столплются* у воротъ, молодежь начинаетъ игру Коршунъ. Безъ затвевъ въ Русскихъ играхъ ничего не бываетъ. Выбираютъ Коршуна съ большими затвями и спорами—всякому хочется *поважничать*, менѣ всѣхъ кричать о выборѣ. *Насѣдки*—это должность тягостная. Всѣ прочіе по неволѣ играютъ изъ себя *Цыплятъ*. Коршунъ сидитъ *одинъ одиначонокъ*, въ отдаленномъ мѣстѣ, въ положеніи довольно любопытномъ. Онъ долженъ со злобою смотрѣть на насѣдку съ дѣтьми, скрежетать зубами, кусать себѣ пальцы, и покрикивать, довольно неудачно, по птичью, какъ коршунъ. Матка подходитъ къ Коршуну, за нею вытягивается длинный рядъ дѣтей. Картина Русская неподдѣльная! Это народъ всѣхъ возрастовъ, это сцѣпленіе существъ, забывшихъ все земное, существъ — игривыхъ, добрыхъ, людей семейныхъ, Русскихъ. Коршунъ роетъ землю; насѣдка *заводитъ* съ нимъ *рты*:

Н. Коршунъ, Коршунъ! Что ты дѣлаешь?

К. Что? Рою землю, да ямку.

Н. На что роешь ямку?

К. Что бы денежку пайдти.

Н. На что тебѣ денежку?

К. Иголку купить.

Н. На что тебѣ иголку?

К. Мѣшечекъ сшить.

Н. На что тебѣ мышечекъ?

К. Соли купить.

Н. На что тебѣ соли купить?

К. Щи посолить.

Н. На что тебѣ щи солить?

К. Одну половину съѣсть, а другою твоимъ дѣтямъ глаза залить.

Н. Фуу! Фуу! За что? Про что?

К. Они мою городьбу разломали.

Н. А какъ высока была твоя городьба?

К. Вотъ смотри: «Коршунъ бросаетъ вверхъ камень такъ высоко, сколько позволяютъ силы.»

Н. Мою городьбу козель бородой достанетъ, да и той они не могутъ разломать.

К. Они буяны. Я ихъ истереблю.

Н. Они мои. Не дамъ. Ши! Ши! Злой Коршунъ! Долой злой Коршунъ! Ши! Ши! Ши!—

Раздосадованный Коршунъ слетаетъ съ мѣста и начинаетъ ловить дѣтей. Насѣдка защищаетъ ихъ, дѣти укрываются за матерью. Шумъ, крикъ, визгъ, бѣганье; всѣ мѣры малосильной Насѣдки противъ похитителя остаются ничтожными. Коршунъ утаскиваетъ дѣтей въ свое гнѣздо. Переловивъ дѣтей, онъ съ ними кидается на насѣдку щипать—за ея строптивый нравъ. Этимъ оканчивается игра.

19. Лапта.

Игра Лапта составляет особенное увеселеніе мужчинъ, преимущественно лѣтомъ. Женскій полъ здѣсь отчужденъ: *всеобщій смѣхъ огласилъ бы дѣвушку* въ глазахъ подругъ, если бы разнеслись объ этомъ вѣсти въ *околодкѣ*. Игру Лапту мы должны отличать отъ всѣхъ другихъ: это особенной родъ какой-то войны, гдѣ проворство, ловкость, быстрота почитаются отличными качествами игрока. Молва народная признаетъ эту игру за старинную, давность которой не запамятна дѣдамъ и прадедамъ. Археографія, при всѣхъ открытіяхъ, ничего не говоритъ о письменахъ, сохранившихъ слѣды игръ. Русская народность сосредоточивалась въ жизни семейной, и измѣнялась только тогда, когда измѣнялась самая жизнь. Въ комъ течетъ Русская кровь, въ комъ бьется Русское сердце, тотъ съ гордостію укажетъ чужеземцу на старую Русскую жизнь, существующую въ быту семейномъ. Конечно, многіе семейства удалились отъ себя много Русскаго стараго; но оно переселилось въ селенія и города, гдѣ еще современныя обновленія не касались семейной жизни, гдѣ измѣненія почитаются святотаствомъ, гдѣ блюдутъ старину, какъ святыню. Вся лестная надежда чужеземцовъ разобрать исторически Русскую народность — доселѣ остается безъ исполненія. Это происходило единственно отъ того, что ду-

малы отыскать народность въ письменныхъ памятникахъ. Простимъ чужеземцамъ за незнаніе нашей Русской жизни. Мы знаемъ, что наши предки записывали только историческія событія; все прочее хранилось въ семейной жизни по обычаю и преданіямъ, изъ рода въ родъ. Пока мы не изучимъ семейной жизни, мы не узнаемъ Русской народности. Самое же изученіе должно совершиться наиподробнѣйшимъ описаніемъ обычаевъ и повѣрій. Безъ этого все будетъ ничтожно; безъ этого всегда исторіи Русскаго народа будутъ безъ общественной Русской жизни.

Игра Лапта, кажется, получила свое названіе отъ деревянной маленькой лапаточки, употребляемой игроками, а *лапта* и *мля* — какъ принадлежности игры составляютъ главные орудія. Чтобы разыграть Лапту, игроки раздѣляются подъ управленіемъ *матокъ* на *два* *половины*, изъ коихъ одна *служить*, а другая *водитъ*.

Прежде всего выбираютъ *матокъ*, послѣ всѣхъ возможныхъ споровъ. Берутъ лапту, плюютъ на ея одну сторону, бросаютъ вверхъ, говоря: *сухаго или мокрога тебѣ надобно?* Если лапта упадетъ на землю стороною сообразно требованію, тогда этаго игрока величаютъ *маткою*. Матки набираютъ свою половину. Игроки рассыпаются въ стороны *для сговариванія*. Подходя по парно къ маткамъ, они заставляють

ее выбирать изъ себя только по условнымъ словамъ, не выражая именно, кому они принадлежать. Это дѣлается для того, чтобы матка не могла *подобрать* свою *половину* изъ лучшихъ игроковъ. Набравши половины, матки начинаютъ метать жребій: *кому служить? кому водить? гдѣ быть чертамъ* для игры?

Половина, обреченная жеребьемъ *служить*, рассыпается по разнымъ мѣстамъ. Одинъ становится у *игральной* черты—онъ долженъ *подавать* мячъ; другой идетъ на *сердовину*—ловить мячъ; третій становится по *ловлямъ*—бокамъ—также ловить мячъ; четвертый караулитъ послѣднюю *коновую* чергу. Первый, что на игральной чертѣ, бросаетъ только мячъ вверхъ игрокамъ; всѣ прочіе, поймавши мячъ, должны бить игроковъ, бѣгущихъ къ коновой чертѣ.

Половина, обреченная по жеребью *водить*, становится въ кружекъ на игральной чертѣ. Одинъ беретъ лапту, и бьетъ ею на лету мячъ. Пробивши, идетъ назадъ. На его мѣсто становится другой, и то же дѣлаетъ. Въ то самое время когда мячъ отъ удара втораго бойца летаетъ по полянѣ, первый боецъ бѣжитъ къ коновой чертѣ, избѣгая всячески, чтобы ловильщики не *поймали* его ударомъ этаго мяча. Если это случится, игра кончается.

Каждая половина обязана въ строгости исполнять свои условія.

Половинъ служить вмѣняется: подавать мячъ бойцу только до трехъ разъ, если онъ не успѣваетъ его подбивать лаптою; стараться мячъ ловить на лету: въ этомъ заключается польза всей половины—*передача служить*. Если не успѣютъ поймать мячъ на лету, то стараются схватить его какъ можно скорѣе и бить имъ бѣгущихъ игроковъ.

Половинъ водить вмѣняется: бить по мячу лаптою нѣсколько вкось, и какъ можно сильнѣе: отъ этаго зависитъ неудача ловильщиковъ. Бѣжать отъ черты до черты скорѣе; не поддаваться мячу; въ неудачахъ обращаться назадъ, пока ловцы передадутъ подавальщику мячъ. Если боецъ получить мячемъ ударъ на чертѣ, то это считать *не въ почетъ*; ударъ на дорогѣ заставляетъ принимать передачу.

20. Пыжъ.

Пыжъ, игра опасная, служить лѣтнимъ увеселеніемъ для мальчиковъ. Эта игра, отпечатокъ какого-то боя, вѣроятно, занесена къ намъ сосѣдами. Не Татары ли принесли этотъ гостинецъ нашимъ дѣтямъ?

Выходя на лугъ или пустошь, мальчики вооружаются палками, длиною въ 12 вершковъ, довольно толстыми. Для кона очертывается четверугольное мѣсто, въ срединѣ котораго ста-

новится *Пыжь*, палочка отрубленная въ 3 вершка длиною. Въ этой игрѣ участвуютъ *игроки* и *вожатый*. Выборъ въ *вожатые* производится по особенному жеребью: каждый игрокъ долженъ взять въ правую руку свою палку, а въ лѣвую пыжь; потомъ, бросивъ на палку пыжь, начинаетъ *каковать*, и тотъ, кто сдѣлаетъ больше ударовъ палкою о пыжь, остается игрокомъ, а кто меньше всѣхъ, тотъ *вожатымъ*.

Игроки становятся на одну сторону — на *черту*, условленную отъ кона. Вожатый отходить въ сторону. Игрокъ бросаетъ палку въ пыжь, а вожатый бѣжитъ за пыжемъ, чтобы не допустить игрока взять палку и скорѣе воротиться къ кону. Въ этой игрѣ соблюдаются свои условія:

Игрокъ долженъ такъ сбивать пыжь, что бы онъ не оставался въ четверугольникъ, а летѣлъ въ сторону. Нарушающій это условіе — дѣлается вожатымъ.

Сбивши пыжь, игрокъ долженъ бѣжать за своею палкою, чтобы поднять ее и возвратиться къ кону до приходу вожатаго; если онъ не надѣется сдѣлать этаго, то долженъ отбрасывать палку на дальнѣе разстояніе, и выжидать счастья.

Вожатый не долженъ допускать къ кону игрока съ палкою; онъ долженъ скорѣе бросить на конъ пыжь.

Вожатый долженъ замѣчать: кто изъ игроковъ, послѣ пробитія, возвращается *на черту отъ кона не обмочивши палку въ четверугольникъ?*

Выжидающій счастья игрокъ не долженъ брать палку прежде пробитія другаго, а иначе онъ сдѣлается вожатымъ.

Если всѣ игроки не успѣютъ сбить съ кона пыжь, тогда вожатый беретъ его изъ четверугольника, отмѣряетъ шаги по условію, и бросаетъ его въ палки. На чью палку упадетъ пыжь, тотъ сдѣлается вожатымъ.

.Если бы кто изъ игроковъ задумалъ спорить, то изъ него *выжимаютъ масло*. Это дѣлается такъ: одинъ изъ игроковъ прижимаетъ спорщика къ себѣ, а другой къ себѣ — палками. Спорщикъ сквозь слезы соглашается продолжать игру.

При *Чакваніи* пыжемъ, игрокъ долженъ говорить:

Чаки, чаковочки,
Маковы головочки,
Малечина, Калечина,
Сколько часовъ
До вечера, до змняго.
Разъ, два, три (и дагье).

21. Свайка.

Игра Свайка, кажется, одолжена своимъ бытіемъ Тульской оружейной слободѣ, живущей отдѣльною сферою отъ всѣхъ другихъ сословій, имѣющей свой особенной выговоръ словъ, свои привычки, не замѣтныя въ другихъ мѣстахъ; свои увеселительныя занятія, недоступныя другимъ людямъ. Въ рѣдкихъ мѣстахъ другихъ губерній можно слышать объ этой игрѣ.

Игроки запасаются для этой игры: *Свайкою*, орудіемъ сдѣланнымъ изъ желѣза въ видѣ острого гвоздя, съ толстою головкою, вѣсомъ отъ 1 до 20 фунтовъ, и *кольцомъ желѣзнымъ*. Въ Тульѣ игроки собираются у воротъ, и избравши мягкое мѣсто, начинаютъ игру. Вся игра заключается въ условленныхъ приемахъ:

Бросать свайку такъ, что бы она прямо упала въ центръ кольца, или, воткнувшись въ землю, оттолкнула бы его на дальнее разстояніе.

Свайка, воткнутая въ землю съ ударомъ о кольцо—считается за одинъ разъ, въ самое кольцо за два раза, а если она отбросить его далеко, тогда пространство отъ свайки до кольца измѣряется *пирогами*—пяденю.

Если свайка попадетъ въ кольцо и съ нимъ упадетъ не воткнувшись въ землю, тогда игрокъ лишается всѣхъ выигрышей. Эту неудачу игроки называютъ: *захлбнулся, хомутъ на отца надгль*.

Выигрышъ считается до десяти и болѣе разовъ, смотря по сдѣланному условію, и кто ихъ болѣе сдѣлаеть—говорять: *вышелъ*. Но, кто не сдѣлаеть десятка, тогда какъ другіе *вышли*, долженъ *подавать свайку*.

Подавать свайку—значить—каждому игроку онъ долженъ, какъ виноватый, подавать это орудіе до десяти разъ, а тотъ, какъ ему только лучше, беретъ за свайку, и глубоко вбиваетъ въ землю. Если игрокъ послѣ подачи попадетъ въ кольцо, тогда проигравшійся снова долженъ подавать свайку до тѣхъ поръ, пока всѣ игроки пробьютъ *уреченные разы*, пока никто изъ нихъ не попадетъ въ кольцо.

Проигравшійся подвергается большимъ насмѣшкамъ. Ему говорятъ: *масло потекло*—когда онъ отъ большихъ усилій запотѣеть; *шильцо къ билъцу подползло*—когда онъ не можетъ вытащить свайку, глубоко забитую въ землю; *потѣй братъ, до звезды говѣй, а леца подавай*—когда онъ выбьется изъ силъ и отказывается отъ игры; *не тюрюкай тюрю, проползай въ нору*—когда онъ беретъ щепку или что нибудь другое для раскапыванія земли вокругъ свайки; *сбыль блду, какъ сосѣдову жесну*—когда окончить свои труды. Глубоко вонзившаяся въ землю свайка называется: *рѣдъкой*.

---

22. Агáрушикъ.

Всматриваясь въ игру Агáрушикъ, (Огарышекъ?) мы невольно робѣемъ за дѣвиць старой Русской жизни. Зависть, злая утѣха пожилыхъ и некрасныхъ дѣвиць, кажется, изобрѣла эту игру. Дѣвицы, собираясь играть въ Агáрушикъ, напередъ обрѣкають для себя *посмѣшище*—тихихъ, скромныхъ, сиротливыхъ подругъ. Видно, что интриги и въ старину волновали сердца нашихъ бабушекъ.

Молодыя дѣвицы и женщины сходятся играть на пустошь передъ вечеромъ. Садясь въ кружекъ одна подлѣ другой, выбираютъ изъ среды себя разскащицу, по большей части изъ богатыхъ, которая, обхаживая ихъ, приговариваетъ:

За черема,
За берема,
За стараго,
Петръ,
Петровиць,
Егорычь,
Труса,
Пеня,
Князь.

На которую достается слово: «*Князь*», та выходитъ изъ *сѣдалокъ*. Разскащица снова обхо-

дять *стдаложь* съ присказкою, пока останется одна, съ которою она должна говорить по очереди. И та, которая изъ нихъ послѣдняя произнесетъ: «*Клязь,*» бѣжитъ. Подруги оставшюся величаютъ:

Агáрушикъ!
 Черной камушикъ,
 Неназдушикъ,
 А послѣдушикъ.
 Агáрушикъ!

Дѣвица—Агáрушикъ, осмѣиваемая игроками, бѣгаетъ за ними, и ловить ихъ. Пойманная дѣвица дѣлается помощницею ловли. Въ волѣ игроковъ бываетъ: переловить ли всѣхъ, или только двухъ?

23. ВѢТЧИНКА.

Игра Вѣтчинка олицетворяетъ собою какое-то народное поученіе. Не хотѣли-ли этою игрою наши предки отучить молодежь отъ похищенія? Если она введена была въ старую Русскую жизнь съ этою нравственною цѣлю, то мы должны имѣть высокое понятіе о семейной жизни нашихъ предковъ.

Въ этой игрѣ молодежь прежде всего вбиваетъ въ землю *кольшекъ* и къ нему привязы-

ваетъ *веревочку*, длиною до 2 м' болѣе аршинъ. Около колышка кладутъ разныя старыя вещи. Въ деревняхъ употребляютъ для этаго всегда старыя лапти. *Водырь*, обреченный по жеребью *водить*, беретъ въ одну руку веревку, а въ другую пруть. Игроки, подходя къ Водырю, спрашиваютъ:

ИГРОКИ. Поспѣла ли Вѣтчинка?

ВОДЫРЬ. Нѣтъ!

И. Поспѣла ли Вѣтчинка?

В. Нѣтъ!

И. Поспѣла ли Вѣтчинка?

В. Кипить!

И. Поспѣла ли Вѣтчинка?

В. Кипить,
Шевелить,
Продаваться
Велить.

Съ послѣднимъ словомъ начинается расхищеніе Вѣтчинки. Водырь, вытянувши веревку, старается *изловить* похитителей прутомъ. Если кто получитъ ударъ, тотъ заступаетъ мѣсто водыря. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока игроки растаскаютъ всю Вѣтчинку. Когда же не будетъ *открыто до прѣма* похитителей, а Вѣтчинка *невѣдомо кѣмъ* растаскана, тогда *послѣдуетъ порушаніе водырю* — наказаніе. Всѣ игроки берутъ по пруту, становятся въ два

ряда. Водырь бѣжитъ по ширинкѣ, преслѣдуемый игроками. Пощады въ этой игрѣ никогда не бываетъ.

24. Сучка.

Игра въ сучку, вѣроятно, ввели наши предки съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы приучить дѣтей своихъ къ борьбѣ со врагомъ. Здѣсь все говорить о войнѣ. *Яма* изображаетъ собою городъ, *лунка* — жилище, *игроки* — жителей, защищающихъ свою собственность, *палки* — оружіе вообще, *вожатый* — непріятеля, *сучка* — какое-то орудіе непріятельское. Не много Русскихъ игръ, которыя бы выражали такъ отчетливо защиту собственности отъ пришельца, какъ эта.

Игроки выкапываютъ на пустоши *яму*, глубиною въ пол-аршина и столько же въ поперечникѣ. По краямъ ямы каждый игрокъ выкапываетъ для себя маленькую ямку — *лунку*. Игроки всѣ должны быть вооружены палками, длиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Выкапываніе ямы и ямокъ совершается безъ домашнихъ орудій. Двое изъ игроковъ *скрещаютъ* къ землѣ палки, и кружатся до тѣхъ поръ, пока концами палокъ выроютъ яму. Для игры готовятъ еще маленькой чурбачекъ — *Сучку*. Вся эта игра, заключающаяся въ нападеніи и за-

*

щитъ, состоитъ въ строгомъ соблюденіи правилъ своего рода *:

Для избранія вожатаго игроки ставятъ палку на ногу, и потомъ бросаютъ ее съ ноги въ даль, какъ козаки пику. Чья палка ляжетъ дальше, тотъ игрокъ, а чья ближе, тотъ вожатый.

Игроки обязаны стоять у своихъ лунокъ, съ опущенными въ нихъ палками.

Вожатый стоитъ на условной чертѣ, бросаетъ въ яму сучку, говоря: «всы!»

Игроки отбиваютъ сучку на условленной чертѣ палками. Этотъ отбой они называютъ: *каковка!*

Если вожатый такъ будетъ счастливъ, что съ перваго разу попадетъ въ яму, то онъ смѣняется другимъ.

Если игроки *не дадутъ вожатому на лету каковки*, и въ это время кто нибудь изъ нихъ побѣжитъ отъ лунки отбивать сучку, тогда вожатый въ правѣ занять чужую, пустую лунку, и быть игрокомъ.

Игроки изъ состраданія смѣняютъ вожатаго, если онъ, по неловкости своей, бываетъ причиною долгой игры. Это называется: *выпущалкою*.

---

* Въ Троицк. лѣт. подъ годомъ 6898: «Тое же зимы по Рождствѣ Христова на третій день Осей Кормилчичъ Князя Великаго поколотъ бысть на Коломнѣ въ игрушкѣ.» (См. Ист. Кар. т. V. прим. 251.) Не была ли это игра, приводимая нами? Карамзинъ говорить, что предки наши, подобно другимъ Европейцамъ, имѣли рыцарскія игры. Едва ли эта игра есть рыцарство?

25. Яша.

Свободные люди въ селеніяхъ съ большимъ удовольствіемъ посвящаютъ время игрѣ *Яша-Молодчики, красныя молодушки, спынныя дѣвушки* только допускаются въ эту игру; старики, старушки, дѣти стоятъ и радуются на *потѣху дѣвушекъ*. Люди опытные замѣчаютъ, что изъ этой игры *невидимо какъ-то стряпаются свадьбы къ Великоденскому мясопду*.

Яшу разыгрываютъ почти всегда осенью, иногда и весною, на лугу. Яша, избираемый всегда изъ молодчиковъ, садится на землю; кругомъ его игроки, схватясь рука съ рукою, ходятъ и приговариваютъ:

Сиди, сиди Яша,
 Въ ракиновомъ кустѣ;
 Грызи, грызи Яша
 Орѣховы зерна.
 Лови себѣ Яша,
 Кого тебѣ нада;
 Лови дѣвку
 За русую косу,
 Лови красну
 За алую ленту.

Игроки, проговоривъ, разбѣгаются. Яша встаетъ и выбираетъ себѣ дѣвицу съ русою косою, съ алою лентою. Игроки, окруживъ Яшу начинаютъ смѣяться надъ его выборомъ, приговаривая:

Выбралъ себѣ Яша
 Рябую кукушку;
 Выбралъ себѣ Яша
 Черную кошку.
 Уѣзъ! черную кошку!

27. Б а б к и.

По милости Грековъ Русскіе обучились играть въ бабки. Древняя игра Астрагалосъ (Ἀστραγάλος) приняла у Русскихъ свое значеніе, и переназначена въ разные приемы. Въ Русской семейной жизни эта игра занимаетъ самое почетное мѣсто, и нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы она не существовала. Разнородность игры, своемѣстныхъ названій выказываютъ вполнѣ изобрѣтательность нашихъ предковъ усваивать себѣ чужое.

Въ игрѣ Бабки Русскіе употребляютъ надкопытную говяжью кость, которая по городамъ и селамъ составляетъ особенный родъ промышленности мальчиковъ. При продажѣ они считаютъ бабки: *гнъздами* — по двѣ кости, *шестерами* — по шести костей, *битками* — самую большую бабку, *свингатками* — бабки, налитыя свинцомъ для тяжести и ловкости, *чугунками* — вылитыя изъ чугуна на подобіе бабокъ, *кудахками* — обтесанныя костяныя бабки для особенной игры. Самыя игры бабокъ раздѣляются на

безчисленные виды. Исчисляемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Конь за конь. Игроки ставятъ на ровномъ мѣствѣ по гнѣзду на битку. Потомъ опредѣляютъ условное разстояніе—*коны*. Кому прежде начинать игру—*бить* и кому послѣ, о томъ мечутъ жеребья. Для этаго игроки бросаютъ въ верхъ бабки, съ особенными уловками—*выстилкою*. Если бабка, упавшая на землю, ляжетъ на правый бокъ, то это будетъ *плоцка*—старшая по игрѣ; если ляжетъ на спину, то будетъ *жогъ*—вторая по игрѣ; если ляжетъ бабка на лѣвый бокъ, то это будетъ *ничка*, моложе всѣхъ. Игроки становясь на черту бьютъ битками по старшинству. Если сшибутъ бабки, на кону стоящія, то ихъ считаютъ своимъ выигрышемъ. Когда они всѣ пробьютъ, тогда каждый переходитъ за конь къ своимъ биткамъ, и бьетъ съ того мѣста, гдѣ лежитъ его битокъ; чья далѣе лежитъ, тотъ прежде начинаетъ и бить, а остальные доканчиваютъ игру по разстоянію своихъ битковъ.

Плоцка. Игроки ставятъ на конь по гнѣзду на битку, и потомъ мечутъ битками, у кого ляжетъ—*плоцка*, *жогъ*, *ничка*. Игроки здѣсь *плоцку* называютъ *правикомъ*, *ничку* *лѣвикомъ*. Если битка ляжетъ ничкою, то игрокъ долженъ бить ею въ конь съ *лѣвой руки*. Дальняя *плоцка* даетъ право игроку на первенство бить пре-

жде всѣхъ другихъ. Въ этой игрѣ игроки не переходятъ за конь бить во второй разъ.

Кудакъ. Игроки собираютъ вмѣстѣ битки, потомъ мечутъ ихъ вверхъ, и чья ляжетъ жогомъ, то хозяинъ этой начинаетъ *отбивать чужія битки*. При отбивкѣ онъ говоритъ: «разъ на кудакъ, два на кудакъ, три на кудакъ.» Если онъ ударитъ по неосторожности другія битки, тогда перемигиваются снова бабки, а если сдѣлаетъ промахъ, то считаютъ проигрышъ.

Объ стѣнку. Игроки приходятъ къ забору и ударяютъ по очереди бабками объ стѣну. Если второй игрокъ положить бабку такъ близко къ чужой, что пространство будетъ на одну *палу*, тогда онъ выигралъ.

У кону. Игроки ставятъ на конь на каждую битку по *шестеру* бабокъ, потомъ мечутъ битки, и чья больше ляжетъ жогомъ, тотъ первый подходитъ къ кону и бьетъ по гнѣздамъ. Всѣ имъ сбитыя бабки считаются его выигрышемъ. Успѣхъ въ этой игрѣ зависитъ отъ подтесаной битки.

Городокъ. Игроки ставятъ по гнѣзду изъ бабокъ—*городокъ*, въ видѣ *шестиугольника*, а въ серединѣ его помещаютъ три гнѣзда—*сердцевину*. Послѣ сего идутъ къ чертѣ и мечутъ битки. Плоцка, жогъ даютъ право играть, а ницка оставляетъ игрока въ *долгостѣдахъ* т. е. безъ ничего. Здѣсь употребляютъ свинчатки и чулунки. Игрокъ долженъ сбить прежде отъ чер-

ты городню, а если онъ *дотронетъ сердцевину*, тогда платить *пеню* по шестеру. Сердцевина, если останется по разбитіи городка *непогатою*, предоставляется въ пользу домосѣдовъ *.

27. Кулачный бой.

Кулачный бой въ Русской семейной жизни считался удальствомъ, приводившимъ нѣкогда въ гордость и раздоры цѣлыя селенія и города. Подвергать себя изъ доброй воли побоямъ, бить другихъ безъ пощады—было роскошнымъ ве- селіемъ для нашихъ отцевъ и дѣдовъ. Давность этой жестокой потѣхи остается на Руси неза- памятною, такъ что старшинство ея усвоилось прежде многимъ городамъ. Было время, когда Русскіе Бояре, собравшись повеселиться, сво- зили изъ разныхъ городовъ бойцовъ для потѣ- шенія. *Бойцы Казанскіе, Калужскіе, Тульскіе* славились предъ прочими, выдерживали силь- ный бой предъ Татарами, пріѣзжавшими въ Москву съ икрою и рыбами, выигрывали боль- шіе залогы, платили нерѣдко за свою отваж- ность жизнию. Кулачные бои начинались съ *земляго Николы* и продолжались до *Сборнаго*

---

* Эта игра идеализирована въ прекрасномъ произведеніи Рус- скаго Скульптора Г. Пименовъ. Вся бывшіе на выставкѣ Ака- деміи Художествъ 1836 года восхищались ловкимъ, поэтиче- скимъ бабочникомъ, а равно и сванчивкомъ.

Воскресенія; но самый веселый разгулъ бывалъ на масленицѣ. Лѣтомъ рѣдко бывали бои, и то по приглашенію Бояръ. Городскіе бойцы всегда брали преимущество предъ сельскими.

Кулачные бои совершались разными видами. Болѣе всѣхъ почитался: *бой одинъ на одинъ*, за нимъ — *стѣна на стѣну*, а менѣе всѣхъ *сутьялка-свалка*.

Лучшими бойцами одинъ на одинъ считались Тульскіе. Тамъ: *Алеша родимой, Никита Долговязъ, братья Походкины, семейство Зубовыхъ, Тереша Кункинъ* почитались чудо-богатырями, и съ почестью развозились по городамъ. Они *мѣряли свои силы съ Татарами, Калужанами, Москвичами*. Замѣчательная черта этихъ бойцовъ состояла въ томъ: пить вино, за безчестье почитать подарки, предлагаемые Боярами, и *не ходить стѣна на стѣну*.

Лучшими бойцами стѣна на стѣну доселѣ прославляются Казанскіе суконщики. Всегдашніе ихъ враги были Татары. Въ Туль бои стѣна на стѣну бывали только у оружейниковъ съ посадскими. Бои формально назначались по днямъ. Охотники за долго повли бойцовъ, однихъ *сманивали* подарками на свою сторону, другихъ *страивали* угрозами. Охота къ этому бою походила на отъявленную страсть. Старики *подзадоривали* молодыхъ рассказами и обѣщаніемъ биться, молодые въ ожиданіи *испытъ*

винца переходили съ вѣстями изъ двора во дворъ, дѣти выходили *на затравку*, и составляли предвѣстниковъ *сцѣплялки* изъ старыхъ и молодыхъ бойцовъ. Когда бился стѣна на стѣну, тогда записные бойцы *выдерживались* въ сторонѣ съ толпою людей, уговаривавшихъ стоять за ихъ стѣну, и выпускались только тогда, когда непріатели пробивали стѣну. *Надежа боецъ* летѣлъ съ шапкою въ зубахъ, билъ груди на обѣ стороны, *лежакаго* не трогалъ, пробивши стѣну, возвращался съ толпою льстецовъ прямо къ кабаку. Часто случалось, что хитрые и слабые бойцы закладывали въ рукавицы бабки чугунки для пораженія противниковъ.

28. Рѣдка.

Рѣдка считается любимую игрою женщинъ, дѣвицъ и молодчиковъ, послѣ Оминой недѣли, до Петрова дня. Любовь втерлась и здѣсь. Посидѣть на колѣняхъ у милой женщины—здѣсь не считается въ позоръ, и мужъ равнодушно смотритъ, когда его жена сидитъ у *молодаго парня на колѣняхъ*, когда онъ крѣпко сжимаетъ его жену. Этого требуетъ игра.

Любители игры выходятъ на лугъ, садятся одинъ къ другому на колѣни, сцѣпляясь одинъ съ другимъ въ видѣ длинной гряды. Передній

получаетъ названіе *бабушки*, а всѣ прочіе считаются за *рѣдку*. Является купецъ покупать рѣдку.

Купецъ. Бабушка! Продай рѣдичьки?

Бавушка. Купи, батюшка.

Купецъ осматриваетъ рѣдку, пробуетъ на всѣ манеры, ощупываетъ, и старается выдернуть.

Купецъ. Бабушка! Нѣтъ ли щуплавой рѣдки?

Бавушка. Что ты, батюшка, вся молодая, горькая, одна къ одной; выдери себя любую на пробу.

Купецъ начинаетъ выдергивать сколько есть силы.

Купецъ. Бабушка! Твою рѣдку не выдернуть по доброй волѣ: уросла. Дай косарикъ выкопать съ корнемъ.

Бавушка. Что ты, свѣтъ мой, позоришь мою грядку. Потряси: вышлыветь, словно какъ изъ воды.

Купецъ начинаетъ трясти игроковъ, кого за голову, кого за волосы, кого за руку. Выдернувши кого либо изъ игроковъ начинаетъ встряхивать объ землю, вытрясая будто изъ него соръ. Въ это время встаютъ всѣ игроки и прогоняютъ побоями купца.

29. Крыночки.

Крыночки—игра сельская, затѣливая и чудная изображаетъ собою дѣтскія проказы. Здѣсь олицетвореніе высказало полную сельскую жизнь и сохранило занятія отжившаго поволенія.

Дѣйствующія лица въ этой игрѣ: *котъ*, *кота бабушка*, *дѣтки*; предметы: *крыночки* съ молокомъ, *изба*, *баня*. Котова бабушка, старая *доможилка*, сидитъ съ котомъ и караулитъ молоко. Голодныя дѣтки, ея внучата, увиваются вокругъ крыночекъ; но надежда тщетная. Дѣтки прибѣгаютъ къ обману. Одни подходятъ къ бабушкѣ, а другія садятся на палатахъ.

Дѣтки. Бабушка! Гдѣ твой котъ?

Бабушка. Пошелъ глотать кости на поповъ дворъ.

Дѣтки. Бабушка! Чья это нога?

Бабушка. Натальяна жениха, вора-плута.

Дѣтки. Бабушка! Не хочешь ли ты въ баньку?

Бабушка. Какая у васъ банька?

Дѣтки. Наша баня золотая, каменка кафельная, топили ребята по семи дней, а пару въ ней для семи деревень.

Бабушка. Какой вѣникъ?

Дѣтки. Вѣникъ шелковой, шелку Шамаханскаго, отбить у Татарина въ ордѣ, заброшенъ на боярской дворъ, съ боярскаго принесъ земчій.

Дѣтки снимаютъ котову бабушку съ печки и относятъ въ баню. Бабушка парится; дѣт-

ки выпиваютъ молоко и бьютъ крыночки. Приходятъ котъ и мяучить. Бабушка *похуляла бѣду* и бѣжитъ изъ бани. Дѣтки разбѣгаются. Бабушка ловить ихъ съ котомъ. Кого прежде поймаютъ, тотъ дѣлается бабушкою; а потомъ ловятъ другаго, и этотъ превращается въ ката.

30. Ласы.

Игра Ласы занимаетъ дѣтей зимою, когда кончаются всѣ лѣтнія увеселенія. Эта игра выражаетъ родъ какой-то странной промышленности.

Когда выпадетъ первый снѣгъ, дѣти выдѣлываютъ изъ снѣгу шары, и обливаютъ ихъ водою. Эти шары называются Ласами. Соскучившись сидѣть дома, дѣти выходятъ на улицу и *похваляются* Ласами. *Замысловатые парни* продаютъ свои ласы *дурнымъ* за бабки по два и по три шестера за каждую. Потомъ начинаютъ играть. Избравши мѣсто, торгуются: «*продай коровку.*» — *Продажна* — отвѣчаетъ игрокъ. Потомъ бросаетъ каждый изъ нихъ ногою свою ласу. Послѣ этаго съ дальнею ласою начинаютъ по договору за ударъ бить въ чужія ласы. Если онъ попадетъ, то беретъ за выигрышь условленную плату бабками; если же сдѣлаетъ промахъ, то самъ платитъ вдвое. Игра продолжается по желанію, всегда болѣе до чистаго проигрыша.

СКАЗАНИЯ

ОБЪ

ИГРАХЪ ХОРОВОДНЫХЪ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
1. Просо съять	67
2. Рѹстить макъ	70
3. Плетень	71
4. Селезень	73
5. Пиво варить	74
6. Воробышекъ	75
7. Донъ Ивановичъ	77
8. Женнина любовь	81
9. Заинька	83
10. Женнинъ разладъ	85
11. Женихъ	86
12. Коверъ	88
13. За-мужъ	89
14. Ревнивая жена	91
15. Гуливая жена	93
16. Покорище дѣвицы	95
17. Подарокъ	98
18. Невѣста	100
19. Любовь	101
20. Замужняя жизнь	103
21. Вдова	104
22. Гуляй, гуляй	106
23. Молодецкой сынъ	108
24. Сходбище	111
25. Бурлаки	112
26. Русая коса	115
27. Сяничка	117

ИГРЫ ХОРОВОДНЫЯ

1. Просо сѣять.

Игры хороводныя начинаются съ Троицкой недѣли, а иногда позднѣе, смотря по времени года. Лѣтнею порою, подъ *вечерокъ*, собираются красныя дѣвицы и молодчки на зеленомъ лугу, съ начала другъ отъ друга отдѣльно, потомъ соединяются всѣ вмѣстѣ. Является *Хороводница*, женщина пожилыхъ лѣтъ, бабушка, или всеобщая *кума*, безъ которой ничего не дѣлается въ играхъ, безъ совѣту которой ни чего не *затѣвуютъ*. Игроки сходятся вмѣстѣ; хороводница запѣваетъ:

Какъ на улицѣ дождикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Охъ вы, дѣвушки, повгряйте;
Ужъ какъ вы холостые не глядите:
Вамъ гляденьцемъ дѣвушекъ не взять,
Ужъ какъ взять ли, не взять ли по любви,
Что по батюшкину повелѣнью,
Что по матушкину благословенью.

*

Игроки расходятся на двѣ половины, одна противъ другой, въ разстояніи десяти шаговъ. Хороводница стоитъ впереди первой половины и запѣваетъ:

- Первая половина. А мы просо съяли;
Ой Дидь Ладо, съяли.
- Втор. пол. — А мы просо вытопчемъ;
Ой Дидь Ладо, вытопчемъ.
- Пер. пол. А чѣмъ же вамъ вытоптать?
Ой Дидь Ладо, вытоптать?
- Втор. пол. А мы коней выпустимъ;
Ой Дидь Ладо, выпустимъ.
- Пер. пол. А мы коней переймемъ;
Ой Дидь Ладо, переймемъ.
- Втор. пол. А чѣмъ же вамъ перенять?
Ой Дидь Ладо, перенять?
- Пер. пол. Шелковымъ поводомъ;
Ой Дидь Ладо, поводомъ.
- Втор. пол. А мы коней выкупимъ;
Ой Дидь Ладо, выкупимъ.
- Пер. пол. А чѣмъ же вамъ выкупить?
Ой Дидь Ладо, выкупить?
- Втор. пол. А мы дадимъ сто рублей;
Ой Дидь Ладо, сто рублей.
- Пер. пол. Не надо намъ тысячи;
Ой Дидь Ладо, тысячи.
- Втор. пол. А что же вамъ надобио?
Ой Дидь Ладо, надобио?

Пер. пол. Намъ надобно дѣвицу;
Ой Дидь Ладо, дѣвицу.

Въ это время изъ второй половины персходить дѣвушка въ первую.

Втор. пол. Нашего полку убыло;
Ой Дидь Ладо, убыло.

Пер. пол. Нашего полку прибыло;
Ой Дидь Ладо, прибыло.

Пѣсню начинаютъ опять пѣть снова, и продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока изъ второй половины перейдутъ въ первую всѣ дѣвушки. Въ другихъ мѣстахъ, въ Каширскомъ уѣздѣ, вмѣсто припѣва: «Ой Дидь Ладо»—поютъ:

Ой Дидя калинка моя, ой Ладо малинка моя!

Въ Мценскомъ уѣздѣ я слышалъ другой припѣвъ:

Зеленая травушка, алой цвѣтъ.

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ начинали эту пѣсню.

А мы копонь копали;

Зеленая травушка, алой цвѣтъ.

Много лѣтъ наши Литераторы приписывали этой пѣсни давность, основываясь на словахъ: «Ой Дидь Ладо»—и на сказаніи Нестора: «и брацы не бываху въ нихъ, но игрищи межю селы. И схожахуся на игрища, и на вся плясанія и на вся бѣсовскія пѣсни, и ту умыкаху жоны себѣ, съ нею же кто преже свѣща-

шесь.* Намъ известно, что Дядь Ладо никогда не были Славянскими богами, и что слова Нестора не означаютъ прямо этой игры. Мы замѣтили, что у насъ принято за обыкновенное ссылаться на древность тогда когда мы не постигаемъ чего вѣзубь *.

9. Растить макъ.

Растить макъ—игра сельская и городская, разыгрывается лѣтомъ и осенью. Мужчины и дѣвушки сплетаются руками въ кругъ. Въ срединѣ круга садится хороводникъ. Игроки зашевелились и пошли свой обыкновенной кругъ, запѣвая:

Ай на горѣ макъ,
 Подъ горою такъ.
 Маки маковочки,
 Золотця головочки.
 Стань-те вы въ рядѣ,
 Спросимъ-те про макъ.

Игроки останавливаются и спрашиваютъ у хороводника: «Сѣяли ли макъ?» — Только землю пахали — отвѣчаетъ онъ. Хороводникъ садится, а игроки запѣваютъ:

Ай на горѣ макъ.

* Смотри въ концѣ книги эту самую пѣсню, употребляемую доезель въ Галиціи.

Пропѣвши куплетъ, спрашиваютъ: «Съѣли ли макъ?»—Отвѣтъ: «Съѣли?»—Хороводные то же поютъ и спрашиваютъ: «Вышли ли макъ?»—Отвѣтъ: «Выходятъ.»—Игроки опять поютъ, опять спрашиваютъ: «Зацвѣлъ ли макъ?»—Отвѣтъ: «Зацвѣлъ.»—Игроки то же поютъ и спрашиваютъ: «Отцвѣлъ ли макъ?»—Отвѣтъ: «Отцвѣлъ.»—Игроки то же поютъ и спрашиваютъ: «Поспѣваетъ ли макъ?»—Отвѣтъ: «Поспѣваетъ.»—Игроки то же поютъ и спрашиваютъ: «Поспѣлъ ли макъ?»—«Поспѣлъ; собирайтесь отряхать.»

Съ послѣднимъ словомъ хороводникъ встаетъ и старается убѣжать изъ круга. Игроки ловятъ его. Поймавши же, начинаютъ трести всѣми возможными образами. Часто случается, что хороводникъ, лишенный отъ тресенія водось, начинаетъ драку. Пожилая женщина, всесвѣтлая кума, является примирительницею, а иногда усиливаетъ еще болѣе ссору. Замѣчательно, что въ хороводники часто выбираютъ *дурачка*, челоуѣка безотвѣтнаго, согласнаго за кусокъ пряника выносить всякіе побои, миролюбиваго и послушнаго до послѣдней возможности.

3. Плетень.

Игра Плетень есть самая восхитительная и пѣвннтельная для сельскихъ дѣвушекъ. Молодицы, дѣвушки и мужчины становятся по парно,

и, сомкнувшись руками въ видѣ плетня, вытягиваются въ линію. Хороводница заговѣваетъ:

Заплетися плетень, заплетися;
 Ты завейся труба золотая;
 Завернися камка кружчатая!
 Изъ-за горь дѣвица утей выгоняла.
 Тига утушка домой!
 Тига сѣрая домой!
 Я сама гуськомъ,
 Сама сѣренькимъ.
 Ой свѣтъ, сѣра утица!
 Потопила малыхъ дѣтушекъ
 И въ меду, и въ сахаръ
 И въ яствѣ сахорномъ.
 Я старымъ старикамъ
 Киселя съ молокомъ;
 Молодымъ молодкамъ
 Шелковую плетку;
 А краснымъ дѣвицамъ
 Бѣлилъ да румянь.

Хоръ окончился. Первая пара поднимаетъ вверхъ соединенныя руки; подъ эту арку начинаютъ проходить игроки. Хоръ поетъ:

Расплетися плетень, расплетися;
 Ты развейся труба золотая;
 Ты развернися камка кружчатая!
 Изъ-за горь дѣвица утей выгоняла.

Тыга утушка домой!
 Тыга сѣрая домой!
 Я сама гуськомъ,
 Сама сѣренькимъ.
 Ой свѣтъ, сѣра утица!
 Вынимала малыхъ дѣтушекъ,
 Изъ меду, изъ сахару,
 Изъ яствъ сахарныхъ,

4. Селезень.

Селезень — игра представляемая въ двухъ лицахъ, составляетъ невинное увеселеніе поселянъ послѣ тяжкихъ трудовъ. Молодые люди собираются вечеромъ на лугъ, составляютъ кружокъ, въ срединѣ коего становятся двое игроковъ: Селезень и утка. Хороводные, соединясь рука съ рукою, зашевелились и запѣли:

Сизъ голубчикъ Селезень,
 Хохлатой Селезень.
 Селезень догоняй утку,
 Молодой догоняй утку.
 Поди утушка домой,
 Поди сѣрая домой,
 У те семеро дѣтей,
 Осьмой селезень.

Хороводные останавливаются. Утка начинаетъ

нырять изъ круга; игроки ее не пропускаютъ; селезень старается поймать утку. Нырѣніе и ловля продолжается до тѣхъ поръ, пока селезень поймаетъ утку. Въ это время игроки поютъ снова ту-же пѣсню. Часто случается, что игроки, желая продолжить игру, удерживаютъ селезня. Это называется у нихъ: «подзадоривай задоръ.» Пока *затѣваютъ подзадоривай задоръ* — утка насмѣхается надъ селезнемъ.

5. Пиво варить.

Пиво варить—игра осенняя—изображаетъ собою комической разгуль сельской семейной жизни. Наваривши браги къ *Бабьему лѣту*, молодыя женщины выходятъ съ нею къ воротамъ, угощаютъ прежде старыхъ людей, а потомъ молодыхъ. *Подпивши порядочно*, принимаютъ за игры. Хороводница *сѣюгаетъ* молодёжь и начинаетъ хороводный куплетъ:

Ай на горь мы пиво варили;

Ладо мое Ладо, пиво варили.

Мы съ этаго пива всь вкругъ соберемъ;

Ладо мое Ладо, всь вкругъ соберемъ.

Игроки схватясь рука съ рукою, начинаютъ пѣть тотъ же куплетъ. Потомъ, при пѣніи слѣдующихъ виршей, начинаютъ расходиться въ разныя стороны.

Мы съ этаго пива всь разоидемъ;

Ладо мое Ладо, всѣ разойдемся.
 Мы съ этаго пива всѣ присядемъ;
 Ладо мое Ладо, всѣ присядемъ.

Игроки садятся и поють тоже. Потомъ:

Мы съ этаго пива спать ляжемъ;
 Ладо мое Ладо, спать ляжемъ.

Игроки дождатся спать и поють тоже. По-
 томъ:

Мы съ этаго пива опять встанемъ;
 Ладо мое Ладо, опять встанемъ.

Игроки встають и поють тоже. Потомъ:

Мы съ этаго пива всѣ въ ладоши ударимъ;
 Ладо мое Ладо, всѣ въ ладоши ударимъ.

Игроки бьютъ въ ладоши и поють тоже,
 Потомъ:

Мы съ этаго пива всѣ перепьемся;
 Ладо мое Ладо, всѣ перепьемся.

Игрокамъ старушка подноситъ брагу. Они
 пьютъ и поють тоже. Потомъ:

Теперь съ этаго пива всѣ пердеремся;
 Ладо мое Ладо, всѣ пердеремся.

Въ это время игроки соединяются вмѣстѣ,
 съ начала *идуть въжливые толчки*, а потомъ
 завязывается порлочная драка, и продолжается
 до тѣхъ поръ, цома явится въ середину ушатъ
 съ брагою.

6. Воробышекъ.

Воробышекъ составляетъ олицетворенную хороводную игру. Игроки соединяются въ кружокъ, а хороводникъ становится въ средину, представляя изъ себя воробья. Игроки поютъ:

Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ дѣвицы ходять?

Хороводникъ изображаетъ минами походку дѣвиць, со всевозможными кривляніями, а игроки поютъ:

Они этакъ, и вотъ этакъ.
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ.
Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ молодцы ходять?

Хороводникъ изображаетъ молодецкую походку, а игроки поютъ:

Они этакъ, и вотъ этакъ.
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ голубушки сидятъ.
Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ старушки ходять?

Хороводникъ изображаетъ старческую походку, а игроки поютъ,

Они этакъ, и вотъ этакъ,
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодые сидятъ:

Продолженіе этой игры часто бываетъ безконечное. Игроки умѣютъ причитывать разные затѣи. Большею частію стараются изображать: горбатыхъ, хромыхъ, людей ненавистныхъ. Здѣсь выказывается въ полной мѣрѣ сатирической духъ нашего народа.

7. Донъ Ивановичь.

Игра Донъ Ивановичь—есть игра олицетворенная, припоминающая намъ слѣды древности. Донъ, имѣя свою народную Исторію—Велико-Русскую, свое родство съ сестрою Волгою—по повѣрьямъ Велико-Русскимъ—* выразился еще одною игрою въ хороводной пѣсни. Вечеромъ игроки сходятся вмѣстѣ, становятся въ кружокъ, а хороводникъ въ серединѣ, изображая собою Дона Ивановича, принимаетъ разные дѣйствія, сообразныя пѣснѣ.

Какъ пошелъ нашъ молодець

Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичь Донъ!

Ахъ! какъ звали молодца

Позывали удалца.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ!

---

* См. Сказаній Р. Н. ч. 6, Думу: Иванъ-Озеро. Въ другихъ мѣстахъ вмѣсто *Донъ* поютъ—*Дунай*.

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ во пиръ вировать,

Во бесѣдушку сидѣть,

На игрище поиграть.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ужъ какъ мнѣ ли молодцу

Мало можется,

Мало можется,

Играть хочется.

Иль я выйду молодецъ,

На свой новой на крылецъ,

Закричу я молодецъ

Громнымъ голосомъ своимъ!

Ахъ! какъ если-ли у меня

Слуги вѣрные мои?

Вы берите ключи,

Отмыкайте сундуки.

Вынимайте кафтанъ,

Рудожелтъ камчатъ,

Вынимайте шапку,

Черную шурмашку;

Вы подайте гусли,

Звончатые мои *.

---

* Въ Москвѣ эту пѣсню поютъ сокращенно, и такъ она печатана, въ такъ называемыхъ пѣсенникахъ. Исключеніе мѣстится съ стиха: «Ужъ какъ мнѣ ли молодцу» и продолжается до «Звончатые мои.»

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Какъ пошелъ нашъ молодець,
 Ко вдовушкѣ на концѣ.
 Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Какъ садился молодець,
 Какъ садился удалецъ
 Противъ вдовушки на скамьѣ.

Въ это время игроки останавливаются, хороводникъ садится съ балабайкою въ рукахъ. Игроки стоятъ противъ него и поютъ:

Заняръ опъ во тусли
 Заняръ во звончатые свои.
 Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Молодецъ вдовѣ челомъ,
 Уронилъ шляпу долой,
 Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!

Хороводникъ въ это время кланяется, съ него спадаетъ шляпа, а игроки поютъ:

Ужъ ты, вдовушка моя,
 Молодая вдова,
 Подними шапку мурмашку.
 Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!

Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Хороводникъ встанетъ, надѣваетъ шляпу, а
игроки, ходя кругомъ его, поютъ:

Какъ пошелъ нашъ молодець,
Вдоль улицы на копецъ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ.

Ахъ! какъ звали молодца,
Позывали удалца.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ.

Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Къ дѣвушкѣ на копецъ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ садился молодець,
Какъ садился удалецъ

Противъ дѣвушки на скамьѣ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Въ это время игроки останавливаются, хороводникъ садится. Игроки стоятъ противъ него и поютъ:

Зангралъ онъ во гусли,

Зангралъ во звончатые свои.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Молодецъ двинцъ челомъ,

Уронилъ шапку долой.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ужъ ты, дѣвушка моя,

Ты, красная моя,

Подними шапку мурмашку.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Я твоя, сударь, сдуга,

Я послушаюсь тебя.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичъ Донъ.

Въ это время выходитъ дѣвушка изъ круга, поднимаетъ шляпу. Хороводникъ, принимая изъ ея рукъ шляпу, благодаритъ ее поцѣлуемъ.

8. Женнина любовь.

Въ хороводной игрѣ: Женнина любовь составляется кругъ изъ мужчинъ и женщинъ. Въ

середину его становятся двое: мужъ и жена.
Хороводные ведутъ свой обыкновенной кругъ,
мужъ ухаживаетъ за женою, а жена отворачиваясь отъ него, пренебрегаетъ ласками. Поютъ:

Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня молодца не любить,
Душа, сердце мое—ненавидять!
Я поѣду во Китай городъ гуляти,
Молодой женѣ поупку поупати,
Саму, саму предиковинну юпку,
Саму, саму предиковинну кофту.

Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце;
Ты постой-ка жена,
Я примѣрю на тебя,
Я примѣрю, приложу,
Я на женушку погляжу.

Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня молодца не любить,
Душа, сердце мое—ненавидять!
Я поѣду во Китай городъ гуляти,
Молодой женѣ поупку поупати,
Саму, саму предиковинну шетку.

Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце;
Ты, постой-ка жена,
Я примѣрю на тебя,

Я примѣрю, приложу,
 На женушку погляжу.
 Посмотрите добрые люди,
 Какъ жена меня молодца любить,
 Душа, сердце мое—поцѣлуеть!

Подъ конецъ этой пѣсни жена, увидѣвши у мужа кнутъ, начинаетъ обращаться съ нимъ ласковѣе; а при пѣніи послѣдняго стиха уже начинаютъ цѣловаться.

9. З а и н ь к а.

Зайнька, игра выражающая собою сельское сватовство—замѣчена мною только въ одномъ Московскомъ уѣздѣ по Троицкой дорогѣ. Игроки выбираютъ изъ среды себя заранѣе нѣсколько рѣзвыхъ и отважныхъ людей для званій: зайньки, тестя, тещи, шурина, своячницы. Эти избранныя лица становятся въ средину, а игроки поютъ:

Зайнька бѣльничкой!
 Хожу я по хороводу,
 Гляжу я, смотрю я
 По всему народу,
 Ищу богатаго тестя.
 Нашель я, нашель я
 Богатаго тестя.
 Будь ты мнѣ тестикъ,
 А я тебѣ зятникъ.

*

Занька бѣлинькой!

Хожу я по хороводу,

Гляжу я, смотрю я

По всему народу,

Ищу я ласкову тещу.

Нашелъ я, нашелъ я

Ласкову тещу.

Будь ты мнѣ теща,

Я тебѣ зятикъ.

Занька бѣлинькой!

Хожу я по хороводу,

Гляжу я, смотрю я

По всему народу,

Ищу я богатаго шурна.

Будь ты мнѣ шуринъ,

А я тебѣ зятикъ.

Занька бѣлинькой!

Хожу я по хороводу,

Гляжу я, смотрю я

По всему народу,

Ищу я ласкову своячину.

Нашелъ я, нашелъ я

Ласкову своячину.

Будь ты мнѣ своячина,

А я тебѣ зятикъ.

Занька бѣлинькой!

Хожу я по хороводу,

Гляжу я, смотрю я
 По всему народу,
 Ищу я себѣ ладу милую.
 Нашелъ я, нашелъ я
 Себѣ ладу милую.
 Будь ты мнѣ лада невѣстой,
 А я тебѣ женихомъ.
 Я выпивши пива,
 Ударю теста въ рыло;
 Я приѣвши пироги,
 Пущу тещу матушку въ телчю.
 Осѣдай шуринъ коня,
 Повѣжай шуринъ съ двора.
 Ласковой своячнѣ
 Подарю подарочикъ:
 Шелкову плетку.
 Весель я, весель,
 Что одинъ остался,
 Что одинъ остался,
 Съ своей ладо милой,
 Съ своей ладо милой
 Три раза поцѣлюсь.

10. Женнинъ разладъ.

Въ этой хороводной игрѣ живо выражается старѣйшинство мужа надъ женою въ сельской жизни. Мужъ гордый, спѣсивый ходитъ по хоро-

воду, жена преступная, но все владычествующая, насильно *выкупаеть* у мужа себя *волю*.

Игроки стоятъ кругомъ ихъ и поютъ:

Я малёшенекъ у матушки родился,
Я глупёшенекъ у батюшки женился;
Привелъ себя жену молодую,
Словно грушу зеленую,
Словно яблочко налитое.

А жена-то молодчика не взлюбила,
Негодлемъ молодчика называла.

Какъ пошла молодая жена,
Какъ сама загуляла безъ меня,

Ровно девять денёчковъ
Ко мнѣ мужу не бывала,
На десятой денёчекъ

Ко мнѣ жена приходила,
Не дошедши—становилась,

Мнѣ негодлю—поклонилась.

Ахъ, ты, мужъ негодный!

Будешь ли кормить хлѣбомъ?

Сударыня жена:

Буду кормить калачами.

Будешь ли, негодный,

Меня поить квасомъ?

Буду я поить сытой,

Сытой медовою.

Будешь ли, негодный,

Пускать меня въ гости?
Сударыня жена!
Ступай во все!

11. Женихъ.

Игра женихъ — всегда употребляется поселянами въ отмщеніе завѣжимъ людямъ, сватающимся въ ихъ селѣ. Поговорка ихъ: *изъ плъси не выкинешь слова* — ограждаетъ ихъ отъ нареканія. Сельскіе люди въ свою очередь умѣютъ пошутить, но шутки ихъ высказываются прямо—*съ плеча*; ихъ Сатира ничего не имѣетъ скрытнаго; она вся обнажена. Хороводники собираются въ кругъ, женихъ становится въ средину, а они поютъ:

Какъ подѣ лѣсомъ подѣ темнымъ
Выростала трава шелковая;
Какъ тутъ ходилъ, гулялъ
Завѣжій гость;
Онъ во дудочку игралъ,
Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
Невѣсту себѣ.
Выходила красна дѣвка,
Тонка, высока,
Тонешинька, бѣлешинька,
Собой хороша.

(Въ это время выходитъ дѣвушка изъ среды игроковъ и ходитъ въ кругу съ женихомъ.)

Охъ ты, дѣвушка душа,
 Поди за мужъ за меня!
 Не пойдешь успокаешься,
 Вспомянешь меня.

При пѣвнн этихъ словъ, женнхъ ударяетъ
 невѣсту по плечу. Игроки останавливаются.
 Невѣста, обращаясь къ нимъ, поетъ:

Сосѣдушки, собранушки!
 Сложите вы мнѣ:
 Каковъ человекъ?

Хороводные ей отвѣчаютъ:

Онъ пьяница, пропойца,
 Картежной игрокъ.

12. Коверъ.

Коверъ разыгривается однѣми дѣвушками.
 Хороводные, схватясь рука съ рукою, ходятъ
 кругомъ дѣвицы, которая держитъ въ рукъ
 платокъ— коверъ. Поютъ:

Ты не пой соловей,
 Ты не пой молодой,
     При долинѣ;
 Ты не вей гнѣзда,
 Ты не вей гнѣзда,
     При теремѣ.
 Какъ во теремѣ дѣвица

Дорогой коверъ вышиваетъ;
 Она золотомъ коверъ вышивала,
 Она жемчугомъ коверъ унизала.
 Ужъ кому коверъ мой достается?
 Доставался мой коверъ
 Старому мужу.

Я могу ковра убавить,
 Я со всѣхъ сторонъ, со четырёхъ,
 Я со всѣхъ угловъ, съ золотыхъ.
 Какъ во теремъ дѣвица
 Дорогой коверъ вышиваетъ;
 Она золотомъ коверъ вышивала,
 Она жемчугомъ коверъ унизала.
 Ужъ кому коверъ мой достается?
 Достается мой коверъ
 Ладу милому.

Я могу ковра прибавить,
 Я со всѣхъ сторонъ, со четырёхъ,
 Я со всѣхъ угловъ, съ золотыхъ.

13. За мужъ.

Дѣвичья разборчивость въ женихахъ, столь замѣтная въ жизни семейной, перешла въ хоро-
 водныя игры со всѣми причудами. Сельская
 кумушка собираетъ дѣвицъ и управляетъ хоро-
 водомъ. Поютъ:

Черезъ кругъ летить утка ,
     Калина, малина моя !

Черезъ нашъ хороводецъ .
     Калина, малина моя !

Пора двушекъ за мужъ ,
     Калина, малина моя !

Пора красныхъ за мужъ ,
     Калина, малина моя !

За крестьянска сына ;
     Калина, малина моя !

У крестьянска сына

И толочь и молоть ,

Ръшетомъ подсѣвать .

    Калина, малина моя !

Черезъ кругъ летить утка ,
     Калина, малина моя !

Черезъ нашъ хороводецъ .
     Калина, малина моя !

Пора двушекъ за мужъ ,
     Калина, малина моя !

Пора красныхъ за мужъ ,
     Калина, малина моя !

За боярска сына ;
     Калина, малина моя !

У боярска сына

Окошки косыя ,

Лакеи босые ,

Собаки борзья.

Калина, малина моя!

Черезъ кругъ летить утка,

Калина, малина моя!

Черезъ нашъ хороводецъ.

Калина, малина моя!

Пора двушекъ за мужъ,

Калина, малина моя!

Пора красныхъ за мужъ,

Калина, малина моя!

За старостина сына;

Калина, малина моя!

У старостина сына

Прянички сладенькіе,

Медъ сыченой.

Калина, малина моя!

А мы съи, да съи,

Калина, малина моя!

14. Ревнивая жена.

Ревнивая жена представляетъ сельскую жизнь *на разладцахъ*—въ раздоръ семейномъ, жизнь, исполненную горькихъ воспоминаій. Мужъ и жена становятся въ срединѣ круга, а игроки поютъ:

Какъ у насъ было за дворемъ,

Росла трава шелковая.

Ой люли шелковая!
 По той травѣ лада шла,
 За ладой мужъ бредеть.
 Ой люли шелковая!
 Ты постой, лада моя,
 Ты подожди, лада моя,
 Ой люли шелковая!
 Я, сударь, не твоя,
 Я родимова батюшки.
 Ой люли шелковая!
 Какъ у насъ было за дворьемъ
 Росла трава шелковая,
 Ой люли шелковая!
 Какъ шли молодцы изъ Москвы,
 Вели коня подъ ковромъ,
 Ой люли шелковая!
 Подъ золотымъ чепракомъ;
 Конь копытомъ землю выбиваеъ,
 Ой люли шелковая!
 Бѣеъ камень выбиваеъ.
 Въ очиво камня нѣтъ,
 Ой люли шелковая!
 Въ моемъ мужъ правды нѣтъ,
 Съ чужой женой водится,
 Ой люли шелковая!
 Со мной молодой ссорится,
 Надо мной молодой издѣвается.

Ой люли шелковая!
 Чужой женѣ башмаки,
 А мнѣ молодой котикки.
 Ой люли шелковая!
 Ужъ я ли мужа подарю,
 Сошью мужу рубашку
 Ой люли шелковая!
 Изъ тонкаго полотна,
 Изъ дерюжнаго конца.
 Ой люли шелковая!

15. Гулливая жена.

Невѣрность супружеская, столь ужасная въ сельской жизни, бываетъ поучительна среди хороводныхъ игръ, когда люди собираются по-смотреть на весь свой бытъ. Среди игръ пороки замѣтнѣе обнаруживаются въ людяхъ преступныхъ. Здѣсь Русскіе забываютъ *скромничать*, и порокъ выставляется предъ глаза всѣхъ. Часто случается, что невѣрная жена здѣсь только является предъ мужемъ съ своими преступленіями. Явные намеки поселянъ прямо указываютъ на порокъ и порочнаго человека. Обиженный мужъ уводитъ свою жену изъ самой игры *для раздѣлки* — побоевъ. Въ этой игрѣ кумушка становится въ средину круга и изображаетъ гулливую жену минами, намекая на извѣстныхъ лица.

Ай вдоль да по улицѣ,
 Ай вдоль да по широкой,
     Ой люли, ой люли по широкой!
 Шли тутъ дѣвушки,
 Шли тутъ молодушки.
     Ой люли, ой люли молодушки!
 Меня младу съ собой звали,
 Меня младу съ двора кликали.
     Ой люли, ой люли кликали!
 Вы постойте, подождите,
 Былы руки подожмите.
     Ой люли, ой люли подожмите!
 Я пойду-ль, я спрошаю-ль,
 У матушки, у свекора батюшки.
     Ой люли, ой люли батюшки!
 Свекорь-батюшка пусти погулять?
 Свекровушка-матушка пусти погулять?
     Ой люли, ой люли погулять!
 Хотя пустимъ погулять,
 Да безъ мужа не ходи.
     Ой люли, ой люли не ходи!
 Ужъ мой ли мужъ старой старичишка,
 Не пускаеть одну на игрища.
     Ой люли, ой люли на игрища!
 Я пойду-ль спрошусь
 Своего старого мужа.
     Ой люли, ой люли старого мужа!

Пусти на улицу погулять,
 Съ ребятами поиграть.
 Ой люли, ой люли поиграть!
 Хоть я отпущу гулять,
 Прежде шкуру дай содрать.
 Ой люли, ой люли содрать!

16. Покорище дѣвицы.

Покорище дѣвицы, эта хороводная игра столько плѣняетъ горожанъ и поселянъ, что безъ ней—и *игры не въ игры*. Въ Москвѣ, у Тверской заставы, лѣтнею порою круговъ по шести за одинъ разъ разыгриваютъ покорище дѣвицы. Въ свадьбахъ, лѣтнихъ и осеннихъ, дѣвушки предъ вечеромъ всегда уже занимаются этою игрою. Мнѣ не случилось замѣтить эту игру въ Калужской губерніи, точно такъ, какъ другихъ игръ не видно въ Московской и Орловской губерніяхъ. Эти усвоенія, по народной пословицѣ «что ни городъ, то норовъ» явно указываютъ на отдѣльныя областныя обыкновенія, какъ существуютъ отдѣльныя нарѣчія въ губерніяхъ: Московской, Ярославской, Владимірской, Новгородской. Если бы мы имѣли отдѣльныя грамматики своихъ нарѣчій, тогда бы обладали великимъ богатствомъ, тогда бы удивились величію Русскаго языка, тогда бы отыскиали въ своей родинѣ новую зѣмлю, людей съ особенными

нарѣчіями. Но скоро ли явится въ нашей отчизнѣ человекъ, подобный Колумбу? Одинъ только Русской умъ можетъ выполнить это гигантское предпріятіе. Мы заранее просимъ чужеземцевъ уволить себя отъ этой работы. Здѣсь нужно постигнуть вполне духъ Русскаго народа, надобно вывѣдать до конца народныя стихіи языка, надобно сродниться съ нашими чувствами и мыслями. Для этого надобно родиться съ особеннымъ даромъ, быть словомъ и дѣломъ Русскимъ.

При разыгрываніи *покорщица двѣицы* хоро- водные, схватясь рука съ рукою, шдуть свой обыкновенный кругъ, и поютъ:

Ахъ, и по морю! ахъ, и по морю!

Ахъ и морю, морю синему! (*)

Плыла лебедь, плыла лебедь,

Лебедь бѣлая со лебедушками,

Со малыми, со дитятами,

Ни тряхнется, ни колыхнется,

Ни тряхнется, ни ворохнется;

Плывши лебедь, встрепенулася,

Подъ ней вода всколыхнулася,

Плывши лебедь, вышла на берегъ.

Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,

---

* Въ двухъ мѣстахъ я слышалъ: вместо—*морю синему*— *плыви синему, по Хвалынскому.* Я основался на большинствѣ употребленія.

Гдѣ ни взялся младъ жесень соколъ,
 Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
 Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
 Онъ кровь пустилъ, онъ кровь пустилъ,
 Онъ кровь пустилъ по синю морю;
 Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
 Онъ пухъ пустилъ по подь-небесью;
 Сорилъ перья, сорилъ перья,
 Сорилъ перья по чисту полю.
 Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась
 Красна дѣвица душа;
 Брала перья, брала перья,
 Брала перья лебединыя,
 Клала въ шапку, клала въ шапку,
 Клала въ шапку соболиную,
 Милу дружку, милу дружку,
 Милу дружку на подушечку,
 Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
 Родну батюшкѣ на перинушку.
 Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
 Гдѣ ни взялся доброй молодець.
 Богъ на помощь, Богъ на помощь,
 Богъ на помощь красна дѣвица душа!
 Она-жъ ему, она-жъ ему,
 Она-жъ ему не поклонится.
 Грозилъ парень, грозилъ парень,

Грозимъ парень красной дѣвицѣ :
 Добро дѣвка, добро дѣвка,
 Добро дѣвка, дѣвка красная;
 Зашлю свата, зашлю свата,
 Зашлю свата, за себя возьму;
 Будеть время, будетъ время,
 Будеть время и поклопнишься мнѣ;
 Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
 Будешь дѣвка у кровати стоять;
 Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
 Будешь дѣвка былы руки цѣловать;
 Будешь держать, будешь держать,
 Будешь держать шелкову плетъ въ рукахъ.
 Я думала, я думала,
 Я думала, что не ты идешь;
 Что не ты идешь, что не ты идешь,
 Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься;
 Я думала, я думала,
 Я думала, что поповскій сынъ,
 Что поповскій сынъ, воръ Алѣшинька.

17. Подарокъ.

Свадебная хороводная игра Подарокъ разыгрывается незадолго предъ дѣвичникомъ, когда уже изготовить приданое для невѣсты. Невѣстину перину выносятъ на дворъ, кладутъ

на траву, сваха садится на перину, кругомъ
ея стоять дѣвушки и поютъ:

Какъ у насъ во дворѣ,

Какъ у насъ во широкомѣ,

Люли bravo, во широкомѣ!

Стоять дѣвушки въ кругу,

Стоять красныя въ кругу,

Люли bravo, въ кругу!

Одной-то нѣтъ, одной-то нѣтъ,

Одной-то нѣтъ свѣтъ Марьюшки,

Люли bravo, свѣтъ Марьюшки!

Одна ждетъ, пождетъ къ себѣ,

Друга милаго, суженаго,

Люли bravo суженаго!

(Сваха начинаетъ *взбивать* перину, а дѣвуш-
ки поютъ:)

Стелю, стелю перинушку,

Стелю, стелю пуховую,

Люли bravo, пуховую!

Кого люблю, кого люблю,

Кого люблю тому подарю,

Люли bravo, подарю!

Не дарикъ большой, а любовной,

Пуховую перинушку,

Люли bravo, перинушку!

Ты выди, свѣтъ Марьюшка,

Ты бери за бѣлы руки суженаго,

Люли bravo, суженаго!

Дари суженаго подаркомъ,
 Дари ряженаго перинушкой,
 Люли браво, перинушкой!

Невѣста выходитъ и даритъ дѣвушекъ подарками. Сваха начинаетъ сомнѣваться: *Полно она ли невѣста?* Красный платокъ выносить невѣстина мать и даритъ сваху. Невѣсту сажаютъ на перину и вносятъ въ комнату.

18. Невѣста.

Хороводная игра Невѣста разыгрывается послѣ *лѣтней уборки*, когда отпразднуютъ *Бабье лѣто*. Дѣвушки собираются на лугъ, сговариваясь напередъ—кому быть невѣстой? Здѣсь нужна большая смѣтливость: стать въ такомъ порядкѣ, что бы послѣднее слово пѣсни именно падало на нее. Сваха, распорядительница игры, становится въ срединѣ игроковъ, а дѣвушки поютъ:

Взойду на церковь, на маковку,
 Уронию шелковину серебряную.
 Бѣхалъ людинъ,
 Селиванъ Петровъ,
 Поднялъ шелковину серебряную.
 Мы ему сулили,
 Мы ему дарили:
 Три коня Татарскихъ.

Три пльги Бухарскихъ,
Три ковра,
Золоты мохра;
Онъ просилъ дѣвицу,
Да молоденькую.

Эта куна, эта лиса; эта выльзь вонъ.

Дѣвица выходитъ вонъ изъ круга. Потомъ снова поють ту же пѣсню, и такъ же выходитъ дѣвица. Выходъ дѣвиць продолжается иногда до трехъ разъ, иногда и болѣе, смотря по количеству игроковъ, или по сдѣланному условію. Дѣвицы - невѣсты становятся отдѣльно, сваха ходитъ кругомъ ихъ и поеть, и та, на которую достается послѣднее слово пѣсни, остается невѣстою. Въ такомъ случаѣ, если она богатая, то ей только завидуютъ; если же бѣдная, то надъ нею насмѣхаются.

19. Л ю б о в ь . . .

Игра Любовь олицетворена Русскими людьми въ селезня. Доброй молодець, задумавъ жениться, ищетъ себѣ невѣсту. Предъ нимъ являютя: *вдова* и *дѣвица*. Доброй молодець выбираетъ себѣ невѣсту. Хороводные поють:

Селезень—сись косатый,
Утушка моя,
Молодець кудреватый,
Надѣжа моя,

Расчесалъ милый кудри,

Утѣха моя,

По алому кафтану,

Надёжа моя,

По парчевому камзолу,

Утѣха моя.

Заигралъ милый въ гусли,

Надёжа моя,

Какъ струна струнъ молвить:

Утѣха моя,

Пора молодцу жениться,

Надёжа моя,

На душѣ ли, на вдовицѣ,

Утѣха моя.

Не женись холостой,

Утѣха моя,

Не женись молодецъ,

Надёжа моя,

На вдовѣ своенравной,

Надёжа моя.

Расчесалъ милый кудри,

Утѣха моя,

По алому кафтану,

Надёжа моя,

По парчевому камзолу,

Утѣха моя.

Заигралъ милый въ гусли,

Надёжа моя,

Какъ струна струвъ молвить:

Утѣха моя,

Пора молодцу жениться,

Надёжа моя,

На дѣвчѣ-ль красной дѣвицѣ,

Утѣха моя.

Женись молодецъ,

Надёжа моя,

Женись холостой,

Утѣха моя,

На дѣвицѣ красной,

Надёжа моя.

—

20. Замужняя жизнь.

Сельскія женщины, отягощенные трудами, измученныя капризами мужей, вспоминаютъ свою жизнь въ хороводныхъ играхъ. Замужняя жизнь — *неволя молодущекъ*, разыгрывается осенью, когда начинаются въ селахъ свадьбы. Замѣчательно, что мужья поютъ эту пѣсню вмѣстѣ съ своими женами. Игроки соединяются вмѣстѣ, въ срединѣ ихъ ходитъ Кума и поетъ съ ними:

Я пойду, пойду во зеленой садъ гулять,

Понцу я молодова соловья.

Соловей ты, мой батюшко,

Ты скажи, скажи мой младъ соловей:

Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
 Молодушкамъ нѣтъ волюшки,
 Краснымъ дѣвушкамъ своя воля гулять.
 У молодухи три кручинушки:
 Да какъ первая кручинушка—
 Слатъ пуховую перинушку;
 А другая-то кручинушка—
 Растворятъ жена широки ворота;
 А какъ третья-то кручинушка—
 Бѣдетъ, вѣдетъ мой ревнивой мужъ домой;
 Онъ везетъ, везетъ гостинецъ дорогой,
 Шелкову плетку, гнуто кнутовье,
 Да ударить меня межъ былыхъ плечь.
 Стану съ мужа я кафтанъ скидывать,
 Чисты пуговки растегивать;
 Хоть и рученьки бѣлешеньки,
 Хоть и пальчики тонешеньки,
 На рукахъ ли золоты перстни,
 Только стану, стану мужа разувать,
 Про замужню жизнь вспоминать.

21. Вдова.

Игра Вдова состоитъ изъ воспоминаній пре-
 жней замужней жизни женщины. Въ эту игру
 всегда употребляютъ *свахъ вдовъ, бабушекъ ба-
 лагурокъ, старухъ домосѣдокъ*. Хороводница сто-

нтъ на буторкѣ, обращенная къ чужой деревнѣ,
а игроки, окруживши ее, поютъ:

Какъ у нашихъ у воротъ,
Люли bravo, у воротъ,
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Люли bravo, хороводъ,
У точеныхъ у дверей,
Люли bravo, у дверей.
Вся дѣвки веселы,
Люли bravo, веселы;
Одна дѣвка лучше всѣхъ,
Люли bravo, лучше всѣхъ;
Авдотьюшка вдовина,
Люли bravo, вдовина,
По бережку гуляетъ,
Люли bravo, гуляетъ,
Рукавчикомъ махаетъ,
Люли bravo, махаетъ,
Сердечушкомъ воздыхаетъ,
Люли bravo, воздыхаетъ,
Словечушко говорить,
Люли bravo, говорить:
Ахъ! свѣтъ моя сторона,
Люли bravo, сторона,
Покровская слобода,
Люли bravo, слобода;
Ужъ мнѣ въ тебѣ не бывать,

Люли браво, не бывать,
 Пивца, вина не пивать,
 Люли браво, не пивать,
 Сладкихъ яблокъ не ѣдать,
 Люли браво, не ѣдать,
 Съ молодцами не гулять,
 Люли браво, не гулять.

22. Гуляй, гуляй.

Игра гуляй, гуляй разыгрывается на деревенскихъ праздникахъ, когда добренькіе мужья *подвыпьютъ, храбрости наберутся, смѣлый говорятъ*. Въ это время, они прежде всего начинаютъ учить женъ. Другіе, смотря на такихъ мужей, говорятъ: *Каково онъ ломается? вотъ такъ мужъ, не даетъ потачки своей женѣ*—и восхваляютъ свекрови своихъ сыновей. *Досужливыя тѣщи* выводятъ своихъ дѣтокъ на лугъ и начинаютъ игру: гуляй, гуляй съ пѣніемъ и припляскою.

Какъ у насъ во пѣру,
 Какъ у насъ во бесѣдѣ,
 Ай люли, люли во бесѣдѣ,
 Всѣмъ молодушкамъ весело,
 Всѣмъ Ивановнамъ весело,
 Ай люли, люли весело.

Одной молодущкѣ грустно,
 Одной молодущкѣ скучно,
     Ай люли, люли скучно.
 Ужь у ней ли старой мужъ,
 Ужь у ней ли старой грибъ,
     Ай люли, люли старый грибъ.
 Молодущкѣ погулять,
 Молодущкѣ побывать,
     Ай люли, люли побывать,
 Съ ребятами поиграть,
 Съ неженатыми потолковать,
     Ай люли, люли потолковать,
 Запрещать, не велить,
 Грозить бѣдную побить,
     Ай люли, люли побить.
 Слезы катятся, играть хочется,
 А стару мужу не покорюсь,
     Ай люли, люли не покорюсь.
 Отпусти, сударь, батюшка
 На улицу погулять,
     Ай люли, люли погулять.
 Я пошла, млада, разыгралась,
 Въ зеленомъ саду разыгралась,
     Ай люли, люли разыгралась,
 Всё съ ребятами, съ неженатами,
 Что заря пришла, я домой пошла,
     Ай люли, люли пошла.

Родной батюшко у воротъ стоитъ,
 Ты поди, поди моя бѣдная,
     Ай люли, люли бѣдная.
 Твой высокъ теремъ растворши стоитъ,
 Твой ревнивой мужъ за столомъ сидитъ,
     Ай люли, люли сидитъ,
 Шелкова плѣтка на столѣ лежитъ,
 Толстая дубинка предъ нимъ,
     Ай люли, люли предъ нимъ.
 Я взошла во высокъ теремъ,
 Мой высокъ теремъ затворяется,
     Ай люли, люли затворяется,
 Мой ревнивой мужъ подымается,
 Шелкову плеть со стола беретъ,
     Ай люли, люли беретъ.
 Плеть свиснула, руда брызнула,
 Ужь ты, гдѣ была жена страдница?
     Ай люли, люли страдница.
 Я была молода въ зеленомъ саду,
 Всѣ съ ребятами, съ неженатыми,
     Ай люли, люли съ неженатыми.

23. Молодецкой сынъ.

Завѣжіе люди въ деревняхъ всегда *почитаются* людьми почетными, гостями. Скупыхъ вездѣ не любятъ, а особливо въ селеніяхъ, гдѣ нужны люди тороватые. На большихъ дорогахъ

всегда можно видѣть людей тороватыхъ, гости-
ныхъ. Тамъ величаютъ: купцовъ, щедро на-
граждающихъ услуги поселянъ; тамъ поютъ
скупымъ пѣсню: молодецкой сынъ. Лѣтомъ эта
игра отправляется на лугу, а зимою въ боль-
шой сборной избѣ. Игроки, схватясь рука съ
рукою, становятся въ кругъ, въ срединѣ хо-
дитъ скупой-молodeцкой сынъ, и поютъ:

Дѣвушки вино варили,
Красныя вино курили,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.

Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовня отговариваетъ:

Дѣвушки! я не буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите меня.

Дѣвушки пиво варили,
Красныя вино курили,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.

Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовня отговариваетъ:

Дѣвушки! я не буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите меня.

Дѣвушки меды ставили,

Красныя мѣды ставили,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.
Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовнищъ отговариваетъ:
Дѣвушки! я не буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите мня.
Дѣвушки баню топили,
Красныя баню топили,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.
Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовнищъ приговариваетъ:
Дѣвушки! и я буду къ вамъ,
Красныя! и вы ждите меня.
Дѣвушки приготовили,
Красныя приготовили:
Три дубины дубовыя,
Три хворостины березовыя,
Три прута жимолостныя.
Какъ идетъ молодецъ,
На широкой къ нимъ дворъ,
Шапочкой потряхиваетъ,
Зелень кафтанъ охорашиваетъ,
Сапоги на носикахъ оправливаетъ.

Какъ учили молодца парити
 Въ три дубины дубовыя,
 Въ три хворостины березовыя,
 Въ три прута жимолостные.
 Какъ идетъ молодецъ съ широка двора,
 Шапочкой не потряхиваетъ,
 Сапожки на пожкахъ не оправливаетъ.
 Еще дай Богъ у дѣвушекъ
 Вѣкъ не бывать,
 Въ баньки у дѣвушекъ не париватися;
 Щелокъ мылокъ,
 Вѣникъ мяжокъ,
 Въ спину льнуть.

24. Сходбище.

Сходбище—сельская хороводная игра разыгрывается въ началѣ весны, когда изъ городовъ возвращаются молодые люди для *рабочей поры*. Дѣвушки выходятъ на лугъ, къ нимъ собираются *прибылые*, и начинаютъ игру: сходбище. Въ средину круга становятся молодецъ и дѣвица. Игроки ходятъ кругомъ ихъ и поютъ:

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
 Изъ другой идетъ красна дѣвица,
 По близехоньку сходилися,
 По шизехоньку поклонилися.
 Да что возговорить доброй молодецъ:
 Ты здорово-ль живешь, красная дѣвица?

Я здорова живу, мнѣ сердечной другъ;
 Каково ты живъ безъ меня одинъ?
 Мы давно съ тобой не видался,
 Говорить давка улыбаючись:
 Что съ той поры, какъ разстался.
 Говорить ей доброй молодець:
 Мы пойдемъ гулять на царевъ кабакъ,
 Мы за рубль возьмемъ зелена вина,
 За другой возьмемъ меду сладкова,
 А за третей возьмемъ нива пълнова,
 За двѣ гривенки сладкихъ пряничковъ.
 Какъ возговорить красна дѣвица:
 Я пейду гулять на царевъ кабакъ,
 Я боюсь, боюсь роднова батюшки,
 Я боюсь родной матушки.
 Тутъ разстался и прощался,
 Промежду себя цѣловался.
 Ты прости, прости доброй молодець,
 Ты прости, мнѣ сердечной другъ.
 Да что возговорить доброй молодець:
 Ты прости, прости моя матушка,
 Ты прости радость красна дѣвица.

25. Бурлаки.

Бурдаками Русскіе люди называютъ лю-
 дей, находящихся на судахъ, отправляющихся
 въ концѣ зимы въ низовья губерніи. Богат-

ство этихъ людей, состоящее изъ палки, ложки, котомки, языкъ, вмѣщающій смѣсь различныхъ словъ, грубость, превышающая границы вѣроятія— отличаютъ ихъ отъ всѣхъ сословій. Проходя толпами по городамъ и селамъ, они располагаются для обѣда и ночлеговъ на площадяхъ и лугахъ. Вода, рѣдко квасъ и хлѣбъ составляютъ ихъ всегдашнюю дорожную пищу. Содержатели постоялыхъ дворовъ, цѣловальники и торговки ведутъ съ ними непрерывныя ссоры. Затѣйливые поселяне *поютъ про нихъ многія пѣсни*. Приводимъ одну только хороводную игру. Поселянинъ, *бойкой молодецъ*, становится въ кругъ, разными *ломаньями* представляетъ изъ себя бурлака и сманиваетъ по бурлацки *дѣвчужезнавку*. Игроки ходятъ кругомъ его и поютъ:

Передъ нашими вороты,

Передъ нашими вороты,

Люли, люли бурлаки,

Передъ нашими вороты,

Разыгралися ребята,

Люли, люли бурлаки.

Всѣ ребята молодые,

Молодые, холостые,

Люли, люли бурлаки.

Они шуточку шутили,

Во новы сѣни вскочили,

Люли, люли бурлаки.

Во новы сѣни вскочили,
 Новы сѣни подломилъ,
 Люли, люли бурлаки.

Новы сѣни подломилъ,
 Красну дѣвку подманилъ,
 Люли, люли бурлаки.

Красну дѣвку подманилъ,
 Во новы сани садилъ,
 Люли, люли бурлаки.

Ты садися дѣвка въ сани,
 Ты поѣдешъ дѣвка съ нами,
 Люли, люли бурлаки.

Съ нами, съ нами молодцами,
 Съ понизовыми бурлаками,
 Люли, люли бурлаки.

У насъ жить будетъ добренько,
 У насъ горы золотыя,
 Люли, люли бурлаки.

У насъ горы золотыя,
 Въ горахъ камни дорогіе,
 Люли, люли бурлаки.

На обманъ дѣвка сдалася,
 На бурлацкіе пожитки,
 Люли, люли бурлаки.

А бурлацкіе пожитки,
 Что добры, да невелики,
 Люли, люли бурлаки,

Что добры да невелики,

Одна лямка, да котомка,
 Еще третья-то обортка,
 Дюжи, дюжи бурмаки.

26. Русая коса.

Въ Русской семейной жизни русая коса составляет неотъемлемую принадлежность дѣвицы. Наши пѣсни: семейныя, хороводныя, еще болѣе свадебныя воспѣваютъ эту косу. Всякая дѣвица вмѣняетъ себѣ въ обязанность лелѣять свою косу. Для нее покупается алая лента, для нее бережется роговой гребень, для нее есть въ запасѣ коровье масло, а иногда, и что часто бываетъ, холодная ключевая вода. Но это только бываетъ въ дѣвичьей жизни. Является свать предъ вѣнчаніемъ, сваха расплетаетъ косу съ особенными обрядами. Русая коса—*поминай какъ звали*; она теряетъ всю принадлежность замужней; она забываетъ; она спрятана подъ куклу, подъ платокъ. Часто гнѣвнѣе мужъ беретъ неучтиво за русую косу, и бьетъ жену сколько есть силы. Можно ли думать о русской косѣ въ замужней жизни? Эти рѣзкія черты семейной жизни очень замѣчательны. У насъ, на Руси, былъ еще: *Косной разводъ*, известный намъ по свадьбѣ Царя Алексѣя Михайловича. Игра: Русая коса употребляется во время свадебъ. Дѣвушки становятся въ кругъ, одна ходить

по срединѣ, за нею ухаживаетъ свата. Въ это время поютъ:

Какъ у насъ во околицѣ,
 Какъ у насъ во свѣличкѣ,
 Подъ окномъ дѣвица сидѣла,
 Подъ краснымъ косящатымъ,
 Буйну голову чесала,
 Свою русу косу плела,
 Свою русу косу плела,
 Къ себѣ друга милова ждала.
 Погляжу млада въ окошко,
 Ужъ нейдетъ ли милой другъ?
 Ужъ какъ мой милъ идетъ,
 Что осень соколъ летитъ,
 Шапочку охорашиваетъ,
 Бѣлыми руками помахиваетъ,
 Черными кудрами потряхиваетъ.
 Я выходила молода,
 Изъ выскокова терема,
 На широкой дворъ
 Вотрѣвать друга милова.
 За бѣлы руки хватала,
 Во высокъ теремъ вводила,
 Подъ косящето окно сажала.
 Ужъ ты, милой другъ,
 Порадуйся со мной,
 Подивись моею русой косъ.

Ахъ, ты косышка, коса,
Коса, дѣвица краса!
Ужъ какъ ты ля, русая коса,
Изушила меня молодца.
Потускильн черны очи,
Позавль румянецъ на лицѣ,
Нѣту удали у добраго,
Нѣту радости у молодчика.
Не плачь, не горюй,
Другъ сердечной мой!
Моя русая коса
Не на горе рождена,
Моя русая коса
На роду тебѣ обречена.
И по батюшкину велѣнью,
И по матушкину согласью,
Расплетаетъ мою косу
Разладница сваха.
Ужъ ты, русая коса,
Расплетайся по скорый;
Ужъ ты, дѣвица красная,
Выдь скорый за меня.

27. С и н и ч к а.

Русскіе поселяне олицетворили свою семейною жизнь также особенными разсказами: свадьбою Снигиря съ Перепелкою. Снничка, какъ свекровь, дѣлаетъ приготовленія къ свадебнымъ

пирамъ; Снигирь, какъ женихъ, выбираетъ себѣ невестъ. Въ этой хороводной игрѣ женихъ-Снигирь ходитъ по хороводу, указываетъ на игроковъ, означая тѣмъ свой выборъ. Игроки поютъ

За моремъ Синичка не пышно жила,
 Не пышно жила, пиво варивала;
 Солоду купила, хмѣлю въ займы взяла,
 Черной Дроздь пивоваромъ была.
 Дай же намъ Боже, пиво-то сварить,
 Пиво-то сварить и вина накурить.
 Созовемъ къ себѣ гостей мѣлкихъ пташечекъ.
 Соушка, вдовушка, незваная пришла,
 Снигирюшка по сничкамъ похаживаетъ,
 Совушка головушку поглаживаетъ.
 Стали всѣ птички межъ собой говорить:
 Что же ты, Снигирюшка, не женился?
 Радъ бы я женился, да пѣкого взять!
 Взялъ бы я Пернатку, та matka моя,
 Взялъ бы я Четку, та тетка моя,
 Взялъ бы я Синичку—сестричка моя,
 Взялъ бы я Сороку—щекотливая;
 Есть за моремъ Перепелочка,
 Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
 Ту я люблю, ту за себя возьму.
 Здразствууй хозяйнѣ съ хозяйничкою! *)

*) Есть еще другая подобная пѣсня этой; на это неизвѣстная композиція, въ родѣ застольныхъ пѣсней.

СКАЗАНІЯ

ИГРАХЪ СВЯТОЧНЫХЪ.

I.

ОБРЯДЫ СВЯТОЧНЫХЪ ИГРЪ.

II.

РУССКІЯ СВЯТОЧНЫЯ ПЪСНИ.

III.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ.

—

I.

О В Р Я Д И

СВЯТОЧНЫХЪ ИГРЪ.

Русскія Святки выражаютъ собою остатокъ старой семейной жизни, тотъ веселый разгулъ народа, который волновалъ Русскія сердца, который пережилъ событія, который доселѣ свято блюдетъся. Нѣтъ ли какой возможности рѣшить: когда эти Святки усвоились Русской жизни? Древняя Русская жизнь, исчезнувшая навсегда въ письменныхъ памятникахъ, живетъ лишь только одними воспоминаніями, въ которыхъ мы узнаемъ бытъ народный, когда-то существовавшій, когда-то имѣвшій свою дѣйствительность. Замѣчательно, что всѣ Славянскія поколѣнія, доселѣ существующія и дѣйствующія въ Европѣ, имѣютъ свои особенности, выражающія ихъ жизнь въ разныхъ видахъ. Эти особенности разительно проглядываютъ въ Святкахъ, въ Мифологіи Славянъ, особенно Рус-

ской, въ народныхъ Праздникахъ, въ Символикѣ.

Святки Велико-Русса бываютъ радостны, спокойны, торжественны. Юныя поколѣнія, подъ руководствомъ людей старыхъ, роскошно наслаждаются торжествомъ семейной жизни, забавно веселятся настоящими радостями, отважно гадаютъ о будущемъ. Днемъ, этаго Русскаго веселятъ игры, въ сумерки забавляютъ загадки, вечеромъ увеселяютъ подблюдныя пѣсни, въ полночную пору утѣшаютъ гаданія.

Святки Мало-Русса бываютъ отважны, роскошны и буйны. Тамъ люди всѣхъ поколѣній пируютъ и семейно и общественно. Его утѣшаютъ въ это время *щедраванья, колядованья, гаданія*; его устрашаютъ *духи, оборотни, привидѣнія*; въ это время онъ перерождается и живетъ другою жизнью.

Святки Бѣло-Русса бываютъ унывы, бѣдны и горестны. Тамъ люди вспоминаютъ только, а не дѣйствуютъ. Литовскія политическія событія уничтожили тамъ всѣ воспоминанія о старой жизни. Кое-гдѣ гадаютъ, высказываютъ загадки, колядуютъ и пьютъ отъ горя.

Святки Велико-Русса начинаются съ *Васильева вечера*, съ той ночи, которая проживаетъ послѣднія минуты стараго года. Святки Мало-Русса съ вечера 24 Декабря открываются *щедраваніемъ*. Святки Бѣло-Русса означаются боль-

шимъ довольствомъ въ жизни, кто какъ *сможетъ*. Конецъ Святковъ повсюду заключается вечеромъ 4 Января.

Въ Велико-Русской семейной жизни Святки начинались совѣщаніями стариковъ: въ чьемъ домѣ праздновать Святки? Кого сзывать на Святочные вечера? Какихъ дѣвушекъ приглашать, погостить? Старушки, женщины опытныя и молодницы хлопчуть, совѣщаются, спорятся и рѣдко соглашаются въ выборахъ. Домъ богатой, зажиточной, гдѣ есть невеста, гдѣ *живуть доволно*, всегда избирается для празднованія Святковъ предпочтительно предъ прочими домами. Мать невесты заблаговременно посвѣщаетъ родныхъ и приглашаетъ ихъ дочерей гостить. Здѣсь-то въ бесѣдахъ рѣшается выборъ суженыхъ. Больше всего хлопчатъ о нарядахъ, о мѣстахъ, о женихахъ. Когда наступятъ Святки *бабка-позыватка* ходитъ звать дѣвицъ на *вечеринки*, на *цѣлья святки*. Эта почесть бываетъ *приложена* богатымъ дѣвицамъ; бѣдныя изъ милости призываются, какъ люди услужливые, необходимые. Прежде, встарину, дѣвицъ привозили *въ званой домъ* вечеромъ, въ сопровожденіи тетушекъ и бабушекъ, съ узлами нарядовъ, гостинцевъ. Старшая въ домѣ выходила встрѣчать къ воротамъ *прошенныхъ гостей*, а дѣвушки принимали гостей въ сѣняхъ. Родные, оставляя дѣвицу въ званомъ домѣ, со слезами просили *пріять* ихъ *ненаглядную, утль-*

шать и миловать. Увѣренія хозяйки дома— не осрамимъ себя, удоволимъ дѣтище, не бросимъ себя въ грязь, кончали прїѣздъ провожатыхъ. Хозяинъ дома не вступался въ эти распоряженія; его дѣло было закупать гостинцы дѣвушкамъ, сидѣть и молчать. На другой день отправляли *хозяева званого дома* бабуку позыватку: прѣсать на вечеринки матушекъ, тетушекъ, бабушекъ, кумушекъ со *всею челядью*, посмотреть на забавушки ненаглядныхъ дочекъ, обрадовать хозяевъ посѣщеніемъ. Здѣсь тайно *бабка-позыватка* высказывала: какихъ суженыхъ они должны пригласить съ особою. *Бабку-позыватку* угощали виномъ, дарили деньгами, платками и посылали съ нею улы гостинцевъ своимъ дочкамъ. Вслѣдъ за *бабкой-позываткой* отправлялись въ званой домъ нянюшки, также съ гостинцами, съ наставленіемъ: такъ-ли одѣта ихъ дочка? весело ли ей? не скучаетъ ли она? Не надобно ли ей чего? По секрету поручалось сказать: съ какимъ суженымъ она должна быть привѣтливѣе! Не слыхала ли она о чужихъ суженыхъ? Нянюшекъ всегда принимали ласково. Съ начала гнѣвалась хозяйка: за чѣмъ приносить гостинцы? Нянюшка уговаривала хозяйку принять гостинцы и *лакомить* дѣвушекъ. Хозяйка доказывала, что въ ихъ домѣ весело гостямъ, и *всего вдоволь*. Церемоніи оканчивались принятіемъ кулечка и угощеніемъ

нянюшки. Дѣвушки окружали нянюшку, спрашивали о родныхъ. Нянюшка рассказывала о *тоскѣ матушкиной, грусти батюшкиной, заботѣ братцовой*. Бывало нередко, что дѣвушка отъ этихъ рассказовъ плакала, и тогда только *развеселивалась*, когда подруги начинали ее утѣшать. Заботливая нянюшка, исполняя съ точностію порученія матушекъ, увеселяла дѣвицъ прибаутками, загадками, паданіями. Нянюшку дѣвицы провожали съ *навазомъ*: кланяться батюшкѣ и матушкѣ, всѣмъ роднымъ; хозяйка приказывала; просить родителей *понавѣдать долекъ*, побывать на вечеринкахъ.

Въ сумерки начинали съѣзжаться званые гости. Хозяинъ встрѣчалъ гостей у воротъ; хозяйка дождалась у крыльца, дѣвицы выбѣгали въ сѣни. Послѣ длинныхъ привѣтствій, всѣхъ возможныхъ пожеланій, упрековъ за спѣсивость; хозяева сажали гостей по мѣстамъ, по выбору: въ комъ *прошли добро*, того сажали выше, въ комъ мало нуждались, того отводили въ сторону. Въ это время дѣвицы сидѣли чинно, всѣ на одной сторонѣ, перешептывались между собою, не смѣя въ слухъ ничего говорить. По срединѣ комнаты стоялъ столъ съ *закусками*, отягощенный всякою всячиною. На оловянные тарелки насыпались: орѣхи: *простые, орѣхи каленые, орѣхи Сибирскіе, орѣхи Грецкіе, орѣхи Воложскіе*; жамки: *груздики, кругляки, угольнички,*

пряники; *пряники*: *Вяземскіе, Вяземскіе, Тульскіе*; *яблоки*: *свѣжій, моченый, сушеный, пареный*; *изюмъ*: *крупной, мягкой*; *коринка*; *вишневые ягоды*; *черносливъ*; *груши*: *моченый и сушій, дум, Калужскіе бергамоты*; *сушеный вишня*: *Владимірскія и Украинскія*; *варенья*: *смородиновое, кружевное, вишневое, малиновое — сахарный и медовый*; *сливы моченый*. *Холодильныя напитки* гостямъ *наливки*: *смородиновая, яблочная, малиновая, вишневая, рябиновая*; *меды*: *бѣлые, клюкозевые*; *пиво*, *брагу домашнюю*—и съ поклонами просилъ *откупать*. Гости отговаривались, спорили и выпивали. Такая почестъ доставалась только мужичкамъ и старушкамъ. Хозяйка обносила гостей закусками, и всегда съ жалобами, что гости чинные мало берутъ. Частенько женщины выходили выпивать квасу, гдѣ хозяйка подавала питье изъ темнаго стакана, наполненнаго наливкою. Дѣвчѣ не угощали, онѣ явились въ узелкахъ матушкины гостинцы. **Послѣ безчисленныхъ угощаній, явились пуглы потѣшить гостей.** Наряженные въ разныя платья, они начинали плясать, потомъ рассказывать прибаутки, басенки, сказочки, часто нападая на характеры гостей и слабости матушекъ. Натѣшивши гостей, они съ гостинцами удалялись. За ними вслѣдъ вносили столъ, накрывали скатертью, ставили чашу съ водою и начинались подблюдить пѣсни.—Послѣ этого

утѣшенія, гости *чужно подымались* домой, а хозяйка *упрашивала гостей посидѣть*. Проводы и прощанія продолжались по часу и болѣе, до воротъ.

Послѣ первой вечеринки, знакомые и родные стоваривались попить *съ собою кружку*. Здѣсь мужчины вступали въ свои права и распоряжались по своему. Въ одно время назначались для пирушки нѣсколько домовъ. Вечернею порою запрягались сани, и мужья съ женами, переряженные, съ закрытыми лицами, отправлялись пить. Гостей принимали, угощали, старались *узнавать объ нихъ стороною*. Если долго не открывали, то начиналось *каканье*: подхватывали гостя и бросали его вверх *дотолку, пока онъ покается*. Гости открыты—и снова пирушка. Потомъ отправлялись вмѣстѣ въ другіе дома, и продолжали *пить цѣлыя поѣзды до зари*. Въ городахъ и селахъ святочные ночи посвящены были разѣздамъ и пирушкамъ для поддержанія родства, присканія невестъ и жениховъ.

Таковы были увеселенія Русскихъ людей, *свершившихъ второй земной поетъ*, людей замужнихъ. Что же дѣлали юныя поколѣнія, начинавшія жить только въ *семейныхъ забавахъ*? Для нихъ Святки были единственнымъ увеселеніемъ во весь годъ, отрадою затворничества. Мы посмотримъ на одинъ Святочный день Ве-

лико-Русской дѣвушки, день, въ которомъ выражается наша старая жизнь.

Въ званомъ домѣ, съ ранней зари, суетятся хозяйка, готовятъ завтракъ, варятъ *варенецъ*, со всѣми ссорятся, всѣмъ недовольны. Дѣвушки встали и толпа нянюшекъ *хлопочется* съ нарядями. На большомъ подносѣ, обставленномъ кружками, приносятъ *варенецъ*. Дѣвушки пьютъ, рассказываютъ сны, нянюшки толкуютъ. Является хозяйка съ завтракомъ. За сытными блюдами, которымъ не бываетъ числа, начинаются совѣщанія: что дѣлать? У всякой дѣвушки проскакиваютъ свои причуды, а отъ причудовъ пересуды, а отъ пересудовъ ссоры. Нянюшки подслушиваютъ и передаютъ вѣсти матушкамъ, съ разными дополненіями, догадками сосѣдей, съ своими намереніями. Въ старину часто бывало, что мать обиженной дѣвушки привѣзжала нечаянно въ званой домъ, брала съ собою дочь, будто бы по ней встосковался отецъ, а она сама видѣла дурные сны. Догадливые люди понимали и судили по своему. Послѣ завтрака дѣвушки выходили на дворъ—кататься съ горъ. Эти утѣхи не долго продолжались. Дѣвушки бѣгутъ въ комнаты отогрѣваться. Нянюшки затѣваютъ игры, когда приходятъ братцы провѣдать сестрицъ.

Сижу посижу.

Сгелется на полу коверъ, сестрицы съ братьями садятся въ кружокъ. Дѣвушка, съ завязанными глазами, ходитъ въ срединѣ и приговариваетъ:

Братцы, сестрицы!

Примите меня.

Братцы, сестрицы!

Возмите меня.

Дѣвушки отвѣчаютъ ей: *«Иди по насъ,»*—Дѣвушка подходитъ и садится къ кому нибудь на колѣни, приговаривая: *«Сижу — посижу.»* У кого она сидитъ, тотъ долженъ молчать. Посторонніе спрашиваютъ: *«У кого?»*—Если дѣвушка отгадаетъ это лице, то ему и передаетъ свою обязанность. Часто случается, что дѣвушка *сидитъ да посиживаетъ* на чужихъ колѣняхъ особенно на братцовыхъ, притворяясь недогадливою.

Четъ нечетъ.

Гостинцы, приносимые отъ матушекъ, накопляются въ такомъ количествѣ, что дѣвушки рѣшаются проигрывать ихъ будто на тѣ, какихъ у одной нѣтъ, а у другой много. Дѣвушки садятся за столъ, раскладываютъ гостинцы

кучками и накрываютъ ихъ платкомъ. Начи-
нается розыгрышъ. Одна спрашиваетъ: *Четъ*
или *нечетъ?* Если другая отгадаетъ то или
другое, тогда беретъ гостинцы себѣ, какъ вы-
игрышъ, если не отгадаетъ, то сама отвѣчаетъ
платежемъ въ такомъ же количествѣ. Затѣйли-
выя иногда закрываютъ пустое мѣсто, и та,
которая не замѣтитъ обмана, расплачивается
всѣми гостинцами.

Ч е т к и .

Нянюшки приносятъ пукъ тростниковыхъ па-
лочекъ по числу дѣвиць, и раздаютъ дѣвуш-
камъ для замѣтокъ. Опытная въ этой игрѣ, оби-
раетъ палочки у *подругъ* и складываетъ ихъ вмѣ-
стѣ съ *шутомъ*: палочкою длиннѣе прочихъ.
Дѣвицы садятся на полъ въ кружокъ. Въ сре-
динѣ ставятъ пукъ палочекъ вертикально, при-
держивая его за средину правою рукою, а лѣ-
вою за верхушку *шута*, потомъ принимаютъ
вдругъ правую руку, и палочки разсыпаются
въ разныя стороны. Игра требуетъ, чтобы
дѣвица поднимала *по одинакъ* всѣ палочки, не
трогалъ другихъ. *Удача* собирать осторожно
палочки почитается *дѣвильнымъ проворствомъ*.
Завистливыя находятъ время говорить *разныя*
разности, съ намѣреніемъ отвлечь ловкую дѣ-
вушку. Проигравшихъ въ этой игрѣ наказыва-

ютъ чѣмъ нибудь, смотря потому, какое напередъ было сдѣлано условіе.

К о л е ч к о .

Одна изъ дѣвушекъ снимаетъ съ руки кольцо и отдастъ нянюшкѣ, которая въ кольцо продѣваетъ длинную ленту, и связываетъ концы. Дѣвушки становятся въ кружкѣ и держатся обоими руками за связку. Дѣвушка, обреченная по жеребью *кружиться*, ходитъ въ серединѣ отыскивать: «*у кого кольцо?*» Дѣвушки потихоньку передаютъ кольцо изъ рукъ въ руки. Въ это время, для развлеченія отыскивающей кольцо, производятъ непрерывное движеніе ленточкою. У кого будетъ открыто кольцо тотъ смѣняетъ кружившуюся дѣвушку.

К о з а .

Дѣвушки выбираютъ изъ среды себя одну подругу Козу, которая, отдѣлясь отъ толпы, приближается къ стѣнѣ въ задумчивости. Игроки, приближаясь къ ней, *заводятъ рѣчи*:

Дѣвушки.   Коза, коза бя,
Гдѣ ты была?

*

- Коза. - Коней стерегла.
 Дѣвушки. И гдѣ копи?
 Коза. Они въ лѣсъ ушли.
 Дѣвушки. И гдѣ тотъ лѣсъ?
 Коза. Черви выточили.
 Дѣвушки. И гдѣ черви?
 Коза. Они въ гору ушли.
 Дѣвушки. И гдѣ гора?
 Коза. Быки выкопали.
 Дѣвушки. И гдѣ быки?
 Коза. Въ воду ушли.
 Дѣвушки. И гдѣ вода?
 Коза. Гуси выплыли.
 Дѣвушки. И гдѣ гуси?
 Коза. Въ тростникъ ушли.
 Дѣвушки. И гдѣ тростникъ?
 Коза. Дѣвки выломали.
 Дѣвушки. И гдѣ дѣвки?
 Коза. Замужъ вышли.
 Дѣвушки. И гдѣ мужья?
 Коза. Они померли.
 Дѣвушки. И гдѣ гроба?
 Коза. Они погнили.

Дѣвушки разбѣгаются въ разные стороны; коза преслѣдуетъ ихъ. Если она которую нибудь изъ нихъ поймаеъ за ленту косы, тогда

пойманная получаетъ названіе козы, и игра начинается снова.

Послѣ игръ дѣвушки приступаютъ къ загадкамъ, продолжая ихъ разгадывать и загадывать до самаго вечера.

Русскія народныя загадки переходятъ изъ рода въ родъ, и высказываются въ одно время въ году. Счастливый геній, управлявшій въ старину веселыми бесѣдами нашихъ бабушекъ и дѣдушекъ, былъ изобрѣтателемъ многихъ остроумныхъ изреченій. Предки наши любили *поострить словами*, не обижая ни себя, ни своего сосѣда; они любили скрывать свою мысль въ словахъ иносказательныхъ, *для изоощренія молодежи, для потѣшенія молодежи и молодыхъ душекъ*. На Святкахъ нянюшки, мамушки и бабушки, не рѣдко и дѣдушки, загадывали загадки дѣвушкамъ и молодцамъ. Кто рѣзвѣе былъ, кто *сильльмь сильль*—тотъ скорѣе высказывалъ свой *отгадъ - догадъ*. Часто старые люди сами отгадывали свою загадку, съ укоромъ молодежи, что они такъ просты, и что въ ихъ молодое время всѣ были *умны - догадливы*. Между загадками высказывались часто сказочки, были о старомъ житѣ - бытѣ. Неудивительно, что въ такой жизни оживала на Руси старая Русская жизнь—со всѣми ея прелестями и восторгамъ,

со всѣми причудами и вѣробаніями. Народная память, уважая заветныя слова людсѣ умныхъ, хранила ихъ въ преданіяхъ. Вотъ почему наши Пословицы и Загадки, не бывъ вписаны въ сказаніяхъ, не гибли, какъ сгибли памятники временъ минувшихъ — лѣтописи. Въ помѣщаемыхъ здѣсь загадкахъ большая часть посятъ на себѣ слѣды древности; но видно, что время и ихъ измѣнило. Многія слова, можетъ быть, сохранились такъ, какъ они были сказаны въ первый разъ; но въ другихъ видны уже обновленія. За то иногда затѣйливость нашихъ предковъ выражается еще во всей красть. Такъ живо рисуется въ одной загадкѣ поселниниъ, въ другой горожанинъ, въ иной бывалой человекъ, а въ той домосъдъ. Не *мудрствуя лукаво*, Русской человекъ высказывалъ свою природу, свой бытъ, свое житье-бытье, и *не дальше*.

Вечеромъ, когда покой освѣщались огнемъ, дѣвушки приступали разгадывать свою судьбу и помышлять въ слухъ о своихъ *суженныхъ-ряженныхъ*, чего въ другое время имъ не позволялось. Вотъ въ большой комнатѣ по срединѣ стоитъ столъ покрытый скатертью. Опытная старушка выноситъ большое деревянное или оловянное блюдо и ставитъ на столъ. Нянюшки приносятъ кусокъ хлѣба, три угля

изъ печи, три щепоточки соли. Хозяйка покрываетъ блюдо платкомъ, и кладетъ на него хлѣбъ, уголья и соль. Дѣвушки садятся кругомъ стола и поютъ первую подблюдную пѣсню хлѣбу. Потомъ снимаютъ кольца съ рукъ и загадываютъ на нихъ. Хозяйка открываетъ чашу, кладетъ въ воду хлѣбъ, уголья и соль а дѣвушки свои перстни, кольца, послѣ чего, чаша закрывается. За этимъ начинаютъ пѣт-другія подблюдныя пѣсни, припѣвая къ каждой изъ нихъ: *кому вынется, тому сбудется*. Хозяйка, во время пѣнія, держитъ руку подъ платкомъ, стараясь разводить пальцами воду, и, когда пропоютъ пѣсню, вынимаетъ кольцо. Нянюшки и мамушки, по содержанію пропѣтой пѣсни, отгадываютъ участь дѣвицы. Последнему кольцу не поютъ подблюдной пѣсни: ему обрекаютъ горькую участь.

Послѣ этаго начинаютъ *хоронить золото*. Оставшееся кольцо отъ подблюдной пѣсни одна изъ дѣвушекъ беретъ въ руку и ходитъ по дѣвушкамъ, которыя сидятъ сложивъ руки на колѣняхъ. Пока поютъ пѣсню, она, потихоньку, кладетъ кольцо въ чьи нибудь руки, а дѣвушки его передаютъ одна другой. Пѣсня кончилась Кто хоронилъ золото, тотъ долженъ отгадать у кого оно. Если отгадаетъ, то оканчивается игра, если нѣтъ, то снова поютъ.

Послѣ этого приступаютъ къ гаданіямъ и ворожбѣ всякаго рода, извѣстнымъ въ *чернокнижии*. Глубокая полночь прекращаетъ Святочной день Велико-Русской дѣвушки.

II.

РУССКІЯ

СВЯТОЧНЫЯ ПѢСНИ *.

I.

Слава Богу на небѣ,

Слава!

Государю нашему на сей землѣ,

Слава!

Чтобъ нашему Государю не старѣться,

Слава!

Его цвѣтному платью не изнашиваться,

Слава!

Его добрымъ копьямъ не изъѣзживаться.

Слава!

Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,

Слава!

---

* Каждая изъ этихъ пѣсней имѣетъ свое значеніе, и въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ ихъ растолковываютъ по слогамъ. Въ такъ называемыхъ пѣсенникахъ приложены эти значенія, но въ нихъ нѣтъ и сотой доли справедливости. Приводить эти значенія разнообразныя до послѣдней возможности—считаю за излишнее.

А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,

Слава!

Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.

Слава!

—

II.

Катилось зерно по бархату,

Слава!

Еще ли то зерно бурмитское,

Слава!

Прикатилось зерно ко яхонту,

Слава!

Крупень жемчугъ со яхонтомъ,

Слава!

Хорошъ женихъ со невѣстою.

Слава!

Да кому мы спѣли, тому добро,

Слава!

Кому выпетя, тому сбудетя,

Тому сбудетя, не минуетя.

Слава!

—

III.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы;

Слава!

Шубенка на цемь худенька;

Слава!

Одна пола во сто рублей,

Слава!

Другая пола въ тысячу,

Слава!

А всей-то шубенкѣ цѣны нѣтъ;

Слава!

Цѣна ей у Царя въ казнѣ,

Слава!

У Царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.

Слава!

—

IV

Идетъ кузнецъ изъ кузницы;

Слава!

Несетъ кузнецъ три молота;

Слава!

Кузнецъ, кузнецъ! ты скуй мнѣ вѣнецъ,

Слава!

Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и лавъ,

Слава!

Изъ остаточковъ золотъ перстень,

Слава!

Изъ обрѣзочковъ булавочку.

Слава!

Мнѣ въ томъ вѣщѣ вѣнчаться,

Слава!

Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручаться,

Слава!

Мнѣ тою булавкою убречь притыкать,

Слава!

—

V.

Летить Сокольъ изъ уллицы,

Слава!

Голубушка изъ другой;

Слава!

Слетались, цѣловались,

Слава!

Связыми крыльями обнимались;

Слава!

Ужъ и имъ добрые люди дивовались,

Слава!

Какъ сокольъ съ голубушкой уживались.

Слава!

—

VI.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,

Слава!

Ищеть груздочикъ бѣляночку,

Слава!

Не груздочикъ скачетъ, а боярской сынъ,

Слава!

Не бѣляночки ищеть, а боярышни.

Слава!

—

VII.

Ужъ какъ выпло пузище на рѣпище,

Слава!

Вывесло пузище осмину вшей,

Слава!

Осмину вшей, полъ-осмины блохъ,

Слава!

—

VIII.

Растворю я квашонку на донышкѣ,

Слава!

Я покрою квашенку чернымъ сободемъ,

Слава.

Ополю квашонку яснымъ золотомъ.

Слава!

Я поставлю квашенку на столбикѣ,

Слава!

Ты взойди моя квашенка съ краями ровна,

Слава!

Съ краями ровна и со всѣмъ полна.

Слава!

IX.

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою,

Слава!

Живуть мужики богатые,

Слава!

Гребуть золото лопатами,

Слава!

Чисто серебро лукошками.

Слава!

X.

Шла щука изъ Нова-города,

Слава!

Она хвостъ волокла изъ Бѣла-озера;

Слава!

Какъ на щукъ чешуйка серебряная,

Слава!

Что серебряная позолоченая,

Слава!

А головка у щуки унизавная!

Слава!

XI.

На корыть сяжу,
Слава!
Я корысти гляжу;
Слава!
Я еще посижу,
Слава!
Я еще погляжу,
Слава!
Я глядь-поглядь
Слава!
И корысть пришла на дворъ
Слава!
И корысть на дворъ, женихи за столъ.
Слава!

XII.

Чарочка поплывушечка,
Слава!
До чего тебѣ доплывати?
Слава!
Пора тебѣ вонъ выплывать,
Слава!
Князьямъ, Болрамъ вино подносить.
Слава!

XIII.

Ахъ! ты мати, съй мучицу, пеки пироги,

Слава!

Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,

Слава!

Какъ нечаянные и невиданные,

Слава!

Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,

Слава!

Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ.

Слава!

—

XIV.

Жемчужина окатная!

Слава!

До чего тебѣ докатиться?

Слава!

Пора тебѣ выкатиться,

Слава!

Князьямъ и боярамъ на шапочку.

Слава!

—

XV.

Стоять сани снаряженные,

Слава!

И полостью онъ подернуты,

Слава!

Только състь въ сани да поѣхати.

Слава!

XVI.

Ужъ какъ кличетъ котъ кошурку:

Слава!

Ты поди, моя кошурка въ печурку спать,

Слава!

У меня у кота есть скляница вина;

Слава!

Есть скляница вина и конецъ пирога;

Слава!

У меня у кота и постеля мягка.

Слава!

XVII.

Вился, вился ярый хмель;

Слава!

Около тычипки серебряныя;

Слава!

Такъ бы вились Князья и Бояре;

Слава!

Около Царя православнаго.

Слава!

XVIII.

Покачу я колечко кругомъ города,

Слава!

А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду,

Слава!

Я сама пойду, милова найду.

Слава!

—

XIX.

Ласточка, касаточка,

Слава!

Не вей гнѣзда во высокомъ терему,

Слава!

Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не летывать.

Слава!

—

XX.

Сапожки, самокаточки,

Слава!

Они сами катятъ, сами ѣхать хотятъ.

Слава!

—

XXI.

По огороду хожу, полотеныцъ стелю,

Слава!

Я еще похожу, я еще постелю,

Слава!

XXII.

Ахъ! ты гнутое деревцо, черемушка!

Слава!

Куда клонисься, туда склонисься.

Слава!

XXIII.

Ты мати, мати порода моя,

Слава!

И ты взгляни, мати, въ окошечко,

Слава!

И выкинь, мати, опушнику,

Слава!

Чтобы было чѣмъ опушить ясна сокола,

Слава!

Что ясна сокола, то моего жениха.

Слава!

---

*

XXIV.

Ужъ какъ на себѣ двѣ радуги,
 Слава!
 У богатаго мужика двѣ радости,
 Слава!
 И онъ сына-то женить,
 Слава!
 Дочь замужъ отдаетъ.
 Слава!

XXV.

И я золото хороню, хороню,
 Чисто серебро хороню, хороню;
 Я у батюшки въ терему,
 Я у матушки во високомъ.
 Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная,
 Въ коей рукѣ былица,
 Змѣйныя крылица.
 И я рада бы гадала,
 И я рада бы отгадывала,
 Кабы знала, вѣдала;
 Черезъ поле идучи,
 Русу косу плетучи,
 Шелкомъ первиваючи,
 Златомъ приплетаючи.
 Ахъ! вы кумушки, вы голубушки,

Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочеть бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Паль, паль перстень
Въ калину, малину,
Въ черную смородину.
Очутися перстень
Да у боярина, да у молодова,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали,
Да не отгадали,
Красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призанидывъло, призаплеснивьло.
Молодайка, отгадай-ка.

III.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ.

---

1. С м е р т ь .

На морѣ, на Окіанѣ,
На островѣ на Буянѣ,
Сидитъ птица Юстрица,
Она хвалится, выхваляется,
Что все видала,
Всего много ѣдала.
Видала Царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ кельи,
Дитя въ колыбели;
А того не ѣдала,
Чего въ морѣ не достало.

---

2. Рѣза - шиповникъ.

Дерево древоданское,
Листья Лихоханскіе,

Цвѣты Ангельскіе,
Когти дьявольскіе.

---

3. *Бумага и писецъ.*

Ни небо, ни земля,
Видомъ свѣтла,
Садятся на ней
Темнообразныя птицы.
Два созирають,
Два сожидаютъ,
Одинъ повелѣваетъ.

---

4. *Буйный вѣтеръ, туча грозная, солнце лютное,
сердце страстное.*

Безъ крыль летить,
Безъ ногъ бѣжить,
Безъ огня горить,
Безъ рапъ болить.

---

5. *Улей, тѣлы, жало, воскъ, медъ.*

Стонть градъ на востокъ
Широкими дверьми,
Около его много воннства,
У каждаго воина по копыю.
Идетъ родъ Адамля,

Отняць у нихъ все нѣмнѣе.
 Вышнему слава, земному также!

—

6. *Грудной младенчикъ.*

Живая живуличка,
 Сидитъ на живомъ сгучекъ,
 Живое мяско теревить,

—

7. *Груди.*

Бѣлый лебедь,
 На блюдъ не былъ,
 Пожемъ не рушень,
 А всякъ его кушалъ.

—

8. *Макъ.*

Маленькой крошка
 Сквозь землю прошелъ,
 Красну шапочку нашелъ.

—

9. *Пера.*

Летѣлъ паць,
 На воду палъ,
 Воды не взмутилъ.

—

10. *Небо, звезды, мыслить.*

Взгляну я въ окошко,
 Раскину рогожку,
 Посью горошку,
 Положу хлѣба краюшку.
 Всякой видитъ,
 Да не всякой чуетъ.
 Кому свѣтло,
 Кому темно,
 А мнѣ голубо.

---

11. *Похороны.*

Бѣгутъ бѣгунчики
 Ревутъ ревунчики,
 Не дышать,
 Не пышать,
 По сухому берегу бѣжать.

---

12. *Каланъ капусты.*

Подъ дубкомъ, дубкомъ,
 Подъ карандышкомъ,
 Свилося клубкомъ,
 Да не камышкомъ.

---

13. *Бѣлокъ съ желткомъ.*

Во бѣломъ городѣ,
 Во темномъ подвалѣ,

Стоять въ одной бочкѣ:

Царево вино,
Царицынъ медъ,
Розно, несмѣщано.

14. *Наперстожа.*

Шла свинья изъ болота,
Вся искомота.

15. *Серьги.*

Подъ лѣсомъ, лѣсомъ
Колесы висять,
Дваницъ красять,
Молодцевъ пѣвнать,

16. *Мѣль.*

Подъ поломъ, поломъ
Ходить барыня съ коломъ,

17. *Вѣнчикъ.*

Скрученъ, связанъ
По избу пляшетъ.

18. *Пчела и восковая свѣча.*

Летить звѣрокъ
Черезъ Божій домокъ,

Самъ съ собой говоритъ:

Вотъ моя силка горятъ.

—

19. *Огурецъ.*

Безъ оконъ, безъ дверей

Полна хранина людей.

—

20. *Орѣхи.*

Махотка маленька,

Кашка сладенька.

—

21. *Сито.*

Сивая кобыла

По торгу ходила,

Къ намъ пришла,

По рукамъ пошла.

—

22. *Понеза.*

Отъ поясницы до ногъ

Семьдесятъ пять дорогъ.

—

23. *Колесъ.*

Четыре брата на свѣтъ:

Два меньшіе впереди

Два большіе позади,

Спвшать, бвгутъ,
Другъ друга не догонять.

---

24. *Лодка.*

Бду, вду,
Слвда нту;
Рвжу, рвжу,
Крови нту.

---

25. *Звонъ колокольный.*

Звонко звякнетъ,
Утка крякнетъ,
Сбирайтесь дѣтки
Къ одной маткѣ.

---

26. *Притолоки.*

Двѣ сестры страдаютъ,
Въ каморку зазираютьъ,
Взойдти не смвють.

---

27. *Пель, огонь, дьль.*

Мать толста,
Дочь красна,
Сынъ храберъ,
Подъ небеса ушелъ.

---

28. *Крестины.*

Подъ городомъ подь Брянскимъ,
 Подь дубомъ подь Царскимъ,
 Два орла орлуютъ,
 Одно янчко балуютъ.

29. *Зубы.*

Около прорубки
 Стоять бымы голубки.

30. *Орѣхи, скорлупа, зубы.*

Стоить крѣпко,
 Висить слабо,
 Около ихъ гладко,
 У всѣхъ ѣсть снасть,
 Имъ же ѣсть сласть.

31. *Часы.*

Стучить, гремить, вертится,
 Никого не бонется,
 Считаетъ свой вѣкъ,
 Самъ не человекъ.

32. *Великой постъ.*

Стоить мостъ
 На семь верстъ,

На мосту столбъ,
На столбу цвѣтъ,
Во весь свѣтъ.

---

33. *Дверь съ притолоками.*

Двое стоять,
Двое лежать,
Пятой ходить,
Шестой водить.

---

34. *Звонъ церковный.*

Выду на вывой,
Ударю во билиберды,
Утѣшу Царя въ Москвѣ
Разбужу Короля въ Литвѣ,
Мертвеца въ землѣ,
Игуменью въ кельѣ,
Малу дитю въ колыбели.

---

35. *Ножницы.*

Два конца,
Два кольца,
По срединѣ гвоздь.

---

36. *Игла съ ниткой.*

Бѣжить свинка,
 Золотая спинка,
 Льняной хвостокъ:

37. *Хлѣбъ:*

Загадаю я загадку,
 Брошу за грядку,
 Въ годъ пушу,
 Годовикъ рошу.

38. *Токъ:*

Дѣдушка лысь
 На небо глядитъ,
 Внучекъ чернобрись
 По лысинѣ хлысть.

39. *Вилы.*

Шла свинья изъ авнуну,
 Размыкавши сѣно по рылу:

40. *Варьги.*

Размыхъ, размыхъ
 Малу махнушку,
 Пушу бѣлу гольшку.

41. *Котань.*

Стоитъ попокъ,
 Самъ низокъ,
 Сто на немъ ризокъ.

---

42. *Столъ.*

На широкомъ дворѣ;
 На гладкомъ полѣ,
 Стоять четыре попа
 Подъ одною шляпою.

---

43. *Корова.*

Четыре чотырки,
 Двѣ растопырки;
 Седьмой вертунъ,
 Два стеклушка въ немъ.

---

44. *Савка.*

Самъ нагъ,
 Рубашка въ пазушкѣ;
 Самъ бѣлъ,
 Дѣтки красны.

---

45. *Жукъ.*

Черенъ да не воронъ,
 Рогатъ да не быкъ,

Шесть ногъ безъ копытъ,
Идетъ—земли не дереть.

46. *Красны.*

Раскинуты тенетки,
Прилетѣли лебедки,
Трутъ, мнутъ,
Раздвинуть, воткнуть.

47. *Пары водяны.*

Безъ рукъ, безъ ногъ
Не малъ клочекъ
Къ верху ползеть.

48. *Вѣнникъ.*

Стоитъ Ерофейка,
Подпоясанъ коротенька.

49. *Рукобойникъ.*

Надъ кислой рѣкой
Колокольчики звонки.

50. *Солнц.*

Изъ окна въ окно
Золото бревно.

51. *Паутина.*

Старикъ мететь по горницѣ,
Метлы летять по околицѣ.

---

52. *Лошадь, корова, лодка.*

Прилетѣли на хоромы
Три вороны ;
Одна говоритъ :
Мнѣ въ зимѣ добро,
Другая—мнѣ въ лѣтѣ добро,
А третья—мнѣ всегда добро.

---

53. *Котелъ съ водою.*

Подъ клѣтомъ, подъ наметомъ,
Стоитъ бочка съ воропнымъ саломъ.

---

54. *Годъ.*

Одинъ до двѣнадцати родилъ,
А двѣнадцать семь породило,
Изъ семерыхъ четыре выросло.

---

55. *Мутовина.*

Стоитъ ивина
Вся въ сучьяхъ.

---

*

56. *Книга.*

Идетъ ни мужикъ, ни баба,
Несетъ ни сгибень, ни пирогъ.

---

57. *Залочъ.*

Маленькой да гнутенькой
Весь домъ стережетъ.

---

58. *Зеленой лужъ.*

Сидитъ баба на грядкахъ,
Вся одежда въ заплаткахъ,
Кто не взглянетъ,
Тотъ всплачетъ.

---

59. *Коса.*

Маленькой да гнутенькой
Весь лужъ обошелъ.

---

60. *Перо писчее.*

Сорву косматому голѣву,
Выну сердце,
Дамъ пить,
Станетъ говорить.

---

61. *Божка съ крашомъ.*

Стоить старикъ надъ рѣкой,
Самъ не пьетъ, другихъ поить;
Воду лить ни ртомъ,
Ни ковшомъ, а долотомъ.

---

62. *Овинъ.*

Стоить миронъ,
Полна голова воронъ. —

---

63. *Гречиха.*

Черно, расколано,
Береть оскомина.

---

64. *Сонъ.*

Мила, перемила,
Свои очи надсадила,
Хоть грѣхъ, хоть два,
А смерть хочется.

---

65. *Черемуха.*

Черненька, маленька,
Всему свѣту мишенька.

---

66. *Пѣлство и раскатиѣ.*

Стоить море
 На пяти столбахъ,
 Царь говоритъ:
 Потѣха моя,
 Царица говоритъ:
 Погибель моя.

---

67. *Сорока.*

Бѣла—какъ снѣгъ,
 Зелена—какъ лугъ,
 Черна—какъ жукъ,
 Постъ—какъ быкъ,
 Повертка въ лѣсъ.

---

68. *Горишокъ.*

Жилъ перошя,
 Умеръ перошя,
 Никто его не хорошя,
 Ни попы, ни дьяки,
 Ни мы дураки.

---

69. *Саль.*

На водѣ родится,
 На огнѣ выростеть,
 Съ матерью увидится,
 Опять умереть.

---

70. *Ленъ прядуть.*

Пять овечекъ стогъ подьѣдаютъ.

Пять овечекъ прочь отьбѣгаютъ.

---

71. *Табакъ.*

Не пекутъ, не жуиють,

Не глотають, а всѣ вкусно ѣдятъ.

---

72. *Колоколъ.*

Кричить безъ языка,

Поетъ безъ горла,

Радуетъ и бѣдуетъ,

А сердце не чувствуетъ.

---

73. *Ракъ.*

Идетъ въ баню черепъ,

Выходитъ красенъ.

---

74. *Тѣнь.*

Ходитъ безъ ногъ,

Рукава безъ рукъ,

Уста безъ рвчи.

---

75. *Деньги.*

Кругло, мало,

Всякому мило.

---

76. *Комаръ.*

Остро, не ковано,
Косвусь покладомъ.

---

77. *Вишня.*

Сижу на теремъ,
Мала, какъ мышъ,
Красна, какъ кровь,
Вкусна, какъ медъ.

---

78. *Эхо.*

Живеть безъ тѣла,
Говорить безъ языка,
Никто его не видитъ,
А всякой слышитъ.

---

79. *Шиповникъ.*

Сидитъ колюка на вилахъ,
Одѣта во багрянцѣ,
Кто подойдетъ,
Того кольнетъ.

---

80. *Ужъ.*

Ни тѣло, ни духъ,
А съ крыльями вокругъ,

Къ кому подмечу,
Какъ разъ научу.

---

81. *Муха.*

Легко порхаетъ,
Сама не знаетъ,
Кто взглянетъ,
Всякой угадаетъ.

---

82. *Орехи.*

Росло, повыросло,
Изъ куста повылезло,
По рукамъ покатылось,
На зубахъ очутилось.

---

83. *Самостный свѣтъ изъ окна.*

Мету, мету,
Не вымету,
Несу, несу,
Не вынесу.

---

84. *Рыдванъ съ дышлою.*

Бдетъ орда,
Оглобля одна,
А дуги на одной.

---

85. *Коса, трава, копна сѣна.*

Щука двинеть,

Льсь вянетъ,

На томъ мѣстѣ городъ станеть.

—

86. *Корова: ноги, рога, хвостъ.*

Четыре ходоста,

Два бѣдоста,

Седьмой хлѣбестунъ.

—

87. *Безистъ.*

Самъ худъ,

А голова съ пудъ.

—

88. *Щи.*

Дорогой кашталъ

Всѣ души напитокъ.

—

89. *Рѣпи.*

Кругла да не дѣвка,

Съ хвостомъ да не мышъ.

—

90. *Лялька.*

Безъ рукъ, безъ ногъ,

На всѣ стороны клонится.

—

91. *Птица въ клеткѣ.*

Не грѣшна,
А повѣшена.

---

92. *Церковь.*

Клѣть плетена,
Она вверхъ сведена,
Сто рублей дана.

---

93. *Окошко.*

Дерну, подерну,
По бѣлому полотну.

---

94. *Мѣслица.*

Сивой жеребецъ
Подъ ворота глядитъ.

---

95. *Корзина.*

Виситъ баба на грядахъ
Вся въ заплатлахъ.

---

96. *Въ огородѣ рожь.*

Косо, непрямо,
Куда ты идешь?
Тебя степеши,

Зеленѣ, кудряво,
Тебя стерещи.

---

97. *Игла.*

Маленькой, сухенькой
Всѣхъ одъвааетъ.

---

98. *Задвижка.*

У насъ, у васъ
Поросенокъ увязъ.

---

99. *Игла.*

На водѣ не товетъ,
На огнѣ не горитъ,
Въ землѣ не гниетъ.

---

100. *Вилы.*

Быгуньки быгутъ,
Скрыпуньки скрипятъ,
Роговатки везутъ,
Маховатки колотятъ.

---

101. *Рыцето.*

Дыръ много,
Выместъ не куды.

---

102. *Сопли.*

Бѣдной на земь кидаеть,
Богатой съ собой собираеть,

---

103. *Почта.*

Въ городахъ рубятъ,
Въ деревню щепки летятъ.

---

104. *Глаза.*

Братъ съ братомъ
Черезъ дорожку живутъ,
Одинъ другаго не видятъ.

---

105. *Ложки къ кашкѣ щей.*

Бѣгутъ голубочки,
Къ одной пролубочкѣ.

---

106. *Кашанъ капусты.*

Лапкѣ, на лапку,
А игла не была.

---

107. *Письмо.*

Бѣлое поле,
Черное сѣмя,
Кто его сѣетъ,
Тотъ разумѣетъ.

---

108. *Сердцевана дровесна.*

Равень съ свѣтомъ,

А свѣту не видить.

---

109. *Перо.*

Чего чрезъ нѣбу не переквншь?

---

110. *Дорога.*

Чего къ нѣбъ не приставншь?

---

111. *Вода въ рѣшть.*

Чего кругомъ нѣбы не обиссшь?

---

112. *Береза: 1 лугина, 2 сокъ, 3 вѣникъ, 4 береста
для оплетенія горшка.*

Съ одного дерева

Да четыре угодя:

Первое—отъ темной ночи свѣтъ,

Второе—некопаной колодезь,

Третье—старому здоровье,

Четвертое—разбитому связь.

---

113. *Сернь.*

Маленькой, горбатенькой,

Все поле проскакалъ.

---

114. *Ночы, лотокъ.*

Лежить свинья
О двухъ рылахъ.

---

115. *Вльникъ.*

Подъ лавкой гудокъ,
На полу гудокъ,
Наиграется гудокъ,
Сядеть въ уголокъ.

---

116. *Горшокъ.*

Взять отъ земли, яко Адамъ,
Ввержень въ печь, яко три отрока
Посажень на колесницу, яко Фараонъ,
Повезень былъ на торжище,
Проданъ былъ за двѣ лепты,
Пострадалъ отъ братій, яко Иосифъ,
Вывезень на дорогу, яко зелье страдное,
И повержень въ ровъ на посмѣяніе;
Шла нѣкая вдовица, зѣло убогая,
Подняла его и принесла въ домъ,
Облекла его въ пеструю одежду,
Дала пить и сталъ жить.

---

117. *Вино.*

Стонтъ голеннице,
Въ голеннице суслое масло,

Смѣлость, бодрость,
И смерть не далеко.

---

118. *Блага.*

Милой мой,
Спать со мной,
Въ трауръ ходить,
Не знаешь по комъ.

---

119. *Чужой каюкъ.*

Стоитъ Садора,
Проситъ стол,
Мой куликъ великъ,
А дыра-то мала.

---

120. *Бѣдность.*

На дровъ, на свѣчей,
Чѣмъ встѣнить печей,
Въ правомъ сочельникъ,
Въ лѣвомъ чистой поведѣльникъ.

---

121. *Бланы.*

По плѣшивому хлопну,
На плѣшиваго канну,
Выну сто холстовъ,
На сто концовъ.

---

122. *Жернова.*

Два барашка грызутся,
Промежь ихъ пѣна валить.

---

123. *Коровье масло.*

Желтенькая собачка
Въ промежуточкѣ лежить.

---

124. *Молоко.*

Чиста да не вода,
Клейна да не смола,
Съ трудомъ его достаютъ,
У кого вѣтъ раздають.

---

125. *Лукъ.*

Возьму я зелье,
Брошу въ землю,
Какъ въ верхъ побѣжить,
Туть его буду косить.

---

126. *Дерево.*

И лѣтомъ весело,
И осенью сытно,
И зимой тепло.

---

127. *Пятюхъ.*

Не княженецкой породы,
А ходить съ короной,
Не ратной вздокъ,
А съ ремнемъ на ногъ,
Не сторожемъ стоять,
А всѣхъ равно будить.

---

128. *Каша.*

Черна, мала крошкка,
А угоды много въ ней,
Въ водъ поворять,
Ребята съядать.

---

129. *Ружье.*

Летить орель,
Дышетъ огнемъ,
По конецъ хвоста
Человѣчья смерть.

---

130. *Хряцъ.*

Собою не органъ,
А въ зубахъ играеть.

---

131. *Собака.*

На дворъ калачемъ,
А въ избѣ пирогомъ.

---

132. *Прозваніе.*

Какъ не брошу,
Ко всему льнетъ.

---

133. *Сѣтьи.*

Зимою грѣтъ,
Весною тлѣтъ,
Лѣтомъ умираетъ,
Осенью оживаетъ.

---

134. *Блоса.*

Мала, а проворна,
Гдѣ бываетъ,
Тамъ повелѣваетъ;
Въ шатеръ взойдетъ,
Богатыря перевернетъ.

---

135. *Пирогъ.*

Возьму пыльно,
Сдѣлаю жидко,
Брошу въ пламень,
Будетъ какъ камень.

РУССКІЯ

136. *Солнце.*

Чего со стѣны не вырубишь?

---

137. *Звѣзды.*

Взгляну въ окошко.
Стоитъ рыбы лукошко.

---

138. *Лицо.*

Кругла соловейка,
Кто тебя гладилъ?
Я сама гладка.

---

139. *Матица.*

Лютая свекровь,
Семейство стережетъ,
Свекровь разсердится,
Все семейство разблжится.

---

140. *Огонь отъ сѣни.*

Днемъ спитъ,
Ночью глядитъ,
Утромъ умираетъ,
Другой его смѣняетъ.

---

141. *Хлѣбъ.*

Временемъ разсываю,
Временемъ собираю,
Самъ сытъ бываю,
И людей кормлю.

---

142. *Миса съ ложками.*

Полно корыто
Людей набито.

---

143. *Боготопъ.*

Безъ души родился,
Народу пригодился,
Дамъ пить—пѣть,
Попрошу—отдасть.

---

144. *Собака.*

Собой не птица,
Пѣть не поеть,
Кто къ хозяину идетъ,
Она знать дасть.

---

145. *Подарки куль на прощенный день.*

Сѣмъ пересѣмъ,
Сѣмушку носилъ,
Травушку купилъ,
Кумушку дарилъ.

146. *Квасная кашка въ подеаль.*

Подъ поломъ поломъ
Стоитъ бабушка съ котломъ.

—
147. *Заслонка печная.*

Двое парятся,
Третій толкается,
Когда открывається,
Вся сласть подымается.

—
148. *Глаза.*

Сидитъ птица Салоса,
Безъ крыльевъ, безъ хвоста,
И космата и горбата,
Куда ни взглянуть,
Правду скажетъ.

—
149. *Яицо.*

Что въ ствну не воткнешь?

—
150. *Ухватъ.*

Рогать да не быкъ,
Хватаетъ да не сытъ,
Людямъ отдаетъ,
А самъ на отдыхъ идетъ.

РУССКІЯ
СЕМЕЙНЫЯ ПЪСНИ.

ЗАМѢЧАНІЕ.

Всѣ представляемыя здѣсь пѣсни списаны со словъ Русскихъ крестьянниковъ. Я не справлялся съ изданными, такъ называемыми *Пѣсенниками*, начиная съ Чулкова до 1837 года. Наше мнѣніе объ этихъ сборникахъ будетъ сказано въ Исторіи Русской народной Литературы. Извѣщая объ этомъ читателей, я увѣренъ, что они не обвинятъ меня за то, что многія пѣсни напечатаны здѣсь не со всѣмъ сходно въ сравненіи съ изданными нашими пѣсенниками. Не имѣя ни какого права исправлять пѣсни народныя, имѣющія свой самобытный характеръ, свой неизмѣнный типъ, я не рѣшаюсь до времени и указывать этихъ разностей. Цѣль моихъ изысканій была—сохранить старую Русскую жизнь и указать на народныя памятники. Къ сожалѣнію, я не могу теперь приложить сравнительныхъ пѣсней другихъ Славянскихъ народовъ, чрезвычайно сходныхъ съ нашими—Русскими; но это сравненіе постараюсь предложить въ следующемъ частяхъ. Въ концѣ этой же части прилагаю теперь двѣ сравнительныя Червоно-Русскія пѣсни, какъ образецъ будущаго изданія Русскія пѣсни требуютъ самаго отчетливаго изданія, замѣчаній, выведенныхъ изъ дѣйствительной нашей жизни, соображенія мѣстностей, гдѣ являютъ различія. Въ составъ этихъ изданій должна необходимо входить Исторія Русской народной поэзіи. Мною избраны только тѣ пѣсни, которыя доселѣ поются Русскими людьми въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я бываю, и которыя болѣе плѣняютъ Русскихъ людей. Полное собраніе всѣхъ Русскихъ народныхъ пѣсней будетъ составлять болѣе пяти тысячъ. Пѣсни Псковскія совершенно не походятъ по духу и составу на Новгородскія, а Новгородскія на Московскія. Заволжскія пѣсни сближаются болѣе съ Сибирскими, отдалены отъ Псковскихъ, Новгородскихъ, совершенно не похожи на Ярославскія, а еще менѣе на Архангельскія. Всѣ эти разности требуютъ своихъ указателей, мѣстныхъ выводовъ, объясненій областныхъ нарѣчій. Здѣсь должна быть раскрыта полная Исторія Русской народной поэзіи и грамматика Русскихъ областныхъ нарѣчій. Безъ этого Русскія пѣсни никогда не должны быть издаваемы.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Срав.
1. Ужь ты, душечка, доброй молодець	189
2. Ой ты, дума моя, думушка	190
3. Какъ во городъ было во Суздагь	191
4. Собирались дѣвки въ Ивановъ домъ	192
5. Молода по сѣнямъ шла, по новымъ	—
6. Ужь не та ли на меня, молодеца, бѣда	193
7. Я жила была у матушки	194
8. Ужь какъ видно, это видно	196
9. Ахъ ты, душечка, удамой молодець	197
10. Ахъ, ты, душечка, молодой ямщикъ	198
11. Скокнулъ я	199
12. Какъ бы знала, какъ бы вѣдала	202
13. Ужь какъ полно красна дѣвица тужити	203
14. Пѣтушокъ, пѣтушокъ	—
15. Стругалъ стружки добрый молодець	204
16. Ты дуброва моя, дубровушка	205
17. Ужь какъ палъ туманъ на сине море	206
18. Сторона моя, сторонушка	208
19. Ужь не лебедь ходить былая	—
20. Ахъ ты, батюшко, Ярославъ городъ	209
21. Леталъ голубь со голубкой	211
22. Говорилъ то миль, сердечный другъ	212
23. Ты рябинушка, ты кудрявая	213
24. Изъ кремля, кремля крѣпка города	214
25. Ахъ палъ туманъ на сине море	215
26. Какъ у ключика, какъ у гремучева	216
27. Чарочки по столу похаживаютъ	217
28. Ахъ, далече, далече во чистомъ полѣ	218
29. Ахъ, вы вѣтры, вѣтры буйные	219

50. Ахъ, подь лѣсомъ, лѣсомъ, подь зеленой дуб- ровой	220
51. Ахъ, вы горы, горы крутыя	221
52. Аха, ты сердце мое, сердце	—
53. Ахъ! конь ли, мой конь, лошадь добрая	222
54. Грушица, грушица моя	223
55. Еще, что же вы братцы призадумались.	224
56. Какъ у добраго молодца зеленъ садикъ.	225
57. Не былннушка въ чистомъ полѣ запаталася.	226
58. У залетнаго яснаго сокола.	—
59. Ахъ, ты солнце, ты солнце красное	227
40. Не спала то я, младешенька, не дремала	228
41. Какъ у насъ было во прошломъ году	229
42. Встрепенется соколъ	—
43. Ахъ! ты мальчикъ, кудрявчикъ мой.	231
44. Стукнуло, грянуло въ лѣсъ	232
45. Ахъ, Иванушка на печкѣ лежитъ	233
46. По подь лѣсу, лѣсу, перелѣсу.	235
47. Вотъ какъ мужъ жену любилъ	236
48. У колодезя у студенова купался боберь	—
49. У дороднаго, добра молодца	237
50. Охъ, бѣдной ѣжъ, горемышной ѣжъ	238
51. Голова ль ты моя, головушка	241
52. У меня ли молодца змѣя жена.	244
53. Какъ по крутому, по красному берегу	245
54. У душечки у красной у дѣвицы	246
55. Еще какъ люди въ людяхъ-то живутъ	247
56. Промежду двумя высокими горами	249
57. Красна дѣвица надежа.	251
58. Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные	252
59. Какъ доселъ, братцы, черезъ темный лѣсъ	253
60. На улицѣ то дождь, то снѣгъ.	254
61. Виноградѣ красно, по чему спознать	255

	187
	Стр.
62. Коляда, коляда	256
63. За рѣкою за быстрою, ой калюдка	257
64. Ай во борѣ, борѣ	258
65. Весна красна	—
66. Ой Овсень! ой Овсень	259
67. Благослови Троица	261
68. Ой Дидо! ой Ладо! на курганѣ	262
69. Не шуми мати зеленая дубровушка	—
70. Туманно красно солнышко, туманно	263
71. Какъ по садку, по зеленому	264
72. Калину съ малиной вода поняла	265
73. Да спасибо же тебѣ, синему кувшину	266
74. Ахъ туманы, вы туманушки	—
75. Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ	267
76. Ахъ ты, поле мое, поле чистое	268
77. Колыбельная пѣсня	269

Дополненія.

Червоно-Русскія пѣсни	272
Мало-Русская пѣсня	274

РУССКІЯ
СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ужъ ты, душечка, доброй молодець,
Удалая твоя головушка,
Что умильны твои очи ясны,
Ты куда, родимый, спаряжаешься?
Во чью чужу-дальню сторону,
Во чужу-дальню незнакому?
Иль во Новгородъ, иль во Ярославль?
Во Казань городъ, или въ Астрахань?
Иль во матушку каменну Москву?
Ты возьми, возьми меня съ собой,
Назови меня родной сестрой,
Или душечкой молодой женой.
Ой ты, красна дѣвица душа,
Прилука, зазнобушка молодецка!
И я радъ бы тебя взяти съ собой,
Про меня тамъ люди вѣдаютъ,
Да что вѣтъ у меня родной сестры,

Нѣтъ ни душечки молодой жены,
Лишь одна у меня матушка,
Да и та уже старешенька.

2.

Ой ты, дума моя, думушка,
Ужъ ты ль дума, крѣпкая!
Не могу я думы крѣпкія
Ни придумати, ни раздумати,
Приложить ума разума;
Какъ вечеръ мой милъ, сердечный другъ,
Загадавъ ли мнѣ загадочку,
Хитру, мудру, неотгадливу,
Неотгадливу, непридумчиву,
Непридумчиву, ужасную;
Онъ сказалъ мнѣ про свою затью:
Застрѣлеть моего нелюба въ зеленомъ саду.
Не тужу я о постыломъ,
О постыломъ моемъ мужъ;
Лишь тужу я о любимыхъ,
О любимыхъ моихъ дѣтяхъ,
Весь вѣкъ будутъ сиротами,
Сироты и горемыки.

3.

Какъ во городъ было во Суздаль,
Во Ефимьевой славной слободѣ,
Во высокомъ теремѣ состроенномъ,
Жилъ угрюмой мужъ, жена ласкова,
Жилъ боярской сынъ, слуги добрые,
Жилъ извозчикъ глупъ, кони скорые,
Всего было много, а ѣсть нечего,
Всѣхъ въ гости зовуть, а никто неидеть
Отъ хозяйскаго нрава грубаго,
Отъ приема всѣмъ изневаженнаго.
Ужъ какъ прѣхалъ гость зазваной
За обѣденной стотъ, во великъ день;
Ужъ не буря тутъ взволповалася,
А кровь въ хозяйнѣ разыгралася,
Принахмура сядя брови сѣрилъ,
Руки старылъ въ кулаки согнулъ,
Учалъ зорить гостя зазванова,
Безъ вины, безъ разума;
Ужъ вступилась ли жена добрая,
За обиду за гостиную:
Ужъ ты, мужъ, что по что бранишь
Гостя зазванаго во пиру своемъ?
Не женѣ учить старова мужа,
Ворчалъ злой старикъ за столомъ;
Гость-то учпилъ обиду крайнюю;
Онъ съѣлъ за разомъ калачъ большой,

Калачь большой, двух-копешной.
 Съ той поры, съ крутой бѣды,
 Запустѣлъ теремъ состроивной.

4.

Собирались дѣвки въ Ивановъ домъ,
 Собирались красныя на супратку,
 Собирались гости съ чужихъ волостей,
 Затирали вина семьей полковша,
 Зазывали гостей всю Ивановщину,
 Всю Никольщину, всю разлойщину,
 Всю маслинницу, всю Успенщину;
 Позабыли позвать Ильинскихъ ребятъ.
 Ужъ какъ пришелъ гость да незваной,
 Посадили гостя на загнеточкѣ,
 На загнеточкѣ, противъ ядовочки;
 Стаканъ браги поднесуть, за вихоръ потресуть,
 Къ ядовѣ подведуть, за ухо потресуть,
 Ко водѣ подведуть, за бородку трясуть,
 За бородку трясуть, по избѣ волокутъ,
 По свѣчкѣмъ гонять въяичкомъ.

5.

Молода по снямъ пѣла, по новымъ,
 По новымъ пѣла, тяжело несла,
 Тяжело несла рѣшето овса,

Супила, молола, хлѣбы пекла,
 Напекла, молода, овсяныхъ сухарей.
 Заставилъ мужъ добру-молоду
 Рыбу Сѣмушку варить, гостей подчивать.
 Молода въ сѣни вошла, туды сѣмъ, сюды сѣмъ,
 Будто Сѣму варила, гостей подчивала.
 Заставилъ мужъ добру-молоду
 Леща рыбу варить, гостей подчивать.
 Молода въ сѣни вошла, руками плеща,
 Будто Леща рыбу варила, гостей подчивала.
 Заставилъ мужъ добру-молоду
 Строить круглой пирога, гостей подчивать.
 Молода въ сѣни вошла, кругомъ обошла,
 Будто пирогъ строила, гостей подчивала.
 Ужъ вы гости мои, дорогіе мои,
 Вы покушайте, не чинитесь;
 Моя стрѣпня—рукова стрехня,
 Мой доспѣхъ—всѣмъ на смѣхъ.

6.

Ужъ не та ли на меня, молодца, бѣда,
 Бѣда наша, кручиннушка злая,
 Всѣ то моя братцы поженялись молодцы,
 Только я одинъ холостъ, не женатъ.
 Всѣ то, вѣдь, чужія жены
 Умны злодѣюшки, прелесливы;
 Часть II.

Какъ злодѣюшка чужа жена
 Прельстила добраго молодца меня.
 Я за колечко брякъ, брякъ, брякъ,
 Собачушка тлѣъ, тлѣъ, тлѣъ,
 Молодецкое сердечушко іокъ, іокъ, іокъ;
 А мужъ жидовинъ присмотрѣлъ,
 Онъ съ людьми приспѣлъ, подоспѣлъ;
 Мою спиннушку набухали,
 Большими четырьмя обухами,
 А какъ пятой-то кистень
 По бокамъ моимъ свистѣлъ.

7.

Я жила - была у матушки,
 Дроченное дитя,
 Не пускала меня, матушка,
 На улицу гулять;
 Ужь мнѣ хочется младѣшеньки
 Въ зелены сады ходить.
 Я ведерочки возьму,
 Сама по воду пойду,
 Сама по воду пойду
 На Москву на рѣку,
 На Москву на рѣку,
 Къ разгуляю кабаку,
 По студеную воду.
 Чѣмъ мнѣ по воду идти,

Лучше къ милому зайдти.
Мой милой сердце радъ,
Воротнички отворялъ,
Воротнички отворялъ,
За бѣлы руки принималъ,
Во свѣтличку ведеть,
Всѣ веселія даетъ.
Я у мила забавлялася
До вечерня зари;
Я ведерки подняла, на Москву рѣку пошла,
Размахнула, почерпнула, подняла, пошла.
Несучи я, младешенька, раздумалася,
Какъ домой молодой придти?
Какъ мнѣ матушки сказать?
Не умѣла какъ сказать,
Почулилася солгать:
Скажу гуси прилетали,
Скажу, серенькіе,
Скажу воду возмуцали,
Скажу, свѣженькую.
Я стояла на Москвѣ на рѣкѣ,
На крутомъ берегу,
Дожидалася младенька,
Пока устоялася вода.
Мой батюшка родимой не повѣрилъ тому,
Моя матушка родимая припечалилася.

8.

Ужъ какъ видно, это видно,
Да кто кого любить,
Во бесѣдушку приходитъ,
Противъ друга и садится,
На дубовой на скамѣчкѣ,
На клѣнковой на дощечкѣ,
Тяжелехонько вздыхаетъ,
Про кручинушку не скажетъ.
И я съ горя, со кручины,
Со великія печали,
Я пойду гулять на Волгу,
Что на пристань корабельну.
Посмотрю млада младенька,
Въ низъ по матушкѣ по Волгѣ:
Не плыветъ ли легкой корабликъ?
Ужъ и тамъ ли моя радость гуляетъ,
Кушцомъ проживаетъ,
Во звонку дудочку играетъ,
Товарищей забавляетъ.
Вы не плачьте ребята,
Не тужите молодые,
Не однимъ вамъ больно тошно,
А мнѣ молодцу тошнѣ,
По душѣ красной дѣвицѣ,
По названой мнѣ сестрицѣ.
Ты, душа-ль, красна дѣвица,

Ты, пазваная сестрица!
Либо выди, либо выглянь,
Иль открой, душа, окошко,
Хоть окошечка немножко.
Со восточной со сторонки
Поднимались буйны вѣтры,
Буйны вѣтры со вихорами,
Прибивало новъ корабль
Ко калинову мосточку,
Ко ракитову кусточку.
Выходила красна дѣвица
Съ ковшомъ по водицу,
Съ окованнымъ со ведромъ;
Размахнула, почерпнула,
Кудри черны зачерпнула,
Развернула, посмотрѣла,
По примѣтамъ узнавала:
Ой, я съ этими кудрями
На одномъ перу бывала,
Вино, медъ, пиво пивала,
Сладкимъ медомъ заѣдала,
Слаще меду тутъ видала,
И къ сердечку прижимала.

9.

Ахъ ты, душечка, удадой молодецъ,
Ты гораздъ, душа, огонь высекать.

Часты искры сыплются,
 Скоро туть загарается,
 Въ ретиво сердце вселяется,
 Сиротою называется.
 Сиротинушку я люблю,
 Сиротинкѣ рубашечку сошью,
 Я дружку ли волуночкѣ золотой.
 Сиротинушка мой, свѣтикѣ дорогой,
 Я не знаю, что мнѣ дѣлать надъ собой?
 Кабы красной дѣвкѣ волкушка своя,
 Я бы вышла за широки ворота,
 Я взяла-бъ за правую руку,
 Повела бы во нову горницу тебя,
 Посадила бъ на тесовую кровать,
 Я бы стала сиротину цѣловать.

10.

Ахъ ты, душечка, молодой ямщикъ,
 Ты къ чему рано упиваешься?
 Во кабакъ идешь, самъ шатаешься,
 Изъ кабака идешь, самъ валяешься,
 Возлѣ стѣночки пробираешься,
 За вереюшку самъ хватаешься.
 Веря-ль ты моя, вереюшка,
 Веря-ль ты моя, сосновая,
 Не сама въ землю становилася,
 Становили тебя добрые молодцы,

Добрыя молодцы, Володимірцы.
 Какъ у снѣзова млада селезня
 Не сами перья заломалися,
 Заломала ихъ сѣра утица
 По единому снѣзу перушку.
 Какъ у доброва молодца
 Не сами кудри завивалися,
 Завивала ему красна дѣвица
 По единому черну волосу,
 Завивши кудри, сама заплакала:
 Кабы знала млада, вѣдала,
 Вѣкъ сидѣла бы я во дѣвушкахъ.

 11.

Скокнулъ я,
 Спрыгнулъ я
     Изъ огорода во зеленой садъ гулять.
 Встрѣчу мнѣ,
 Встрѣчу мнѣ
     Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы;
 Они мнѣ даютъ,
 Они мнѣ сулятъ
     Яснаго сокола обнашивать.
 Яжъ не умѣю,
 Яжъ не гораздъ
     Яснаго сокола обнашивать.
 Пущу сокола,

Пушу сокола,

Пушу сокола по поднебесью летать.

Скокнуй я,

Спрыгнууй я

Изъ огорода во зеленой садъ гулять.

Встрѣчу мнѣ,

Встрѣчу мнѣ

Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы;

Они мнѣ даютъ,

Они мнѣ сулятъ

Добра коня объезживати.

Я не умѣю,

Я не гораздъ

Добра коня объезживати.

Пушу я коня,

Пушу я коня,

Пушу я коня по чисту полю гулять.

Скокнуй я,

Спрыгнууй я

Изъ огорода во зеленой садъ гулять.

Встрѣчу мнѣ,

Встрѣчу мнѣ

Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы;

Они мнѣ даютъ,

Они мнѣ сулятъ

Старую старуху трепать, цѣловать,

Трепать, цѣловать,

Къ сердцу прижимать,
 Къ сердцу прижимать,
 Животомъ называть,
 Животомъ называть,
 Еще душечкою.

Я не умью,

Я не гораздъ

Старую старуху трепать, цѣловать,
 Трепать, цѣловать,
 Къ сердцу прижимать,
 Къ сердцу прижимать,
 Животомъ называть,
 Животомъ называть,
 Еще душечкою.

Скокнунъ я,

Спрыгнуунъ я

Изъ огорода во зеленой садъ гулять.

Встрѣчу мнѣ,

Встрѣчу мнѣ

Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы;

Они мнѣ дають,

Они мнѣ сулятъ

Красную дѣвунку трепать, цѣловать,
 Трепать, цѣловать,
 Къ сердцу прижимать,
 Къ сердцу прижимать,
 Животомъ называть,

Животомъ называть,
Еще душечкою.

Я то умвю,
Я то гораздъ

Красную дѣвицу трепать, цѣловать,
Трепать, цѣловать,
Къ сердцу прижимать,
Къ сердцу прижимать,
Животомъ называть,
Еще душечкою.

—
12.

Какъ бы знала, какъ бы вѣдала
Непріятство друга милаго,
Нелюбовь друга сердечнаго,
Не сидѣла бы поздно вечеромъ,
Я не жгла-бъ свѣчи воску яраго,
Не ждала бы я друга милаго,
Не томила бы красна золота,
Не лила бы золота кольца,
И не тратила бы золотой казны.
Я слыла бы себѣ крылушки,
Полетѣла-бъ на иной городъ,
Что искать себѣ друга милаго.
И я слыла бы среди площади,
И я стала бы кличь кликати.

Кто бы сталъ со мной совѣтывать,
Какъ бы мнѣ забыть друга милого,
Проклинала бъ я разлучника,
Что разлучилъ меня со милымъ дружкой,
Со милымъ дружкой, со сердечнымъ.

13.

Ужъ какъ полно красна дѣвица тужити,
Не наполнишь ты сивя моря слезами,
Не веротишь друга милого словами!
Говорила я милому, говорила,
Я въ упрость ли друга милого просила:
Не женися ты, мой милой, не женися.
Не послушался, душа моя, женися!
Онъ присыпалъ ко бѣдну сердцу печали,
И онъ налилъ очи ясныя слезами,
Запечаталъ уста алыя онъ кровью.

14.

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
За чѣмъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Съ милымъ спать не даешь?

И я встану, младшенька,
 Раннѣмъ рано, ранешенько,
 Я умоюся, младшенька,
 Шуйскимъ мыльцомъ бѣлешенько,
 Я взойду ли подъ насѣсточку,
 Пѣтушка возьму за крылышко,
 За правильное за перышко,
 Я ударю объ насѣсточку:

Еще вотъ гдѣ пѣтушокъ,
 За ночью за снѣпкомъ!
 За чѣмъ рано встаешь,
 Голосисто поешь,
 Голосисто проешь,
 Съ мнѣмъ спать не дашь!

15.

Стругалъ стружки добрый молодець,
 Брала стружки красна дѣвица,
 Бравши стружки на огонь клала,
 Все змѣй пекла, зелье дѣлала,
 Сестра брата извѣсть думала;
 Выходила по середѣ двора,
 Налила чару прежде времени,
 Поднесла брату милому.
 Ты пей, сестра, напередъ меня.
 Пила, братецъ, наливаючи,

Тебя, братецъ, поздравляючи.
 Канула капля коню на гриву,
 У коня грива загорѣлася.
 Сходилъ молодець съ добра коня,
 Вынималъ свою саблю острую,
 И сонмалъ съ оестры буйну голову.
 Не сестра ты мнѣ родимая,
 А змѣя ты подколодная.
 Онъ клалъ дрова среди двора,
 И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
 Что до самага до пепела;
 Онъ развѣялъ пухъ по чисту полю,
 Заказалъ всѣмъ тужить, плакати.

16.

Ты дуброва моя, дубровушка,
 Ты дуброва моя, зеленая,
 Ты къ чему рано зашумѣла,
 Приклонила свои вѣточки?
 Изъ тебя ли изъ дубровушки
 Мелки пташечки вонъ вылетали,
 Одна пташечка оставалася,
 Горемышная кукушечка,
 Что кукуеть она день и ночь,
 Ни на малой часъ перемолку пѣть;
 Жалобу творить кукушечка
 На заметнаго ясна сокола:

Разорилъ онъ ее тепло гвздышко,
 Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
 Малыхъ дѣтушекъ кужунатушекъ,
 Что по ельничку, по березничку,
 По часту гвску, по орѣшничку.
 Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
 Что во высокомѣ сидитъ красная,
 Подъ косящетымъ подъ окошечкомъ;
 Она плачетъ, какъ рѣка льется,
 Возрыдаеть, что ключи кипятъ,
 Жалобу творитъ красна дѣвица
 На завѣжева добра молодца;
 Что сманилъ онъ красну дѣвицу,
 Что отъ батюшки и отъ матушки,
 И завезъ онъ красну дѣвицу,
 На чужу дальню сторону,
 На чужу дальню незнакомую,
 Что завезши, хочетъ покинуть.

17.

Ужъ какъ палъ туманъ на снѣ море,
 А злодѣй - тоска въ ретиво сердце;
 Не сходить туману съ снѣ моря,
 Ужъ не выдти кручинъ изъ сердца вонъ!
 Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
 Курится огонечекъ малешенекъ;

У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалый добрый молодець,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь горячую;
Подлѣ молодца стоять тутъ его доброй конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочеть вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалый добрый молодець!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу къ матери родимой, къ роду племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалый добрый молодець;
Подымалась у удалова его крышка-грудь,
Опустились у молодова былы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горячая,
Тутъ промолвилъ добрый молодець своему коню:
Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ;
Что за ней я взялъ поле чистое;
Нашъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

18.

Сторона-ль моя, сторонушка,
 Сторона-ль моя, незнакомая,
 Что не самъ-то я на тебя зашелъ,
 Что не доброй-де конь меня завезъ,
 Завезла меня доброва молодца
 Прыткость, бодрость молодецкая,
 И хмылинушка кабацкая.
 Породила меня матушка
 Во безсчастной день, во пятницу,
 Въ зеленомъ саду гуляючи,
 Что подъ крышею подъ зеленою,
 Что подъ яблонею подъ кудрявою.
 Пеленала де меня матушка
 Во свивальничекъ алой бархатной;
 Одывала меня матушка,
 Одвломъ оболаннымъ;
 Берегла меня матушка
 И отъ вѣтру и отъ вихоря,
 Что отъ часта мелка дождичка;
 Не спасла меня матушка
 Что отъ службы Государевой,
 Отъ чужедальной сторонушки.

19.

Ужь не лебедь ходить бывал
 По зеленой травкѣ шелковой,

Ходить красна дѣвица душа
 Во кручинѣ, въ мысляхъ горестныхъ,
 Закрывала очи ясные
 Снѣгобѣлымъ рукавомъ,
 Прозивала слезы крупныя,
 Думала думу крѣпкую.
 На кого меня покинулъ ты,
 Милъ сердечной другъ?
 Для тебя отстала я отъ всѣхъ,
 И отъ батюшки и отъ матушки,
 Я покинула родимую сторону,
 Распела я косу русую,
 Повѣривши другу милому.
 Ахъ, раскройся мать-сыра земля,
 Поглоти меня несчастную;
 Ужъ мнѣ солнышко не свѣтитъ,
 Ужъ меня милой другъ не любитъ!

—
20.

Ахъ ты, батюшка, Ярославль городъ!
 Ты хорошъ-пригожъ, на горѣ стоишь,
 На горѣ стоишь, на всей крестотѣ
 Промежъ двухъ рѣкъ; промежъ быстрыхъ,
 Промежъ Волги рѣки, промежъ Котрасли,
 Съ луговой было, со сторонушки,
 Протекала тутъ Волга матушка,
 Съ нагорной де со сторонушки

ЧАСТЬ II. 14

Пробѣгала тутъ рѣка Котрасля;
Что сверху-то было Волги матушки,
Что плыветь, гребеть легка лодочка;
Хорошо-то была лодка изукрашена,
У ней носъ, корма раззолочены,
Что расшита легка лодочка
На двѣнадцатеры веселочки;
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы,
По среди лодки красна дѣвица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовиница;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Въ возрыданьи слово молвила:
Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся,
Ужъ какъ бы у меня, красной дѣвицы,
На правой рукѣ, на мизинчикѣ,
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая Ярославская;
Атаману быть пойману,
Ясаулу быть повѣшену,
Добрымъ молодцамъ головы срубятъ,
Красной дѣвицѣ въ тѣмнищѣ быть.

21.

Леталъ голубь со голубкой ,
Голубь сизинькой,
Сизокрыльничкой,
Гдѣ ты, голубь былъ?
Гдѣ голубчикъ побывалъ?
Былъ у душечки,
Красной двушки;
Красной дома не засталъ,
У кровати простоялъ,
Кровать точеная,
Позолоченая,
Шитой браной положекъ
Тафтою обложень,
Разными шелками разстроченъ.
Я во горенку взошелъ,
Я сударушку нашель:
Что сидитъ красна двица,
За дубовымъ за столомъ,
Разстилаетъ полотенце
Полушелковое,
Кривтъ милому рубашку.
Какъ не стало рукавца,
Я послала молодца;
Молодецъ съ рукавцомъ
Очень долго не бывалъ.
Рукавъ правинькой,

*

Молодецъ бравненькой,
 Мнѣ не жаль рукавца,
 Мнѣ жаль удалова молодца.

 22.

Говорилъ то милъ сердечной другъ,
 Говорилъ, крѣпко наказывалъ,
 Съ инимъ гулять не приказывалъ:
 По смирнѣ живи любушка,
 Моя бывая лебедушка.
 Я наказу не послушалась,
 Съ инимъ дружкомъ повадилась,
 Повадившись, разбранилась,
 Разбранившись, слезно плакала,
 Во слезахъ слово промолвила:
 Погляди сердечной другъ,
 У насъ на дворъ туманъ,
 Что сухой дымъ, со частымъ дождемъ,
 Во чистомъ полѣ буйны вѣтры,
 На синемъ морѣ погодушка;
 Есть у молодца зазнобушка,
 Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
 Зазнобивши оны, въ путь пошелъ,
 Что во путь, на чужую сторону.

23.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда взопла? когда выросла?
 Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда цвѣла? когда вызрѣла?
 Я весной взопла, лѣтомъ выросла,
 Я зимой цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.
 Подъ тобою ли, подъ рябинушкой,
 Что не макъ цвѣтеть, не трава ростеть,
 Не трава ростеть, не огонь горить,
 Не огонь горить—ретиво сердце,
 Ретиво сердце молодеческое.
 Ахъ, горить, горить какъ смола кипить,
 По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
 По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
 По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
 Ты душа-ль, душа, красна дѣвица
 На зарѣ-ль, зарѣ, зарѣ утренней,
 При восходѣ ли свѣтла солнышка,
 Не простившись съ отцемъ, съ матерью,
 Не выдавшись съ добрымъ молодцомъ,
 Жизнь оставила, скончалася.
 Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые,
 Вѣтры теплые, вы весенніе,
 Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.
 Прилетайте вы вѣтры буйныя,
 Что со сѣверной со сторонушки,

Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю ,
 И развѣвши по чисту полю,
 По чисту полю, по широкому,
 Вы раскройте мнѣ гробову доску,
 Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
 Распроцатися съ моей милою ,
 Съ моей милою, съ душой дѣвицей!
 Окропивъ ее горючей слезой,
 Я вздохну, умру подлѣ ней тогда.

24.

Изъ Кремля, Кремля крѣпка города,
 Отъ дворца, дворца Государева,
 Что до самой ли красной площади
 Пролегала тутъ широкая дорожка,
 Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
 Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
 Добра молодца большого барина,
 Что большого барина, атамана стрѣлцаго,
 За измѣну противъ Царскаго Величества.
 Онъ идетъ ли молодець—не оступается,
 Что быстро на всѣхъ людей—озирается,
 Что и тутъ Царю не покоряется.
 Предъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
 Во рукахъ несетъ остеръ топоръ
 А за нимъ идутъ отецъ и мать ,

Отець и мать, молода жена;
Они плачуть, что рѣка льется,
Возрыдають, какъ ручьи шумять,
Въ возрыданьи выговариваютъ:
Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому Царю,
Принеси свою повниною,
Авось тебя Государь Царь пожалуетъ,
Оставить буйну голову на могучихъ плечахъ.
Каменѣть сердце молодецкое,
Онъ противится Царю, упрямствуетъ,
Отца матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуеть.
Привели его на красную площадь,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

—
25.

Ахъ палъ туманъ на сине море,
Вселилася кручина въ ретиво сердце,
Не схаживать туману со снѣга моря
Злодѣйкѣ кручинѣ съ ретива сердца.
Что далече, далече, во чистомъ полѣ
Стояла тутъ дубровушка зеленая,
Среди ея стоялъ золотой курганъ,

На курганъ раскладенъ былъ огонечикъ,
 Возлѣ огонечка посланъ войлочникъ,
 На войлочкѣ лежитъ ли доброй молодецъ,
 Припекаетъ свои ранушки боевыя,
 Ранушки боевыя, кровавыя.
 Что изъ далеча, далеча, изъ чистаго поля
 Приходятъ дѣ ему братцы товарищи,
 Зовутъ ли добра на святую Русь.
 Отвѣтъ держать доброй молодецъ:
 Подите братцы на святую Русь,
 Приходить ли мнѣ смерть скорая,
 Отцу матери скажите челобитьице,
 Роду племени скажите по поклону всѣмъ,
 Молодой женѣ скажите волюшку свою,
 На всѣ ли на четыре на сторонушки,
 Малымъ дѣтушкамъ скажите благословеньце.
 Ахъ не жаль то мнѣ роду племени,
 Не жаль-то мнѣ молодой жены,
 Мнѣ жаль-то малыхъ дѣтушекъ,
 Остались дѣтушки малешеньки,
 Малешеньки дѣтушки, глупешеньки,
 Натерялся холода и голода.

—
26.

Какъ у ключика у гремучея,
 У колодезя у студенова,

Добрай моладзецъ самъ коня полъзъ,
 Красна дѣвица воду черпала,
 Почерпнувъ воды, поставила,
 Какъ поставивши, призадумалась,
 А задумавшись, заплакала,
 А заплакавши, слово молвила:
 Хорошо тому жить на семь свѣтъ,
 У кого есть отецъ и мать,
 Отецъ и мать, и братъ, сестра,
 Ахъ, и братъ, сестра, что и родъ и племя.
 У меня-ль у красной дѣвицы,
 Ни отца нѣту, ни мажери,
 Какъ ни брата, ни родной сестры,
 Ни сестры, ни роду племени,
 Ни того ли мила друга,
 Мила друга—полюбовника.

27.

Чарочки по столику похаживаютъ,
 Яндова похода говорить,
 Старымъ бабамъ полвно сулять.
 Въ старыхъ бабахъ корысти-то нѣтъ,
 Только ихъ и дѣло на печи сидѣть.
 Чарочки по столику похаживаютъ,
 Яндова похода говорить,
 Молодымъ молодкамъ шетку сулить.
 Та ли шетка о семи хвостахъ.

Первой разъ ударить, такъ семь рубцовъ,
 Другой разъ ударить, такъ четырнадцать,
 Третій разъ ударить, такъ двадцать одинъ.
 Чарочки по столику похаживаютъ,
 Яндова похода говорить,
 Краснымъ двушкамъ лозу сулить;
 Та ли лоза въ лѣсу выросла,
 Хотя выросла, да не вывезена,
 Мнѣ красной двушкѣ битой не быть.

28.

Ахъ далече, во чистомъ полѣ
 Стояло тутъ деревцо вельми высоко,
 Подъ тѣмъ ли подъ деревцомъ выростала трава,
 На той ли на травоньки разцвѣтали цвѣты,
 Разцвѣтали цвѣты, все лазоревые;
 На тѣхъ ли цвѣтахъ разостланъ коверъ,
 На томъ ли коврѣ два братца сидятъ,
 Два братца сидятъ, два родимые;
 Большой-то братецъ во дудочку игралъ,
 А мѣньшой братецъ пѣсню припѣвалъ:
 Порошила насъ матушка двухъ-то сыновей,
 Вспонялъ, вскормилъ батюшка, какъ двухъ соколовъ,
 Вспонявши, вскормивши ничему насъ не училъ,
 Научила молодца чужадаляняя сторона,
 Чужадаляняя сторона, понизовы города.
 Чужадаляняя сторона безъ вѣтру сушить,

Безъ вѣтру сушить, безъ морозу знобить.
Какъ думала матушка насъ вѣкъ не избыть,
Избыла насъ родимая единымъ часомъ,
А теперь тебя, матушка, насъ вѣкъ не видать,
А намъ на родимой сторонѣ не бывать.

29.

Ахъ вы вѣтры, вѣтры буйные,
Вы буйные—вѣтры осеніе,
Потяните вы во эту сторону,
Во эту сторону, во восточную,
Отнесите вы къ другу вѣсточку,
Что нерадостную вѣсть печальную;
Какъ вечеръ то молодешенькъ,
Мнѣ мало спалось, много видѣлось,
Не хороше-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня у младешеньки,
На правой рукѣ на мизничекѣ,
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая Ярославская,
Подареньце друга милова,
Свѣтъ дородна добра молодца.

30.

Ахъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубравой,
 Сама протекала matka быстрая рѣка,
 Урываючи круты красны бережки,
 Осыпаючи желты пески сыпучи,
 На томъ на крутомъ на красномъ бережечкѣ,
 Само выросло свято дерево кипарисно,
 На томъ на святомъ деревѣ кипарисномъ
 Молодой соловей тепло гнѣздо свиваетъ,
 Малыхъ дѣтушекъ выводитъ;
 Онъ жалобно свищетъ, хорошо воспѣваетъ,
 Вспоминаючи красное теплое лѣто;
 Нѣгдѣ мнѣ соловьюшки тепла гнѣзда свити,
 Нѣгдѣ мнѣ малыхъ дѣтокъ выводити.
 Какъ-тутъ растужится, какъ расплачется,
 Удамый добрый молодець,
 Сидючи онъ во темной темницѣ,
 Вспоминаючи свою родимую сторонушку;
 Ужъ нѣгдѣ мнѣ на своей сторонѣ побывать.
 Съ отцомъ съ матерью не видаться,
 Съ родомъ съ племенемъ не свыкаться,
 Молодой женой не любоваться,
 Малыхъ дѣтушекъ не вспоить;
 Знать то мнѣ добру молодцу,
 Во темницѣ головушку свою положить.

31.

Ахъ вы горы, горы крутыя!
 Ничего вы горы не породили,
 Что ни травушки, ни муравушки,
 Ни лазоревыхъ цвѣточковъ василечковъ;
 Ужъ вы только породили круты горы
 Бѣлъ горючъ камень великъ добръ,
 Что на камушкѣ растеть ли часть ракитовъ кустъ,
 Что подъ кусточкомъ лежалъ убитъ доброй мо-
 лодецъ,

Разметавъ свои руки бѣлыя,
 Растрепавъ свои кудри черныя,
 Изъ реберь его проросла трава,
 Ясны очи его пескомъ засыпались.
 Что не ласточка, не касаточка
 Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
 Увивается его матушка родная.
 Ахъ! какъ я тебѣ сынъ говаривала,
 Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
 Что со бурлаками, со ярыгами,
 Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
 Ты не пей, мой сынъ, зелена вина,
 Потерять тебѣ, сыну, буйну голову.

32.

Ахъ, ты сердце мое, сердце
 Ретивое, молодецкое!

Къ чему ноешь, занываешь,
 Ничего мнѣ не 'скажешь,
 Что ни радости, ни печали,
 И ни одной бѣды и махати.
 Привязалось ко мнѣ горе,
 Къ молодому молодцу,
 Я не знаю какъ и быть,
 Своему горю пособить,
 Не могу горя избыть,
 Ни завсть и ни запить;
 Я пойду ли лучше въ поле,
 И разсѣю мое горе,
 По всему по чистому полю.
 Уродися мое горе,
 Ты травою польнисью;
 Какова трава польнь горька,
 Таково-то горе сладко.

33.

Ахъ! конь ли мой конь, лошадь добрал,
 Ты не ходи, мой конь, на Дунай рѣку,
 Ты не пей, конь, изъ ручья воды,
 Изъ ручья красна дѣвнца умычалася,
 Она бѣлыми бѣлилами бѣлилася,
 Она алыми румянами румянилася,
 Она черными сурмилами сурмилася,

Во хрустально чисто зеркало глядылася,
Красотѣ своей дѣвичей дивовалася.
Красота-ль моя, красота дѣвичья,
Ты кому-то красота достанешься?
Какъ досталась красота моя мужу старому.
Я могу ли красота тебя убавити,
Да что краснаго золота увѣсити,
Да что крупнаго жемчугу разсыпати.

54.

Грушица, грушица моя,
Груша зеленая моя,
Подъ грушею свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
Слезну рѣчь говорить:
Катись мѣсяцъ за лѣсъ, не свѣти,
Всходи красно солнце, не пеки;
Стань мой сердечный въ памяти,
Полно глаза мои жечь,
Полно изъ глазъ слѣзы точить,
Полно бѣло-лице мочить;
Я и такъ много терплю,
Грусть превеликую держу,
Грусть ко злодѣю отошлю;
Пусть злодѣй спознаетъ самъ,
Какъ жить на свѣтъ тяжело,

Безъ мила друга своего.
 Пойду-ль во зеленой садъ гулять,
 Сорву съ грушницы цвѣтокъ,
 Совью на голову вѣнокъ,
 Пойду-ль на быстрой на Дунай,
 Стану на мелкомъ на берегу,
 Брошу вѣнокъ мой въ рѣку,
 Погляжу во ту сторну:
 Тонеть ли, тонеть ли вѣнокъ?
 Тужить ли, тужить ли дружокъ?
 Не тонеть мой аленькой вѣнокъ.
 Знать-то иная у него,
 Знать-то иную полюбилъ,
 Знать-то получше меня,
 Знать-то повсхливѣе
 Знать-то по привѣтливѣе.

—
35.

Еще, что же вы братцы призадумались,
 Призадумались ребятушки, закручинившись,
 Что повѣсили свои буйныя головы,
 Что потупили очи ясные во сыру землю;
 Еще ходимъ мы братцы не первой годъ,
 И мы пьемъ ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
 Цвѣтно платье носимъ припасеное;
 Еще ли лихъ на насъ супостатъ злодѣй,

Супостать злодѣй воевода лихой,
Высылаеть изъ Казани часты высылки,
Высылаеть все высылки стрѣлецкія,
Они ловять насъ, хватають добрыхъ молодцовъ,
Называютъ насъ ворами, разбойниками.
И мы, братцы, вѣдь, ни воры, ни разбойники,
Мы людя добрые, ребята все поволжскіе;
Еще ходимъ мы по Волгѣ не первой годъ,
Воровства и грабительства довольно есть.

36.

Какъ у добраго молодца зеленъ садикъ,
Посѣялъ добрый молодець цвѣточки,
Посѣявши цвѣточки, самъ заплакалъ:
Ахъ, свѣтъ мой лазоревы цвѣточки!
Кому-то васъ цвѣточки поливати,
Отъ лютыхъ отъ морозовъ укрывати?
Отець и мать у молодца стареньки,
Одна была родима сестрица,
И та пошла на Дунай рѣку за водницей.
Въ Дунай ли рѣкъ она потонула?
Въ темномъ ли лѣсу заблудилась?
Сърые-ль ее волки разорвали?
Аль Татары ее полонили?
Кабы она въ Дунай рѣкъ потонула,
Дунай рѣка съ пескомъ возмутилась;
Часть II. 15

Какъ бы её сѣры волки разорвали,
 Косточки бы по чисту полю разметали;
 Какъ бы ее Татары полонили,
 Ужъ бы мнѣ добру молодцу вѣсточка была.

37.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
 Зашаталася безпріютная головушка,
 Безпріютная головушка, молодецкая;
 Ужъ куда я доброй молодець не кинуся,
 Что по лѣсамъ по деревнямъ все заставы,
 На заставахъ ли все крѣпки караулы;
 Они меня ловять, стерегутъ;
 Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
 Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, нѣтъ счастья.
 Я съ дороженьки добрый молодець ворочуся,
 Государыни своей матушки спрошуся;
 Ты скажи, скажи моя матушка родная:
 Подъ которой ты меня звѣздой породила?
 Ты какиѣ меня и счастьемъ надѣлила?

38.

У залетнаго яснаго сокола
 Подопрѣло его правое крылышко,
 Правое крылышко, правильно перышко.
 У заѣзжева добра молодца,

Что болить его буйна головушка,
Что щемить его ретиво сердце,
Ни по батюшкѣ, ни по матушкѣ,
Ни по братцѣ, ни по родной сестрѣ,
Ни по душечкѣ по молодой женѣ;
А болить его буйная головушка,
А щемить его ретиво сердце,
Что по душечкѣ красной дѣвицѣ,
Что по прежней ли полюбовницѣ.
Во зеленомъ его садикѣ,
У любовной его яблоньки,
Отвалился что не лучшей сукъ,
Покатились сладки яблочки,
Что по матушкѣ по сырой землѣ.
Подбирала сладки яблоки,
Что душа ли красная дѣвица,
Его прежняя полюбовница,
Уколола правую ноженьку
Объ сучекъ сладкой яблоньки;
Что болить, болить ея ноженька,
Отъ того щемить ретиво сердце
У дороднаго добра молодца,
У младаго ея полюбовника.

—
39.

Ахъ, ты солнце, ты солнце красное!
Ты къ чему рано за лѣсъ катишься?

*

У меня въ глазахъ милъ сердечной другъ,
 Не гостить онъ, не жалуетъ,
 Все домой снаряжается.
 Провожу ли я друга милого
 Черезъ два поля чистыя,
 Черезъ три луга зеленые,
 Черезъ матушку каменну Москву.
 Я тутъ съ другомъ разставалася,
 Я слезами обливалася,
 Во слезахъ ему слово молвила:
 Коли лучше меня найдешь—позабудешь;
 Коли хуже меня найдешь—вспомнянешь.

—

40.

Не спала то я, младшенька, не дремала,
 Я ни думала, младшенька, ни гадала,
 Съ правой руки яснаго сокола опустила;
 Подымался младъ ясень соколъ выше лѣсу,
 Выше лѣсу, выше зеленой дубровы!
 Опускался младъ ясень соколъ на синѣ море,
 Онъ садился младъ ясень соколъ на корабликъ;
 По кораблику гостинный сыиъ гуляетъ,
 Во звончатые онъ гусельки играетъ,
 Онъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
 Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица,
 Наживай себѣ друга милого много.

Буде лучше меня найдешь—позабудешь;
Буде хуже найдешь—вспомнешь,
Вспомянувъ меня, душа моя заплачешь.

41.

Какъ у насъ было во прошломъ году,
Уродилась сильна ягода въ бору,
Заблудилась красна дѣвица въ лѣсу,
Она вышла на Оку рѣку,
Сама съѣла на крутомъ берегу,
Она кличетъ перевощика къ себѣ:
Перовщикъ, перовщикъ молодой,
Перевези меня скорешенько домой,
У меня дома нѣтъ ни кого;
Родной батюшко къ обѣднѣ пошелъ,
Родна матушка во честной пирѣ
Прилеталъ тутъ къ ней сизъ голубчикъ,
И онъ съѣлъ, взлетѣлъ на молодой на дубокъ;
Поклевалъ голубь желуди всѣ,
Отъ сыра дуба отросточки,
Разсыпались ея косточки.

42.

Вострепенется соколъ
На дубу сидючи,
Какъ расплачется дѣвица

Во терему сидючи
Не давай, сударь, батюшко,
Замужъ за Волгу рѣку,
Государыня матушка,
Ты меня за Волжанина.
Какъ захочется, батюшко,
Мнѣ у тебя побывать,
Государыня матушка,
Мнѣ у тебя погостить,
Я на Волгу приду
Я суденца не найду,
Хоть суденцо найду,
Весельца не сыщу,
Хотя весельцо сыщу,
Я гребца не найду
Хоть гребца я найду,
Волга рѣка протечеть,
А меня младешеньку
Въ низъ по рѣкѣ понесеть.
Ахъ, ты, свѣтъ же мой красной день,
Ужъ мнѣ тебя не видать;
Ты, надѣжа, сердечный другъ,
Мнѣ у тебя не бывать.
Я пойду молоденька въ зеленые луга,
Закричу млада громко:
То то мнѣ злая бѣда!
Ахъ, вы лютые звѣри

Собирайтесь ко мнѣ.
 Вотъ вамъ сладкая пища,
 Терзайте меня;
 Хоть только оставьте
 Ретивое сердце,
 Вы отдайте мнѣ другу
 Во былыя руки.
 Ахъ, пускай мнѣ посмотритъ,
 Какъ я его любила!

—
43.

Ахъ, ты мальчикъ, кудрявчикъ мой,
 Кудреватая головушка твоя,
 Еще кто тебя спородилъ молодца?
 Спородила родна матушка меня,
 Вспонглъ, вскормилъ родной батюшка меня,
 Бѣло вымала Валдайская вода,
 Завила кудри разлапушка моя,
 Разлапушка красна дѣвица душа,
 Завивала, приговаривала:
 Когда рѣченьки разольются,
 То черны кудри разовьются.
 Я съ того горя въ зеленый садъ пойду,
 Я построю нову горенку въ саду,
 Съ тремя красными окошечкамъ:
 Первымъ окномъ на Москву рѣку,
 Другимъ окномъ къ Государеву дворцу,

Третьимъ окномъ въ Ямскую слободу,
 Ко славному къ Патрикеею ямщику.
 У славнаго Патрикеея ямщика,
 Жила-была дочь хороша,
 Разлапушка, свѣтъ, Аннушка.
 Выходила молода
 За новыя ворота,
 Ахъ, какъ мой-то милъ
 Онамедни черевички купилъ,
 Черевички не велички,
 Алы бархатныя.
 Ужъ я вышла молода
 За новыя ворота,
 Черевички скрипятъ,
 Молодчики глядятъ,
 Гулять со мной хотять,
 Меня въ гости зовуть,
 Въ карманъ золото кладуть.

—
44*.

Стукнуло, грянуло въ лѣсъ,
 Комарь съ дуба свалился,
 Упалъ онъ на коренище,
 Збилъ онъ до гола плечище.

---

* См. въ концѣ книги Червоно-Русскую и Мало-Русскую пѣсни, сходныя съ этою.

Слетались мухи горюхи ,
Славныя грохотухи ,
Стали онъ возглашать ,
О комаръ вспоминать .
Ахъ, ты нашъ, свѣтикъ, комаръ,
Жаль намъ тебя не мало!
Какъ будешь ты умрати ,
Гдѣ намъ тебя погребати ?
Схороните меня въ полъ ,
Въ зеленой дубровъ ;
Тамъ-то ребята бывають ,
Зелено вино распивають ,
Туды сюды зазирають ,
Про комаря вспоминають :
Туть-де лежитъ комарище ,
Удалой парень ребятище .

—

45.

Ахъ , Иванушка на печкѣ лежитъ ,
А Ульянушка на печку глядитъ ;
Какъ пришла ли ея мать ,
Учала ее ломать ,
Учала ее ломать ,
Лишь кости гремять ,
Лишь кости гремять ,
И суставы говорятъ .

Ахъ, Суздальцы, Володшїрцы,
Ни скакать, ни плясать съ колокольчиками,
Съ колокольчиками, съ болобольчиками.
Ахъ! ставемъ говорить, выговаривати,
Черно на бѣло выворочивати.
Ахъ! медъ поспѣлъ, медъ сыченой;
Ахъ! я была молодка молоденька,
А мужа-тъ мой онуча испощная,
Какъ у Карпова двора,
Да окатана гора;
Какъ не Карпъ ее каталъ,
И не Карпова жена;
Укатали бояре семи городовъ,
Поставили избушку семи локотковъ,
А одна-то доска поперещилася,
Поперещилася, потрескалася;
Я ударю во косокъ,
Промежду пяти достокъ,
Какъ понесся голосокъ,
Изъ избушки во лѣсокъ,
Какъ отдася голосокъ
Въ самой тотъ же во часокъ,
Что Ульяна отъ побою переставилася,
А и нѣкому по ней повопить, покричать,
Повопить, покричать, попечалиться.
Государь Матвѣй,
Покричи звончей;

А и вотъ тебѣ полтина,
Женѣ твоей холстина,
Ужъ сыну коня,
Заломи голова,
А дочери коза лубяные глаза.

—

46.

По подѣ лѣсу, лѣсу, перелѣсу
Леталъ голубь, леталъ сизой,
Отлетаетъ, самъ воркуеть:
Полети голубь, полети сизой,
На мою на сторонку,
Отнеси голубь къ батюшкѣ вѣсточку:
Вчера меня младу лада билъ,
Онъ бьетъ дуракъ, причитываетъ:
Покинь жена волю, волю батюшкину.
Хотя я згну, воли не покину.
По подѣ лѣсу, лѣсу, перелѣсу
Леталъ голубь, леталъ сизой,
Онъ летаетъ, самъ воркуеть.
Полети голубь, полети сизой,
На мою родную сторонку,
Отнеси голубь, отнеси сизой,
Ко матушкѣ вѣсточку:
Вечеръ меня младу лада билъ,
Онъ бьетъ дуракъ, причитываетъ:

Поквиъ жена нѣгу, нѣгу матушкину.
Хотя я згибну, нѣги не покину.

—
47.

Вотъ какъ мужъ жену любилъ,
Щепетенько водилъ
По морозу нагишомъ,
По крапивѣ босикомъ.
Какъ жева-то мужа любила,
Щепетнѣй того водила,
Щепетнѣй того водила,
Въ тюрьмѣ мѣсто откупила,
Въ тюрьмѣ мѣсто откупила,
Пятьдесятъ рублей дала.
Такъ вотъ же тебѣ муженскъ,
Вѣковъчной уголокъ;
Не толки, не мели,
Только руку протяни,
Только руку протяни,
Да . . . . . вспомани,
Ты . . . . . вспомани,
И готовое прими.

—
48.

У колодезя, у студенова купался боберь,
Купался боберь, купался черной,

Покупавшись боберь, на гору пошелъ,
 Обсушается, обтрехается.
 Охотнички ѣздить, черна бобра ищуть,
 Хотять бобра убить, облупить,
 Да шубку шити, бобромъ опушити,
 Пастуховой женѣ подарити.
 Пастухова жена неурядивая,
 Шубку надѣнетъ, животину погонитъ,
 А дома-то шубку скинетъ,
 Потопчетъ, да подъ лавку кипеть.
 У колодезя, у студенова купался боберь,
 Купался боберь, купался черной,
 Покупавшись боберь, на гору пшелъ,
 Обсушается, обтрехается.
 Охотнички ѣздить, черна бобра ищуть,
 Хотять бобра убить, хотять облупить,
 Да шубку шити, бобромъ опушити,
 Красной дѣвицѣ подарити.

—
49.

У дороднаго добра молодца
 Въ три ряда кудри завивалися,
 Во четвертой рядѣ по плечамъ лежать;
 Не сами кудри завивалися,
 Завивала красная дѣвица,
 По единому русому волосу.
 Завивши кудри, сама задумалась;

Кабы знала я, вѣдала
 Про свое горе про несчастье,
 Про замужье про бездѣльное,¹
 Я бы сдѣлаа вѣкъ въ дѣвушкахъ,
 У родимаго своего батюшки,
 У родимой своей матушки;
 Я бы чесала буйну голову,
 Я бы плела трибчету косу,
 Вплетала-бъ ленту алую,
 Ленту алую шелку краснаго,
 Шелку краснаго Шемаханскаго.
 Какъ бы знала я млада, вѣдала,
 Что просватааь меня батюшко,
 Не въ любимую сторонушку,
 Не за прежняго полгобовника,
 Не за ладушку за милаго,
 А отдааь меня батюшка,
 Не въ согласную семью,
 Не въ покрытую избу.

 50.

Охъ, бѣдной ѣжъ, горемышной ѣжъ!
 Ты куды ползешь?
 Куды ѣжешься?
 Я ползу, ползу ко боярскому двору,
 Къ высокому терему,

Къ Марьѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ?
Бѣдной ѣжъ!
За чѣмъ?
Пошутить, подрянить,
Позабавиться, попросить.
Что принесъ?
Сто рублей!
Охъ, бѣдной ѣжъ, горемышной ѣжъ!
Доселѣва ѣжа сами искали,
Безъ платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;
А нынѣ ѣжа за сто рублей не берутъ.
Охъ, бѣдной ѣжъ, горемышной ѣжъ!
Ты куды ползешь?
Куды ѣжешься?
Я ползу, ползу ко боярскому двору,
Къ высокому терему,
Къ Марьѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ?
Бѣдной ѣжъ!
За чѣмъ?
Пошутить, подрянить,
Позабавиться, попросить.

Что принесъ?
Триста рублей!
Охъ, бѣдной ѣжъ, горемышной ѣжъ!
Доселѣва ѣжа сами искали,
Безъ платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;
А нынѣ ѣжа за триста рублей не берутъ.
Охъ, бѣдной ѣжъ, горемышной ѣжъ!
Ты куды ползешь?
Куды ѣжешься?
Я ползу, ползу ко боярскому двору,
Къ высокому терему,
Къ Марьѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ?
Бѣдной ѣжъ!
За чѣмъ?
Пошутить, подряпить,
Позабавиться, попросить.
Что принесъ?
Пять сотъ рублей!
Охъ, бѣдной ѣжъ, горемышной ѣжъ!
Доселѣва ѣжа сами искали,
Безъ платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;

А нынѣ ёжа за пять сотъ не берутъ.
 Охъ, бѣдной ёжъ, горемышной ёжъ!
 Ты куды ползешь?
 Куды ёжнисься?
 Я ползу, ползу къ боярскому двору,
 Къ высокому терему,
 Къ Марьѣ Осиповнѣ.
 Стукъ, стукъ у воротъ!
 Кто пришелъ?
 Бѣдной ёжъ!
 Зачѣмъ?
 Пошутить, подрянить,
 Позабавиться, попросить.
 Что принесъ?
 Тысячу рублей!
 Взяли ёжа во высокъ теремъ,
 Положили ёжа на тесову кровать,
 Стали ёжа цѣловать, миловать,
 И душою называть, и къ сердцу прижимать,
 Оглаживати, охорашивати,
 Ужимать, укрывать, прихватывать.

—

31.

Голова-дѣ ты моя, головушка,
 Голова ты моя, послушливая,
 Послужила моя головушка
 ЧАСТЬ II.

Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Съ добра коня не слезаючи,
Изъ стремянъ ногу не вынимаючи.
А не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго,
И ни славы высокїя;
Только выслужила головушка
Два столбика высокіе,
Перекладницу кленовую,
Еще петельку шелковую.
По Мясницкой славной улицѣ,
За Мясницкими за воротами
Ведутъ Князя боярина;
Предъ нимъ идутъ попы, дьяконы,
Во рукахъ несутъ большу книгу,
А за нимъ идетъ стрѣльцовъ рота,
На голо несутъ бердыши острые;
А по правую по сторонушку
Идетъ его грозный палачъ
Во рукахъ несетъ топоръ широкїй;
А по лѣвую сторонушку
Тутъ идетъ его родна сестра,
Она плачетъ, что рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ручьи текутъ;
Узнаетъ ее родимый братъ:
Ты не плачь, не плачь родна сестра,

Не слези свои очн ясные,
Не руди своего лица бѣлаго,
Не надсажай своего сердца ретиваго.
Какъ чего же тебѣ хочется?
Иль помѣстій моихъ, иль вотчины?
Иль имѣнія тебѣ богатаго?
Иль золота, иль серебра?
Иль моего тебѣ здоровьца?
Ахъ, ты, свѣтъ мой, любезный братъ!
Ничего то мнѣ не хочется:
Ни помѣстій твоихъ, ни вотчинъ,
Ни имѣній твоихъ богатыхъ,
Ни золота, ни серебра,
Ужъ какъ только мнѣ, братецъ, хочется
Твоего, сударь, здоровьца.
Да что возговорить родимый братъ:
И ты, свѣтъ мой, родна сестра,
Тебѣ плакать, не вылизывать,
Молить Бога, не вымолить,
У Царя просить, не выпросить.
И такъ меня Богъ помиловалъ,
Государь Царь пожаловалъ,
Вельми срубить буѣну голову
По мои плечи могучія.
Какъ взвели Князя на срубъ высокъ,
На его мѣсто показанно,
Онъ молился Спасу чудному образу,

*

Онъ на всѣ стороны низко кланялся:
 Вы простите меня мѣръ и народъ Божій,
 Помолитесь за мои грѣхи,
 За мои-ль грѣхи тяжкіе.
 Не успѣлъ лишь народъ взозрѣти,
 Какъ отскѣли буйну голову,
 По его плечи могучія.

52.

У меня ли молодца змѣя жена,
 Змѣя жена ладо скороспѣйка,
 Моя-то змѣя изъ норы ползеть, озирается,
 По песку ползеть, извивается,
 По травѣ ли ползеть, всю траву сушить;
 Изсушила моя лада травушку,
 Да что травушку, муравушку.
 Ты, душа-ль, душа красна дѣвица,
 Изсушила ты добра молодца,
 Какъ былиночку во чистомъ полѣ,
 Довела ты его до погибели,
 Что до той ли темной темницы.
 Какъ изъ славяго села Преображенскаго,
 Что изъ того приказу Государева,
 Что вели казнить добраго молодца,
 Что казнить его, повѣсить;
 Его бѣлы руки и ноги скованы,

По правую руку идетъ страшень палачъ,
 По лѣвую идетъ его мать родная,
 Позади идетъ красная дѣвица,
 Его милая полюбовница,
 Что зазноба его ретива сердца
 Погубительница живота его.

53.

Какъ по крутому, по красному берегу,
 Что по желтому, сыпучему песочку,
 Какъ ходила, тутъ гуляла красна дѣвица,
 Она рыла себѣ кореньица, зелье лютое,
 Натопила она кореньица въ меду, въ патокъ,
 Наполнила добра молодца до пьяна,
 Напивши, положила спать,
 Положивши, красна дѣвица, насмѣхалася:
 Ты спишь ли, моя надѣжа, нль такъ лежишь?
 Я не сплю, не сплю, душа моя, едва живъ лежу;
 Ты умѣла красна дѣвица отравить меня,
 Ты умѣй, душа, и скоронить меня;
 Не клади меня, красна дѣвица, у Божьей церкви,
 Положи меня, красна дѣвица, во чистомъ полѣ,
 При широкой дальней при дороженькѣ;
 Въ головахъ поставь, красна дѣвица, золотой крестъ,
 На груди поставь, душа моя, кагъну стрѣлу,
 Подъ бока клади звончатые гусли,

Въ ногахъ поставь, красна дѣвица, моего коня;
 Буде старь челоувѣкъ поидеть—помолится,
 Моему ли тѣлу грѣшному поклонится;
 Какъ охотники пойдуть—такъ настрѣится;
 Буде младь челоувѣкъ поидеть—въ гусли наиграется,
 Какъ пойдуть мои друзья, братья и товарищи
 На моемъ добромъ конѣ наѣздятся.

54.

У душечки, у красной у дѣвицы
 Много горя, много кручиннушки,
 Въ ретивомъ сердце зазнобушки,
 Нѣту радости ни на малой часъ,
 Еще только у ней и радости,
 Что въ умѣ у ней сердечный другъ.
 Во сыромъ бору гуляла,
 Съ милымъ дружкомъ тамъ видалась,
 Красотою любовалась,
 Она хочеть съ нимъ увидѣться,
 Съ добрымъ молодцомъ переключнуться;
 Ау, ау, мой сердечный другъ!
 Передай голосокъ чрезъ темной лѣсъ,
 Черезъ матушку Оку, быстрюю рѣку.
 Ты, душа-ль моя, красна дѣвица,
 Я и радъ бы тебѣ откликнулся,
 За мной ходять строги сторожи,

Строги сторожи отецъ съ матерью,
Еще съ ними молода жена,
Молода жена моя постылая.

—
55.

Еще какъ люди въ людяхъ-то живутъ,
На людей люди улаживаютъ,
На свекровь спонаравливаютъ;
У меня молодой свекровушка лиха,
Что лиха, лиха, не ласковая,
Кривошлыка непривѣтливая,
Посылаетъ и туда и сюда,
Какъ на всѣ ли на четыре стороны,
Въ темной погребъ по зелено вино;
Въ погребу водка ависовая,
Тесова кровать распиваная,
На кровати перинушка лежитъ,
На перинушки дѣтинушка сидитъ.
Въ погребу млада замѣшталась,
Холостому стаканъ поднесла,
Неженатому зеленого вина.
Холостой стаканъ меду принималъ,
Ко стакану бѣду руку прижималъ;
И онъ при людяхъ сестрою называлъ,
Безъ людей-то своею душечкою.
Ахъ, ты, душечка, молодушка моя,

Показалася походочька твоа,
Какъ пройдешь — утѣшишь ты меня,
А промолвишь — взвеселишь радость моя.
Я иду ли молода по широкому двору,
Иду, иду, да пошатываюсь;
А моя-то кривошлыкая свекровь
По новымъ сѣнямъ похаживаетъ,
Коблукомъ сѣни проламываетъ,
Своимъ сыномъ мнѣ угроживаетъ.
Еще, дай Боже, до вечера дожить,
Своего сына дожидаться,
Накучу я, намучу сынку
На любимую невѣстушку.
Я велю сыну во Новгородъ сходить,
Я велю ли шелковую пѣть купить,
Я велю ли сыну жену свою учить,
Съ головы кожу до ногъ спустить.
Ахъ, ты, мать моя, матушка,
Ахъ, мать, государыня моя!
Не устать-то мнѣ во Новгородъ сходить,
Вѣдь невторова шелковую пѣть купить,
Не бѣда, вѣдь, мнѣ жену свою учить,
Съ головы кожу до пятъ спустить,
Да, вѣдь, съ ней то-мнѣ вѣкъ будетъ взжитъ.

56.

Промежду двумя высокими горами
Выросла тонка бѣлая береза,
Что тонка береза кудрявата,
Гдѣ не грѣть ее солнышко, ни мѣсяць,
И не частыя звѣзды усыпають,
Только крупными дождями уливають,
Еще буйными вѣтрами подувають.
Промежду то было нашими сосѣдями
Выросла тутъ красоточка дѣвочка,
Прославлялась красотой и опрятствомъ,
Еще ростомъ, дородствомъ и пригожествомъ,
Всѣхъ вольностью она была вольнѣе,
И поступками она всѣхъ веселѣе.
Гдѣ собрались сосѣди веселиться,
Тутъ не былъ милѣ другъ ее надѣжа,
Стала тутъ красоточка грустить,
Ей домой тутъ надо было воротиться,
И въ постелюшку съ кручинушки ложиться;
Тамъ не снится, красной дѣвушкѣ коршится,
Подъ головушкой подушечка вертится,
Одвѣльцо соболнино съ плечъ катится,
Какъ не грѣютъ ее соболи, кунницы,
Ни Сибирски чернобурья лисицы,
Только грѣть ее миленькой дружечикъ,
Молодецкою сердечною любовью.

Вговорила она съ грусти и съ печали,
 Со великія тоски злой и со кручины:
 Какъ не ласточка къ ней съ вѣстью прилетала,
 Нерадостную, касаточка, приносила,
 Что лежить моя надѣжа трудень боленъ,
 Трудень боленъ миль, надѣжа мой, въ постель,
 Что на мягкой на пуховой на перинь,
 Подъ собольимъ подь камчатымъ одеяломъ;
 По правую руку тутъ стоять отецъ и мать,
 По лѣву руку тутъ стоять братъ съ сестрою,
 Въ головахъ стоять друзья и братья,
 Спротивъ сердца красна дѣвица,
 Со слезами она Богу молится:
 Что подай Боже милу другу здоровья,
 Хоть на единой на маленькой часочикъ,
 Хоть на единой на лишній на денечикъ;
 Ужъ какъ бы я съ милымъ другомъ погуляла,
 Я бы травушки муравушки потоптала
 Я бы цвѣточковъ лазоревыхъ нарвала,
 Я бы вѣночки милу другу совила,
 На головушку надѣжъ надѣвала,
 Веселился бы съ душею до сыта,
 Веселясь проводила бы до дому,
 Я сказала бы надѣжи мой любезный:
 Мы пойдемъ съ тобой, любезный, въ одно мѣсто,
 Не разлучимся надѣжа мы до смерти,
 Мы простимся со бѣлымъ свѣтомъ на вѣки.

Какъ останутся такія по насъ вѣсти,
Что любилися съ тобою хорошенько,
Мы и умерли съ тобою, другъ, вѣрненько.

57.

Красна дѣвица надѣжа
Во садикѣ гуляла,
Она въ садикѣ гуляла,
Грушницу ломала,
Она грушницу ломала,
Другу отсылала,
Къ милу другу отсылала
Словомъ наказала:
Ты не во время другъ ходишь,
Не въ пору гуляешь;
Приходи моя надѣжа
Иною порою,
Какъ иною-то порою
Вечерней зарею,
Когда батюшки нѣтъ дома,
А матушка въ гостяхъ,
Милы братья на охотѣ,
Сестры въ посидѣлкахъ,
Невѣстухи голубушки
Пойдутъ по сосѣдямъ.
Какъ пошелъ моя надѣжа

Самъ прочь отъ окошка,
 Запѣваетъ моя радость
 Любимую пѣсню:
 Ахъ, не дай же Боже жить,
 Жити безъ покою,
 Безъ покою-то мнѣ жить,
 Чужихъ женъ любить!
 Темна ноченька не спится,
 Сердечко крушится,
 Золота казна сорится,
 По милой тошнится.

58.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные,
 Кусты ли вы, кусточки, кусты частые,
 Ахъ, станы ли вы, станочки, станы теплые,
 Еще всѣ-то вы кусточки ужъ повыжжены,
 Еще всѣ наши станочки поразорены,
 Еще всѣ наши товарищи переиманы,
 Какъ и первой-то товарищъ въ градъ Кіевъ,
 А второй-то нашъ товарищъ въ каменной Москвѣ,
 Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ Питерѣ.
 Я остался добрый молодецъ въ темныхъ лѣсахъ;
 Закружилася моя головушка, закружилася;
 Какъ увидѣлъ я, добрый молодецъ, перевозчиковъ,
 Перевезите меня, братцы, вы на ту сторону,

За перевозъ-то я васъ награжу золотымъ кольцомъ.
 Перехаль-то я доброй молодець на ту сторону,
 На ту сторону на далекую, самъ кончатся сталь.
 Вы положите меня, братцы, между трехъ дорогъ:
 Между Кіевской, Московской, славной Питерской;
 Въ ноги-то поставьте мнѣ моего коня,
 Въ головушки поставьте животворный крестъ,
 Въ руку правую дайте саблю острую.
 И пойдеть-ли, иль поѣдетъ кто—остановится,
 Моему кресту животворному опъ помолится;
 Моего-то коня, моего воронѣ—испугается,
 Моего-то меча—меча остраго—устрашится овъ,
 Что не тотъ ли тутъ похоронень воря разбой-
 никъ,
 Сынъ разбойника, сынъ удалаго Стеньки Разина.

59.

Какъ досель, братцы, черезъ темный лѣсъ
 Не пропархиваль тутъ, братцы, младъ бѣлый
 кречеть,
 Не пролетываль тутъ, братцы, ни связой орель;
 А какъ нынче у насъ, братцы, черезъ темный
 лѣсъ,
 Пролегла, лежитъ дороженька широкая!
 Что по той ли по широкой по дороженькѣ
 Проѣзжалъ ли младъ удалъ, добрый молодець.
 На зарь-то было, братцы, на утренней,

На восходъ было, братцы, свѣтъ солнышка,
 На закатъ было, братцы, свѣтъ мѣсяца,
 Какъ убитъ, лежитъ удалъ добрый молодецъ.
 Что головушка у молодца проломана,
 Ретиво сердце у молодца прострѣлено,
 Что постелюшка подъ молодцемъ камыль трава,
 Изголовьецо подъ добрымъ часть ракитовъ кустъ,
 Одвѣличько на молодцѣ почька темная,
 Ночька темная, осенняя, холодная.
 Прилетали къ доброму молодцу три ласточки:
 Ужъ какъ первая-то пташка родна матушка,
 А другая ли-то пташечька мила сестра,
 А какъ третья-то пташечька млада жена;
 Онѣ взяли мертво тѣло за бѣмы руки,
 Понесли онѣ то тѣло во высокъ теремъ.

60.

На улицѣ то дождь, то снѣгъ,
 То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
 То вьялица, то метелица,
 Кутить, мутить, въ глаза несеть,
 Меня младу свекоръ зоветъ.
 Для свекрушка для батюшки
 Сама съ мѣста не тронуся,
 Не тронуся, не ворохиуся.
 На улицѣ то дождь, то снѣгъ,

То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
 То вьялица, то метелица,
 Крутить, мутить, въ глаза вѣсеть,
 Меня младу свекровь зоветъ.
 Для матушки свекровушки
 Сама съ мѣста не тронуся,
 Не тронуся, не ворохнуся.
 На улицъ то дождь, то снѣгъ,
 То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
 То вьялица, то метелица,
 Кутить, мутить, въ глаза вѣсеть,
 Меня младу милъ другъ зоветъ;
 Для друженька, для милаго
 Иду, иду скорешенько,
 Скорешенько, торопешенько.

61.

Виноградѣ красно, почему спознать:
 † Что Устиновъ домъ Малафеевича,
 Что у его двора все шелкова трава,
 Что у его двора все серебряный тылъ;
 Ворота у него дощатыя,
 Подворотнички рыба зубья,
 На дворъ у него да три терема:
 Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
 Во второмъ терему красно солнышко,

Въ третьемъ терему часты звѣзды;
 Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
 Что красно солнце, то Улита его,
 Что часты звѣзды, малы дѣтунки;
 Да, дай Боже, Устину Малафеевичу,
 Съ борзыхъ коней сыновей женить,
 Да, дай Боже, Улитѣ Хавровьевнѣ
 Съ высока терема дочерей выдавать.
 Подари государь колядовщиковъ!
 Наша кояда ни рубль, ни полтина,
 А всего полбалтына.

62.

Коляда, коляда!
 Пришла коляда
 На канунъ Рождества;
 Мы ходили, мы искали
 Коляду святую
 По всѣмъ по дворамъ, по проулочкамъ.
 Нашли коляду
 У Петрова-то двора;
 Петровъ-то дворъ желѣзный тытъ:
 Среди двора три терема стоять,
 Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
 Въ другомъ терему красно солнце;
 А въ третьемъ терему частыя звѣзды.

Свѣтелъ мѣсяцъ Петръ сударь,
 Свѣтъ Ивановичъ;
 Красно солнце Анна Кириловна;
 Частыя звѣзды, то дѣти ихъ.
 Здравствуй хозяйнѣ съ хозяйошкой
 На долгіе вѣки, на многія лѣта!

—
63.

За рѣкою, за быстрою, ой калюдка!
 Лѣса стоять дремучіе,
 Во тѣхъ лѣсахъ огни горять,
 Огни горять великіе,
 Вокругъ огней скáмьи стоять,
 Скáмьи стоять дубовыя,
 На тѣхъ скáмьяхъ добры молодцы,
 Добры молодцы, красны дѣвицы
 Поютъ пѣсни колѣдушки.
 Въ среднѣхъ ихъ старикъ сидитъ,
 Онъ точитъ свой булатной ножъ.
 Котелъ кипитъ горючій
 Возлѣ котла козелъ стоитъ;
 Хотятъ козла зарезати.
 Ты, братецъ Иванушко,
 Ты види, ты выпрыгива!
 Я радъ бы выпрыгнулъ,
 Горючь камень

Къ котлу тявель,
 Желты пески
 Сердце высосали.
 Ой калодка! ой калодка!

—

64.

Ай во боръ, боръ,
 Стояла тамъ сосна,
 Зелена, кудрява.
 Ой Овсень! ой Овсень!
 Ъхали бояре,
 Сосну срубили,
 Дощечки пылили,
 Мосточикъ мостили,
 Сукномъ устилали,
 Гвоздьми обивали.

Ой Овсень! ой Овсень!
 Кому-жь, кому ъхать
 По тому мосточку?
 Ъхать тамъ Овсеню,
 Да новому году.
 Ой Овсень! Ой Овсень!

—

65.

Весна красна!
 На чемъ пришла?

На чемъ прѣвхала?—
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.
Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой,
Одной дѣвухи вѣтъ;
Сидитъ она во теремѣ,
Шпринку шьетъ золотомъ,
Узду везетъ тесменную,
Ахъ, горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему рженому.

—
67.

Ой Овсень! ой Овсень!
Походи, погулай
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ.
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотриль, поглядѣль,
Ты нашель, ты взошелъ

Къ Филимону на дворъ!

Ой Овсень! ой Овсень!

Какъ въ среднѣи Москвы

Здѣсь ворота красны,

Веревъ пестры.

Ой Овсень! ой Овсень!

Филимоновъ весь дворъ

Обведенъ, затыненъ

Кипариснымъ тыномъ.

Ой Овсень! ой Овсень!

Филимоновъ-то тынъ

Серебромъ обложенъ,

Позолотой увить!

На дворъ у Филимона

Три теремчика стоять:

И свѣтленьки и красеньки

Золотые терема!

Первый теремъ

Свѣтель мѣсяць;

Другой теремъ

Красно солнце;

Третій теремъ

Часты звѣзды.

Свѣтель мѣсяць

Хозяинъ нашъ,

Красно солнце

Жена его,

Часты звѣзды

Ихъ двушки.

Ой Овсень! ой Овсень.

—
68.

Благослови, Троица!

Богородица!

Намъ въ лѣсъ пойти,

Намъ вѣнки завивать,

Ай Дидо! ой Ладо!

Намъ вѣнки завивать

И цвѣты сорывать;

Ай Дидо! ой Ладо!

А мы въ лѣсъ поидемъ

И цвѣтовъ нарвемъ,

Мы цвѣтовъ нарвемъ

И вѣнокъ савьемъ,

Ай Дидо! ой Ладо!

Свекру батюшкѣ,

Свекровъ матушкѣ;

Свекру батюшкѣ малиновой

Свекровъ матушкѣ калиновой.

Ай Дидо! ой Ладо!

Пойду-ль я тышкомъ,

Лужкомъ, бережкомъ,

Сломлю-ль съ сыра дуба вѣточку,

Брошу на быструю рѣчиньку,

Ай Дидо! ой Ладо!

Не тонеть, не плыветь

Съ сыра дуба вѣточка,

Не тужить по мнѣ

Свекоръ батюшка, свекровь матушка.

Ай Дидо! ой Ладо!

—

68.

Ой Дидо! ой Ладо! на курганѣ

Соловей гнѣздо завиваетъ,

А Иволга развиваетъ;

Хоть ты вѣй, не вѣй соловей,

Не бывать твоему гнѣзду свитому,

Не бывать твоимъ дѣтямъ вывожатымъ,

Не летать имъ по дубровѣ,

Не клевать имъ яровой пшеницы.

Ой Ладо! ой Ладо! ой Дидо!

—

69.

Не шуми мати зеленая дубровушка,

Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати,

Какъ за утра мнѣ доброму молодцу во допросъ итти,

Передъ грознаго судью, самаго Царя.

Еще станеть меня Царь Государь спрашивати:

Ты скажи, скажи дѣтинушка, крестьянской сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?

Еще много ли съ тобой было товарищей?

Я скажу тебѣ, надежа, православный Царь,

Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:

Что товарищей у меня было четверо,

Ужъ какъ первой мой товарищъ—темная ночь,

А второй мой товарищъ—булатный ножъ,

А какъ третій товарищъ—мой добрый конь,

А четвертой мой товарищъ—тугой лукъ,

Что разсылщики мои—калены стрѣлы.

Что возговорить, надежа, православный Царь:

Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ,

Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;

Я за то тебѣ, дѣтинушку, пожалую

Среди поля хоромами высокими,

Что двумя ли столбами съ перекладиною.

70.

Туманно красно солнышко, туманно,

Что краснаго солнышка не видно,

Кручинна красная дѣвица, печальна;

Никто ея кручинушки не знаетъ,

Ни батюшка ни матушка родные,

Ни бѣлая голубушка сестрица.

Печальна душа красная дѣвица, печальна,
 Не можешь ты эту горю подобить,
 Не можешь ты мила друга позабыть,
 Ни деною порою, ни ночью,
 Ни утренней зорей, ни вечерней.
 Въ тоскѣ своей возговорить дѣвица:
 Я въ тѣ поры мила друга забуду,
 Когда подломатся мои скоры ноги,
 Когда опустятся мои бѣлы руки,
 Засыплются глаза мои песками,
 Закроются бѣлы груди досками.

71.

Какъ по саду, по зеленому
 Добрай молодець похаживаетъ,
 Онъ тугой лукъ натягиваетъ,
 Калену стрѣлу накладываетъ,
 Каленой стрѣлѣ приказываетъ:
 Ты лети, лети каленая стрѣла,
 Выше лѣсу по поднебесью,
 Пронзи, убей калена стрѣла
 Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
 Стру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
 Красну дѣвицу во высокомъ терему,
 Чтобъ доставалась ни мнѣ и ни кому,
 Неразлучному злодѣю моему,

Чтобъ доставалась она матери сырой земль,
Чтобъ доставалась сырой земль, гробовой доскѣ.

72.

Калину съ малиною вода поцпла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ замужь отдала,
На чужу дальню на сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитьъ;
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушитьъ;
Не буду я къ матушкѣ ровню три годка,
На четвертой къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемышною пташечкою, кукушечкою.
Слду я у матушки во зеленомъ суду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.
Матушка по свинчкамъ похаживаетъ,
Невъстухекъ ластухекъ побуживаетъ:
Вы встаньте, невъстухи, голубки мои,
Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
Большая невъстка велить застрѣлить,
Меньшая невъстка просить погодить;
Родная сестрица залившись слезами,
Молвила: не наша-ль горюша сюда
Прилетѣла пташкой съ чужой стороны?

73.

Да спасибо же тебѣ, сипему кувшину,
 Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску кручину;
 Посидѣла-то моя буйная головушка
 Ни отъ времяя, ни отъ лѣтъ, все отъ безвременья,
 Я родился во слезахъ, во слезахъ крестился,
 Плакалъ долго сиротой отъ людскихъ навѣтовъ,
 Красна дѣвица душа не для утѣшенья
 Все для слезъ же меня молодца полюбила;
 Потухаютъ во слезахъ мои ясны очи,
 Изсыхаетъ была грудь съ тяжкихъ воздыханій.
 Да спасибо же тебѣ, сипему кувшину,
 Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску кручину.

74.

Ахъ, туманы вы, туманушки,
 Вы туманы мои, непроглядные,
 Какъ печаль тоска ненавистные!
 Изсушили туманушки молодцовъ,
 Сокрушили удалыхъ до крайности!
 Ты взойди, взойди красно солнышко,
 Надъ горой взойди надъ высокою,
 Надъ дубровушкой надъ зеленою,
 Надъ урочищемъ добраго молодца,
 Что Степана съѣтъ Тимофѣевича,
 По прозванью Стецьки Разина.

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ:
Мы не воры и не разбойнички,
Сеньки Разина мы работнички;
Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ;
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.

75.

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ,
И разсыпалъ ихъ по чисту полю!
Сонзволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родна матушка,
Чтобъ женился я на иной жень!
Не горять въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтать въ небѣ по два мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣчаюсь я съ иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною!

Залилась слезами красна дѣвица,
 Во слезахъ она слово молвила:
 Ахъ, ты милой мой, незагадной мой,
 Не жилища и я на блонѣ свѣтъ
 Безъ тебя, моя надежда!
 Нѣтъ у горлицки двухъ голубишковъ
 У лебедушки двухъ лебедишковъ,
 У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!
 Не сидитъ она поздно вечеромъ,
 А горитъ свѣча воску яраго,
 На столѣ стоитъ новъ тесовой гробъ,
 Во гробу лежатъ красна дѣвица.

76.

Ахъ, ты поле мое, поле чистое,
 Ты раздолье мое, широкое!
 Ахъ, ты всею поле изукрашено,
 Ты травушкой и муравушкой,
 Ты цвѣточками, василечками;
 Ты однимъ поле обезчещено,
 Что посреди тебя поля чистаго,
 Выросталъ тутъ часть ракитовъ кустъ,
 Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
 Какъ сидитъ тутъ младъ сивой орелъ,
 Въ коготкѣ держитъ черна ворона;
 Онъ точитъ кровь на сыру землю.

Подъ кустикомъ, подъ ракитовишью,
 Что лежить, убитъ добрый молодець,
 Избить, израненъ, исколотъ весь.
 Что не ласточки, не касаточки
 Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
 Увивается тутъ родная матушка,
 Она плачетъ—какъ рѣка льется,
 А родна сестра плачетъ—какъ ручей течетъ,
 Молода жена плачетъ—какъ роса падетъ,
 Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

77. Колыбельная пѣсня.

Баю, баюшки, баю,
 Баю Сашиньку, баю.
 Приди котикъ ночевать,
 Моего Сашиньку качать,
 Баю, баюшки, баю,
 Баю Сашиньку, баю,
 Моего Сашиньку качать,
 Качать, прибаюкивати.
 Баю, баюшки, баю,
 Баю Сашиньку, баю.
 Спи, усни, угомовъ
 Тебя возьми.
 Баю, баюшки баю,
 Баю Сашиньку, баю.

У котушки ката

Колыбель хороша;

Баю, баюшки, баю,
Баю Сашиньку, баю.

У моего Сашиньки

Лучше его.

Баю, баюшки, баю,
Баю Сашиньку, баю.

У ката, ката

Перинушка мягка;

Баю, баюшки, баю,
Баю Сашиньку, баю.

У моего Сашиньки

Мягче его,

Баю, баюшки, баю,
Баю Сашиньку, баю.

У ката, ката

И подушечка бѣла;

Баю, баюшки, баю,
Баю Сашиньку, баю.

У моего Сашиньки

Лучше его.

Баю, баюшки, баю,
Баю Сашиньку, баю.

У ката, ката

Одѣялицо тепло;

Баю, баюшки, баю,
Баю Сашиньку, баю.

У моего Сашиньки
Соболиное лежитъ ;
Баю, баюшки, баю
Баю Сашеньку, баю.

У катушки кота
Плетка подъ подушечкой лежитъ ;
Баю, баюшки, баю ,
Баю Сашеньку, баю ;

У моего Сашеньки
На стѣночкѣ висить.
Баю, баюшки, баю,
Баю Сашеньку, баю.

Спи, усни, угомонъ
Тебя возьми,
Баю, баюшки, баю,
Баю Сашеньку баю.

ДОПОЛНЕНІЯ

(Къ стр. 70.)

Червоно-Русская пѣсня *.

A my proso sijaly, sijaly,
 Oj Did, Lada, sijaly, sijaly!
 A my proso wydopczem, wydopczem,
 Oj Did, Lada, wydopczem, wydopczem!
 Та czymże wam wydoptat', widoptat' ?
 Oj Did, Lada, wydoptat', wydoptat' ?
 A my koni wypustym, wypustym,
 Oj Did, Lada, wypustim, wypustym!
 A my koni perejmem, perejmem,
 Oj Did, Lada, perejmem, perejmem!
 Та czymże wam perejniat', perejniat' !
 Oj Did, Lada, perejniat', perejniat' ?
 Oj szelkowym newodom, newodom,
 Oj Did, Lada, newodom, newodom,
 A my koni wykupym, wykupym,
 Oj Did, Lada, wykupym, wykupym!
 Та czymże wam wykupyt', wykupyt' !
 Oj Did, Lada, wykupyt', wykupyt',
 A my damo sto rubli, sto rubli,
 Oj Did, Lada, sto rubli, sto rubli!

Эти двѣ пѣсни выписаны изъ книги, сообщенной мнѣ В. Г. Анастасевичемъ, подъ названіемъ: *Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego*. Zebrał i wydał *Wacław z Oleska*. We Lwowie. 1833. стр. 51.

Ne nado nam tysiaczy, tysiaczy,
 Oj Did, Lada, tysiaczy, tysiaczy!
 A my damo diwyciu, diwyciu,
 Oj Did, Lada, diwyciu, diwyciu!
 Oj toto nam nadobno, nadobno,
 Oj Did, Lada, nadobno, nadobno.

(Къ стр. 232.)

Oj stuknuło w bujnom lisi,
 Komar z duba powalyw sia,
 I stowk sobi holowyszczе,
 O dubowu korenyszczе.
 Wyletila mucha z ohaty,
 Komaronka retowaty:
 Oj komaru, gospodaru,
 Zal my tebe ne pomalu.
 De sia skażesz pochowaty,
 Kosti swoji szanowaty?
 Pochowajtez mene w lisi,
 W bujnom lisi pry horisi;
 Posijtez na m'ni rutoczku,
 Z zelenoho barwinoczku;
 Kto tu rutu bude rwaty,
 Bude mene spomynaty:
 Oj tut ležyt komaryszczе,
 Toj welykij hultajiszczе,
 Ne jednomu hraw na nosi,
 Teper tilo jeho w prosi.

Oj du, du, du, du, du, du,
 Komarenka ne zabudu:
 Oj tut leżyт jeбо тило,
 Szczo wczera z duba wlotilo.

—
 МАЛО-РУССКАЯ ПѢСНЯ.

(Къ стр. 232.)

Свѣъ комаръ на дубочку,
 Склонивъ головочку на листочку:
 Де взялися бури и вѣтры, и стучать,
 И гурчать,

Комаря до долу мчатъ . . . .

Ой тамъ тесли теслѣвали

Комаревн труну събудовали

Дорогими сукнами окладали,

Золотыми цѣлками побивали :

Поховали комаря въ чистомъ полѣ,

Край дороженьки.

Ой идуть туда Цари и Паны :

Ой що се лежить за покойникъ,

Чи Царъ, чи Гетьманъ, чи Полковникъ,

Чи съ чужой стороны чужестранецъ?

Се не Царъ, не Гетьманъ, не Полковникъ,

Ни съ чужой стороны чужестранецъ;

Ой се-жъ лежить комарище,—

Славного войська козачище.

Книга Сказанія Русскаго Народа будетъ состоять изъ восьми частей.

- ЧАСТЬ 1.** Сказанія Русскаго народа о Чернокнижнѣхъ.
- ЧАСТЬ 2.** Сказанія о Русскихъ народныхъ Играхъ.
- ЧАСТЬ 3.** Сказанія о Свадьбахъ Русскаго народа.
- ЧАСТЬ 4.** Сказанія о Русскихъ народныхъ повѣрхъхъ.
- ЧАСТЬ 5.** Сказанія Р. н. о Демонологіи — Духи, Оборотни, Тѣни.
- ЧАСТЬ 6.** Сказанія о Русской народной Символѣ.
- ЧАСТЬ 7.** Русскія народные Думы.
- ЧАСТЬ 8.** Сказанія о Врачебныхъ знаніяхъ Русскаго народа.

Сія книга продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL STUDENT
CHARGE

